THE LEGEND OF DRIZZT

LOLTH'S WARRIOR

BOOK 3 OF THE WAY OF THE DROW

New York Times Bestselling Author

R. A. SALVATORE

DUNGEONS & DRAGONS®

Оглавление

Оглавление 2
Глава 1 Проведенные линии и четвертованные ноги 17
Глава 2 Шпион за шпионом 30
Глава 3 Битвы за битвами 51
Глава 4 Оказание давления 57
Глава 5 Они мне обещали! 66
Глава 6 Слишком много хорошего 75
Глава 7 Невозможный выбор 86
Глава 8 Потребности и Желания 97
Глава 9 Во Тьму 105
Глава 10 Проявление Милосердия 121
Глава 11 Благословленный Блуцидер 136
Глава 12 Теплый домашний прием 146
Глава 13 Демоническая ловушка 162
Глава 14 Два пути к ответственности 178
Глава 15 Огонь по своим 189
Глава 16 Обманщик 195
Глава 17 Простить не значит забыть 209
Глава 18 Радость неведения 219
Глава 19 Предложение, от которого она не сможет отказаться 239
Глава 20 Поворот колеса судьбы 252
Глава 21 Ударный отряд 266
Глава 22 Главная башня 274
Глава 23 Мягкая защита 284
Глава 24 Выбирая свободу 299
Глава 25 Ее драгоценный внук 309
Глава 26 Паутина стягивается 319
Глава 27 Воин Ллос 331

Глава 28 Расплата 343
Вечные сущности 376
Путь дроу ..... **Ошибка! Закладка не определена.**
Книги из серии Легенда о Дзирте 379

FORGOTTEN REALMS®

LOLTH'S WARRIOR

A NOVEL

THE WAY OF THE DROW, BOOK 3

R. A. Salvatore

HARPER Voyager

An Imprint of HarperCollins*Publishers*

Dedication

To Diane, who's been beside me throughout this wonderful journey, whose sacrifices and contributions in allowing me to pursue this dream in the same years we were raising our family cannot be underestimated.

Contents

Cover
Title Page
Dedication

Maps

Prologue

Part 1: Malaise

Chapter 1: Lines Drawn and Legs Quartered
Chapter 2: The Spy's Spy
Chapter 3: The Battle Behind the Battles
Chapter 4: The Pressure Campaign
Chapter 5: They Promised Me!
Chapter 6: Too Much of a Good Thing

Part 2: Inspiration

Chapter 7: An Impossible Choice
Chapter 8: The Needs and the Wants
Chapter 9: Into Darkness
Chapter 10: The Quality of Mercy
Chapter 11: Blessing Bluccidere
Chapter 12: A Warm Homecoming
Chapter 13: The Diabolical Trap

Part 3: A Gathering of Heroes

Chapter 14: Two Roads of Responsibility
Chapter 15: Friendly Fire
Chapter 16: The Double-Crosser
Chapter 17: To Forgive Is Not to Forget
Chapter 18: The Optimism of Ignorance
Chapter 19: An Offer She Can't Refuse

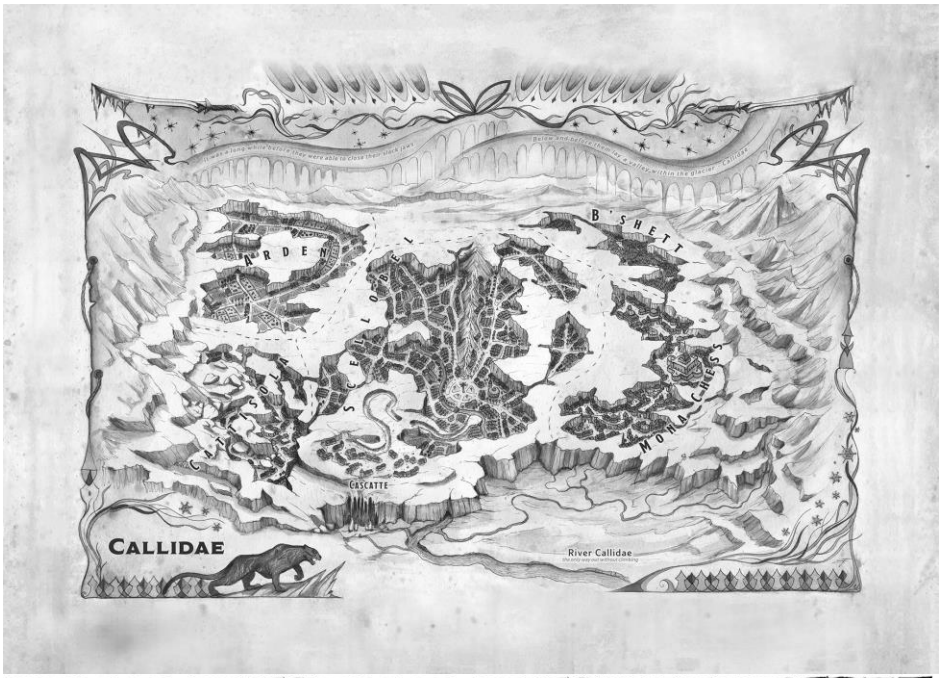
Part 4: Immortality

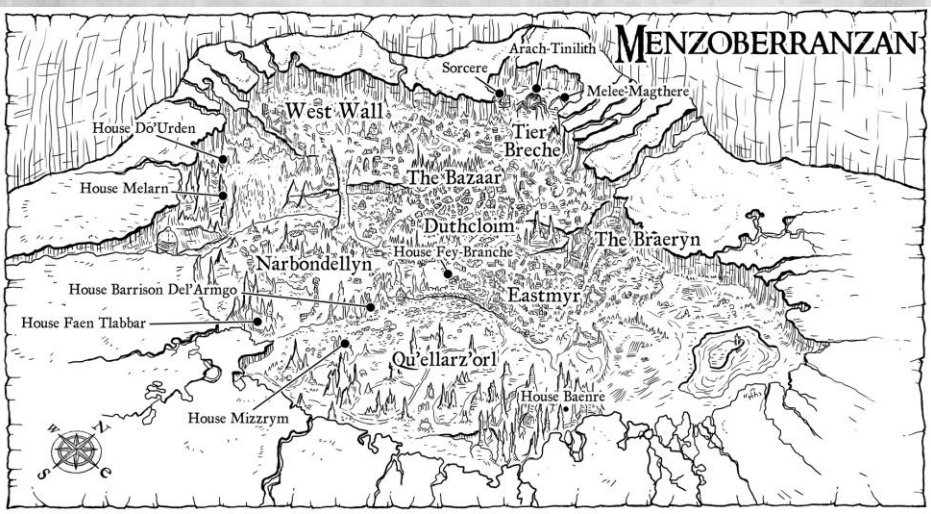
Chapter 20: Reversal of Fates
Chapter 21: Strike Team

Chapter 22: Donjon
Chapter 23: The Soft Defense
Chapter 24: The Choice of Freedom
Chapter 25: Her Precious Grandson
Chapter 26: Tightening the Web
Chapter 27: Lolth's Warrior
Chapter 28: The Disbursement
Epilogue

Dramatis Personae
Acknowledgments
About the Author
Also by R. A. Salvatore
Copyright
About the Publisher

Maps


B'SHETT
ARDEN
MONA CHESS
CASCATTE
CALLIDAE
River Callidae


MENZOBERRANZAN
Arach-Tinilith
Sorcere
Melee-Magthere
West Wall
House Do'Urden
Tier Breche
The Bazaar
House Melarn
Duthcloim
The Braeryn
House Fey-Branche
Narbondellyn
House Barrison Del'Armgo
Eastmyr
House Faen Tlabbar
Qu'ellarz'orl
House Baenre
House Mizzrym

Пролог

– **П**усть поиграют, – произнесла глыба грязи, которая была Йеккардарьей своей сообщнице Эскавидне.

– В грязи под нашими ногами, – согласилась вторая прислужница Ллос. – Как это будет, даже не нужно прорицать, хаотично и чудесно. Прекрасно.

– Действительно прекрасно, – согласилась Йеккардарья. – Все происходящее так волнующе в своей непредсказуемости. Эти дураки, которые ищут закономерности... – Она покачала головой, что в данной конкретной форме означало, что вся верхняя половина ее оплавленной формы свечи закачалась влево и вправо. – Им нужен порядок, чтобы придать смысл бессмысленному.

– Им нужен контроль. Но они никогда не смогут его получить. Не так.

– Ллос есть хаос, и хаос есть правда, – сказала Эскавидне.

– Будем ли мы делать ставки на исход?

– Конечно. Мы не должны упускать такую приятную возможность.

– Победитель получит возможность должным образом обучить новейшего драука, когда его отправят к нам, что, несомненно, произойдет в войне наверху.

– А проигравший? – спросила Эскавидне, и она залилась смехом - они обе так и сделали, потому что среди них не было проигравших. Только победители.

– Тренировать его было бы приятно, да, – согласилась Эскавидне, точно зная дроу, о которой говорит Йеккардарья. – Она отдавала всю себя леди Ллос на протяжении веков. Совершенно. До последнего. И ради чего? Какая жалость. Она возглавляет один из старейших и самых верных домов в городе. Долго, так долго, что она и те, кто ее окружал, были сильны с Ллос. А теперь ее нет, и ее падение завершено.

– Не жалость, – поправила Йеккардарья. – Это красота, *каприз* хаоса.

– Это верно. И теперь я хочу выиграть это пари. Выбирай, сестра моя, Бэнр или Меларн?

– У Жиндии Меларн больше сторонников.

– Включая нас!

– Не навсегда.

– Верно, верно.

Раздался булькающий смех обеих йоклол, будто грязные отрыжки одна за одной вылетали из их ртов. – Бэнры и их союзники победят, – решила Эскавидне. – Матрона Мать Квентл или кто-нибудь из их аристократов увидят правду, пока не стало слишком поздно для их Дома.

– Нет, сейчас они слабы и наделены милосердием. Матрона Жиндия - нет. Она будет пытать всех, кого сможет поймать, сделает из них драуков. Богохульство обратится против еретиков, если Жиндия пообещает им искупление.

– Может быть некоторые, но не все.

– Но их будет достаточно. Альянсы Жиндии сильнее, в страхе перед Паучьей Королевой, – добавила Йеккардарья. – Союзники Бэнр вполне могут вскоре спрятаться в своих норах или вообще бежать.

– Они - Бэнры, – возразила Эскавидне. – Они правили Мензоберранзаном с момента основания. Они понимают порядок вещей.

– Они правили? – раздался другой голос, мелодичный и прекрасный - для служанок, самый красивый голос, который когда-либо звучал. Было неясно, было ли в нем подчеркнуто «они» или «правили», но в тоне определенно слышалось веселье.

Обе развернулись, чтобы увидеть воплощение Ллос, гигантская комбинация паука и дроу, существо, которое вызывало так много эмоций, от любви и ужаса до всего, что находится между ними.

– Правили по твоей воле, конечно, – уточнила Эскавидне. – До ереси.

– Ах, да, ересь. Это было красиво, разве нет? – сказала Ллос посмеиваясь странным шипящим смехом в каждом слове. – Когда тезка Ивоннель Вечной впервые попробовала отвоевать у меня раба, которого превратили в драука, она просто не смогла устоять.

– Чистый хаос, – сказала Йеккардарья. – И не более запутанный и бессвязный, чем в умах тех драуков, которые пробрались сквозь паутину, которую она сплела вместе с Верховной Матерью.

– Мастерский удар. Я одобряю вашу последнюю игру, – сказала Ллос этим двоим. – Я не ожидала от вас меньшего и не разочарована.

– Твоя похвала - высшая награда, – ответили обе йоклол хором.

– Тогда ваша часть задачи выполнена, – объяснила Ллос. – Вы скатили камни с вершины горы, и теперь мы должны просто наблюдать и наслаждаться тем, куда они скатятся.

Немногие могли распознать лицо йоклол в их истинном обличье, и еще меньше могли бы понять выражение этих перепачканных комьев слизи, плоти и грязи. Ллос была одним из немногих существ, не относящихся к йоклол, которые могли расшифровать эти странные мимические тики.

– Почему же вы выглядите разочарованными? – спросила Ллос. – Вы начали идеальную лавину. Дитя вашего хаоса вольно катиться и разрушать все, к чему захочет прикоснуться.

– Это было весело, хотя бы, – сказала Эскавидне.

– Да, – подтвердила Йеккардарья, понимая волю Ллос, – но если мы продолжим, тогда, как мы могли бы заключить пари, не вмешиваясь в исход?

– Верно. И мне так нравится побуждать фанатиков и пугать еретиков, – сказала Эскавидне.

– Они *не* еретики, – напомнила Ллос.

Если йоклол могли кивать, то это они и сделали.

– Насколько далеко мы заглядываем? – спросила Йеккардарья. – Костры горят ярко, а их топливо бесконечно.

– Все к лучшему, – сказала Ллос. – Наблюдайте издалека или ведите игру сами. Но у меня есть для вас правила.

– Как много твоих детей в Мензоберранзане ты позволишь убить? – прямо спросила Йеккардарья.

– А это имеет значение? – Паучья королева пожала плечами, десятью руками и ногами выражая свое безразличие. – Половина может умереть, но город выживет. Общество может измениться, но хаос, который я там посеяла, останется.

– Бэнры могут потерять контроль, – предостерегла Эскавидне.

– Они уже его потеряли, и это так прекрасно, – заверила их Ллос. – Какой бы дом, если это действительно будет другой дом, ни вознесся, когда высохнет кровь, он получит право претендовать на город... до следующей войны, конечно.

– А если это снова будет Дом Бэнр, и здешние... выскочки? – спросила Йеккардарья.

– Тогда вы начнете новую игру.

– Мы вернем и отстроим заново Город Мерцающих Сетей, – предложила Эскавидне. – и заполним его теми, кто выжил и хочет идти старыми путями, найдем им новых союзников, дроу и дергаров или других, кто захочет называть Чед Насад своим домом. Это будет достойный соперник Мензоберранзану, пока им правят Бэнры. Достойный соперник Мензоберранзану, пока не будут свергнуты Бэнры.

– Их свергнут изнутри, – настаивала Йеккардарья.

– Снаружи, – возразила Эскавидне.

– Я вижу, вы готовы к новой игре, – одобрительно сказала Ллос.

– К соревнованию, в этот раз, – уточнила Эскавидне. – я полагаю, что Бэнры победят, и тогда я буду действовать, чтобы свергнуть их - извне.

– Пока я буду работать над той же задачей изнутри, – сказала Йеккардарья.

– И если Жиндия Меларн и ее союзники одержат победу? – спросила Ллос. – Тогда город будет предан тебе полностью, и игра закончится?

Это заставило двух йоклол замереть, и они, чавкая, посмотрели друг на друга и булькнули в унисон, как бы говоря «хмм».

– Тогда нам придется найти причины для раздора внутри, – сказала Эскавидне.

– И новых врагов за пределами города! – добавила Йеккардарья.

– Возможно, наша игра не закончится так скоро, – предположила Эскавидне. – У нас, конечно, своя роль в этом спектакле, да, но на стороне Жиндии есть те, кто слишком амбициозен, чтобы преклониться перед ней.

– Мез'Баррис Армго, – промурлыкала Эскавидне, и эти двое забулькали и захихикали.

– И если Жиндия победит ...

– Ты видишь? Вот почему мое слово - истина, – сказала Ллос. – Хаос - это просто. Это естественно.

– Итак, теперь мы закончили, и предоставим возможность сторонам самим разбираться, а сами только наблюдаем и наслаждаемся? – спросила Йеккардарья.

– И постараемся не оказаться изгнанными в хаосе битвы, – добавила Эскавидне.

– Как хотите, – махнула рукой Ллос. – Всегда и во всем можно найти удовольствие, и вы это заслужили.

– Нужно ли нам защищать кого-то? – спросила Йеккардарья.

– Кого бы?

– Юную Ивоннель, которой было даровано столь многое, – сказала Эскавидне.

– И Дзирта До'Урдена, – добавила вторая служанка. – Вы давно хотели склонить его на свою сторону. После смерти он может оказаться за пределами даже вашей досягаемости.

– Не защищайте *никого,* – Ллос наставляла с твердой решимостью. – Если Ивоннель не сможет найти выход из этой опасной ситуации, значит, она не стоит затраченных усилий. Она выполнила свою задачу в этой грандиозной пьесе, и гораздо раньше, чем я рассчитывала.

– А Дзирт? – с нажимом спросила Йеккардарья, пока Ллос задумалась.

– Он больше не имеет никакого реального значения, – сказала своим прислужницам Ллос. – Его действия помогли привести город к этому необходимому времени очищения, к этому прекрасному времени резни и хаоса. Но это - ожидаемая кульминация его путешествия. Его польза для нас будет больше, если его убьют, ибо он станет настоящей легендой, мучеником для глупцов и навсегда останется шепотом ложной надежды и ереси. Невольный символ того, к чему может привести преданность моему хаосу. Никого не защищать, – закончила богиня. – Вы скатили камни с вершины горы. Наслаждайтесь разрушительностью их пути.

Часть 1

Болезнь

Мое предыдущее состояние смущает меня. Когда я вернулся к этой жизни, я сделал это без должной оценки... этой жизни! И вместе с этим изъяном я передавал мое болезненное, неправильное состояние тем, кто меня окружал. Не намеренно, нет, но мои действия и слова, мою отстраненность от самих обязанностей дружбы, партнерства, воспитания детей нельзя было игнорировать, даже когда я прилагал все усилия, чтобы скрыть их.

То, чему я был свидетелем в том, что, как я полагаю, является следующим существованием, навлекло на меня глубокое отчаяние и почти всепоглощающее ощущение ничтожности нашего нынешнего этапа бытия. Не внешне, а внутри моего собственного сознания.

Я не мог ошибаться сильнее.

Как я мог позволить себе поддаться такому искушению тем, что может произойти дальше, игнорируя то, что есть здесь и сейчас? Потребовалась жестокая битва, великая победа, большая личная потеря и момент общего ликования, чтобы показать мне мои ошибки.

Каллида была большим, чем я когда-либо мог надеяться - для всех нас, кто родился и вырос в Мензоберранзане, путешествие по этому городу среди эвендроу стало осуществлением наших (почти всегда тайных) надежд, видений и молитв о том, каким мог бы быть Мензоберранзан.

Для меня это также положило конец личной дискуссии, на которую с самого начала, казалось, был очевидный ответ - и все же было безмерно приятно видеть, что мои убеждения так драматично подтверждаются:

Это все из-за Ллос. Всегда из-за Ллос.

Не веры ее жриц - ибо, в конце концов, как кто-то может по праву называть это верой, поскольку «божественное существо», которому вы должны верить, на самом деле является угрозой диктатуры, которая часто напрямую вмешивается в дела своей «паствы», и, конечно же, напрямую назначает суровые наказания? Поклонение Ллос в Мензоберранзане не является вопросом веры - вряд ли! Это даже не почтение, или какое-либо выражение заслуженного уважения, или благодарности, или что-то в этом

роде. Нет, это слепое повиновение, подчинение чужой воле, проистекающее либо из жажды власти - как у многих правящих матрон - либо из простого, логичного страха почти перед всеми остальными.

Я буду трясти головой, пока в ней не прояснится, пока я каким-то образом не приду к пониманию этого страха, как великой мотивации.

Но хотя это всегда было для меня насущной проблемой - и будет продолжать занимать мои мысли и руководить моими действиями, я также должен найти время, чтобы проанализировать свои собственные мысли и чувства относительно Каллиды, моего здесь и сейчас.

Это самая насущная вещь и еще одно важное осознание: необходимость жить настоящим.

И здесь я должен признать свою глупость в том, что позволил красоте трансцендентности почти украсть у меня столь многое. Ибо, если путешествие из этой жизни в следующую - это то, во что я теперь верю, тогда да, если бы я остался в том высшем состоянии, вне этого смертного тела, мертвый для этой жизни и живой в следующей, я бы узнал о Каллиде и обо всех других городах дроу и кланах, о которых рассказывали мне эвендроу, существующие по всей поверхности Фаэруна. Я бы узнал их в этом единстве, в этом полном и прекрасном понимании.

Но почувствовал бы я их? Почувствовал бы я Каллиду с теми живыми ощущениями, которые переполняли меня там, на ледяном шельфе, когда я впервые взглянул на город? Обнял бы я Кэтти-Бри для поддержки и нежно поцеловал бы ее за то, что она привела меня в это место? Умножилась бы моя радость от выражения ее лица, когда она поделилась бы со мной этим открытием, которое сделала она и наши друзья? И стала бы моя радость еще больше, если бы я увидел улыбку Джарлакса, кивок Закнафейна и даже сияние радости, которое так явно исходило от Артемиса Энтрери?

Понял бы я по выражению лица Джарлакса, что он, наконец, нашел то, на поиски чего потратил большую часть своей жизни?

У нас было много общего на том высоком выступе, когда он понимающе кивнул мне.

Нашел бы я чудо в возвышенном спокойствии Киммуриэля, который наконец-то обрел меру ценности и заботы, на существование которых раньше мог только надеяться?

Или в слезах Громфа (хотя он хорошо скрывал их)? Великий и могущественный верховный маг, наконец, смирился и признался в своих собственных чувствах, ошеломленный, каким он никогда прежде не был, чем-то неподвластным его контролю, чем-то, что принесло ему такую радость, которая была вызвана не им самим?

Как бы много ни значил для меня вид Каллиды - и я не могу преуменьшить важность осознания этого места и тех событий - разделить этот момент с другими, впитать их мириады выражений и эмоций, принять их как свои собственные и подарить им свои собственные, сделало это еще более замечательным.

И в этом загвоздка трансцендентности. Именно этого я и боюсь - потерять что-то настолько особенное, если на самом деле нет индивидуальности. И поскольку это ответ, который я пока не могу знать, то это страх, от которого я пока не могу избавиться.

Но да будет так.

Потому что теперь, наконец, я понимаю.

Я нахожусь в этом моменте моего путешествия, в этом формирующем слове моей истории.

Настоящее не будет пленником прошлого.

Настоящее не будет слугой будущего.

Под тяжестью всего этого важно путешествие, момент, формирующее слово.

Я буду продолжать говорить его до тех пор, пока не буду готов к этому новому, отличному разговору.

—Дзирт До'Урден

Глава 1
Проведенные линии и четвертованные ноги

– **Я** возлагала на нее большие надежды, – сказала Ивоннель Матроне Матери Квентл. Могущественная дроу была разочарована. Она думала, что Къернилл Меларн, которая когда-то была матроной Къернилл Кенафин и не была в восторге от нынешнего положения, которое привело ее в семью и на службу ревностной Жиндии, станет ее информатором в планах победить Жиндию и ее приспешников-поклонников Ллос.

Но Къернилл направила их по ложному пути, указав, что Дом Меларн нападет на союзные силы Бэнр у озера Донигартен, когда вместо этого силы жриц Ллос и их демонических союзников вторглись в Дом Фей-Бранч и прошли через него.

– Я убью ее, – сказала Минолин Фей Бэнр, стоявшая рядом с троном Квентл.

– Давайте не будем торопиться с выводами… - начала Квентл, но гнев Минолин Фей остановил ее.

Эта вспышка гнева была понятна двум другим женщинам. В конце концов, Минолин была дочерью матроны Биртин Фей, которая была захвачена во время налета на Дом Фей-Бранч, и теперь находилась в плену во втором Доме города, Баррисон Дель'Армго.

– У меня есть информация, что дочь Къернилл, жрицу Аш’алу, Матрона Жиндия не убила, – объяснила Квентл. – Ее подвергли самым ужасным пыткам в молочной ванне с личинками, но она осталась жива.

– То, что от нее осталось еще живое, – кисло заметила Минолин Фей.

– Этого достаточно, чтобы заставить ее мать сменить сторону? – спросила Квентл.

– Ни один из Кенафинов по линии Меларн не будет хранить верность Жиндии, – сказала Ивоннель. – Но они боятся ее, а также тех сил, что поддерживают ее, и правильно делают. Как бы то ни было, наш информатор потерян. В любом случае, сейчас мы уже далеко за пределами этой стадии войны. Только двое из самых могущественных домов еще не выбрали

сторону. Три, если считать, что Дом Ханцрин действительно вышел из конфликта.

– Четыре, если Дом Фей Бранч также отказался от активных действий, – добавила Минолин Фей.

Ивоннель кивнула, но только ради своей матери. Она даже не думала о Доме Фей Бранч, когда делала свое замечание. Биртин заседала в Правящем Совете, чего бы это сейчас ни стоило, конечно, но это было скорее вопросом наследия, чем реальной власти Дома Фей Бранч. А после успешного и жестокого набега союзников Жиндии Дом Фей Бранч стал еще менее значимым.

Символизм, однако, оставался критически важным.

– Мы скоро узнаем о судьбе Дома Фей Бранч, – заверила их Квентл. – Правящий Совет уже созван и наши требования по Матери Биртин и другим захваченным дворянам Фей Бранч были совершенно ясно изложены Матери Мез'Баррис Армго и всем остальным, кто встал бы на сторону Жиндии.

– Фэн Тлаббар - единственный дом, оставшийся в стороне, из благородной восьмерки, – сказала Ивоннель. – Их действия на этом Правящем Совете будут иметь решающее значение, как и действия Первой жрицы Сос'Ампту.

– Сос'Ампту, – с отвращением повторила Квентл. – Она больше не будет ходить по лезвию ножа. Моя дорогая сестра либо встанет на сторону Жиндии Меларн, либо перейдет на нашу сторону в этой битве.

– Она захочет остаться в стороне от битвы, чтобы служить своей демонической богине, когда кровь высохнет, – отозвалась Минолин Фей.

– Она не сможет, – повторила Квентл.

– О, но она уже смогла, – поправила ее Ивоннель. – И мы часто будем видеть таких же среди бездомных дроу с Улиц Вони - и кто сможет их винить? И среди младших домов, которые знают, что неправильный выбор в этой войне приведет к их полной гибели, когда, как ты сказала, кровь высохнет. Но что касается Сос'Ампту, то ты права: ходить по лезвию нельзя, не сейчас, когда нож уже обагрен кровью.

– Я должна была убить Жиндию Меларн много лет назад, когда у меня был шанс, – заметила Ивоннель.

– Тебя остановила прислужница, – припомнила Квентл.

– Прислужница *попросила* меня остановиться. Йеккардарья не смогла бы остановить меня, даже если бы я отклонила ее просьбу. – Она покачала головой. – Но в тот момент я снимала Проклятие Мерзости с одного из соратников Джарлакса, обращая его из драука обратно в дроу, что стало прелюдией к великому событию, которое мы с тобой сотворили на поверхности.

– О чем это тебе говорит?– спросила Квентл.

Ивоннель встряхнула головой, пытаясь вспомнить все события того момента. Она знала, что может снять проклятие, но, это, конечно, было совершенно необычно, даже если тот, кто был превращен в драука, позже оказывался невиновным в том оскорблении Ллос, в котором обвинялся. И все же тогда она знала, что может снять проклятье с разведчика Бреган Д'Эрт, и она сделала это, даже несмотря на присутствие служанки Ллос в городе.

Было ли все это ловушкой Ллос?

– Все это уже было раньше, – предположила Минолин Фей, положив руку на предплечье Ивоннель.

– Раньше? – спросила Квентл.

– Раньше чем мы узнали. Раньше чем мы узрели истину. До того, как мы пришли к пониманию великого обмана, которому Ллос давным-давно подвергла наших предков, и до опустошительной войны в Мензоберранзане в настоящем. Для тех из нас, кто сейчас здесь, в Доме Бэнр, или на стороне Дома Бэнр в этой борьбе, может ли кто-нибудь быть менее виновен в следовании указам служанок Ллос, чем Ивоннель? Если мы прокляты своими действиями до того, как увидели правду, тогда мы все прокляты не просто так.

– Но это не так, – сказала Матрона Мать Квентл. – Потому что если бы это было так, то в чем тогда причина этой войны? Потому что, если бы это было так, то с какой целью мы плели бы паутину, чтобы снять Проклятие Мерзости с Богохульства?

– Потому что если бы было так, то зачем?

– Ни за чем, – закончила Ивоннель и согласилась. – Я только жалею, что в тот момент не была более прозорливой и не прикончила фанатичку Жиндию.

– Ты уже говорила это - все в прошлом, и твои сожаления сейчас нам ни к чему. Кроме того, Ллос нашла бы себе замену, – сказала Квентл, пожав плечами и вздохнув.

Ивоннель не могла с этим поспорить.

– В конце концов, Жиндия глупа, – внезапно сказала Минолин Фей, вызвав удивленные взгляды двух других. Минолин восприняла их удивление как комплимент. Ей скорее нравилось, когда ее недооценивали все вокруг, как союзники, так и враги. – Ведь, так оно и есть.

Он застыл, услышав ее голос в естественном туннеле за дверью своей темницы. Та часть Дайнина, которая просто хотела покончить с этим, не могла смириться с реальностью того, что, возможно, настал тот самый момент. Несмотря на весь ужас ожидания того, что матрона Жиндия

выполнит свое обещание, исполнение этой угрозы означало, что это будет его последний день в качестве живого дроу.

Он начал трясти головой, дрожа, его глаза метались по сторонам в поисках какого-нибудь спасения, хотя он, конечно, знал, что его нет.

И все же он искал, заставил себя избавиться от парализующего страха, когда увидел проблеск света в неровном и изломанном туннеле здесь, в потолке огромной пещеры над Домом Меларн.

Она идет.

Она идет за ним.

Он снова станет драуком.

Он перестал искать выход; Дайнин начал искать какой-нибудь способ покончить с собой. Он лелеял надежду, что, возможно, наступит отсрочка, спасение, но теперь он знал, что это бесполезно, и надеялся, что у него хватит смелости действовать на своих собственных условиях. Чтобы покончить с этим кошмаром, прежде чем он переживет его... снова. Он ощупал стены в поисках самого зазубренного куска камня, который смог найти, затем отступил назад, насколько позволяла его маленькая камера.

Он низко наклонился, заложил руки за спину, прислонился лбом и лицом к стене. Он приказал себе уйти, броситься на стену. Но он по-прежнему не двигался!

– Мать Жиндия! – услышал он голос стражника не так далеко.

Дайнин разбежался и врезался в стену. Ему удалось удержать руки за спиной ровно настолько, чтобы лоб принял на себя основную тяжесть удара.

Он отшатнулся назад, колени у него подгибались, кровь стекала на один глаз.

Но он не упал.

Он разбежался еще раз, и третий, затем встал прямо перед каменным выступом и стал биться о него головой.

Мир расплылся. Тусклый свет превратился в темноту.

«Сладкие объятия смерти», мелькнула у него мимолетная мысль, пока он бился, падал и продолжал биться. Он не испытывал боли, вообще ничего не чувствовал, кроме ощущения удара.

Он услышал смех. Он надеялся, что это была не Ллос или одна из ее служанок, надеялся, что на этот раз ему каким-то образом удалось избежать Бездны.

Затем, так внезапно, он действительно почувствовал боль! Жжение на лбу, пульсацию в голове, когда он возвращался в сознание.

Он моргнул, открыл глаза и увидел Мать Жиндию, стоящую над ним и смеющуюся ему в лицо.

– Какой дурак врежется лицом в стену? – упрекнула она.

На него снизошло еще одно заклинание исцеления - не от Жиндии, а от одной из жриц, стоявших рядом с ней.

– тот, который знает, что на него падет Проклятье Мерзости, – ответила жрица Матроне Матери.

– У него даже не хватило сил покончить с собой, – добавил мужчина, стоявший сзади, в котором Дайнин узнал Нарл'Долтиира Меларна, мастера оружия. Нардорл, как его чаще называли, как и его тетка, Жиндия, был благородным сыном Хорлбар еще до объединения Домов Хорлбар и Кенафин в Дом Меларн. Дайнин знал его, или вернее знал его много лет назад, когда учился в одном классе с ним в Мили-Матгире.

Несмотря на свои страхи в тот момент, Дайнин ухитрился хмуро взглянуть на Налдорла. Как часто Дайнин побеждал его в тренировочном бою? И это было до того, как Дайнин вернулся домой для еще более тщательного обучения под руководством Закнафейна. Да, нынешняя ситуация, должно быть, доставляет удовольствие этому жалкому воину.

Попытка спрятать свой страх под маской ярости продолжалась лишь до тех пор, пока Мать Жиндия снова не заговорила.

– Так это правда, сын Дома До'Урден? – промурлыкала она, медленно приближаясь к пленнику. – Разве ты не был рад быть истинным слугой Ллос? Неужели ты боишься вернуться к ней на службу?

Дайнин не ответил. Он был совершенно уверен, что ему не нужно было отвечать, учитывая выражение, которое, как он знал, было у него на лице, учитывая то, как он не мог перестать метать взглядом по сторонам в поисках какого-нибудь выхода, и, учитывая теплую влагу, которую он чувствовал на своей ноге. Ноги больше не держали его. Он услышал смех жрицы и Налдорла и тщетно попытался превратить эту насмешку и смущение в силу, чтобы дать отпор своей слабости.

Но он не смог. Не было ничего хуже. Никакие пытки, никакая боль, никакая потеря, физическая или эмоциональная, не могли сравниться со страхом перед тем, что, как он знал, должно было вот-вот обрушиться на него: изысканной и нескончаемой агонией Проклятия Мерзости.

Он почти чувствовал, как его ноги раскалываются, а затем снова раскалываются, кости ломаются и меняют форму, и этот бесконечный, непрекращающийся и жалящий звон в ушах.

Он почувствовал, как его похитители подняли его обратно и удерживали в вертикальном положении, потому что его ноги не могли.

– Возможно, я оставлю свой вердикт в силе, Дайнин До'Урден, – сказала Жиндия, но он никак не отреагировал, потому что был уверен, что это просто

ее способ сделать все еще хуже - что было невозможно, потому что хуже быть не могло!

– Посадите его к стене, – услышал он приказ, и через мгновение он сильно ударился о камень и услышал, как с его губ сорвался стон.

На него вылили ведро воды, что вернуло ему ясность сознания. Он покачал головой и широко раскрыл глаза, и у него мелькнула мысль - возможно, он мог бы вскочить, напасть на Жиндию и заставить их убить его до превращения.

Эта мысль улетучилась, как только он отчетливо осознал открывшуюся перед ним сцену, потому что теперь рядом с надзирательницей стояли еще двое. Они были прекрасны, и они были полностью обнажены, пара женщин-дроу, или такими они казались всего на несколько мгновений, пока не превратились в свои истинные формы йоклол, похожие на возвышающиеся наполовину расплавленные свечи из грязи.

Прислужницы Ллос.

Эта мысль ошеломила Дайнина. Почему они здесь? Он для них ничего не значит.

– В этом единственном случае, возможно, я была неправа, – сказала ему Жиндия. – Видишь ли, именно поэтому у нас есть руководство от самой Ллос, здесь, в виде Эскавидне и Йеккардарьи. Они посоветовали мне поступить иначе, и поэтому, как бы мне ни нравилось наблюдать, как ты распадаешься на части, раздуваешься и снова становишься драуком, возможно, это не твоя судьба. По крайней мере, не сейчас, и, согласно моему обещанию и этим двум прекрасным созданиям рядом со мной, возможно, никогда.

– Однако это остается на ваше усмотрение.

– Готов ли ты оказать услугу Паучьей королеве, Дайнин До'Урден? Готов ли ты послужить Ллос в важном деле?

– Я сделаю что угодно. Пожалуйста. – Собственный голос удивил его самого, страх и мольба душили горло. Но он не пожалел ни об этих словах, ни о скорости, с которой выплюнул их.

Жиндия рассмеялась над ним и по очереди посмотрела на йоклол, их булькающий смех вторил ее собственному.

– Тебе понравится твоя задача, я уверена. Как ты относишься к мести?

Он слегка кивнул, не уверенный, что думать.

– Тогда ты идеально подойдешь. Она пристально посмотрела на него, затем сказала с ядовитой убежденностью, – Твой брат виноват во всем, что случилось с тобой и твоим Домом. Не настало ли время отплатить ему?

– Дзирт?!

– Конечно Дзирт, тупица, – огрызнулась Жиндия. – Он направляется сюда, в Мензоберранзан. Это гарантировано. Кто лучше передаст ему послание Ллос, чем брат, с которым он так ужасно обошелся?

– Он не узнает меня. И не поверит мне, – Дайнин услышал, как сам глупо признался.

– тогда какая мне от тебя польза? – спросила Жиндия, и повернувшись к жрице, которая все еще стояла над Дайнином сказала:

– Жрица Калшра, свиток.

– Нет, – взмолился Дайнин. – Нет!

– Кто ты такой, чтобы приказывать мне?

– Я…

– Ты сделаешь так, чтобы Дзирт поверил тебе? – спросила Жиндия, и это звучало как приказ, а не как просьба. – И он узнает тебя. Конечно узнает.

– Я же узнал тебя, слабак, – произнес Налдорл с другой стороны от Дайнина. – И он тоже узнает.

– Я не смогу победить Дзирта в бою, – сказал Дайнин Жиндии, и снова эти слова были просто слишком глупыми, чтобы произносить их вслух.

Он понял, что находится под магическим воздействием заклинания правды.

– Мальчик с ножом может убить великого воина, если нанесет ему неожиданный удар, возможно, во время сна. Но нет, Дайнин, леди Ллос не хочет, чтобы ты убивал Дзирта. Зачем ей это? Он доставлял ей огромное удовольствие на протяжении веков. Нет, нет, она хочет, чтобы ты ранил его глубже, чем это смог бы сделать любой клинок.

Дайнин облизнул губы, пытаясь найти следующий очевидный вопрос, но безуспешно.

– Дзирт женат на человеческой женщине, и вместе они принесли в мир собственную мерзость, – объяснила Жиндия. – Убей эту мерзость. Убей и Кэтти-Бри, если представится шанс, но только после того, как убьешь Дзиртово отродье. Вот твоя задача. Даже такой жалкий червяк, как ты, может найти в себе силы убить ребенка, да? Худшее, чего ты можешь ожидать - это то, что ты почувствуешь на своей шкуре гнев Дзирта, Кэтти-Бри, короля Бренора Боевого Топора, Закнафейна - всех их! Конечно, они уничтожат тебя, если поймают. Но они не смогут и не сделают с тобой то, что могу сделать я - что я, несомненно, сделаю, если ты потерпишь неудачу. Они убьют тебя, возможно, после некоторых пыток, хотя это не в характере этих конкретных слабаков. Нет, они просто убьют тебя чисто и быстро, и ты снова попадешь в объятия Ллос, но на этот раз искупленным.

Дайнин не знал, как реагировать, что делать или говорить.

– Мы узнаем, если ты солжешь, – сказала йоклол справа от Жиндии своим булькающим голосом.

– Ты это сделаешь? – спросила вторая.

– Или примешь Проклятье здесь и сейчас? – спросила Жиндия.

– Да, – выпалил Дайнин, и теперь все это лилось из него потоком, и это было, конечно, чистой правдой. Что угодно, он сделал бы все, что угодно, лишь бы избежать Проклятия Мерзости. Он убил бы сотню детей, миллион детей любого вида, лишь бы не быть снова драуком. – Я убью ребенка и человеческую женщину, если смогу. Я найду способ убить Дзирта …

– Нет! – сказали хором Жиндия и две прислужницы-йоклол. – Не Дзирта.

– Дзирт снова встретится с Ллос, когда ты выполнишь свое задание, – объяснила одна из йоклол.

– Ладно, я оставлю его одного. Но как я найду его? – спросил Дайнин. – Ребенка? Он же не привезет его сюда.

– Терпением, – объяснила Жиндия. – Возможно это займет у тебя год, а возможно и десять. Не имеет значения. Ты убьешь ребенка, и Ллос прибудет, чтобы сообщить Дзирту о его потере. И это будет великолепно!

«Великолепно» - не то слово, которым Дайнин охарактеризовал бы подобный поступок, но он и это бы сделал.

Он сделал бы что угодно, вообще что угодно, *все*, что угодно, лишь бы избежать своей участи.

В юго-западной части Ку’илларз’орль, в самом высоком районе Мензоберранзана, где располагалось большинство величайших домов, находились большие окованные железом двери, охраняемые мощной магией на входе, и почетным караулом из школы воинов Мили-Матгира.

Какие бы споры или даже открытые драки ни происходили в городе в любое время, они не могли проникнуть в эти двери.

Ибо это был вход в зал Правящего Совета, небольшую естественную пещеру, скудно украшенную и освещенную множеством вечно горящих свечей.

Довольно непримечательный алтарь Ллос стоял в дальнем конце зала, оставленный таким, каким он был в первые дни основания города. В комнате доминировали стол в форме паука и восемь великолепных стульев, украшенных драгоценными камнями. До недавнего времени единственным другим предметом мебели в естественной пещере был простой стул, предназначенный для приглашенного гостя, но теперь добавился десятый стул - такой же роскошный, как и для восьми правящих матрон.

Он был добавлен для жрицы, которая сейчас сидела на нем, Первой жрицы Храма Куарвелшаресс, также известного как Храм Богини. Как и матронам, которые должны были прибыть, ей было разрешено иметь двух телохранителей, и сопровождение Сос'Ампту в этот день было весьма неожиданным, весьма примечательным и весьма красноречивым. Она была первой, кто прибыл на совет. Вскоре за ней последовала Верховная мать Квентл.

Квентл и сопровождающие ее телохранители, Ивоннель и мастер оружия Дома Бэнр Энджрел, ничего не сказали, когда вошли, хотя и Квентл, и Ивоннель, узнав служанок Эскавидне и Йеккардарью, стоящих по бокам кресла Сос'Ампту, слегка приподняли брови.

Верховная мать не сказала ни слова своей сестре и бросила на нее лишь мимолетный взгляд, когда заняла свое место в конце левой передней части стола, а Ивоннель и Энджрел, которым в любом случае не разрешалось говорить, отошли к стене позади нее.

Шли минуты, и все шестеро сидели молча.

Квентл посмотрела на сиденье напротив педипальп паучьего стола, на пустое кресло матроны Мез'Баррис Армго из Второго Дома. Она боялась, что Мез'Баррис не придет на собрание, поскольку это было бы более серьезным заявлением, чем любое, которое могла бы сделать здесь старшая сестра. Она надеялась, что эта женщина скоро торжественно выйдет на сцену с целой и невредимой матроной Биртин Фей рядом с ней.

Она стерла всякое выражение со своего лица, стоически наблюдая; несмотря на свои отчаянные надежды, затаила дыхание в надежде, когда дверь снова открылась.

Вошла Матрона Вадалма Тлаббар из Четвертого дома города, Фэн Тлаббар, долгое время союзница Дома Бэнр, но теперь?

Не говоря ни слова, Вадалма заняла отведенное ей место рядом с креслом Мез'Баррис.

Квентл была рада, что Вадалма пришла. Она взглянула на Сос'Ампту и не смогла прочесть выражение лица своей сестры, поскольку Сос'Ампту тоже рассматривала новоприбывшую. На первый взгляд и в обычное время Вадалма казалась очевидным союзником Квентл. Но это были необычные времена. Дом Фэн Тлаббар был одним из самых набожных домов в городе, возможно, уступая только безумно жестокой Жиндии Меларн и ее выводку. Эти два дома долгое время были злобными врагами, постоянно соперничая за благосклонность Паучьей королевы. Но если бы благосклонность Ллос была твердо на стороне Меларн, была бы Вадалма достаточно горда, чтобы отвергнуть волю Ллос?

Дверь снова открылась, но это была не Мез'Баррис, сопровождающая невредимую Биртин Фей - если бы это было так, Квентл, возможно, осмелилась бы надеяться, что война близится к концу с очевидным поражением Жиндии Меларн.

Но нет, это была Зирит Ксорларрин-До'Урден в сопровождении двух своих детей, жрицы Сарибель и волшебника Равеля.

Квентл это показалось странным, потому что она никогда раньше не видела, чтобы дети Зирит служили телохранителями дома в Правящем совете.

Старая Зирит не шла, а скорее парила на волшебном диске светло-синего света. Оно подплыло к ее креслу, стоявшему рядом с Квентл, и там ее дети помогли древней матроне занять подобающее ей место.

Квентл заметила, что она выглядела хрупкой. Потрепанной и очень раздраженной.

– Боюсь, я опоздала, – сказала Зирит Квентл, но достаточно громко, чтобы услышали остальные за столом.

– Так и есть, –ответила Сос’Ампту.

– И все же не я одна. Что слышно о матроне Биртин? – Зирит обратилась конкретно к Квентл.

– Вот почему мы здесь. Прежде всего, узнать о ее судьбе и увидеть, какие союзы прекратили свое существование.

– Даже если я опоздала на совет, то, похоже, у нас есть ответ на последний вопрос, – сказала Зирит.

– Правда? – Вмешалась Сос'Ампту.

– Скоро увидим, – огрызнулась Квентл в ответ. – Пять домов явно отсутствуют, и действительно ли это удивляет? Четвертый дом был бы здесь, и находится здесь по духу, и, конечно, мы знаем позицию Дома Фей Бранч в рассматриваемом нами вопросе.

Сидящая напротив Матрона Вадалма прочистила горло, удивив остальных и обратив все взгляды в свою сторону.

– Я пришла сюда слушать, а не говорить, – сказал Вадалма. – Но, похоже, вы мало что хотите сказать.

– О чем ты? – спросила ее Квентл.

– Я хочу знать почему, – объяснила Вадалма. – Ты пошла против нее!

– Жиндии? Никто из нас не испытывает симпатий к Жиндии…

– Конечно не ней! Я о Леди Ллос! – закричала Вадалма. – Ересь . . . как могли вы, ты и тот ребенок, который сейчас стоит позади вас в теле взрослой женщины, как могли вы бросить вызов нашей богине? Да, Верховная Мать, я

не испытываю любви к матроне Жиндии Меларн, и еще меньше к ее ближайшему союзнику, Дому Миззрим и этой двуличной матроне Миз'ри.

– Долгое время наши дома были союзниками, – напомнила Квентл.

– И дольше я и мой дом были верны Паучьей Королеве, – резко оборвала Вадалма. – Эта паутина, твоя и твоей, она твоя внучатая племянница? Вы сплели ее, чтобы снять Проклятие Мерзости с восьмисот драуков . . . – Она остановилась и с отвращением покачала головой.

– Это сработало! – возразила Квентл.

– Оно сработало *против* Ллос, ты имеешь в виду. Богохульство, – выплюнула Вадалма, а Сос'Ампту издала издевательский смешок, заставивший Квентл хмуро посмотреть в ее сторону.

– Тогда ты сама это скажи.

– Скажи что? – уточнила Вадалма.

– По *чьим* законам то, что мы сделали, является богохульством? Ллос? – сказала Квентл, не сводя испепеляющего взгляда со своей набожной сестры Сос'Ампту. – В таком случае, по законам Ллос, может ли нападение на Дом Фей Бранч остаться безнаказанным? Может ли похищение матроны Биртин остаться безнаказанным?

– Мелкая ссора по сравнению с этим, – недоверчиво ответил Вадалма. – То, что ты сделала, нарушило завет четырех тысячелетий!

– Только двух, – поправила Квентл. – Основанных на лжи и фальшивой истории.

– Ты себя слышишь? В этой комнате! *Ты* говоришь, что это ложь и фальшивая история. Но можешь ли ты это *доказать*?

Прежде чем Квентл успела ответить, дверь снова открылась, и ее сердце на мгновение подпрыгнуло от проблеска надежды.

В комнату вошла старшая сестра Биртин Фей, и проблеск надежды погас вместе с сердцем Квентл.

Потому что на самом деле она не входила в комнату. Она вползла.

На восьми ногах.

Позади Сос'Ампту двое телохранителей начали смеяться, что было строго запрещено и каралось смертью, за исключением, конечно, этих двух, что были демоническими йоклол, служанками Ллос.

– Ты знала об этом? – Квентл обвинила Сос'Ампту, но ей не нужен был ответ сестры, чтобы по выражению ее лица понять, что судьба Биртин застала Сос'Ампту такой же неожиданностью, как Квентл и всех остальных в комнате, кого не звали Эскавидне и Йеккардарья.

– Мы убьем тебя, Квентл Бэнр! – прошипел драук. – Ты сбилась с истинного пути. И теперь нет дороги назад, только война. – Восемь ног

щелкали и постукивали по каменному полу, драук-Биртин развернулась и бросилась прочь.

– Не такой судьбы я ей желала, – тихо сказала Зирит.

Через стол Вадалма вскочила и махнула своим телохранителям.

– Где Дом Фэн Тлаббар? – спросила у нее Квентл.

– В тени, – ответила Вадалма. – Наблюдает издалека.

Вадалма и ее эскорт выбежали из комнаты, замедлившись только потому, что они определенно не хотели догонять драука.

– Что тебе осталось? – спросила Сос'Ампту у Квентл. – Дом Фей Бранч – просто ширма. Без Дома Фэн Тлаббар есть Дом Бэнр и Дом До'Урден, вот и все. И все же, действительно ли это удивляет? Матрона Вадалма была самой набожной матроной Ллос с тех пор, как кто-либо из нас себя помнит. Неужели ты действительно думала, что она и ее друзья просто отбросят все это в сторону из-за твоего циркового трюка на том поле наверху?

– Трюк, который подарил мне богохульство, сестра, – зарычала Квентл.

– И стоил тебе города, сестра. Похоже, что дом Меларн стоит с домами Баррисон Дель'Армго, Миззрим и Вандри.

– Бродяги с Улиц Вони будут сражаться вместе со мной, чтобы избежать порчи Ллос, – возразила Квентл.

– Уверена? Даже сейчас на них нападают орды демонов, напоминая, что Ллос наблюдает за ними.

– О, Паучья королева действительно наблюдает, – сказала Йеккардарья, чей голос, полный нетерпения, донесся от стены позади Сос'Ампту.

– Хорошенько обдумай свое место, матрона Зирит, – продолжила Сос'Ампту. – Когда-то ты возглавляла гордых Ксорларринов, а теперь вы низведены до того, что носите имя опороченных и отвергнутых До'Урденов. Богохульство на том поле на поверхности непростительно для двух жриц, которые его инициировали. Но как же Зирит?

– Иди, Первая жрица Храма, – сказала Эскавидне, обращаясь к Сос'Ампту. – Позволь нам пойти и вернуть Матрону Мерзость, чтобы мы могли найти ей подходящую роль в грандиозном плане леди Ллос.

Сос'Ампту медленно поднялась, ее пристальный взгляд встретился с взглядом Зирит.

– Должен быть другой путь, – Зирит умоляла Квентл и Ивоннель, которые подошли, чтобы присоединиться к ним, когда Сос'Ампту ушла. Сарибель и Равель бросились к матери и помогли ей взобраться обратно на ее летающий диск, который немедленно начал движение. – Я не могу поверить, что Мать Мез'Баррис могла так поступить с Матерью Биртин Фей, – ее голос затих у них за спиной.

– Это была не Мез'Баррис, – ответила Квентл уходящим До'Урденам, но больше самой себе, чем кому бы то ни было.

– Все это пропитано зловонием Жиндии Меларн.

Глава 2
Шпион за шпионом

Эти места все еще были его домом, и Браелин Дженкуэй не был уверен, нравится ему это или нет. Он шел по Браэрину Мензоберранзана впервые за много месяцев и, хотя прожил на поверхности уже много лет, ему казалось, что он никогда не покидал этих мест, а также, что он никогда по-настоящему не жил здесь, и все это в одно и то же время. Он глубоко вдохнул, смакуя аромат, и рассмеялся, подумав, что это место определенно оправдывает свое название - Улицы Вони.

Но запах не вызвал у него отвращения, как это было бы почти у любого, кто не был с ним близко знаком. Для Браелина это предположительно ужасное место было убежищем большую часть его жизни - все его дни, пока Джарлакс не нанял его, не обучил и не взял с собой во множество грандиозных приключений. Теперь он жил в Лускане, работая на Джарлакса и Бениаго, но Мензоберранзан, в частности Браэрин, оставался его домом.

Однако в этот визит Браэрин чувствовался другим, потому что место было пугающе тихим, а люди, которых он видел на улице, даже те, кого он знал, казались подавленными и настороженными. Одна женщина, которую он принял за подругу, бросила на него суровый взгляд и бросилась в переулок при первом же знаке приветствия.

Браелин подметил многочисленные шрамы на улицах и зданиях, недавние следы ожогов от демонического огня существ Бездны. Это вполне могло объяснить такой прием.

Некоторые в городе и многие, кто жил в Браэрине, знали, что Браелин работал на Бреган Д'Эрт, а о союзе с Бреган Д'Эрт в этой гражданской войне официально объявлено не было. Но, конечно, этим людям было бы нетрудно подумать, что он встал на сторону Бэнр, и из того, что он слышал, демоны, призванные в Мензоберранзан матроной Жиндией, очень затрудняли выживание любому, кто встал на сторону Бэнр.

С этой мрачной мыслью Браелин осознал, что многие здесь предали бы его, если бы это означало спасение от демонического возмездия или, что еще хуже, от того, чтобы их утащили к Жиндии и превратили в драуков; другие

слухи гласили, что она собирает эту армию драуков, чтобы противостоять Богохульству.

Браелин Дженкуэй провел большую часть своей жизни в самых хаотичных и опасных частях Мензоберранзана, но он никогда не знал, что там может быть что-то подобное.

Из-за приема, который ему оказали, он вернулся к себе осторожно, не торопясь, кружным путем, изучая все, что мог, прежде чем проскользнуть по теням одной конкретной улицы в Браэрине, на которой находилось заведение, хорошо известное как принадлежащее или частично принадлежащее Джарлаксу и Бреган Д'Эрт.

Он оглядывал здание Сочащегося Миконида, и осторожно высматривал какие-либо признаки того, что Жиндия разрушила его и убила владельцев таверны, или, возможно, устроила ловушку для Джарлакса или любых других верных Бреган Д'Эрт мужчин, которые могли бы рискнуть войти внутрь.

Он призвал заклинание, хранящееся в кольце, чтобы оно показало ему любые ловушки возле входной двери, затем второе заклинание, чтобы открыть дверь магическим стуком издалека. Он подкрался и огляделся, убеждаясь, что его никто не видит, затем взобрался по стене рядом с дверью и перевернулся, двигаясь над ней головой вниз, зацепившись ногами за карниз крыши. Закрепившись покрепче, он затем изготовил хитроумный набор трубок с зеркалами – «смотровой круг», как называли его представители его профессии, - чтобы заглянуть внутрь.

Место казалось нормальным, хотя и тихим.

Учитывая недавние нападения демонов на Улицах Вони, Браелин был удивлен, что внутри вообще кто-то был.

Он посмотрел на бар напротив двери и улыбнулся, несмотря на свою настороженность.

Ибо Азлия работала в том баре, и она выглядела такой же красивой, как и тогда, когда Браелин видел ее в последний раз, еще до того, как в Городе Пауков началась эта новая заваруха.

Он убрал свой «круг», зацепился сильными пальцами за тонкий верхний косяк двери и, грациозно спрыгнув вниз, ввалился в заведение, отпустив пальцы как раз в тот момент, когда ударился о землю и выпрямился с такой плавностью и текучей грацией, что любой, кто не наблюдал за его действиями целиком, понял бы, что он делает. Любой посетитель внутри подумал бы, что он просто вошел в дверной проем.

Азлия расцвела улыбкой, увидев его.

Она притворилась, что не смотрит на него, пока он шел через тускло освещенную комнату, но он знал, что она заметила его, узнала и была рада снова увидеть.

Браелин даже не пытался скрыть свой пристальный взгляд. Азлия была самой красивой женщиной, которую он когда-либо видел. Она была невысокой по меркам дроу, но Браелин тоже едва превышал пять футов. Ее волосы были серебристо-белыми с оттенками золота, глаза сияли янтарем, а нос - всего лишь пуговка, зажатая между ямочками на щеках.

Она наконец открыто посмотрела на него, когда он хлопнул ладонями по стойке.

– Чего изволишь? – спросила она, и от Браелина не ускользнул выбор ее слов. Она действительно нравилась ему, но лучше всего было то, что он знал, что он нравится ей так же, возможно, даже больше.

– То же, что и всегда, – ответил он бесцеремонно.

– Ох, Браелин Дженкуэй, я работаю, и здесь вообще-то другие клиенты, – ответила Азлия.

– Вижу. Я думал, ты о напитках.

– Думал, да?

– То же, что и всегда, – повторил он и посмотрел на полки с изысканными напитками, возвышающиеся на стене позади нее.

– Тогда как раз вовремя, – сказала она и вытащила из-под стойки бутылку любимого напитка Браелина, эликсира миконидов, прозрачного крепчайшего алкоголя, приготовленного из картофеля, выращенного в соседнем саду гуманоидоподобных грибов, того самого напитка, который дал название этому месту столетия назад.

Губы Браелина скривились.

– Нет, погоди, я передумал, – сказал он, протягивая руку как раз в тот момент, когда Азлия уже готовилась налить.

Она посмотрела на него с любопытством, с подозрением.

Он указал на верхнюю полку.

– Может того редкого эльфийского вина фей, – сказал он.

Азлия убрала руку и налила эликсир миконидов. – Нет, ты не хочешь вина фей, Браелин Дженкуэй, – сказала она. – Ты просто хочешь посмотреть, как я поднимаюсь по лестнице.

Браелин пожал плечами, как будто ему было все равно, что его поймали.

– Я - мужчина, – просто сказал он. – Я провел большую часть своей жизни под похотливыми взглядами женщин Мензоберранзана. Следует ли винить меня в том, что стрелка повернулась?

– Так ты теперь пялишься на всех женщин подряд?

– Только на одну.

– Это должно мне польстить?

– А мне должно польстить что ты смотришь на меня?

Азлия широко улыбнулась.

– Только на тебя, – сказала она.

– Атмосфера - это больше половины удовольствия от напитка, – сказал Браелин.

Она поставила перед ним полный стакан.

– Тогда найди немного времени насладиться, – сказала она. – У меня есть новости.

Браелин поднял бокал в тосте за нее, прежде чем сделать глоток, и Азлия, не из тех, кто оставляет за собой последнее слово, взяла бутылку эликсира, развернулась и, задрав платье, поднялась по лестнице, чтобы поставить его на верхнюю полку.

– Я рад узнать, что ты все еще здесь, что это заведение остается нетронутым, – искренне сказал ей Браелин, когда она вернулась и встала напротив него за стойкой.

– О, Сочащегося Миконида тронули, – хмуро сказала Азлия. – И не раз.

– Демоны?

Женщина покачала головой:

– Прихвостни Жиндии Меларн.

– Не сами Меларны?

– Никого из ее Дома не заметили. Я разговаривала с Миззримами и членами Дома Вандри. Они приходят сюда и советуют мне увидеть правду о матроне Жиндии и Доме Бэнр. Я подозреваю, что это не та истина, с которой согласился бы Джарлакс.

– Значит, Вандри заодно с Жиндией, – проворчал Браелин.

– И дом Миззрим.

– Мы знали, что матрона Миз'ри Миззрим встанет на ее сторону, – сказал Браелин. – Вандри - это удар по делу тех, кто выступает против владычества Ллос.

– Значит, слухи правдивы, – сказала Азлия. Бреган Д'Эрт присоединится к еретикам. Я ожидал, что Джарлакс посмотрит, как будет развиваться война, прежде чем разыгрывать свои карты.

– Он предпочел бы оставаться в стороне от всего этого, но я подозреваю, что он так же полон решимости довести дело до конца, каким бы он ни был, как и сам Дзирт До'Урден, – сказал ей Браелин. – Что-то нашло на нашего

друга, хотя он и не хочет говорить об этом. Он отправился на север, и там... изменился.

– Так расскажи, что ты слышал.

– Я говорю то, что видел. Это не слухи.

– Значит, он выступит за Дом Бэнр.

– Он - Джарлакс. Он ничего и никому не будет доказывать и поступит так, как будет лучше ему и Бреган Д'Эрт. Только в этом случае он принял решение, что ему и Бреган Д'Эрт будет лучше, если Мензоберранзан избавится от ига адской Паучьей Королевы.

Он внимательно изучал Азлию, пока говорил, ища какой-нибудь намек на то, что она не согласна. Он действительно заметил нотку разочарования, но именно этого он и ожидал.

– Джарлакса могут убить, – сказала Азлия. – Он станет главной мишенью для матроны Жиндии, не сомневайся. Как и Сочащийся Миконид и все, кто работает в этом месте, как только она убедится, что Бреган Д'Эрт - ее враг.

– Джарлакс уже руководил нападением на ее дом всего несколько лет назад, – напомнил Браелин. – В тот день, который я помню так мучительно хорошо. – Он слегка рассмеялся, но не смог скрыть сопровождавшую его дрожь. – Если Жиндия еще не напала на Сочащийся Миконид, значит, она питает сомнения относительно нашей преданности, как и должно быть.

Азлия устремила на него сочувственный взгляд. Она была одной из немногих, кто знал, что в то время он стал жертвой Проклятия Мерзости, превращенный в драука жрицами Меларн. Теперь одна только мысль об этом вызывала у него фантомные боли, и он поймал себя на том, что потирает ноги.

Он стряхнул все это с себя, напомнив, что Ивоннель спасла его. Что Джарлакс и его друзья спасли его.

– Джарлакс привел сюда Артемиса Энтрери, и Энтрери убил ее единственную дочь - как мне сказали, безвозвратно, – добавил Браелин, возвращая разговор в нужное русло. – Она никогда этого не забудет и, конечно, никогда не простит, но она переживает из-за потери дочери только потому, что это ослабило ее дом и ее положение. Она - настоящая жрица Ллос, вот кто. Все, что ее волнует - это власть, поэтому даже ее гнев на то, что произошло раньше, пока будет отложен в сторону, поскольку она пытается выяснить, пойдет ли Бреган Д'Эрт на пользу ей или ее врагу.

– Как ты можешь быть уверен в этом?

– Потому что битва продолжается уже некоторое время, и вот я здесь, внутри Сочащегося Миконида, разговариваю с тобой. Какая защита, кроме

бегства тайными путями, была бы у вас и этого места, если бы Жиндия все еще таила обиды?

– Несмотря на прошлое, Жиндия сомневается, что Джарлакс открыто выступит против Ллос. Или она надеется.

– Возможно, она верит, что влияние Джарлакса на его отряд ослабнет, и мы - главные агенты, которые могут выступить против него.

– Ни для кого не секрет, что Браелин Дженкуэй хочет возглавить Бреган Д'Эрт, – поддразнила Азлия.

Это вызвало улыбку и Браелин фыркнул.

– Значит, известный всем секрет - это ложь, – сказал он.

Азлия приподнялась на цыпочки и перегнулась через стойку, опершись локтями о полированное дерево и опустив лицо - очень круглое для дроу - на ладони.

– Расскажи же, – подсказала она. – Я думала, ты амбициозен.

– Мои амбиции направлены только на тебя, – сказал он и насладился тем, как расширились ее глаза от его искренности и намека. Но как бы ему ни нравилось просто разговаривать с ней, было важно, чтобы он четко дал понять - ей, по крайней мере. – Я остаюсь верен Джарлаксу. Всегда предан только Джарлаксу. Он нашел меня на улице, сломленного и недоумевающего о смысле самой жизни, и дал мне дом, путь и цель. Я не хочу когда-либо заменять его, но обязан вселить в него уверенность в том, что, если с ним когда-нибудь что-то случится, я сослужу хорошую службу всему, что он построил, если останусь жив. Никогда бы я не подумал о том, что могу быть причиной его кончины, каким бы то ни было образом.

– Но если бы что-то случилось с Джарлаксом, Киммуриэль возглавил бы группу, да? Что же тогда останется Браелину?

– Я бы не был настолько глуп, чтобы даже помышлять о каких-либо действиях против того, кто мог и хотел бы читать мои мысли и знать мои планы и таким образом делать со мной такие вещи, которые заставили бы саму Паучью Королеву содрогнуться от любого подобия сочувствия, которое можно было бы вызвать. И да, моя дорогая Азлия, прими это как небольшой совет и для себя тоже. Я очень хорошо узнал Киммуриэля. Он не мстителен, по крайней мере, больше не мстит, и не непредсказуем с точки зрения темперамента. Но он не тот враг, которого кто-либо из нас когда-либо хотел бы иметь. Если бы он взял бразды правления в свои руки, я бы не стал сбрасывать ярмо рофа.

– Итак, надежды Жиндии на то, что Бреган Д'Эрт может предать Бэнров не сбылись.

– Если, возможно, она не думает о хозяйке таверны Азлии, – сказал Браелин, меняя тему. – Ни для кого не секрет, что Азлия хотела бы создать собственную группу, возглавляемую женщинами, что, по ее мнению, является естественным порядком вещей.

При этих словах Азлия отпрянула от стойки, выражение ее лица стало очень серьезным.

У меня действительно есть такая, скорее шайка, но нет отряда наемников, призналась она. – Не соперник Бреган Д'Эрт, которому я по-прежнему охотно служу, а всего лишь дополнение к моим собственным коллегам в городе, который Бреган Д'Эрт почти покинул.

Она огляделась по сторонам, словно желая убедиться, что ее дальнейшие действия не будут замечены, затем подошла к маленькому ящику у основания полок и достала оттуда ничем не примечательную на вид книжечку, быстро вернулась и подвинула ее Браелину.

Браелин знал, что в ней было полно ее недавних наблюдений и советов, и надежно спрятал отчет.

– Джарлакс и Киммуриэль оба знают о моей растущей сети, – сказала она ему. – И предлагают свое благословение и поддержку.

Браелин похлопал по внутреннему карману жилета, куда он сунул блокнот, и кивнул.

– Взаимная выгода, – сказала Азлия. – Они знают.

– Но, возможно, матрона Жиндия Меларн этого не знает, – лукаво добавил Браелин. – Ее надежды, по-своему сексистские, были бы связаны с ее способностью превратить тебя в союзника или, возможно, жрицу, как Даб'Ней. Но, конечно, она не стала бы надеяться или заботиться о том, чтобы возвысить меня или любого другого человека в рядах Джарлакса.

Азлия кивнула, прекрасно поняв, о чем он.

– Давай оставим все как есть, ради всех нас.

Браелин одним большим глотком допил свой напиток, затем со стуком поставил стакан на стойку.

– Сегодня у меня много дел, – сказал он ей. – Возможно, позже мы сможем выпить еще по стаканчику.

– Возможно, мы сможем разделить нечто большее, – смело сказала она. – Ты знаешь, где меня найти, но только потому, что я дала тебе знать, где меня найти. И это место, где атмосфера - больше половины удовольствия.

Несмотря на окружавшие его мрачные предзнаменования, Браелин покинул Сочащегося Миконида пружинистой походкой.

– **Я** же говорил, – сказал Челлит Вандри жрице Ханцрин, стоявшей рядом с ним, пока они наблюдали, как мужчина-дроу входит в таверну самым осторожным и необычным образом. – В этом нет никаких сомнений. Это Браелин Дженкуэй из Бреган Д'Эрт.

– Я не сомневалась в тебе, – ответила Барбар'ит Ханцрин. – С чего бы мне? Приспешник Джарлакса приходит в Браэрин, чтобы проверить их таверну? Это ничего не доказывает.

– Браелин Дженкуэй - больше, чем прислужник, – возразил Челлит. – Ходят слухи, что он третий после лидеров. Зачем Джарлаксу посылать кого-то столь важного, если он намеревался сохранять нейтралитет?

– Он послал своего лучшего разведчика в место, где информация имеет решающее значение, – рассуждала Барбар'ит.

Челлит испустил долгий вздох.

– Не позволяй своим амбициям ослепить тебя сомнениями, – посоветовала жрица. – Твое самое большое желание - стать мастером оружия Вандри, когда все закончится.

– Я этого не отрицаю, и нанесение такого удара оказало бы мне большую услугу.

– Или подвергло бы тебя - нас - пыткам, – возразила Барбар'ит. – Матрона Жиндия ненавидит Джарлакса, это правда, но она надеется привлечь Бреган Д'Эрт в свое лоно.

– А что думает дом Ханцрин? Если вообще остался Дом Ханцрин, я имею в виду.

Барбар'ит знала, что ее лицо напряглось, выдавая ее истинные чувства. Она играла здесь роль противницы из осторожности и для того, чтобы вытянуть любую информацию, которая могла быть у этого разведчика Вандри о положении Бреган Д'Эрт. Очевидно, у него не было ничего, кроме собственных предположений. Она надеялась на большее.

– Дом Ханцрин выжил, – коротко ответила она. – Мало кто был убит во время рейда, кроме заменяемых слуг-не дроу.

– Да, я уверен, что матрона Шакти и Первая жрица Чарри вполне довольны.

– Твой тон... – предупредила Барбар'ит.

– Неужели ты не видишь здесь возможности? Для меня - да, но и для себя тоже. Если те Ханцрины, которые не в рабстве у Верховной Матери Бэнр, не будут действовать смело, тогда...

Челлит обнаружил, что слова застряли у него в горле, потому что мышцы рта не слушались приказов разума.

Он стоял там, совершенно неподвижный, абсолютно беспомощный, как будто тело заключили в какую-то оболочку из невидимого металла.

– Ты забыл свое место, – предупредила Барбар'ит. Она отступила назад и полезла в сумку на поясе, доставая маленькую металлическую полоску. Она поднесла ее к глазам Челлита.

Он понял, что сейчас произойдет, еще до того, как жрица зажгла небольшое пламя между большим и указательным пальцами свободной руки. Он попытался вырваться из ее парализующих чар, но это заклинание было сильным, очень сильным.

Барбар'ит начала шептать, дразня его своим напевом.

– Я никогда не позволю мужчине разговаривать со мной в такой манере, – сказала она, качая головой и изображая - так явно изображая - некоторое раскаяние.

Нет, Челлит хорошо ее знал, и знал, что ей нравится эта игра.

Его доспехи начали нагреваться, и как же ему хотелось сбросить кольчугу!

Но он не мог.

Дискомфорт превратился в боль, в жгучую агонию. Он попытался вырваться из ее магической хватки, и снова потерпел неудачу. Он хотел извиниться, но не смог.

И она читала ему нотации, предупреждала его, напоминала, что, хотя они были друзьями и любовниками, в их дружеских отношениях был порядок, который нельзя было отрицать. Это был путь Паучьей королевы, повторяла она неоднократно.

Челлиту хотелось закричать. Он знал, что его кожа покрылась волдырями. Они проходили через это раньше, несколько раз, достаточно, чтобы мужчина выглядел так, словно на нем была кольчуга из шрамов, когда он снимал доспехи и одежду.

Барбар'ит нравились эти шрамы. Она нежно проводила по ним рукой и шептала на ухо Челлиту напоминания о том, что правила устанавливает она, а его долг - просто беспрекословно им следовать.

Он чувствовал запах горящей плоти, своей горящей плоти. Как бы ему хотелось, чтобы ее магический паралич лишил его этого особого чувства.

Теперь боль была невыносимой. Если бы ее заклинание не удерживало его на месте, он был уверен, что упал бы.

– Ты понимаешь? – услышал он насмешку Барбар'ит, придвигающейся к нему ближе, и понял, что в своей попытке отвлечься от своих мыслей он не расслышал ее первые несколько раз, когда она спрашивала об этом. Впрочем, это не имело значения, ибо что ему оставалось делать? Он даже моргнуть не мог!

Жрица с отвращением хмыкнула и взмахнула руками, обернувшись вокруг себя.

Паралич спал, и Челлит, задыхаясь, упал на одно колено. Броня почти сразу остыла, но боль осталась.

Все еще стоя к нему спиной, Барбар'ит зашептала, ее голос шипел, как у змеи:

– Тебе так нравятся ехидные оскорбления, направленные в адрес моей семьи. – Она резко обернулась, ее лицо превратилось в маску ярости. – Неужели мимолетное удовольствие от насмешек того стоит?

– Я всего лишь...

– Они того стоят? повторила она, выделяя каждое слово.

– Нет, жрица.

– Кому ты служишь? – спросила она.

– Ллос, леди Лло...

– Конечно, Ллос, ты идиот. Мы *все* служим Ллос. Но кому служит *Челлит*?

– Я служу жрице Барбар'ит, – сказал он.

– А теперь расскажи мне все, что ты знаешь об этом дураке Браелине Дженкуэе.

– Он... он обладает огромной... властью... в городе Лускан, – сказал Челлит, но это заняло некоторое время, потому что он дрожал и все еще задыхался.

Барбар'ит вздохнул и снова начал колдовать. Она положила руку на лоб мужчины и послала волны магического исцеления в его измученное тело.

– Он главный разведчик Бреган Д'Эрт, – сказал Челлит, успокаиваясь, пока боль уменьшалась.

– Тогда я спрашиваю снова: зачем Джарлаксу рисковать им здесь?

Челлит пожал плечами:

– Почему Сочащийся Миконид все еще работает? Почему персонал не убит?

– Расскажи же мне.

– Потому что Мать Жиндия не выступила против Бреган Д'Эрт.

– И все же ты хочешь, чтобы мы сделали это без ее явного разрешения? Ты вообще продумал этот бессмысленный план до конца? Матрона Жиндия сделает из нас драуков! Мне следовало бы просто расплавить тебя в мерзкую лужу за твою глупость.

– Она этого не сделает, если мы сможем заставить Браелина Дженкуэя раскрыть нам планы Джарлакса в этой войне, – упрямо сказал Челлит, несмотря на недавние пытки.

– Если он так ценен для Джарлакса, он никогда его не предаст.

– Разве это имеет значение? – спросил Челлит.

Барбар’ит уставилась на него, сначала в гневе за его дерзость, но потом с любопытством.

– Мы убьем его, – продолжил он, – и скажем матроне Жиндии, что он признался нам, что Бреган Д'Эрт примет сторону Бэнров, прежде чем мы были вынуждены убить его.

Озадаченное выражение лица Барбар’ит не изменилось ни на мгновение. Затем ее глаза сузились.

– Конечно, это, скорее всего, произойдет, – сказал Челлит, и его тон стал отчаянным перед лицом все более хмурого взгляда Барбар’ит. – Матрона Жиндия ненавидит Джарлакса. Она поверит тому, что мы ей скажем, потому что это только подтверждает то, что она знает в глубине души, несмотря на любые надежды, которые у нее могут быть на то, чтобы привлечь эту банду наемников на свою сторону.

Выражение лица Барбар’ит смягчилось.

– Итак, даже если Джарлакс планировал не впутывать в это Бреган Д'Эрт...

– Наши действия сделают Джарлакса и его банду врагами матроны Жиндии, – сказал Челлит. – Можешь ли ты отказать Дому Ханцрин в выигрыше? Бреган Д'Эрт всегда был вашим соперником - ваш дом и банда Джарлакса сражаются за каждый кусочек торговли за пределами города, а в последнее время...

Он прикусил язык, понимая, что он сказал правду, и Джарлакс становился все сильнее и контролировал большую часть северного побережья Мечей на поверхности, в то время как Дом Ханцрин потерял там всякую благосклонность, принеся катастрофу в виде филактерий, наполненных демонами, в благородную семью Глубоководья - напоминание могло не очень понравиться порочной женщине, особенно с учетом того, что многие из ее дома теперь были заключены в тюрьму еретиками Бэнр в их собственном комплексе.

– Мы, конечно, на стороне матроны Жиндии, ибо таково требование леди Ллос, – сказал Челлит, и его голос окреп. – Но действительно ли мы хотим, чтобы Бреган Д'Эрт присоединилась к нам? Когда мы победим - а как мы можем не победить? - разве это не будет гораздо более значимой победой, особенно для Дома Ханцрин, если Джарлакса и его наемных негодяев отправят в Бездну, чтобы показать ошибочность их путей?

Барбар’ит внезапно шагнула вперед, обхватила лицо Челлита и крепко поцеловала его.

– Я приведу нашего друга, – прошептала она. – О, мой умный любовник, ты следи за дверью, и когда Браелин Дженкуэй вернется из таверны, вступи с ним в разговор.

– Я скажу ему, что хочу присоединиться к Бреган Д'Эрт, – ответил Челлит со смешком. – Эти высокомерные дураки думают, что все хотят быть частью их нелепой банды.

Барбар'ит ушла, а Челлит наблюдал, как она возвращается по переулку, почти загипнотизированный уверенностью ее походки, покачиванием бедер; его, несомненно, влекло к ней, он желал ее и ненавидел одновременно. Как только она скрылась из виду в конце переулка, воин Вандри снова обратил свое внимание на Сочащийся Миконид, как раз вовремя, чтобы увидеть, как Браелин Дженкуэй выходит из двери.

Челлит еще немного оставался в тени, пытаясь вспомнить все, что он слышал об этом человеке - не ту информацию, о которой просила Барбар'ит, а касающуюся стиля боя Браелина или его подготовки. Он мало что знал, но был уверен, что Браелин никогда не бывал в Мили-Матгире. Браелин не был отпрыском знатного дома. На самом деле, в Мензоберранзане нет Дома Дженкуэй, и, насколько знал Челлит, никогда не было

– Не обучался в академии, не было мастера оружия, у которого можно было бы поучиться, – прошептал воин Вандри самому себе, укрепляя свою решимость. Он и представить себе не мог, что какой-нибудь такой простолюдин сможет сразиться с ним на клинках. Челлит был третьим в своем классе и много тренировался под руководством мастера оружия Зинтарла. Как мог какой-нибудь бездомный бродяга с Улиц Вони когда-либо надеяться сравниться с ним?

Поняв, что внутри были союзники Бреган Д'Эрт, Челлит подождал, пока Браелин отойдет на некоторое расстояние от таверны, прежде чем выйти, чтобы перехватить его. Даже тогда он едва вышел из тени, а вместо этого издал короткое, резкое шипение.

Когда Браелин повернулся в его сторону, Челлит начал показывать пальцами на языке жестов дроу, называя свое имя и прося аудиенции.

Разбойник огляделся по сторонам, затем осторожно двинулся к воину.

– Дом Вандри, говоришь? – спросил Браелин. – Ты аристократ?

– Племянник Матери Аши, – честно ответил он, хотя и отметил, что его заявление о своем доме подтолкнуло руку Браелина немного ближе к оружейному поясу.

– Любитель выпить из черепа, – сказал Браелин, не выказывая особого уважения. По всему Мензоберранзану ходили слухи, что стол Вандри был уставлен кубками, сделанными из человеческих черепов. Хоть это и правда,

кубки использовались только по особым случаям, но пренебрежительное прозвище «пьющих из черепа» было распространенным, когда речь шла об одном из членов клана Челлита.

Челлит попытался скрыть свой гнев из-за оскорбления и сделал все, что мог, чтобы не оборвать жизнь этого простолюдина прямо здесь и сейчас. – А ты, я полагаю, Браелин Дженкуэй, раз ты из Бреган Д'Эрт.

– Неужели?

– Да, ты Браелин Дженкуэй из Бреган Д'Эрт. Я знаю о тебе и слышал, что ты объявился в городе, и поэтому я разыскал тебя.

– Слышал от кого?

– Шепотки на Улицах Вони.

– Значит, ты проводишь здесь много времени?

– Это моя единственная передышка от бессмыслицы нынешних ветров, дующих в городе, и от пристальных взглядов жриц Вандри, особенно от самой Матери Аши.

– Рассказывай.

Челлит насмешливо фыркнул.

– Ты из Бреган Д'Эрт, так что мне нет необходимости объяснять тебе, что происходит. Без сомнения, ты слышал об укреплении альянсов по мере того, как линии фронта становятся более четкими, – сказал Челлит. – Не трать наше время на такой бессмысленный вопрос.

Браелин вообще ничего не ответил, даже глазом не моргнул.

– Точно так же, как я не буду тратить наше время на то, чтобы притворяться, в чем заключается верность моего дома; да, ты знаешь, что моя Мать выбрала сторону Матери Жиндии Меларн. Тебя это беспокоит? Ибо я слышал, что Бреган Д'Эрт не высказывали никакой позиции.

Браелин по-прежнему ни разу не моргнул.

– Я здесь не как посланник Дома Вандри к тебе или к Джарлаксу через тебя.

– Именно поэтому я пытаюсь выяснить, почему ты здесь, и почему ты искал *меня*.

– Потому что ни у кого в Сочащемся Миконидe нет прямой связи с Джарлаксом, и чем меньше людей услышат мою просьбу, тем лучше. У меня мало желания становиться драуком.

При этих словах Браелин, казалось, немного расслабился. Он потратил мгновение, оглядывая Челлита с головы до ног, прежде чем спросить:

– Откуда ты знаешь, что мы не встанем на сторону матроны Жиндии?

– Мне все равно.

Это явно застало Браелина врасплох, как и надеялся Челлит.

– Мне все равно, чью сторону примет Бреган Д'Эрт, если таковая вообще будет, – уточнил Челлит.

– Тогда я снова спрашиваю: почему ты меня искал?

– Я хочу присоединиться.

– Присоединиться? Ты благородный племянник в правящем доме.

– И это совсем не то, чего я когда-либо хотел. – Челлит сделал паузу и огляделся для пущего эффекта. – Если ты хочешь предать меня, пожалуйста, просто убей меня, но здесь я должен говорить правду. Я хочу убраться из этого места.

– Мы, Бреган Д'Эрт, возможно, скоро будем здесь, как ты только что намекнул.

– Но, по крайней мере, тогда, если я буду с тобой, я буду знать, что борюсь за что-то большее, чем за последнюю ссору между матронами города. Дом Вандри, Мать Аша, встает на сторону матроны Жиндии, потому что она поклоняется Ллос и боится мести Паучьей королевы. Признаю, с такой логикой трудно поспорить, но пойти против Дома Бэнр? Это безумие!

– Итак, твое желание просто прагматично.

– Нет, нет, – сказал Челлит, качая головой так же решительно, как и менял тон. – Может быть, я просто более лоялен к своему полу, чем к жрицам, которые вырастили меня, которые били меня, которые разрывали мою плоть своими змееголовыми бичами. Я хочу присоединиться к вам, чтобы обрести хоть какое-то подобие свободы, хоть какое-то подобие ценности, выходящей за рамки моего потенциала в качестве пары или пушечного мяса в любой ссоре, которую женщины приносят в Мензоберранзан. Если это означает борьбу в городе, даже против моей собственной семьи, то пусть будет так. Потому что, когда это будет сделано, все, о чем я прошу - это чтобы Бреган Д'Эрт увезла меня подальше от этого места. Мне есть что предложить.

Он старался, чтобы его голос звучал решительно и даже умоляюще, когда начал честно перечислять свои достижения в Академии и в своей работе на Дом Вандри. Он пересказал все, что смог вспомнить, с приукрашиваниями, а затем выдумал еще кое-что - все, что угодно, лишь бы заинтересовать Браелина.

Он воспрянул духом, когда негодяй начал кивать и улыбаться, даже наклонился к нему, словно желая услышать больше от этого потенциально ценного рекрута.

Ты безрассудный дурак, Челлит, – прошептала Барбар’ит Ханцрин самой себе, когда выглянула из-за стены переулка и увидела, как он вышел поговорить со шпионом Бреган Д'Эрт, хотя это было именно то, что она

приказала ему сделать. Она не могла скрыть своего волнения. План действительно был опасен, даже очень, но когда они доведут сфабрикованную информацию до Жиндии, могущественная матрона, без сомнения, будет благодарна - при условии, что они будут достаточно убедительны.

И, конечно, матрона Шакти была бы в восторге, если день закончится и Бреган Д'Эрт окажется сильно ослаблен, если не уничтожен полностью. Дом Ханцрин снова объявит всю торговлю за пределами города своим владением!

Тем не менее, в Челлите была доля безрассудства - о чем она только что напомнила ему, когда расплавила ему плоть его собственной броней. Ее бы не удивило, если бы он все испортил и сделал убийство намного сложнее, чем оно должно было быть. Тогда ей придется взять дело в свои руки.

Помня об этом, она отбросила свои тревоги в сторону и начала читать свиток призыва, зная, что для правильного управления этой конкретной тварью потребуются ее полная сосредоточенность и энергия.

Она уже призывала его, Ингроу, раньше и предпочитала его другим из рода хезроу... главным образом потому, что ей нравился глупый, писклявый звук, с которым массивный и неповоротливый демон с лягушачьим лицом хихикал каждый раз, когда причинял боль другому. За последние несколько десятидневок они часто бывали вместе, и когда портал открылся и появился хезроу, Ингроу, казалось, был рад снова увидеть Барбар'ит.

– Пойдем, мой мерзкий друг, – сказала она. – Давайте поиграем с одним глупцом.

Как бы хорошо этот парень, Челлит Вандри, ни умел носить маску нетерпения и надежды, Браелин Дженкуэй лучше умел притворяться, что ему не все равно. Его кивки скрывали движение его глаз, метавшихся во все стороны. На его лице отображался интерес, но он не слушал ни слова из того, что говорил этот идиот, потому что все это не имело бы ни малейшего значения, если бы Браелин когда-нибудь отвел его поговорить с Джарлаксом и Киммуриэлем, чтобы официально попросить о приеме в группу.

Вместо этого Браелин держал свои чувства обращенными вовне, мимо Челлита, держа руки и свои мысли наготове, ожидая худшего.

Интриги Джарлакса его научили.

Он заметил движение в тени переулка. Он почувствовал запах чего-то ужасного, отвратительного и достаточно сильного, чтобы ощутить его даже отсюда.

Мгновение спустя он почувствовал, как напряглись его мышцы, магическое вторжение пыталось удержать его на месте, совершенно неподвижного, совершенно беспомощного.

Он узнал это заклинание по тренировкам, которые провел с Даб'Ней.

Он не мог моргнуть. Эта истина пронизывала его мысли.

Он почувствовал, как его доспехи становятся теплее, и это было неприятно, как раз в тот момент появилась женщина, одетая в платье жрицы.

Рядом с ней появился огромный, семифутовый зверь, похожий на гигантскую шипастую жабу с мускулистыми руками и передвигающийся вертикально на двух ногах. Браелин подумал о приключениях Джарлакса на севере и рассказах о слаадах, но запах - ибо именно он был источником этого отвратительного запаха - подсказал ему, что это был не слаад.

Это был демон, большой, сильный, уродливый.

Браелин Дженкуэй напомнил себе, что он не может моргать.

Его броня теперь жгла его, но он не мог даже дернуться от сильного дискомфорта.

– Посмотри, мой дорогой Ингроу, – услышал он слова жрицы и заметил, что на ней была эмблема Дома Ханцрин, которую Браелин, как и все члены Бреган Д'Эрт, хорошо знал. – У нас есть шпион Бреган Д'Эрт, прибывший в Мензоберранзан, чтобы помочь победить леди Ллос, и таким образом лишить вас, созданий Бездны, этой чудесной игровой площадки.

Браелин понял, что его кожа начинает покрываться волдырями, и почувствовал, как громкий крик боли клокочет у него в горле.

– Позволь мне поджарить его еще немного, прежде чем ты начнешь есть, – сказала Барбар’ит, и это последнее слово, последнее, что она когда-либо произнесет, было вырвано с такой же уверенностью, с какой она надеялась, что эта неуклюжая демоническая жаба-зверь откусит голову Браелину.

В последнее время Браелин тренировался у Закнафейна, но большая часть его боевых навыков была приобретена за годы тренировок под руководством Джарлакса, который ненавидел долгие сражения. «Слишком многое может пойти не так с каждым ударом сердца», - часто объяснял Джарлакс Браелину во время их поединков.

Ничья решала все, и, если все было сделано правильно, довольно часто решался весь конфликт.

Как и сейчас, когда Браелин отбросил неудавшиеся парализующие чары, поднес левую руку к правому бедру, выхватил, перевернул и одним плавным движением нанес удар своим заостренным коротким мечом вверх, попав жрице прямо под подбородок и направив тонкий и сильно зачарованный клинок вверх с такой силой, что кончик вонзился ей в макушку.

Браелин потянул меч вниз, и в тот момент, когда тот освободился, он выполнил пару сальто назад, чтобы уйти от демона и Челлита Вандри, приземлившись в тот же миг, когда умирающая жрица осела кучей на землю.

Чудовище-жаба удивило его странным писклявым звуком, похожим на смех существа, которое просто не знало, как смеяться, когда оно повернулось к нему лицом и согнуло когтистые кисти своих массивных длинных рук.

– Что ты натворил? – пробормотал Челлит и обратился к демону: – Убей его!

Демон-хезроу сделал шаг в сторону Браелина.

– Она вызвала тебя, и теперь она мертва, – сказал разведчик почти беспечно. – Ты свободен, и прямо рядом с тобой стоит идиот, у которого нет обнаженного меча.

Демон сделал еще шаг, но изобразил на своем лице с широким ртом любопытное выражение и взглянул на Челлита, который только тогда вытащил свой собственный меч.

– Подожди... что? – сказал воин Вандри, его глаза расширились, когда он понял внезапный поворот.

Хезроу прыгнул на него, зубастая пасть сомкнулась на предплечье, которое Челлит поднял, чтобы отбиться от демона.

Свободной рукой Челлит, наконец, выхватил меч и вонзил его в живот демона-хезроу.

Зверь взревел от ярости, его левая рука взметнулась вверх, затем с силой опустилась на сгиб руки Челлита, держащей меч, отводя руку в сторону, чтобы избежать укуса клинка.

Воин снова потянулся к нему, но демон покачал головой, и так дико затряс Челлита всем телом, затем выплюнул раздробленную руку, свободная правая рука Ингроу замахнулась, чтобы ударить человека и отправить его в полет, он рухнул на землю, безоружный, истекающий кровью и сильно оглушенный.

Как бы сильно Браелин ни наслаждался зрелищем, он понял, что не будет вытягивать никакую информацию из жрицы с разрезанным пополам мозгом, ведь она больше даже не дергалась, и что этот идиот-воин может оказаться для него чем-то ценным.

И хотя он, возможно, и хотел сбежать, ему было неприятно оставлять демона на Улицах Вони.

Он задавался вопросом, не передались ли ему через Джарлакса навыки Дзирта.

Демон присел и поджал ноги, готовый наброситься на беспомощного человека, но прежде чем он начал прыжок, стрела вонзилась сбоку в его жабью голову; затем вторая, тонкая и волшебная, пронзила его левую руку сбоку и вошла в грудину.

Удивленный и сбитый с толку, хезроу поймал собой третью и четвертую стрелы еще до того, как повернулся лицом к Браелину, стоявшему теперь в нескольких десятках шагов от него и ухмылявшемуся, поднимая лук снова.

Телепатический рык Ингроу эхом отозвался в сознании Браелина.

Это потрясло его: демон в твоем мозгу - это совсем не то, что хотелось бы испытать, - но это не отвлекло дисциплинированного разведчика от цели, когда он всадил стрелу прямо в ноздрю демона.

Как только стрела покинула тетиву, Браелин бросился на него.

Демон тоже прыгнул, и дроу нырнул вперед, пролетев прямо под жабой, развернулся и встал, всадив в зверя шестую стрелу еще до того, как тот поднялся на ноги, затем еще две, прежде чем ему пришлось отбросить лук в сторону и вытащить свой окровавленный короткий меч изо рта мертвой жрицы в левую руку и достать свой длинный меч - его новый и сказочный длинный меч - из ножен на правом бедре.

«Мое терпение на исходе», – услышал он в своем сознании и понял, что это был не демон. Нет, это был его меч, новый, который Джарлакс подарил ему по возвращении с севера, его острие светилось тонкой линией красного света.

– Ну же, давай поиграем, – насмехался Браелин над хезроу, но также он слышал одобрение своего меча, и покрутил своим новым клинком в правой руке.

Он знал, что меч по-прежнему злился на него, телепатически проклиная за то, что он использовал другой клинок для убийства жрицы.

– Тебе недостаточно демона? – Браелин ответил вслух разумному оружию. Тогда он почувствовал внезапное желание броситься и прикончить Челлита, но проигнорировал это и бросился на хезроу.

Браелин начал размахиваться, пытаясь отвлечь и замедлить демона, но раненый и разъяренный зверь просто бросился напролом и почти сбил Браелина с ног, хотя разведчик пригнулся достаточно низко, чтобы избежать удара тяжелой, мощной руки хезроу. Он нырнул в сторону, разворачиваясь и позволяя себе упасть в перекат, и дважды ударил зверя в бедро, нанеся оба удара - и как легко и красиво этот смертоносный меч скользнул сквозь плоть и кости демона!

Браелин повернулся и снова поднялся на ноги, бросившись вперед, когда хезроу повернулся к нему. Он летел прямо на тварь, подобравшись так близко, что удар ее дьявольской правой клешни пришелся ему за спину.

Он почти подумал, что промахнулся, так легко его меч проскользнул прямо сквозь грудь демона, и это удивление едва не стоило ему дорого, замедлив его реакцию, и тогда демон укусил его. Он упал назад и вниз, позволив своему заостренному короткому мечу выпасть и схватившись за

рукоять своего длинного меча обеими руками, взмахнул им, не прямо, как обычно, нет, а движением вверх, протыкая лезвием внутренности демона, ребра, плоть и, наконец, прямо насквозь. Острое лезвие так быстро пронзило демона и вышло наружу, что Браелин просто позволил себе упасть навзничь, причем беспрепятственно, потому что демон больше не обнимал его своими руками.

Браелин споткнулся, но удержался на ногах, быстро отступая назад и наблюдая за своим врагом.

Хезроу не выказывал никаких признаков нападения и, казалось, вообще не смотрел на Браелина. Он просто стоял там, широко раскинув руки, его голова и тело были утыканы стрелами, из множества ран сочился демонический гной, особенно прямо спереди, где он был так чисто и глубоко рассечен от живота до подбородка.

Браелин наблюдал за оперенным концом древка стрелы, которую он всадил в нос демона, теперь направленным в небо и дрожащим.

Атакуй! – Меч Браелина телепатически отдал приказ, и он намеревался прислушаться к этому зову, но не так, как того хотело оружие. Он начал опускать меч, глядя на лук, который лежал в стороне.

Нет! – умолял меч. – *Пожалуйста!*

Вот оно, как и предупреждал его Джарлакс. Хазид'хи, печально известное оружие, известное как Резец, больше не приказывало ему. Нет, он умолял его! Это вызвало улыбку на лице Браелина, когда он подумал, что теперь это полностью соответствует воле господина.

– *Очень хорошо,* – молча ответил он. Он не стал доставать свой лук. Он не стал доставать свой короткий меч. Он взял Резец обеими руками и пошел прямо на демона-хезроу, атакуя его, падая в скольжении и рубя его по ногам, быстро поднимаясь и вгоняя меч под углом под жабоподобный пищевод демона снова и снова.

Он чувствовал удовлетворение клинка в своем сознании, восторг, когда тот раз за разом попадал в цель и пил кровь своего врага.

Браелин знал, что хезроу был уничтожен, уже начав испускать дым Бездны, начав свое изгнание домой, но Браелин заметил что-то еще, какое-то движение в стороне, и поэтому он продолжал яростно наносить удары, казалось, потеряв контроль.

Он резко остановился и развернулся, Хазид'хи метнулся вниз и поперек, перехватив меч Челлита Вандри и отводя его по широкой дуге. Браелин повернулся лицом к мужчине, взмахнул клинком вверх, перевернул, а затем снова опустил и выставил блок. Челлит был настолько застигнут врасплох, настолько удивлен, что его удар в спину был отражен, что он вообще потерял свой меч, оружие отлетело через дорогу и ударилось о камень.

Кончик Хазид'хи был у его горла.

И как же мечу хотелось крови!

«Но этот мог бы оказаться полезным», вспомнил Браелин и передал оружию это чувство.

Хазид'хи ничего этого не слышал, вынуждая Браелина нанести удар, и телепатическая команда была настолько сильной, что опытный воин Бреган Д'Эрт почти выполнил ее.

Почти.

Вместо этого он просто вонзил острие в горло Челлита, совсем чуть-чуть, заставив мужчину приподняться на цыпочки.

Браелин поднял свободную руку, проведя указательным пальцем по поджатым губам:

– Ни слова, – сказал он воину. – И если ты не будешь следовать за мной так, как я в точности прикажу - я снесу тебе голову.

Затем он подобрал свое оружие и повернулся к Сочащемуся Миконидy.

– Почему? – спросил он, приблизившись к своему пленнику.

– Из-за жрицы, – запинаясь, пробормотал Челлит. – Она мой учитель и велела мне сделать это. Она - Ханцрин, и ненавидит банду Джарлакса.

Челлит несколько мгновений болтал без умолку, пока Браелин, наконец, не остановил его вопросом:

– Ты правда хотел присоединиться к отряду?

– Она заставила меня. Дом Бэнр вывел ее семью из этой войны.

– А что с твоей семьей?

Мужчина с трудом сглотнул, или начал это делать, но от этого движения комок в его горле прижался к кончику Хазид'хи. Он захрипел от боли.

– Матрона Аша...

– Продолжай.

– Матрона Мать Аша встала на сторону Матери Жиндии. Это было правдой.

– И что?

– Это все, – взмолился мужчина.

Тогда я оставляю тебя с этим советом, Челлит Вандри, – сказал Браелин. – Никогда не сообщай врагу всю свою информацию до того, как он согласится сохранить тебе жизнь.

Глаза Челлита расширились от ужаса.

– Что еще? – потребовал Браелин.

Мужчина все заикался и заикался, отчаянно желая придумать что-нибудь, что угодно, но через мгновение Браелин понял, что все, что скажет Челлит в этот момент, будет ложью.

Браелин убрал кончик своего меча, но сначала провел по шее Челлита, сбоку, перерезав мужчине артерию.

Он отошел, когда хлынула кровь, а Челлит опустился на колени. Он чувствовал удовлетворение Хазид'хи, даже шепот меча глубоко в его сознании о том, что он начинает думать, что, возможно, он достоин его носить.

Браелин отправил то же самое сообщение обратно мечу. Однако это было не сделкой, не предложением о взаимной выгоде. Нет, это был вызов, в котором Браелин рос уверенностью, что сможет победить.

Следуя уроку Джарлакса, Браелин достал маленький жезл и произнес заклинание, которое должно было показать ему магические чары, особенно те, которые накладывались на предметы, которые могли быть довольно ценными. Он снял с мертвой жрицы несколько безделушек и интересную брошку, подобрал меч Челлита, который казался довольно сильно заколдованным для оружия человека, не являющегося мастером Дома, затем вернулся к Челлиту, который все еще стоял на коленях, булькая и задыхаясь.

Браелин внимательно изучил его, но не обнаружил никаких достойных внимания магических излучений.

– Все могло бы быть иначе, – сказал он Челлиту, который смотрел на него, хватаясь за горло и жалостливо пытаясь остановить кровь со слезами на глазах. – Если бы ты действительно захотел присоединиться к Бреган Д'Эрт, я мог бы это разрешить.

Челлит несколько раз кивнул, его глаза были полны боли и мольбы.

Браелин оглядел немногочисленных свидетелей в тени на улице, в конце переулка и пару на балконе, которая, казалось, наслаждалась зрелищем. Все они казались довольно удивленными, а почему бы и нет? Ибо это союзники Меларн в последнее время свирепствовали в Браэрине со своими демонами.

Бросив последний взгляд и разочарованный вздох на Челлита, который опускался на мостовую, Браелин Дженкуэй продолжил свой путь.

Глава 3
Битвы за битвами

– **М**атрона Аша требует аудиенции, – сообщил своей Матроне маг Дома Илцтран Меларн.

– Она требует?

– Очевидно. Она очень зла, так сказал ее посланник.

– Зла? – Жиндия насмешливо фыркнула. – Я всегда сомневалась в истинном понимании Домом Вандри леди Ллос и в ее преданности ей. Кто был убит?

– Челлит Вандри.

– Кто?

– Племянник, – объяснил Илцтран. – По всем отзывам, честный боец, стремившийся к званию мастера оружия.

– Но у них есть мастер оружия.

– Верно.

– Тогда это был достойный подарок леди Ллос, – сказала Жиндия. И не такой дорогой, как тот, что помогает нам в более масштабном плане войны.

– Мать...

– Она хочет ответов, – перебила его Жиндия. – Это понятно. И поэтому мы дадим ей ответы, выходящие за рамки очевидного: что ее драгоценный племянник погиб на службе Ллос, сражаясь в Браэрине. Большей потерей, конечно, стала жрица Дома Ханцрин, и величайшей из всех - изгнание хезроу на сто лет! Злится ли Матрона Мать Аша Вандри из-за этих потерь? – Эмиссар упомянул только Челлита. Потому что Аша эгоистична и глупа и не может понять, что мы платим высокую цену только потому, что награда еще больше.

– Она присоединилась к нашему союзу и сделала это вопреки своему страху перед нашим величайшим союзником. У Дома Вандри сложная история с Домом Баррисон Дель'Армго, который останется без связей, если...

– Илцтран остановился и резко прочистил горло, чтобы скрыть поправку. –

Когда, – сказал он, – падет Дом Бэнр.

– Без связей? Связь с кем важнее всего?

– С Леди Ллос, – Илцтран ответил в то же мгновение, распознав еще одну свою оплошность. Он посмотрел на Йеккардарью и Эскавидне и немного расслабился, поскольку ни одна из них не казалась чрезмерно обеспокоенной или сердитой.

– Пойдемте, – пригласила Жиндия его и всю свою свиту. – Давайте посмотрим, вернулись ли наши посланцы.

Она повела их к главным балконам дома Меларн, широкому и длинному проходу, защищенному множеством сталактитовых колонн, поддерживающих его через каждые несколько футов. Часовые, волшебники, лучники и в основном мужчины, при появлении суровой Матроны вытянулись по стойке смирно.

– Сколько еще? – спросила Жиндия одинокую жрицу, молодую женщину-Меларн по имени Зоваллия.

– Мать, – ответила Зоваллия, поклонившись соответствующим образом Жиндии и двум йоклол. – Уже недолго. Она указала на северо-восток. – Я ожидаю, что они появятся в поле зрения в любой момент.

Жиндия кивнула и повернулась, чтобы вглядеться в городской пейзаж.

– При... свидетелях, – добавила Зоваллия с довольно злобным акцентом на слове «свидетелях».

Эта новость обрадовала Жиндию. Явный восторг Зоваллии от этого понравился ей еще больше.

Они услышали ужасное жужжание крыльев хазми еще до того, как демоны появились в поле зрения, летя группой, но по двое, поскольку каждая пара держалась за одну сторону упряжи, на которой висел пленник дроу. Их было четырнадцать, с семью «свидетелями», и всю группу возглавляло трио суккубов, которые, без сомнения, убедили плененных дроу, что в их интересах пойти с ними добровольно.

Гудящий шум усилился до сводящего с ума уровня, настолько, что один из лучников Жиндии без сознания упал на пол.

– Накажи его, – сказала она Зоваллии и, больше не раздумывая, направилась поприветствовать троицу суккубов, когда они приземлились на ее территории.

– Один дроу убил всех троих: жрицу Ханцрин, воина Вандри и Ингроу, – сказала Карива, прекраснейшая демоница-суккуб с рыжими волосами, идеально подходящими к красным крыльям летучей мыши, которые она сложила за плечами, чтобы дать место остальным, когда ступила на твердый камень.

– Впечатляющая победа, – согласилась черноволосая суккуб Увиллия.

– Мы должны поймать его и поиграть, – предложила Риффития, третья из группы, чьи глаза постоянно меняли цвет, но оставались потрясающе красивыми и насыщенными независимо от их оттенка.

– Его? – спросила Жиндия. – Что вам известно?

– Да, это был мужчина, – ответила Карива. – Некоторые подтвердили это. –

Ей пришлось повысить голос, чтобы быть услышанной сквозь оглушительное гудение четырнадцати демонов-хазми.

Жиндия нахмурилась и посмотрела на приближающихся тварей с их уродливыми серо-голубыми насекомоподобными телами и отвратительными раздутыми человеческими лицами.

– Прекратить! – крикнула Карива, и почти мгновенно жужжание перешло в более нормальный гул их больших бьющихся крыльев. – Им действительно нравится демонстрировать свое мастерство в жужжании, – объяснила она Жиндии.

– Вы говорили, их было несколько?

– Да, все, кроме одного, признались, что были на улице, хотя многие утверждают, что видели мало. Вполне вероятно, что все они видели драку, по крайней мере, издалека. Что мы выяснили, так это то, что боец, убивший этих троих, был мужчиной хрупкого телосложения, быстрым в обращении с клинками и умным, очень умным.

– Постройте их в моем тронном зале, – приказала Жиндия, когда хазми начали выводить захваченных дроу на балкон. Она зашагала прочь, ведя за собой Илцтрана и двух прислужниц.

– Суккубы стали ценным дополнением, – заметил волшебник по дороге. – Я удивлен, что они ответили на наш призыв.

– Ты сомневаешься в Ллос? – рявкнула на него Жиндия.

– Я уверена, что нет, – вмешалась Йеккардарья.

– Я только... я не припоминаю, чтобы суккубы, которые не являются ни истинными демонами, ни истинными дьяволицами, откликались на призывы жриц Паучьей Королевы.

– Умно рассуждаешь, волшебник, – поздравила его Йеккардарья.

Очевидно, суккубы затаили злобу на некоторых из наших вероятных врагов, особенно на Дзирта До'Урдена и его друзей, которые причинили вред их королеве Малкантет. В любом случае, эти трое горели желанием принять участие в нашей славной битве, и в этом наше большое преимущество.

– Один хезроу стоит двух суккубов, – сухо сказала Жиндия.

– В бою, возможно, но нельзя упускать из виду более тонкие преимущества, предлагаемые очаровательной Каривой и ее сестрами. Они умны, их магия обманчива, а их способность очаровывать неоспорима.

– Значит, благословение Ллос привлекло могущественных союзников, и

это хорошо, – решила Жиндия, нуждаясь изложить это в терминах, благоприятных для ее любимой богини.

– И благословение Ллос привлекло больше нынешних союзников, да? – вставил Илцтран. – Я должен спросить. Я следил за путешествием Зоваллии с момента ее возвращения из Арах-Тинилита, и теперь я вижу, как она исполняет двеомеры, которые, как мне казалось, всегда выходили за пределы ее возможностей. До недавних событий она была всего лишь младшей жрицей, но теперь?

– Многие молодые жрицы, вставшие на нашу сторону и сражающиеся с еретиками, включая Зоваллию, были благословлены вмешательством этих двух служанок, – подтвердила Жиндия, входя в тронный зал и занимая свое место на троне.

– Благодаря нашей работе духовенство нашей половины Мензоберранзана стало гораздо более грозным, – сказала Эскавидне. – Зоваллия преуспела и создает двеомеры, которые были бы на десятилетия далеки от ее способностей, а возможно, и навсегда вне пределов ее досягаемости, как ты заметил, волшебник.

– Вера в богиню - это преимущество.

– Больше половины, – поправила Жиндия. – И многие присоединятся к нам, когда их укоренившиеся страхи перед Домом Бэнр не смогут устоять перед силой, которую мы несем, или доказательством того, что Ллос на нашей стороне.

На этом они на время прервали разговор, поскольку Зоваллия и три суккуба ввели семерых свидетелей в зал, выстроив их перед троном. Жиндия позволила им долго стоять в тишине, оценивая их с головы до ног, заставляя вспотеть и надеясь, что кто-нибудь из них обмочится. Как же она наслаждалась этим ощущением полной власти!

Наконец, она соскользнула со своего места и начала медленно расхаживать

вдоль очереди, сцепив руки за спиной. – Вы были там, все вы, на той улице, когда началась драка, – сказала она. – Я пощажу первого дроу, который скажет правду о судьбе, постигшей воина Вандри и жрицу Ханцрин! – выпалила Жиндия Меларн с неожиданной громкостью и энергией, поразив их всех.

– Я ничего не видел! – сказал один из них, в то время как трое других заявили, что видели драку только издалека, а еще одна пара хранила

молчание. Последний из группы выкрикнул:

– Думаю, это был один из Бреган Д'Эрт!

Комната загудела, но Жиндия заставила всех замолчать, подняв руку.

– Отведите тех, кто отрицал, что видел все, в соседнюю комнату и создайте

там зону правды, – сказала она Зоваллии. – Мы предадим любого, кто солгал, Проклятию Мерзости.

– Нет, я действительно все видела, – выпалила одна из этих четверых. – Я

просто боялась говорить!

Жиндия снова призвала к тишине, поскольку это вызвало еще больше ропота, и, по крайней мере, еще один из тех, кто утверждал, что не знал о драке, похоже, был готов признаться в правде. Матрона подошла к дрожащей, говорливой молодой женщине, которая выглядела истощенной и которая, как и многие в Браэрине, вероятно, проводила большую часть своих дней, тупо бродя по улицам под воздействием ядовитых грибов.

– Видишь? Вас можно подтолкнуть к честности, – мягко сказала Жиндия бедной женщине.

Она нетерпеливо кивнула.

– Я видела драку, но я не знаю, кто...

– Тише, тише, – подбодрила ее Жиндия. – Ты хорошо поступила, сказав правду. Она кивнула паре охранников, которые бросились к женщине, чтобы схватить ее за руки. – Возможно, я позволю тебе возглавить мою бригаду драуков.

Запавшие глаза женщины расширились от шока, когда она осознала свою участь, и она начала молить о пощаде.

– Уведите ее, – сказала Жиндия охранникам, которые потащили ее прочь.

Надзирательница подошла к тем двоим, которые до сих пор хранили молчание. Один мужчина нервно кусал губы. Другая, женщина, продолжала смотреть в пол, бормоча: «Я ничего не видела».

Жиндия фыркнула и злобно хихикнула, затем встала перед мужчиной, который выпалил название группы Джарлакса.

– Уведите остальных и допросите их, – сказала она Зоваллии. – Они меня не интересуют. Те, кто не солгал, могли бы найти место в наших рядах или милосердную смерть, если вы сочтете их ненадежными. Те, кто осмелился солгать в этом святом месте Ллос, станут первым нашим ответом на Богохульство.

– И ты, – сказала она мужчине, стоявшему перед ней. – Бреган Д'Эрт? Что ты знаешь о Бреган Д'Эрт?

– Ничего, – сказал он. – Или очень мало, не более того, что знают остальные.

– Тогда как ты можешь делать такое заявление?

– Он вышел из Сочащегося Миконида прямо перед боем, – нервно объяснил мужчина. – Говорят, это место Джарлакса. Я был там, когда он вошел. Он все время разговаривал с хозяйкой таверны, и разговоры казались... дружескими.

– Расскажи мне больше, – вкрадчиво попросила Жиндия.

– Я не уверен, как его зовут, но я видел его раньше. Браелин, я думаю, или что-то в этом роде.

При этих словах матрона Жиндия издала негромкий рык. Она вспомнила того, кого отдала Ллос только для того, чтобы проклятая Ивоннель Бэнр украла его обратно.

– Возьмите этого свидетеля, накормите его, оденьте и поставьте в ряды нашей армии, – проинструктировал Жиндия других охранников. Она посмотрела на мужчину, который казался по-настоящему напуганным. – Ты заслужил место, чтобы служить в армии Ллос, – сказала она ему. – И когда все закончится, ты больше не будешь бездомным бродягой, а станешь полноправным членом Дома Меларн, Первого Дома Мензоберранзана.

Если это должно было успокоить беднягу, то, конечно, этого не произошло. Жиндия, естественно, это понимала. Этот, как и многие другие трусливые дроу, просто надеялся переждать войну, прячась по норам. Однако от Паучьей Королевы не спрячется никто. Она отпустила его вместе с оставшимися охранниками, затем повернулась к своим жрицам, волшебнику своего Дома, трем суккубам и двум прислужницам.

– Браелин? – спросила она.

– Браелин Дженкуэй, – ответил Илцтран, кивая. – Я слышал это имя, и да, оно связано с Бреган Д'Эрт.

– Тогда мы должны поймать этого Браелина Дженкуэя, – сказала Жиндия, не потрудившись сообщить Илцтрану, что Дом Меларн и Браелин Дженкуэй не были незнакомцами.

Зоваллия начала предлагать свои услуги для выполнения этой задачи, но Жиндия прервала ее взмахом руки, привлекая взгляд жрицы к трем прекрасным фигурам, гораздо лучше подходящим для такой работы.

– Можно нам поиграть с ним, прежде чем мы отдадим его вам? – спросила Карива.

– Только оставьте его мне живым, – ответила Жиндия.

Глава 4
Оказание давления

– **О**н собирается дать себя убить, – осмелился ответить Кайтейн Армго.

Матрона Мез'Баррис свирепо посмотрела на волшебника.

– Я не желаю этого! – поспешил добавить Кайтейн. – Но Малагдорл полон решимости добраться до этого лидера богохульников, невзирая на риск.

– Именно поэтому я назначила тебя остаться с ним и магическим образом перенести его из битвы, если возникнет необходимость, – ответила Мез'Баррис.

– Как я сделал в первой битве против Дома До'Урден, – нерешительно ответил волшебник, зная, что здесь он на деликатной почве с Мез'Баррис, которая считала Малагдорла реинкарнацией своего возлюбленного, Утегенталя Дель'Армго, который был ее патроном и отцом ее пяти дочерей. Малагдорл был огромен, как Утегенталь, полон ярости и мускулов. И теперь он был очень похож на того убитого воина древности, потому что Мез'Баррис подарила ему черные доспехи Утегенталя и адамантитовый трезубец, уложила его белые волосы в ряд шипов-корон и украсила лицо пирсингом и кольцами. По Дому Баррисон Дель'Армго ходило много шепотков, когда Мез'Баррис так явно выразила свое обожание молодому дроу и приблизила его к себе, но, конечно, все это льстило Мез'Баррис и ее новому супругу, или кем бы там этот Малагдорл, ее внук, ни стал.

– Ты лишил его победы, так говорит Малагдорл, – поддразнила Мез'Баррис. – Он бы покончил с Богохульницей прямо здесь и сейчас.

Стоявшая позади матроны Таайрул Армго, ее дочь и первая жрица дома, кивнула и улыбнулась.

Но Кайтейн не поддался на такой аргумент. Мать Мез'Баррис хорошо знала, что он спас Малагдорла в тот день, потому что лидер Богохульствующих сил бывших драуков Бездны нашла союзника в той битве и, несомненно, собиралась победить Малагдорла. Малагдорл тоже это знал, хотя чрезмерно гордый воин никогда бы в этом не признался.

– Мал'а'восселль Амвас Тол - непростой противник, – вместо этого сказал Кайтейн. – У меня нет сомнений, что ваш внук... – Тут он заколебался, просто потому, что ему понравилось видеть, как лицо Мез'Баррис напряглось от закипающего гнева.

– Он мастер оружия дома Баррисон Дель'Армго, – сказала она сквозь стиснутые зубы, и Кайтейн внезапно переосмыслил свою игру. – Ты не будешь обращаться к нему ни в какой другой фамильярной манере.

– Прошу прощения, моя Матрона, – с поклоном произнесла Кайтейн.

– Продолжай... осторожно.

– Она сильна, – объяснила Кайтейн. – Так же сильна, как любой дроу в Мензоберранзане, за исключением Малагдорла. Она сражается с мастерством оружейника-аристократа.

– И она убила бы Малагдорла? Гордость нашего Дома?

– Не в одиночку, нет. Конечно нет. Но в разгар той битвы она нашла союзников там, где их не было у него.

– Даже несмотря на то, что Кайтейн была там с ним, – сказала Таайрул из-за спины Мез'Баррис.

– Я открыл портал, чтобы вернуть нас домой, как мне было велено, – сказал Кайтейн без колебаний и без удивления, что противная дочь Мез'Баррис доведет эту тему до абсурдного и оскорбительного конца. – Сила, которую матрона Жиндия послала в тот день сражаться с До'Урденами, предназначалась не для победы, а для того, чтобы заставить нашего врага показать свои силы. Они это сделали, и та рука была Богохульством. Как много мы узнали о них!

Он заметил, как Таайрул фыркнула и закатила глаза.

– Но твоя Матрона Мать ясно дала мне понять в своих инструкциях, – продолжил Кайтейн, теперь адресуя свои слова Первой жрице. – Мы были там для того, чтобы наблюдать, а не вступать в бой, и оставаться в стороне от борьбы по вопросам как политическим, так и практическим. Моим долгом было благополучно вернуть нас домой, особенно Малагдорла, что я и сделал. В его битве с Мал’а’восселль против него выступил другой искусный воин, который, как я полагаю, был не кем иным, как добычей, ныне захваченной и хранимой Матроной Жиндией, Дайнином До'Урденом. Этот союзник появился неожиданно и внезапно поставил Малагдорла в невыгодное положение. Я не мог допустить такого риска.

– Ты поступил правильно в тот день, – наконец признала Мез'Баррис. – Но если бы Дайнин, или кто бы это ни был, не вступил в битву?

– Мал’а’восселль Амвас Тол, конечно, была бы еще одним именем в длинном списке побежденных врагов Малагдорла.

Кайтейн никак не ожидал того, что услышал, когда Мез'Баррис наклонилась и искренне и тихо спросила: «Он может победить ее?»

– Он может победить кого угодно, – ответил Кайтейн.

Мез'Баррис кивнула.

– Потом отведите его к Западной стене. Матрона Жиндия будет оказывать большее давление на эту глупую Матрону Зирит, которая правит Домом До'Урден, поскольку мы пытаемся ослабить ее союз с Бэнр. Боевые действия в этом регионе будут постоянными, и, без сомнения, к ним присоединится Богохульство. Найди способ, я поручаю тебе. Заставьте Малагдорла сразиться с этой уродливой женщиной из другого тысячелетия, и пусть он одержит победу. И ты, – сказала она, оглядываясь через плечо на свою дочь. – Ты пойдешь с ними и убедишься, что Малагдорл не слишком серьезно ранен. Но послушайте меня, вы оба: победа нашего мастера оружия будет почетной. Он убьет эту Мал'а'восселль Амвас Тол по собственной воле.

Только на этот раз не позвольте ее друзьям вмешаться.

Кайтейн встретился взглядом с Таайрул, которая была так же недовольна необходимостью идти с ним, как и ему с ней, но глубоко поклонилась и сказала: «Конечно, Мать. Каждое твое слово - мой приказ».

– **О**ни не сдадутся, – сказала Сарибель матроне Зирит внутри комплекса Дома До'Урден.

Ее брат Равель добавил с тяжелым сарказмом:

– Матрона Жиндия пытается указать нам лучший путь.

Сарибель бросила свирепый взгляд на волшебника. Она не возражала против Равеля, но иногда такие вещи лучше оставить невысказанными.

– Они вообще не проникали на территорию комплекса? – спросила Матрона Зирит у своих двоих детей.

– Нет, – ответила Сарибель. – Но я думаю, что они могли бы это сделать как минимум единожды.

– Как я уже сказал... – начал Равель, но замолчал, когда сестра бросила на него еще один сердитый взгляд.

– Ты отдохнул, – сказала Зирит. – А теперь иди и собери наши силы. Бэнры придут, чтобы прибрать наше крыльцо, как только они закончат с новой волной демонов в Браэрине.

– Разве мы не должны иметь приоритет над сражениями в Браэрине? – спросил Равель.

– Возможно, Верховная Мать Квентл верит в нас больше, чем ты, – сказала ему Зирит. Мать была встревожена и на взводе, и Равель прочитал это достаточно ясно, чтобы, в конце концов, закрыть рот и держать его на замке.

– Твоя магия нужна нам. Теперь уходи, – закончила Зирит взмахом руки, и они вдвоем покинули зал для аудиенций.

– Ты не споришь со мной, но все же затыкаешь, как ребенка, – пожаловался Равель Сарибель, когда они остались одни в коридоре. – Жиндия явно пытается убедить нас отказаться от нашего союза с Бэнр. Тебе не кажется, что наша мать должна понимать это?

– Матери Зирит, – поправила Сарибель, поскольку такое фамильярное обращение, которое использовал Равель, не следовало произносить вслух там, где кто-нибудь мог подслушать, – более семи столетий, и она была свидетельницей многих войн в этом городе. Она знает, как обстоят дела, и не нуждается в том, чтобы мы беспокоили ее такой бесполезной информацией.

– Жиндия…

– Мать Жиндия, – сердито поправила Сарибель.

– Если мы сражаемся вместе с еретиками Бэнр, тогда почему? – ответил расстроенный Равель, подняв руки вверх, как будто он хотел вцепиться во что-то, во что угодно, в гневе. – Постоянное повиновение - это как раз и есть вечные идеи Ллос, не так ли? Постоянное напоминание о нашем месте в иерархии, которая позволяет нам даже существовать только при их избирательном праве?

– На данный момент мы ничего не знаем о расположении Ллос. Для тебя и для меня будет лучше продолжать нашу надлежащую практику.

– Ты имеешь в виду наши положенные Ллос обычаи.

– Да.

– Потому что ты ждешь, что Мать Жиндия сделает предложение Матери Зирит, и не уверена, каким путем пойдет наша... Мать Зирит.

– Ее ответственность в первую очередь состоит перед нашим домом.

– Это путь Ллос, – сказал Равель, сочась сарказмом в каждом слоге.

– Это практичный путь, – сказала Сарибель, стиснув челюсти. Она огляделась по сторонам, затем втащила брата в маленькую комнату и закрыла дверь. – Что бы ни решила Мать Зирит, она должна знать, что мы с ней.

– Так ли это?

– На данный момент, да. Когда кровь высохнет, тогда мы и выберем.

– Я уже сделал выбор.

– Как и я. То, что я говорю тебе здесь, не имеет значения, потому что Ллос наверняка знает, что мое сердце покинуло ее.

– И все же ты все еще находишь божественную силу для заклинаний.

Сарибель пожала плечами.

– Жрицы домов Ллос видели, как их могущество возросло, но те из нас, кто сражается вместе с отрядами Мензоберранзана, видели небольшое ослабление. Это загадка.

– Это Ллос играет с нами, со всеми нами, – заметил Равель. – Использует нас для своего удовольствия в царящем хаосе. Отличается ли это от тех предположений, что она ценит Дзирта До'Урдена, величайшего еретика нашего века?

– Возможно, он и был таким, но сейчас его нет. Ивоннель и Верховная Мать Квентл...

– Верховная Мать, – со смехом повторил Равель.

Сарибель вздохнула, сдаваясь.

– То, что эти двое сделали в поле на поверхности, действительно величайшая ересь, которую только можно вообразить.

– Насколько нам известно, Ллос дала им это вдохновение и силу.

– Но зачем?

– За ту самую гражданскую войну, которую мы сейчас ведем!

– Твой цинизм в том, что...

– Мой цинизм совершенно оправдан, учитывая опыт моей жизни. Ты просишь меня быть последователем Ллос, и ход их мыслей именно таков.

Очевидно, Сарибель хотела ответить.

Но столь же очевидно, что она не могла отрицать это утверждение.

Бывшая драук, которую они называли Воселли, огромная и могущественная женщина, вернувшаяся из могилы, которую она нашла в первые дни существования Мензоберранзана, сплотила вокруг себя свои силы и возглавила стремительную атаку на ряды Дома Меларн и их союзников. Держа меч в правой руке, короткое копье в левой, могучая и жестокая воительница низко пригнулась, укрылась и пробежала прямо сквозь вражеский огненный шар, затем прыгнула и врезалась в толпу ногами вперед, чтобы рассеять меньших вражеских бойцов, пытающихся создать перед ней стену щитов. Как одержимые, за ней последовали солдаты. Ее солдаты, ибо Верховная Мать Квентл, по совету Ивоннель, во всеуслышание назначила ее командующей Богохульством. И какой же мощной силой оно было! Восставшие из могилы дроу, после испытания на себе высшей пытки Ллос, когда они служили ей отвратительными драуками в

самой Бездне. И почти каждого из них этот опыт породил не страх, а просто ярость, стену чистого гнева, которая теперь обрушилась на силы Меларнов и их союзников. У врага, боящегося смерти, не было ни единого шанса в битве с тем, кто прошел через худшее, что могла принести смерть.

Богохульство отбросило нападавших с территории перед Домом До'Урден, обратно за Западный разлом и к Нарбондель, убивая четырех врагов за каждого Богохульника, возвращенного в объятия смерти.

Из Дома До'Урден вышли Равель и Сарибель, возглавив магов и жрецов, чтобы укрепить тылы, исцелить раненых и создать оборону, если атака будет отбита.

Так, как они и ожидали, и должно было случиться, потому что они уже видели эту игру раньше. Когда ярость Богохульства улеглась, началась контратака, и на этот раз во вражеских рядах было немного дроу, а те, кто был, служили больше координаторами и свидетелями событий, когда новая сила, поддерживающая Жиндию Меларн и Ллос - армия демонов - вылетела из пещеры. Потолок пещеры будто ожил, чтобы ответить Богохульству.

– Наша цель - старшие демоны, – напомнил Равель волшебникам, выходящим из Дома До'Урден. – Уничтожьте тех, кто может привести союзников из Бездны. Изгнать их на сто лет!

Богохульство некоторое время удерживало оборону, но неизбежно было вынуждено повернуться и бежать - через защитные круги, сооруженные волшебниками и жрецами, чтобы замедлить атаку демонов. Волшебники и жрецы теперь направляли свою магическую энергию в небо, швыряя огонь, молнии и снежные бури, чтобы победить летающих тварей. Равель и двое других прочесывали небеса в поисках более могущественных демонов, и всякий раз, когда обнаруживали одного из них,

они бросали ленты энергии, чтобы поймать его в ловушку и заставить опуститься на землю. И там Воселли и ее войска бесстрашно набрасывались на демона и уничтожали его.

Но их было больше, и дроу-поклонники Ллос поддерживали их, преодолевая даже защитные магические круги и противодействуя заклинаниям прикрытия. Силы Воселли, теперь уже вместе с защитниками

Дома До'Урден, были вынуждены вернуться в свои владения. Еще один кровавый день тупиковой ситуации и истощения сил, в результате чего обе стороны должны еще раз оценить свои потери и потери

своих врагов.

– Мы убиваем их больше, чем они нас, – настаивал Равель своей суровой матери, Матроне Зирит, когда в районе Западной стены Мензоберранзана наконец-то снова воцарилась тишина.

– Их намного больше, чем нас, – ответила Зирит.

– По крайней мере, семь главных демонов не вернутся, – добавила Сарибель, чтобы поддержать оптимизм своего брата.

– Как ты думаешь, дитя, мы сможем опустошить Бездну? – выругалась Зирит.

– Тогда где же Бэнры? – сердито спросил Равель, заставив многих в тронном зале нахмуриться от его тона.

Конечно, он сказал только то, о чем многие из них думали. Находясь так близко к Дому Меларн и Храму Богини, Дом До'Урден испытывал особый стресс, в конце концов, эти сражения происходили теперь почти ежедневно. Зирит пристально посмотрела на своего сына.

– Согласно всем сообщениям, Браэрин был усмирен, настаивал Равель. – Бэнры выиграли там отличную битву и теперь, похоже, контролируют ситуацию.

– Вряд ли это так, – вставил Тсабрак Ксорларрин.

Голос этого человека обладал огромным весом. Тсабрак был самым могущественным волшебником в семье, настолько могущественным и влиятельным, что отказался сменить свое имя на До'Урден, и Матрона Зирит поддержала его в этом решении. Ибо он был нынешним архимагом Мензоберранзана и, возможно, самым могущественным волшебником во всем городе. И что примечательно, его редко видели за пределами дома До'Урден, сражающимся с врагами. Не так давно Тсабрак был инструментом Ллос в проведении великого Затемнения над поверхностными землями, известными как Серебряные Пределы, что, возможно, было одним из самых мощных проявлений магической силы за последнее время. И Равель, и Сарибель понимали, что его преданность здесь была неуверенной, но критически важной. Даже Зирит не осмелилась пойти против него сейчас. То, что Тсабрак вообще был здесь в эти сложные моменты, обнадеживало, но, если аристократы Дома не будут осторожны, это также может оказаться временно.

– Во-первых, там сражались не Бэнры, – продолжил Тсабрак. – Это был тот негодяй Джарлакс и его наемники. Во-вторых, да, в Браэрине сейчас тихо, но это потому, что Матрона Жиндия перебросила свои силы на запад, чтобы сразиться с этим самым Домом, среди прочих причин, и далеко на восток, пытаясь ослабить власть Бэнров над Донигартеном и запасами продовольствия.

– Среди прочих причин? – спросила Сарибель.

– Чтобы поддержать верховную жрицу Сос'Ампту в Храме Богини, – ответила Зирит за Тсабрака.

– Это имеет смысл, – добавил Тсабрак. – Сос'Ампту, конечно, остается Бэнр, но она уже открыто бросила вызов своей сестре-еретичке и семье, предложив убежище тем, кто верен Ллос. Ходят даже слухи, что именно она наложила Проклятие Мерзости на обреченную Биртин Фей.

– Она бы этого не сделала, – возразила Сарибель, – цепляясь за надежду, что нечестивые действия против одного из старейших домов в городе, торого после самого Дома Бэнр, заставили многих союзников Жиндии пересмотреть свою лояльность.

– Все возможно, – сказала Зирит, в то время как Тсабрак поправил Сарибель, напомнив ей о титуле Жиндии.

– Возможно, и более вероятно, чем вам явно хочется верить, – добавил Тсабрак.

Вскоре после этого Равель и Сарибель покинули тронный зал, получив приказ пойти и проверить защиту периметра.

– Тсабрак не внушает доверия, – заметила Сарибель, когда они вдвоем шли по пустому коридору.

– Возможно, именно по этой причине он и пришел к нам, – ответил Равель.

– Он служит архимагом Мензоберранзана, титула, к которому он стремился большую часть своей жизни.

– И того, что дала ему Верховная Мать Квентл.

– Нам и Бэнрам, чтобы победить, вполне вероятно, придется дать Громфу вернуться. Тсабрак - гордый и опытный волшебник, и нет сомнений, что после событий Затемнения он стал еще более сильным, но он не захотел бы соревноваться с Громфом Бэнром, если бы Громф согласился вернуться на свою должность в Магике, конечно, если не был бы брошен официальный открытый вызов.

– Я просто удивлена своевременностью всего этого, а также мрачным настроением Матери Зирит и пессимизмом архимага Тсабрака, – сказала Сарибель. – Он поправил нас насчет Браэрина, даже не заметив, что, вероятно, было бы лучше, если бы не сам Дом Бэнр, а Бреган Д'Эрт выиграли битву на улицах против демонов Жиндии.

– Я заметил, что Тсабрак все еще называл ее Матроной Жиндией, – сказал Равель, как будто это имело какое-то значение.

– Он движется по дорожке между двумя домами, Меларн и Бэнр, – объяснила Сарибель. – Тсабрак достаточно опытен, чтобы понимать, что вся

эта война может быть не более чем испытанием Ллос для всех нас, и что ситуация в Мензоберранзане может быстро вернуться к той, что была

до событий на поверхности. В этом случае, если бы он продвинулся слишком далеко в любом направлении, он, скорее всего, потерял бы свое положение архимага.

Равель покачал головой, не купившись ни на что из этого.

– Слишком многое произошло с тех пор, как Ивоннель и Верховная Мать украли драуков Жиндии и вернули их в тела дроу. Если бы этого не произошло, мы бы уже полностью контролировали Гаунтлгрим, король Бренор потерпел поражение, а Дзирт почти наверняка был принесен в жертву Паучьей Королеве. Я согласен, что мы всегда должны предполагать, что в Мензоберранзане все не так, как кажется, но ты не можешь все еще думать, что здесь действует какой-то больший обман, чем мы понимаем.

– Понимаем, – тихо пробормотала Сарибель. – Разве не в этом суть? Что мы на самом деле понимаем в чем бы то ни было?

– Это не проверка на верность, – ответил Равель. – Это бой, почти наверняка бой не на жизнь, а на смерть.

– И Проклятье.

– Только если мы проиграем. Я не намерен проигрывать.

– Ты должен сказать это нашему кузену Тсабраку, верховному магу Мензоберранзана.

– Мать Зирит должна была бы прямо сейчас сказать это Тсабраку, – коротко ответил Равель.

– Если только она не начинает соглашаться с ним, – сказала Сарибель, и на этом разговор закончился, а брат и сестра приблизились к концу коридора, где стояли несколько охранников Ксорларрин и Богохульство.

Глава 5
Они мне обещали!

– **Т**ы позволил им командовать. Ты украл мою славу, – сказал Малагдорл Армго волшебнику, стоявшему рядом с ним. Орды демонов неслись мимо огромного воина-дроу, устремляясь на север, чтобы сразиться с Богохульниками и другими защитниками Дома До'Урден.

– Я лишь исполняю волю Матери Мез’Баррис, – ответил Кайтейн. – Это всего лишь пехота наших врагов. Ты еще найдешь возможность убивать, тех, кто действительно важен, когда первые линии обороны будут разрушены.

– Чтобы убивать слабаков, прячущихся от демонов!

– Они все слабаки, Мастер Оружия. Аристократы не выступят в этих ранних битвах, и уж точно не знать клана Ксорларрин, которые будут использовать свою магию с балконов Дома До'Урден и больше ничем не станут рисковать, когда Меларны так близко. Мы даже не уверены в том, насколько сильно сердце матроны Зирит в этой борьбе, как и у всех тех, кто следует за глупыми Бэнрами. Они видели цену своей неверности Ллос в лице Биртин Фей!

Малагдорл едва ли слушал последние части лекции Кайтейна, поскольку наблюдал за отступлением первых атакующих сил дроу, тех, что использовались, чтобы отогнать защитников от Дома До'Урден. Однако больше, чем наблюдая за своими союзниками, он наблюдал за одним участком битвы, который, казалось, складывался очень неудачно для последователей Паучьей Королевы, и, очевидно, из-за одного конкретного врага.

– Все слабаки? – он выстрелил в ответ в волшебника, затем обратил все свое внимание на это колеблющееся поле боя, бросаясь вперед и крича: «Малфуш!»

– О, клянусь дрожащими ногами Ллос, только не снова, – пробормотал волшебник и тяжело вздохнул в знак покорности судьбе.

– Они мне обещали! – Малагдорл зарычал, и это было правдой, Матрона Мез'Баррис действительно заверила его, что у него будет шанс проявить себя против Мал'а'восселль Амвас Тол.

Он знал, что Кайтейн, который была там, когда Мез'Баррис давала обещание, ни за что не осмелился бы помешать Малагдорлу атаковать. Он не пошел бы против этого воина, который отправил его, спотыкающегося и раненого, в переулок при отступлении.

Он мог только надеяться, что, по крайней мере, на этом все закончится.

Воселли привязала трос к своему короткому копью, когда нырнула в перекат, чтобы избежать камня, брошенного в нее летящим хазми. «Спускайся, ты, маленький жучок», сказала она, поднимаясь на ноги и отправляя копье в полет быстрым и плавным движением.

Хазми пошатнулся в полете, спикировав на дюжину футов, когда острый снаряд вонзился ему в грудную клетку, и Воселли быстро ухватилась за ослабевшую тварь и начала тянуть ниже.

Как и следовало ожидать, летающий демон сопротивлялся недолго, только в качестве финта, прежде чем быстро опустить твердый хоботок вниз, ныряя, как живое копье, к женщине-воительнице, которая пронзила его.

Не застигнутая врасплох и намеренно не поднимая глаз, Воселли использовала звук приближающегося демона и провисание веревки в качестве ориентира, держась двумя руками за веревку до самого последнего момента, когда она пришла в движение крутящимся прыжком вбок, выхватив меч, когда повернулась и замахнулась чтобы отрубить этот хоботок, одну из антенн и большую часть раздутого человеческого лица прямо с тела отвратительного демона.

Оно разбилось о камень рядом с ней с тошнотворным шлепком.

Воселли уже сражалась с другим дьяволом, невысоким, округлым зверем с тонкими конечностями и эластичной кожей, а лицо его выглядело так, словно было выбрано из самых уродливых черт свиньи, обезьяны и гниющего человеческого трупа. Он надвигался, размахивая когтистыми лапами на концах своих длинных рук, но Воселли, которая провела столетия в Бездне, понимала тактику этого мелкого дьявола, известного как дретч, и что его атаки были скорее отчаянным броском, чем каким-либо скоординированным и продуманным планом. Она небрежно закончила и парировала, в то же время вырывая свое короткое копье из мертвого хазми.

Эта задача оказалась более сложной, чем уничтожение дретча, ее двадцатое убийство в этой битве, в которой было так много демонических тварей: дретчей и манов. Она победила троих дроу в начале наступления из Дома До'Урден, убив одного, отправив второго в бегство со страшными ранами и оставив третьего корчиться на земле, чтобы его взяли в плен, но, кроме них и хазми, которого она, наконец, сбила, ни одно из ее убийств не было значительным.

Разочарованная, великая воительница чувствовала себя фермером, забивающим беспомощного рофа.

На нее напал еще один дретч, затем пара манов.

– Они пытаются измотать нас этими отбросами, которые так легко заменить! – крикнула она своей боевой подруге, Алеандре из Дома Амвас Тол, которая была рядом с ней большую часть ее жизни и даже в Бездне, под обратившим их обеих Проклятьем Мерзости.

– Эти твари бесконечны, – согласилась Алеандра.

В этой битве они могли бы убить тысячу, даже десять тысяч, и жрицы Ллос пополнили бы эти ряды за считанные дни.

Воселли знала это. Они должны были найти более могущественных демонов, чтобы избавиться от них, потому что именно они привели сюда этих меньших демонов.

По крайней мере, старших было не так легко заменить, в отличие от дретчей и манов. И троих дроу…

Воселли услышала, как ее имя, прозвище, которое ей дали, когда она служила драуком, выкрикнули с другой стороны вражеских позиций. Ей потребовалось всего мгновение, чтобы определить местонахождение кричавшего, настолько отличавшегося от других дроу ростом и внешностью, с его белыми волосами, намазанными гелем и уложенными в линию шипов на макушке.

Малагдорл Армго погрозил ей своим черным трезубцем и снова выкрикнул ее унизительное прозвище.

– Чудовище вернулось, – пробормотала Воселли.

– Ты его знаешь?

– Это тот, с кем я сражалась, когда вмешался наш потерянный друг. Это мастер оружия Второго Дома, Баррисон Дель'Армго.

– Кажется, он тебя ненавидит.

– Потому, что знает, что я бы победила его тогда.

– Не надо, – посоветовала Александра, подбегая к ней.

Воселли с любопытством посмотрела в сторону своей подруги, еще более недоверчиво сморщив лицо, когда Алеандра продолжала качать головой и умолять ее не обращать внимания на вызов.

– Матрона Мез'Баррис полностью на стороне Ллос, – ответила Воселли на сомнения подруги. – Второй Дом сделал свой выбор. Нет никаких причин позволять этому воину покинуть поле боя живым.

Она повернулась, чтобы разглядеть тропинку, которая привела бы ее поближе к претенденту, но Алеандра схватила ее за руку.

– Воселли, нет, я умоляю тебя, – сказала она.

– Его смерть станет большой потерей для наших врагов.

– Ты станешь большой потерей для нас!

– Твоя вера в меня очаровательна, – последовал саркастический ответ воительницы.

– Даже если ты убьешь его, его союзники позаботятся о том, чтобы ты не ушла живой.

– Тогда веди наши силы против них с еще большей яростью, чтобы у друзей Малагдорла Армго не было такого шанса! – парировала Воселли и отпрыгнула в сторону, отрубив голову одному дретчу и пронзив второго своим копьем, затем отбросила его в сторону, чтобы опрокинуть пару уродливых и раздутых манов.

Она улыбнулась, отметив, что Малагдорл не стоит в стороне и не ждет ее. Этот человек не трус.

Он хочет реванша не меньше нее самой.

Прикажи демонам отойти в сторону! – настаивал Малагдорл, обращаясь к Кайтейну.

– При первых признаках того, что ты проигрываешь... – Кайтейн оборвал фразу, когда Малагдорл бросил на него хмурый взгляд. – Если возникнет острая необходимость, я без колебаний телепортирую нас обоих из этой битвы, – настаивал волшебник. – Матрона Мез'Баррис была недвусмысленна в своих требованиях.

– Ужасно, – эхом отозвался Малагдорл. – что наименьшая из проблем Кайтейна будет исходить от Матери Мез'Баррис. Ты не сможешь выиграть битву против меня, волшебник, и даже если тебе каким-то образом удалось бы выжить в ней, как ты думаешь, что бы тогда предприняла по отношению к тебе Мать Мез'Баррис?

Воин обнаружил, что весьма доволен беспомощным вздохом Кайтейна, и еще больше обрадовался, когда Кайтейн начал делать то, о чем он просил, расчищая путь между соперниками от вмешивающихся демонов.

Затем он сосредоточился на Малфуш, проигрывая их предыдущую схватку так, как, он знал, что она будет делать. Он обдумал их игру с оружием, то, как женщина использовала наклонную сторону сталагмита, чтобы избежать его первой ловушки. Тогда она считала себя сильнее и узнала правду, когда он отобрал у нее меч.

После этого ее игра с острием была хитрой и тонкой, удивив его - почти победив, признался он себе и никому другому.

Но, тем не менее, он победил ее - он был быстрее после их схватки, трезубец двигался перед ее копьем, чтобы убить. Бой был за ним, пока

спутник женщины не бросился вперед, отразив его атаку и выведя его из равновесия достаточно надолго, чтобы она смогла нанести решающий удар.

Но в этот раз все будет иначе.

Он продолжал свое медленное и взвешенное приближение, оглядываясь вокруг в поисках любых союзников бывшего драука, которые могли бы и теперь точно так же броситься ей на помощь. До'Урден, который вмешался в первый раз, конечно, был вне поля боя, в когтистых руках Жиндии Меларн, но там была женщина, еще одна из Богохульниц, высокая и сильная. . .

Малагдорл хорошо постарался скрыть свою улыбку, когда увидел эту вторую женщину, уверенный, что она не поможет его противнице, поскольку он узнал в ней Алеандру, которая выдала личность Дайнина Жиндии.

Он сосредоточил свой взгляд на своей противнице и мысленно перестал думать о ней как о Малфуш. Нет, она была Мал'а'восселль Амвас Тол, гордой и грозной Оружейницей прошлых веков. Он отметил ее походку, низкую и защитную. Он оценил ее в том первом бою, но и она оценила его так же хорошо. Она считала себя сильнее.

Теперь она знала его лучше. А если нет, то тем более жаль.

Однако он не был слишком самоуверен и был достаточно мудр, чтобы проявить осторожность. Она приспособится. Она бы избегала рукопашного боя. Она была бы более осторожна, держа свое короткое копье и меч подальше от взмахов его сети.

Это не имело бы значения.

Она держалась на цыпочках при каждом новом шаге навстречу к нему, готовая метнуться в любую сторону или отступить.

Малагдорл понял. Она бы превратила это сражение в битву выносливости, а не силы, быстроты и техники, а не грубой силы.

Хорошо. Пусть она думает, что у нее есть хоть какое-то преимущество. Он докажет ей, что она неправа, острием своего трезубца.

Когда они собрались вместе, остальной мир просто перестал существовать для Малагдорла, его концентрация была идеальной, зрение ясным и оценивающим каждый изгиб и поворот.

Она повела копьем, как он и ожидал, но нет, это был обманный маневр, понял он, когда ее бедра в свою очередь отклонились ровно настолько, чтобы она внезапно изменила ход, резко шагнув вперед правой ногой, ее рука с мечом занесла удар по выставленному вперед трезубцу.

Малагдорл принял этот удар на свое оружие и отразил его, переместившись вправо вместе с ударом. Вместо того чтобы перекинуть сеть в другую сторону через отбитый трезубец, чтобы зацепить меч, он подкатил трезубец под меч и нанес прямой удар.

Его противница, ожидавшая сеть и уже готовившаяся вонзить свое короткое копье под клубок, была вынуждена отказаться от атаки и яростно отступать от адамантитовых зубцов.

Малагдорл подавил свою гордость, свое самовосхваление за то, что предвидел и победил финт женщины в финте.

Вместо этого он снова напомнил себе, что этот противник был грозен, безмерно: противник поменьше уже был бы поднят в воздух концом этого трезубца на всеобщее обозрение.

Но он тоже был грозен.

Воселли внезапно снова атаковала, убрав копье, отбив удар мечом и подняв правую ногу для яростного удара по колену Малагдорла, когда они сблизились.

Малагдорл перекатился вправо, нанеся удар ногой под колено, а не в бок, и тем же движением уклонился от удара копьем под сплетением меча и трезубца.

Сверкнул его правый локоть, врезавшись в предплечье женщины, и двинулся дальше, заставляя ее отступить назад.

Она удержала оружие, сумев аккуратно извлечь его, и выставила его перед собой в качестве защиты как раз вовремя, когда Малагдорл перехватил инициативу, схватив свой трезубец обеими руками и выставив его вперед. Она поймала его скрестив свое оружие и едва сумела повернуть его достаточно, чтобы отвести влево.

Она ударила копьем, но Малагдорл отвел правую руку - тыльной стороной на древке своего оружия, вниз и в сторону, древко трезубца отразило удар. Затем вверх и вперед поднялась правая рука, высвобождая трезубец и поднимаясь прежде, чем его противница смогла вернуть свой меч на место. Рукоятка трезубца задела ее подбородок и кончик носа, и она откатилась за пределы досягаемости, тряся головой и несколько раз прищурив глаза в попытке прогнать боль.

Или нет, понял Малагдорл, решив не недооценивать этого человека.

Она хотела, чтобы он подумал, что она оглушена, бросился вперед в порыве, которого, как он думал, она не сможет избежать.

Так он и сделал, или притворился, что сделал, взревев и прыгнув вперед, а женщина красиво отступила в сторону и подняла свое копье.

И Малагдорл тоже отступил в сторону, выходя из своего прыжка, перестроившись при приземлении и вынудив Мал’а’восселль еще раз скорректировать удар, когда они оба врезались друг в друга. Он почувствовал, как ее меч вонзился ему в бок, и взмахнул своей сетью сверху вниз, зацепив ее и ее руку и отбросив в сторону. Очевидно, ее короткое копье

было лучше приспособлено для боя в тесных условиях, чем его трезубец, поэтому он придвинулся еще ближе, сцепив руки.

И, как и в их первой драке, каждый ударился головой, стукнувшись черепами друг о друга, брызнули кровь и пот.

Однако это именно то, чего ей нужно было избежать. Он знал, что удар более сильного соперника дает преимущество!

Или думал, что знает, пока умная Мал'а'восселль не втянула голову в следующий раз, когда они столкнулись, а вместо этого последовала за его движением, прижавшись к его щеке сбоку и прокусив ухо.

Вспышка жгучей боли пронзила его насквозь. Его резали, бичевали и избивали и раньше, но это было что-то новенькое. Однако воин терпел боль или умирал, и он сопротивлялся желанию просто оттолкнуть ее, вместо этого внезапно заключив ее в объятия и перекатившись назад на землю, подставляя под нее колено, отпуская сеть и просовывая руку между ними.

С силой, превосходящей все, что кто-либо мог ожидать от дроу, Малагдорл выбросил эту руку вперед, отшвырнув женщину прочь.

Приземлившись, она красиво изогнулась, расправив плечи, чтобы продолжить падение в одиночку, и повернулась в сторону, чтобы подняться на ноги, держа оба оружия наготове.

Однако Малагдорл не поднялся на ноги, чтобы встретить атаку. Он сократил свой бросок и резко встал на одно колено, приспосабливаясь и поднимая правую руку к уху.

Мал’а’восселль Амвас Тол красиво развернулась, чтобы встретить атаку, которая не последовала, но широко расставила руки и ноги - слишком широко, чтобы отразить удар, слишком широко, чтобы отвести бедра в сторону.

Брошенный трезубец оказался между ними, его зубцы были тоньше, чем даже доспехи Бэнр, которые она носила, оружие вонзилось ей в грудь.

Поднявшись и устремившись вслед за броском, Малагдорл схватился за древко, чтобы вонзить его ей в сердце, но он был недостаточно быстр, и воительница-богохульница сумела рубануть своим мечом поперек, чтобы выбить трезубец. Бросок левой рукой снизу отправил копье в полет со скоростью и силой, удивившей Малагдорла, когда оно вонзилось ему в живот.

Но он проигнорировал это, резко остановил отклонение трезубца и отвел его назад вправо, надавив вперед ровно настолько, чтобы кончики оцарапали лицо женщины, нанеся глубокие порезы и вырвав ей левый глаз.

Они снова столкнулись, бодаясь и кусаясь.

Малагдорл взревел от боли, когда почувствовал, как ловкая воительница поворачивает пронзающее копье.

Он, великий воин Баррисон Дель'Армго, тогда чуть не потерял сознание, почти рухнул.

Почти.

Вместо этого он понял, что ее левая рука опущена, поэтому правой схватил ее за короткие волосы и дернул ее голову в сторону.

Он почувствовал, как меч вонзился в его левое плечо, но даже не попытался отреагировать, даже не пошевелил левой рукой, чтобы как-то оттолкнуть его.

Нет, его единственный фокус прояснился всего на мгновение, и ничто другое не имело значения.

Малагдорл воспользовался приемом из ее собственного арсенала и укусил ее, крепко вцепившись зубами в ее обнаженную шею, мял и жевал.

Он перегрыз Воселли горло.

Он почувствовал, как она отшатнулась, и отбросил ее на несколько футов назад, забрав с собой ее копье и еще больше своей плоти.

Он схватился за свою рану, когда она попыталась ударить по своей, чтобы остановить хлещущую кровь, но он понял, что рана смертельна, когда увидел ее.

И она тоже.

Тем не менее, она смотрела мимо него налево, и он взглянул в ту сторону, чтобы увидеть ее спутницу, смотревшую на них в шоке и отчаянии.

Она позвала Александру булькающим и задыхающимся голосом, умоляя о помощи.

Малагдорлу не нужно было оглядываться, чтобы понять, что Алеандра Амвас Тол просто отвернулась. Он мог видеть это на лице умирающей Мал’а’восселль.

Она опустилась на колени, и Малагдорл встал прямо перед ней.

Мгновение он любовался делом своих рук, ухмыляясь, когда заметил ее выбитый глаз, глубокие порезы, кровь, капающую из трех отверстий в груди, кровь, хлещущую из разорванной шеи.

Его улыбка исчезла, когда он увидел, как что-то выпало у нее изо рта, и понял, что это часть его, а не ее.

Рефлекторно его рука потянулась к разорванному пополам уху. Он рычал и извивался, придвигая свое лицо совсем близко к ее лицу.

– Ллос ждет тебя, Малфуш, – усмехнулся он и поднял свой трезубец, целясь прямо ей в лицо.

Но нет, он отказался от этой идеи, и просто рассмеялся, подняв ногу и повалив свою побежденную противницу на землю, позволяя ей умирать медленно и мучительно, позволяя ей думать о судьбе, которая ее ожидает.

Затем он ушел, зная, что был единственным настоящим мастером оружия в том бою.

Глава 6
Слишком много хорошего

Браелин наблюдал за боем с насеста на сталактите, свисающем со свода пещеры, в которой располагался Мензоберранзан. Армии роились, как насекомые, в сотнях футов под ним, воздух потрескивал от молний и огненных шаров, которые вспыхивали, как распускающиеся цветы на лугу.

Он наблюдал, как силы Бэнр завоевывают позиции, оттесняя демонов и приверженцев Ллос на юг и восток, огибая оконечность Западного разлома, и думал, что Джарлакс был бы доволен.

Но затем последовала яростная контратака: он почувствовал запах озона и дыма, наполняющих воздух, почувствовал покалывание от черных разрядов энергии Бездны. Слышал крики, так много криков, агонию умирающих и ужас тех, кто скоро умрет.

Он не мог отрицать и собственного ужаса, его дыхание сбивалось, запахи горелой плоти - демонов, дроу и многих несчастных порабощенных народов других рас, брошенных в бой, доносились до его ноздрей, но он также не мог отрицать, что хотел быть там, внизу, хотел быть в этой борьбе.

Только долг остановил его. По долгу службы он сдержал лук на коленях, когда хазми пролетел прямо под ним - как легко было бы подстрелить демона в полете!

Но это не входило в его миссию.

Поэтому он наблюдал.

В частности, он увидел зрелище одного боя - даже с такого расстояния Браелин подумал, что это, должно быть, Малагдорл Армго.

С кем бы ни сражался мастер оружия, победа над этим конкретным противником вызвала бурные аплодисменты у войска Ллос.

Но это, в свою очередь, вызвало яростную контратаку богохульников и их союзников, наступавших быстро и достаточно мощно, чтобы забрать некоторых из своих павших, а затем отступить.

Браелин знал, что исход, победа, чьей бы она ни была, будет дорогостоящей и приглушенной ранами, и он понимал очевидные последствия этой битвы. Это больше не было игрой в быстрые бои и еще

более быстрые отступления, в беготню взад-вперед, в прощупывание своих противников, рисование линий и уговоры союзников из рядов противника.

Нет, теперь война за Мензоберранзане шла полным ходом, и если бы половина дроу в городе была убита, это не превзошло бы ожиданий Браелина Дженкуэя.

Они боролись за свои жизни и, более того, за свою загробную жизнь, все они.

Полумеры не входили в это уравнение.

Разбойник закрыл глаза и взял себя в руки. Где был Джарлакс? Если он не доберется сюда, и как можно скорее, то у него останется мало ролей, как бы он ни решил бросить свой жребий.

А это означало, что Браелину нужно было добраться до Сочащегося Миконида, поделиться своей информацией и помочь Джарлаксу сделать ставку, и, если он знал мошенника, бросить кости в его пользу.

Он подобрался к дальнему концу скопления сталактитов и внимательно огляделся по сторонам, прежде чем сделать себя уязвимым. Он не боялся пропастей, по крайней мере, когда у него под ногами была твердая почва, но в городе были демоны и пострашнее их: до него доходили слухи о том, что бейлор перешел на сторону Ллос, слухи, подтверждения которых он не хотел бы.

Битва бушевала далеко внизу, но здесь, наверху, казалось, было спокойно и не было врагов.

Он должен был сохранять уверенность.

Бросив последний взгляд, он сделал три шага для разбега вдоль выступа и спрыгнул вниз, устремившись к земле.

Прежде чем он потерял инерцию своего прыжка, все еще двигаясь на восток, Браелин призвал заклинание из кольца.

Тогда вместо того, чтобы падать дальше, он заскользил вниз, дрейфуя все ниже и ниже на восток, к зловонным улицам Мензоберранзана.

– **Т**ы уже проиграла.

– Да, – ответила Азлия.

– И ты рада этому.

– Конечно, ведь... ты прекрасна.

Улыбка появилась на лице Каривы, которая теперь выглядела точь-в-точь как Азлия, вплоть до маленькой родинки чуть ниже левого края довольно толстого носа женщины. На ней был идентичный синий наряд: облегающее платье с сине-белым рисунком, которое обнажало левое плечо, с правого плеча спадало и низко огибало спину, затем ложилось на левое бедро,

обнажая мускулистый живот женщины - и суккуба. Низ длиной до колена был присобран складками, придавая каждому движению стремительную грацию, а правое бедро оставалось открытым в разрезе ткани. Или, по крайней мере, выглядело таковым, ведь все это, вплоть до родинки, было иллюзией.

– Это твое любимое платье?

– Да! – Азалия ответила, хихикая.

– Ну конечно, – Беззаботно сказала Карива своей новой лучшей подруге. – Ты такая хорошенькая! Мне так повезло, что могу быть такой же красивой, как ты.

Азлия широко улыбнулась, но улыбка немного растаяла, и на ее лице внезапно появилось озабоченное выражение, как будто что-то было не совсем правильно в этом заявлении или во всем происходящем.

– Это просто игра, – заверила ее суккуб и поцеловала, усиливая очарование. «Эта была нелегкой добычей», напомнила она себе. Кариве и двум ее подругам потребовалось немало времени, чтобы, наконец, подчинить это создание, Азлию, своей силе воли. – Просто чтобы рассмешить его, а потом, конечно, я оставлю вас двоих наедине. И посмотри на меня! Я - Азлия для всех ничего не подозревающих посетителей, которые могут зайти, и поэтому я могу занять их и сделать счастливыми, пока ты и твой возлюбленный будете отдыхать!

Улыбка женщины вернулась, и Карива вздохнула с облегчением. Это становилось довольно утомительным, и ей не нужно было дополнительное напряжение, связанное с опасностью разоблачения.

Не против этой следующей цели, которая так легко уничтожила хезроу.

«Он на улице, приближается сквозь тени», услышала Карива в своем сознании телепатическое послание Увиллии.

– Не говори ни слова, – сказала она Азлии. – Просто улыбнись и резко повернись, чтобы это прекрасное платье широко развевалось и кружилось вокруг тебя, как циклон. Помни: ты - эпицентр той бури, о которой так мечтает твой любимый.

– Ты уверена?

– Моя дорогая Азлия, я так долго играла в эти игры.

– Но ты его совсем не знаешь.

–Я знаю, что он похож на Джарлакса, а его я знаю слишком хорошо, – солгала Карива.

Азлия снова нахмурилась, и Карива задумалась, не зашла ли она слишком далеко в этом сравнении.

– Браелин совсем другой. Джарлакс - мастер игр.

Еще один поцелуй, еще одно заверение.

– Не всех игр, моя дорогая Азлия. Есть некоторые вещи, которые даже Джарлакс, как и твой возлюбленный, просто не могут контролировать и которым просто невозможно сопротивляться.

Он приближается.

– А теперь иди, и побыстрее, – сказала Карива хозяйке таверны. – Его любимый напиток от его любимой женщины. – Когда Азлия направилась к двери, Карива приложила палец к поджатым губам, напоминая ей, чтобы она больше не произносила ни слова.

На Улицах Вони было до жути тихо, но это было объяснимо, учитывая масштабное сражение, бушевавшее в западных районах города. Тем не менее, Браелин не торопился и держался в тени, пробираясь к Сочащемуся Миконидy.

Он знал, что жрицы Ллос будут расследовать смерть аристократа Вандри и особенно жрицы Ханцрин, не говоря уже о потере демона хезроу. Это был удар, о котором стоило узнать побольше.

Сворачивая в последний переулок, в дальнем конце которого располагался Сочащийся Миконид, он раздумывал, пробираться ли ему всю дорогу крадучись или идти открыто. Если уж предстояли неприятности, то, возможно, в конце концов, лучше было покончить с ними поскорее.

Однако он передумал, потому что, как бы это ни заставляло его чувствовать, ответственность Браелина была больше, чем просто перед самим собой. Он узнал довольно много о быстро ухудшающейся ситуации здесь, в городе, и о боевых действиях, а также о слухах о том, что сторонники Ллос захватили неожиданного и важного пленника из рядов Богохульников. В этих шепотках были намеки на то, что Матрона Жиндия публично сделает из этого заключенного драука, в качестве предупреждения всем тем, кто выступит против Паучьей Королевы, особенно тем, кто был освобожден от Проклятия Мерзости, чтобы снова стать живым дроу.

Поэтому вместо двери разведчик поднялся на крыши, тщательно выбирая путь. Он не боялся никакой драки, на самом деле, он хотел ее! Но дело было не в нем. Речь шла о Джарлаксе и о многих, кто зависел от него, особенно о женщине, обслуживающей таверну, к которой он сейчас приближался.

Он поднялся на крышу этого здания, прополз по-паучьи вниз по фасаду за гигантским грибом слева от главной двери, затем спрыгнул вниз, огляделся и вошел внутрь.

К удивлению Браелина, в заведении не было посетителей. Было раннее утро, но все же... Он не был уверен, что когда-либо видел таверну совсем пустой.

Нет, не пусто, отметил он, увидев Азлию за стойкой бара, в последний раз махнувшей салфеткой, прежде чем отбросить ее в сторону и демонстративно поставить стакан на стойку.

На ней был его любимый наряд.

Она одарила его застенчивой улыбкой и направилась к двери в свои личные покои.

Браелин не был уверен, что и думать, но он наверняка знал, что он чувствует.

Неужели Азлия опустошила это место в ожидании его прибытия? Он пришел в восторг от этой идеи... Но откуда она могла знать?

Она не оглядывалась на него, пока не дошла до двери, где одарила его озорной ухмылкой и подмигнула своим прелестным глазом, задержавшись на пороге.

Браелин подошел к бару и взял напиток, который она поставила на стойку.

Действительно, его любимое.

– А где…

Она приложила пальцы к губам, этим идеальным губам, и шикнула на него. Затем она ушла, не оглянувшись.

Ухмыляясь, Браелин широким шагом обошел бар, схватил стакан и направился к двери в комнату Азлии, где его немедленно встретили крепкими объятиями и страстным поцелуем, женщина тут же принялась возиться с его поясом с оружием.

Он ответил на поцелуй от всего сердца, но с некоторым удивлением, потому что это было не похоже ни на что, что когда-либо предлагала Азлия. Сильный и даже немного кусачий - что-то, казалось, взволновало его возлюбленную так, как он раньше не знал.

Он совсем не возражал против этой перемены и ответил на поцелуй с еще большим пылом.

Она задержала поцелуй, отступая и увлекая его за собой к кровати, и он постарался не споткнуться о свой упавший пояс и меч.

Он открыл глаза, все еще заключенный в поцелуе и объятиях, которые с каждым шагом становились все крепче и крепче, почти болезненно.

И там, сидя на краю кровати и глядя на него из-за балдахина в изножье, он увидел... Азлию.

Ошеломленный, сбитый с толку, Браелин потянулся, чтобы схватить за руки женщину, сжимавшую его, но обнаружил, что ее хватка только усилилась. Он попытался отстраниться, оторвать свои губы от нее, но она не позволила ему и целовала еще крепче.

Боль в губах от зубов была ничем по сравнению со слабостью, которую он испытывал. Ему казалось, что из него каким-то образом высасывают саму

жизненную силу. Он крутил и тянул, и там, вдоль правой стены, он увидел... еще одну Азлию.

Его охватила паника, когда он почувствовал, как другая пара рук схватила его с левой стороны. Замешательство охватило его, когда он увидел четвертую Азлию!

Все они были одеты абсолютно одинаково.

Все они выглядели абсолютно одинаково.

Он подумал о заклинании зеркального отражения, которое часто использовал Громф, но нет, это было не оно, потому что дубликаты не повторяли движения, а действовали независимо.

В этом не было никакого смысла.

А потом он почувствовал душераздирающую боль и точно понял, что это действительно его жизненная сила была украдена это женщиной... или чем бы оно ни было.

И он подумал, что это хорошо.

Но разве это могло быть хорошо?

У него подкосились ноги. Женщина у правой стены оказалась рядом с ним и схватила его за руку.

Он почувствовал, как вокруг него обвилась веревка, его руки потянули вниз и крепко связали.

Но все было в порядке. Это были его друзья. Это были его возлюбленные...

Все они?

Браелин отбросил эту мысль и стал сопротивляться поцелую, наконец вырвавшись и хватая ртом воздух.

Целующаяся отстранилась от него. Ее волосы удлинились и стали рыжими. Оттенок ее кожи менялся у него на глазах.

Она что-то шептала ему, но он не мог расслышать слов.

Он просто каким-то образом знал, что эти слова нравятся ему больше, чем все, что он когда-либо слышал.

Это было ошибкой, даже пытаться слушать, но поскольку магический шквал очарования продолжался, и в своем ослабленном состоянии Браелин мог сопротивляться ему лишь очень долго.

Он должен был освободиться и бежать. Он должен был обнять эту женщину, не-Азлию, и поддаться ее ласковым словам.

Азлия встала с кровати - настоящая Азлия? - он удивился, услышав, что все в порядке, что это их новые друзья.

Он не знал, что с этим делать.

Браелин пожал плечами, изогнулся и обнаружил, что он определенно сильнее тех двоих, что держали его. Но не крепче, чем веревка, которой они

обмотали его, волшебная веревка, которая затягивалась с каждым его движением.

Женщина перед ним, больше не Азлия, он был уверен, расправила красные крылья, похожие на крылья летучей мыши... подошла и снова поймала его поцелуем.

Последнее, что он увидел, была Азлия - это действительно была она? - смотрящая на него со странной улыбкой на лице с края кровати.

Странная и бездумная улыбка дурака.

Его последней мыслью, когда он почувствовал, как жизненная сила покидает его сознание, было то, что у них тоже была Азлия.

Часть 2
Вдохновение

Я *гуляю по улицам Каллиды и беседую с эвендроу. Контраст с Мензоберранзаном не мог бы быть еще ярче. Это был ответ, по крайней мере, для меня и для Джарлакса, и, вероятно, также для других товарищей из Мензоберранзана, хотя я не знаю, задумывались ли Закнафейн, Киммуриэль, Даб'Ней или, конечно, Громф когда-либо так прямо над вопросом: было ли что-то внутри меня, внутри всех дроу, что-то, что могло бы помочь исправить этот изъян в нашей природе, предопределенность, проклятый рок, все зло нашей культуры, за которое другие народы Фаэруна обвиняют и порочат нас?*

Конечно, я никогда не испытывал таких внутренних побуждений, искушений или желания причинить вред. Как, я уверен, и мои сестры, по крайней мере, две из них, или мой отец. Я никогда не видел такой естественной злобы ни в Джарлаксе, ни даже в Киммуриэле, хотя он часто пугал меня.

Но все же, даже зная это, мне всегда было трудно полностью отвергнуть мнения, которые народы других земель, видов и культур высказывали о дроу, обо мне. Кэтти-Бри однажды сказала мне, что, возможно, я был более скован тем, как другие люди видели меня, и в этом маленьком семантическом обороте есть доля правды. Но это было глубже, проникло в суть того, кем на самом деле был Дзирт До'Урден - или, что более важно, того, кем я когда-либо боялся быть или мог бы стать.

Ожидания других людей часто являются непосильным бременем.

Я жил под этим бременем. И каким бы сильным я ни был, как бы сильно я ни тренировал свой разум, тело и душу, теперь я вижу, как это сгорбило мои плечи ровно настолько, чтобы я не мог по-настоящему стоять во весь рост рядом со своими товарищами. Хотеть скрыть, пусть даже в потаенной части моего мозга, все то, что они могли узнать обо мне и других дроу.

Но сейчас у меня есть ответ. Теперь у всех нас есть ответ, даже у тех товарищей, которые, возможно, никогда напрямую не задавали этот вопрос, и это удивительная вещь:

У нас, дроу, нет недостатков.

Мы не меньшинство. Мы ни в коей мере не злонамеренны по своей природе. Честно говоря, я не знаю, как высоко на лестнице злодеяний находится такая правда. Я видел злобных диктаторов, которые соответствовали порочности самой ревностной жрицы Ллос, у всех видов и культур. Я был свидетелем по-настоящему злых представителей разных рас, от гномов до халфлингов, от людей до эльфов и дроу, и всех остальных, каждого вида или культуры, лишь немного отличающихся друг от друга. Так что, возможно, есть некоторые люди, в которых есть природное зло.

Или, возможно, даже с ними, даже с самыми порочными, такими как матрона Жиндия Меларн или судьи карнавала воров в Лускане, которые с таким ликованием пытают обвиняемых преступников, в ранние дни их личного пути были шаги, которые развратили их и привели к их нынешнему состоянию. Это вопрос, на который, я сомневаюсь, когда-либо будет дан ответ, и этот ответ на самом деле не является самым важным фактором, поскольку в настоящем, в данный момент, за свои собственные действия эти люди, как и все мы, несут ответственность.

Тогда более важный вопрос для меня во всем этом заключается в том, как целый город - и почти все в пределах города - могут быть настолько порабощены, настолько полностью подчинены воле Королевы Демонов, что они теряют всякое представление о том, что правильно, а что неправильно? Потому что, несомненно, понятие этой разницы - это то, чем должно обладать любое разумное существо!

Я начинаю понимать, что в Мензоберранзане было гораздо больше похожих на меня, чем тех, кто с радостью принимал догматы Ллос и ее порочного духовенства. Даже Даб'Ней, которая давным-давно поняла, как сильно она презирала все, что было Ллос (и все же оставалась жрицей и по-прежнему получала магические заклинания от того существа, которое она презирала!).

Теперь я знаю, что ответ - это страх. Из всех источников вдохновения, мотивации, которые может дать любой лидер, самый простой - это страх, и его, пожалуй, труднее всего отбросить в сторону. Даб'Ней могла втайне ненавидеть Ллос, но заявить об этом открыто означало бы ее смерть, если бы ей повезло. Более вероятно, что ее превратили бы в драука, приговорив к вечности неослабевающих мук.

И даже самые храбрые побоялись бы такой участи.

Страх - мощное оружие, и трагический результат деспотизма - это история, которую слишком часто рассказывают, и ее еще легче увидеть в более скоротечных обществах народов с короткой жизнью. Я видел королевства людей, доведенные до плохого конца лидером со злыми

намерениями - мы видели это с лордом Неверембером и домами Глубоководья, развращенными ради личной выгоды. Это одна из самых предсказуемых и печальных историй в анналах человеческих обществ, когда то или иное государство решает развязать войну, украсть землю или ресурсы у соседа. И также, к счастью, наряду с тем, что такие состояния являются наиболее распространенными, они часто являются самыми преходящими. Королевства, которые когда-то были явными врагами, теперь стали великими союзниками и друзьями, делят рынки сбыта, вступают в смешанные браки, процветают вместе.

Отличие Мензоберранзана, наиболее очевидно, заключается в том, что власть там, злой лидер со злыми замыслами, была и остается не преходящей. Правитель-человек умрет - возможно, у его преемника будет лучшее и великодушное сердце; если не сразу, то всего через несколько десятилетий. Простая физическая география наземных королевств также не способствует какой-либо длительной и ослабляющей автократии, поскольку многие люди познакомятся с жителями других земель и, таким образом, узнают о недостатках своего общества, когда оно противопоставляется чаяниям и обнадеживающим видениям их соседей.

В пещере, где я родился, дело обстоит иначе. Ллос не только вечна и вездесуща, диктатор, который не разжимает своих когтей, но и сам город уединен. Я не уникален в своем желании сбежать, и я не единственный дроу, который бежал из Мензоберранзана на протяжении тысячелетий правления Ллос и ее жриц. Возможно, я не единственный, кто выбрался оттуда, каким-то образом, благодаря удаче, выжил в дебрях Подземья, а при большей удаче нашел дом, настоящее место в семье. Но для каждого дроу вроде меня, который каким-то образом сбежал, я набираюсь храбрости, зная, что есть тысячи тех, кто хотел бы сбежать, кто видит перед собой несправедливость.

Путь Ллос – это ложь.

Вдохновение Ллос - это страх.

Абсолютная власть Ллос над дроу в Мензоберранзане заключается в том, что она вечна, все крепче вцепляясь в каждое поколение.

Теперь у нас есть шанс разрушить эту хватку, освободить город, превратить шепот дроу в открытые крики отрицания.

Вот почему я не мог остаться в Каллиде. Вот почему я не мог оставаться в комфорте своих домов в Длинной Седловине или Гаунтлгриме, когда рядом со мной были мои жена и дочь.

Потому что сейчас — и только сейчас, вооруженные знаниями и светом, освещающим то, что так долго было скрыто, - у нас есть шанс.

—Дзирт До’Урден

Глава 7
Невозможный выбор

Аззудонна вытерла пот с лица, на ее серой коже проступили оттенки лавандового румянца, который так отчетливо выделялся на фоне ее белых волос с фиолетовыми прядями и этих завораживающих фиолетовых глаз.

Глаза, так похожие на глаза его сына, подумал Закнафейн, и ему показалось, что он перенесся назад во времени в те многочисленные спарринги, в которых он сражался с Дзиртом до и после того, как Дзирт отправился в Мили-Матгир**.**

Зак прогнал эту мысль прочь или, по крайней мере, попытался это сделать. Однако на самом деле ему не хотелось думать о Дзирте прямо сейчас, потому что он хорошо понимал вероятную опасность, ужасную опасность, с которой столкнулся его сын.

Он покачал головой, снова выпрямился, широко расставив ноги и удерживая равновесие, и поднял руки для защиты.

– Если твои мысли сейчас не здесь, я легко одолею тебя, – поддразнила Аззудонна.

Зак не ответил.

Аззудонна вздохнула и отбросила полотенце в сторону, затем, к своему удивлению, отвернулась.

Мы напрасно теряем здесь время, – объявила она.

– Ты говоришь это только потому, что знаешь, что я уложу тебя на лопатки! – крикнул Зак ей вслед.

Женщина резко остановилась и обернулась, ее почти вечной улыбки нигде не было видно.

Когда он здесь душой и телом, Закнафейн может делать это... иногда”, - сказала она, и только в последнем слове был какой-то намек на юмор. Но выражение ее лица стало хмурым. “Когда он здесь душой и телом, Закнафейн показывает, что достоин места в Бьянкорсо. Этот рассеянный человек, стоящий сейчас передо мной, не может соревноваться в Каззкальци.

Зак поморщился.

– Если ты сомневаешься во мне, возможно, ты можешь переехать в другой район и присоединиться к другой команде, так что, если ты одурачишь их

настолько, что они примут тебя в свою команду, когда мы будем соревноваться на следующем турнире, я докажу тебе правдивость моих слов.

– Переехать в другой район? – эхом повторил он, в его тоне было больше гнева, чем обиды.

Когда его семья и друзья вернулись на юг, Закнафейн остался в Каллиде, в городке Скеллобель, в доме Аззудонны. Она была его любовницей, душой и телом, и вскоре должна была стать его женой. Теперь она была его партнером во всем, его вечной спутницей, как он надеялся. И больше всего на свете Аззудонна хотела, чтобы Зак присоединился к увлечению ее жизни в качестве игрока из Скеллобельской команды Каззкальци, известной как «Бьянкорсо».

Каззкальци был больше, чем игрой для жителей Каллиды. Каждый из четырех районов выставлял команду из двадцати пяти бойцов, и для этой сотни каллидийцев каззкальци был их жизнью. Они весь год готовились к этой битве Сумеречной осенью, когда летнее солнце уступило место зимней ночи над Каллидой.

Закнафейн понимал ее гнев на него - он заслужил его в тот момент. С тех пор как она впервые встретила его в день его прибытия в Каллиду, она упоминала его как потенциального бойца на своем любимом Бьянкорсо. Она наблюдала за ним, даже тренировала его в тот день, когда он сражался против другой женщины, которая хотела стать членом команды и Аззудонна смотрела на него даже тогда так, как она смотрит на него сейчас, ее фиолетовые глаза сверкали.

Влечение было взаимным и мгновенным, и оно многократно усилилось за те десять дней, которые они провели вместе, и за то приключение, которое они разделили. Она проводила часы за часами у его постели, поддерживая его дух, когда слаад заразил его и его конец казался близким, и теперь делила с ним постель. Однако все было гораздо глубже, чем просто это.

В битве при Каззкальци, после своего героизма на поле, Аззудонна была единственной, кто начал скандировать «Перте мийе, Закнафейн!», которому вторили десятки тысяч зрителей на арене; призыв, мольба, которая принесла волшебство Веселых танцоров, волшебных огней северного ночного неба, кружащих над ним, укрепляли его, опьяняли своей чистой волшебной красотой, укрепляли его решимость держаться и пережить то, что казалось смертельным.

Она сделала это. Ее любовь к нему, выраженная в песнопениях всей Каллиды, сделала это, эти глаза сияли все это время. До сих пор, когда они не сияли, а скорее горели.

И это было загадкой для Зака.

Он ненавидел видеть, как эти глаза вот так смотрят на него. А это означало, что он не мог оставить ее.

Но это также означало, что он не мог вернуться на юг, а оттуда в Мензоберранзан, чтобы присоединиться к войне против Паучьей Королевы, войне, в которой он, став отцом Дзирта, пожертвовав собой ради Дзирта столетия назад и невольно воскреснув, стал пешкой.

Его сын собирался сражаться. Джарлакс, его самый близкий друг, собирался сражаться. Даб'Ней, когда-то его возлюбленная, всегда его друг, собиралась сражаться.

И его не было бы рядом с ними.

Он тяжело вздохнул, его плечи поникли, и он заметил, что выражение лица и поза Аззудонны изменились. Черты ее лица смягчились, ее поза перестала быть боевой.

– Тогда не сегодня, – сказала Аззудонна, и ее голос был полон сочувствия.

Зака глубоко поразило, что она любила его достаточно сильно, чтобы доверять ему, признать и понять, что с ним что-то не так, и, очевидно, верила, что он скажет ей, когда будет готов.

– Не сегодня, – согласился он и начал снимать ленты с кулаков.

Кто-то, глядя на долговязого молодого человека, мог бы подумать, что он всего лишь высокий ребенок и уж точно не внушительный. Но те, кто наблюдал, как Алефаэро сражается с полярными червями под покрытым льдом городом Каттисола, знали лучше. Даже те, кто окружал молодого студента, работавшего в библиотеке Сиглига, считали его скорее мудрецом, чем заклинателем. Несомненно, он был умен, в этом никто не сомневался, и ценность его понимания реморхазов нельзя было отрицать.

Тем не менее, когда Алефаэро отважился спуститься в хрустальные пещеры под затерянным районом города во время первого спуска рядом со Святой Галатой, даже его самые большие сторонники и намека не имели на то, что он окажется таким могущественным заклинателем, уничтожив многих вторгшихся зверей, отогнав их назад, действительно, спасая жизнь героине Галате.

Алефаэро знал, что недооценка была неизбежна и понятна. Его называли «долговязым», но на самом деле он был худым, невероятно худым. Его мозг творил чудеса, и он мог прочитать и запомнить большой том за день. Но он ел мало, что, конечно, не входило в список рекомендаций для набора веса в этом холодном климате. В то время как другие, даже в его возрасте, тренировались физически, многие надеялись когда-нибудь выступать за

команду своего района в Каззкальци, Алефаэро читал, и читал, и читал еще немного.

Знания были его силой, в буквальном смысле, направляя его умственные способности в магические двеомеры.

И все же даже он был удивлен такой мощью во время своих первых столкновений с полярными червями, которые действительно были первыми боевыми столкновениями за полвека его жизни.

Возможно, величайшим даром Алефаэро было то, что он знал, что он не знает того, чего он не знает, и поэтому он направлял свои поиски знаний, основываясь на результатах прошлых событий, а не на традиции. Он читал те менее почитаемые тома в обширной библиотеке Сиглига. Вместо того чтобы отвергать работу по созданию заклинаний из-за предполагаемых неудач, он потратил время на то, чтобы выяснить, сможет ли он обнаружить, где они пошли не так, и, более того, понять, что с самого начала привело их на тот или иной конкретный путь.

Вот почему он стоял сейчас перед дверью старого человека, экзотически выглядевшего улутиуна, который за эти годы стал предметом многочисленных шуток между другими учеными и волшебниками, работающими в библиотеке.

«Безумный старый продуваемый всеми ветрами чердак» по имени Нвизи предсказал продолжающееся наступление ледяной стены Каттисолы за много лет до того, как незнакомец по имени Джарлакс разгадал тайну каньона, в котором располагался городок. Но объяснения и прогнозы Нвизи всегда были написаны с таким странным синтаксисом и выбором слов, что некоторым казались двусмысленными, и его манера говорить сильно отличалась даже от манеры других улутиунов в Каллиде.

И поэтому он был отвергнут и осмеян.

Всеми, кроме Алефаэро.

Он тихо постучал в дверь и услышал внутри бормотание, но ничего внятного.

Вместо того чтобы беспокоить человека за работой, Алефаэро потратил минуту на то, чтобы наложить заклинание на металлическую дверную ручку Нвизи, заклинание, которому его научил сам Нвизи.

Ручка вздрогнула и отрастила крошечные ножки, оживая.

«Если Нвизи не читает и не пишет, повернись и открой дверь», молча приказал он своему крошечному слуге и улыбнулся, когда новые ножки дверной ручки начали поворачиваться, а задвижка отодвинулась.

Алефаэро легонько толкнул дверь и позволил ей распахнуться настолько, чтобы он мог осмотреть комнату, его взгляд сразу же переместился на ее обитателя.

Одетый в рваную и плохо сидящую одежду, состоящую из множества слоев, с редкой копной все еще черных волос, растрепанных и беспорядочно подстриженных слоями разной длины, Нвизи, несомненно, больше походил на бездомного бродягу без гроша в кармане, чем на ученого волшебника. Он склонил голову набок, левая рука постукивала по левой брови, в то время как он перекатывал какие-то предметы - свои магические драгоценные камни, как понял Алефаэро, перед собой в сжатой правой руке.

Если он и заметил, как открылась дверь, то не подал виду.

– Мастер Нвизи? – спросил Алефаэро.

Нет ответа.

– Мастер? – спросил он громче.

Левая рука Нвизи опустилась, и он поднял глаза, хотя в тот момент, расхаживая взад-вперед, он был обращен лицом к стене напротив двери. Он смущенно огляделся, и Алефаэро снова окликнул его.

Коротышке-улутиуну все же потребовалось некоторое время, чтобы осознать, что говорящий стоит у него за спиной, и Алефаэро вспомнил, почему так много его сверстников считали понятие «Нвизи Великий ясновидящий» несколько... ошибочным.

Наконец Нвизи обернулся, и на морщинистой и румяной коже его круглого лица тут же появилась улыбка.

Алефаэро затаил дыхание, легкий вздох, который всегда возникал, когда он впервые смотрел на Нвизи после некоторого отдаления от этого человека и снова видел эти глаза, один ярко-янтарный, другой кристально-голубой.

– Алефаэро, – поприветствовал его Нвизи. – Слишком долго, о, умница. Умный Алефаэро. Ты послушай меня. Алефаэро слушает Нвизи.

Молодому волшебнику было трудно разобрать это приветствие, пока он не понял, что Нвизи смотрит мимо него, на дверь, теперь обе ручки были видны из-за угла полуоткрытого портала, крошечные ножки колотили по дверной ручке в коридоре, крошечные ручки молотили по внутренней ручке.

Нвизи хихикнул при виде этого зрелища.

– Ты хорошо меня научил, – сказал Алефаэро.

– Нвизи не преподает, нет, нет, нет. Сообщать. Сообщает Нвизи. Он видит, он рассказывает. Он не учит. Нет, нет.

– Конечно, – сказал Алефаэро с поклоном.

– Нвизи проклят, а не благословлен, – сказал улутиун, взмахнув руками, одна из которых все еще была сжата, чтобы прервать этот почтительный поклон. Однако Нвизи недостаточно крепко сжимал кулак, и маленький фиолетовый камешек вылетел из кулака, когда он размахивал им, подпрыгивая по комнате.

Алефаэро двинулся, чтобы найти его, но остановился, услышав ругательство Нвизи: «Э-э-э!»

Нвизи издал негромкий, но резкий свист, и пушистый грызун с белой шерстью, размером с ладонь, без глаз и с большим розовым носом, выскочил из-под стула и метнулся через комнату. Он исчез под грудой коробок и бумаг под столом, заваленным пергаментами, а мгновение спустя вынырнул обратно с фиолетовым камнем во рту.

– Клякса, – с благодарностью сказал Нвизи, когда незрячий ледяной лемминг пробежал по его ноге, нырнул в одну из рубашек и жилет, которые он носил, и уронил драгоценный камень в его ожидающую руку.

Волшебники вызывали своих фамильяров из духов, небожителей, фейри или извергов, но Клякса не был ни одним из них. Он или она - откуда кому знать? - действительно был леммингом, живым леммингом или, возможно, духом некогда живого лемминга, который снова ожил благодаря магии Нвизи, потому что человек держал его рядом с собой столько, сколько кто-либо мог вспомнить.

Или, может быть, Кляксы были множеством разных леммингов. Некоторые шептались, что Нвизи держал выводок леммингов где-то в грудах бумаг, коробок и одежды, разбросанных по его комнате, или, возможно, где-то еще в гигантском здании Сиглига. Это не удивило бы Алефаэро.

Как бы то ни было, между этим странным маленьким человечком и крошечным грызуном, который не казался волшебным созданием, явно существовала связь.

Нвизи сунул правую руку в передний правый карман верхней пары брюк, которые были на нем надеты, затем вынул ее без других драгоценных камней. Он потянулся левой рукой, чтобы положить фиолетовый камень в правый карман, но не смог с этим справиться, поэтому вместо того, чтобы просто переложить камень в правую руку, он позвал Кляксу на помощь, и лемминг пробежал по его рукаву и положил камень ему на хранение ровно туда, куда просил его Нвизи.

И все это без зрения, без всякого зрения, даже без глаз. Нвизи однажды объяснил Алефаэро кажущиеся чудесными способности слепого лемминга как способ обнаружения магии. По его словам, он накладывал этот особый двеомер на Кляксу снова и снова, пока это не стало постоянным «зрением» для маленького лемминга. Затем Нвизи наделил себя и все, что находилось в его личных покоях, магическими аурами, линиями различной энергии.

Очевидно, это сработало, потому что лемминг не проявлял никаких признаков своей слепоты.

– Хорошо, да, очень хорошо, ха-ха, – сказал Нвизи, глядя, как Клякса убегает прочь. Что? – спросил он Алефаэро.

– Что-что?

– Ты так говоришь, что скоро они назовут Алефаэро сумасшедшим, как Нвизи!

«Это было бы не так уж плохо», подумал молодой волшебник, но промолчал. Когда он понял вопрос, то ответил: «Мне нужно предсказание».

Ноздри Нвизи раздулись, и он нервно выпрямился.

– Это важно, – сказал ему Алефаэро.

– Они всегда такие, и всегда они не такие, какими, по твоему мнению, они должны быть или не быть. Будущее - обманщик!

–Пожалуйста, я умоляю.

– Не удивлен. Смутные времена. Алефаэро хочет знать. Мона Валрисса хочет знать. Они спрашивают, всегда спрашивают, и они ворчат и трясут кулаками и головами перед Нвизи, когда не могут понять.

– Я знаю, что объяснение видений - не твоих рук дело, не твоя вина, – ответил Алефаэро.

Ты говоришь то, что они велят тебе сказать. Услышав раскатистую интонацию своей повторяющейся фразы, Алефаэро понял, что, возможно, он больше превращается в Нвизи, чем предполагал.

– Предсказание. Только не Каттисола, – сказал Нвизи, закрывая свои разноцветные глаза. - Только не для Святой Галаты и наших посетителей.

– Для меня, – сказал Алефаэро. – И для всех нас. В городе Подземья начинается великая война, которая дала нам Джарлакса, Закнафейна и других удадроу. Война коснется и нас.

Нвизи вздохнул и кивнул.

– Я хочу...

– Прекрати!

Молодой волшебник замолчал.

– Одно. Одно, только одно! Одно видение, час, образ, объяснение. Я не буду стремиться узнать слишком много. Такие истины разрушают разум.

Алефаэро понял. В гости часто приходили каллидийцы, которые хотели знать, когда или как они умрут, и эти просьбы всегда вызывали у ясновидящего мага ничего, кроме ужаса. Алефаэро сказали, что причина в том, что Нвизи видел его собственную смерть, и этот момент, превыше всех остальных, отправил его в это странное и запутанное существование.

Улутиун посмотрел на свою каминную полку и присвистнул. У маленького колокольчика, стоявшего на правом конце полки, выросли похожие на палочки ручки и ножки и крошечные глазки. Оно вскочило на новообретенные конечности, подтянуло передний край колокольчика, как будто это был подол мешающей юбки, затем быстро перешагнуло на другую

сторону длинной каминной полки и слегка звякнуло колокольчиком в сторону песочных часов, которые, соответственно, отреагировали, выпустив пару крыльев, ноги снизу и затем вторую пару ног сверху. Они совершили большой прыжок, по крайней мере, для песочных часов, и выполнили идеальное сальто, приземлившись на вторую пару ног и немедленно втянув конечности, снова став внешне простыми песочными часами, только теперь песок был в верхней половине.

– Час. Да, один, – сказал Нвизи, и пара крошечных ручек высунулась сбоку песочных часов и соответствующим образом отрегулировала маленький винт-бабочку, чтобы мелкий песок начал сыпаться, отмеряя требуемый промежуток времени.

Казалось, это просто песочные часы, а колокольчик казался просто колокольчиком, за исключением того, что это был колокольчик с глазами, пристально и немигающе смотрящими на песочные часы, готовый зазвонить, когда песок полностью упадет.

Алефаэро с восторгом наблюдал за всем этим и поймал себя на том, что надеется, что однажды остальные в библиотеке будут думать о нем как о «сумасшедшем старом продуваемом чердаке».

– Хочешь? – сказал Нвизи Алефаэро. – Ты не знаешь, что-то, чего, как тебе кажется, ты хочешь, на самом деле не нужно! Люди, которые знают такие вещи... Прорицатель начал трясти раскрытой и пустой рукой сбоку от головы, закатывая глаза, подражая человеку, который сошел с ума.

– Тогда никаких подробностей, – согласился Алефаэро. – Если ты увидишь мою смерть или смерть друга, не говори мне.

Нвизи фыркнул и покачал головой, как будто волшебник вел нечестную игру с такой просьбой. – Но *я* все равно увижу это, – пробормотал он.

Сочувствие сильно поразило молодого волшебника, когда он услышал эти слова. И все же, он должен знать.

– Я бы не спрашивал об этом, если бы это не было важно... – начал Алефаэро, но замолчал, когда Нвизи поднял руку и кивнул.

– Один. Час. – сказал прорицатель. Он закрыл глаза и начал шептать сам себе что-то невнятное, что Алефаэро не мог разобрать - он знал слова, но их порядок, или, скорее, отсутствие структуры, делали это невозможным.

Все еще шепча нечто невнятное, иногда хохоча, прорицатель потряс камнями в своей руке, как будто это были игральные кости. Прошло много времени, пока Нвизи танцевал вокруг, пел, скандировал, шептал и часто останавливался, как будто он потерялся в каком-то заклинании, которое, возможно, пытался произнести. Но, наконец, он подбросил семь драгоценных камней, каждый определенного цвета радуги, в воздух перед собой, где они

плавали и перекатывались, сверкая разными узорами, обтекая друг друга, образуя разные формы, как если бы они были точками, которые нужно соединить. Однако Алефаэро обнаружил, что ему совершенно не удалось расшифровать эти фигуры, поскольку каждая из них длилась всего мгновение.

При каждом из них Нвизи хмыкал и кивал.

– Бесконечные изверги, – заметил прорицатель. – Мерзости!

Алефаэро затаил дыхание, но это, конечно, не было для него неожиданностью, поскольку он слышал об ожидаемых бойцах в Мензоберранзане.

Танец драгоценных камней продолжался. Их сопровождало еще больше бормотания и пения Нвизи.

– Паутину не разорвать.

Алефаэро это не понравилось, но потом он вспомнил, что все это началось с паутины, и именно она была брошена против Ллос, и именно она отменила Проклятие Мерзости, освободив драуков от их мучений и снова сделав из них удадроу.

– Какую паутину? – спросил он, но Нвизи его не услышал. Волшебник вспомнил предупреждения о двусмысленности в предсказаниях Нвизи и стиснул зубы, чтобы заставить себя просто слушать.

– Кровь... Предательство, так много предательства. Шатание, неуверенность. Верность против предательства. Страх против надежды. Что сильнее?

Алефаэро прикусил губу.

– Битва плоти, битва правды и сердца и....

Нвизи задыхался и дрожал.

Драгоценные камни снова начали двигаться, и Алефаэро понял, что эти последние замечания были вопросом, который Нвизи задавал заклинанию.

Он посмотрел прямо на Алефаэро и снова ахнул, широко раскрыв глаза от ужаса.

Волшебник чуть не потерял сознание — неужели Нвизи только что видел его смерть? Или смерть другого человека?

Или еще хуже?

– Покажи, – сказал он Нвизи, хотя понятия не имел, слышал ли его мужчина, тихо танцующий и поющий в своем трансе, или хотя бы осознавал, что в комнате есть кто-то еще. Это продолжалось долго, так долго, что Алефаэро то и дело поглядывал на песочные часы, наблюдая, как утекает песок. Он не раз пытался вмешаться, задавая вопросы. Он подавил желание, ибо все происходящее действительно сводило с ума, протянуть руку,

схватить один из камней и вырвать его, чтобы заставить Нвизи дать ему что-нибудь, какую-нибудь крупицу информации, что угодно.

Песок высыпался, крошечный колокольчик подпрыгнул и зазвенел.

– Каллида, – сказал прорицатель, когда драгоценные камни упали на пол. – «Подбородок высоко поднят, с него падают капли».

Тяжело вздохнув, Нвизи открыл глаза.

– Что это значит? – спросил Алефаэро.

– Что?

– «Высоко поднятый подбородок, с которого падают капли».

– Где Алефаэро это услышал?

– Ты просто... – начал он отвечать, но остановился, когда Нвизи низко наклонился, чтобы подобрать пару камешков, и крикнул: «Клякса!»

– Нвизи?

– Ты должен идти, – сказал прорицатель.

– Что ты видел?

– Я видел войну.

– Да, да, конечно, но что это значит?

– Это значит «ужасно». – Нвизи вздрогнул и покачал головой. –Ужаснее, чем думает Алефаэро.

– Я сражался под Каттисолой, – возразил Алефаэро. – Я видел смерть.

– Видел . . . Видел? – спросил Нвизи. – Судороги и крики, судороги и крики, во веки веков, судороги и крики, – он яростно постучал пальцем, довольно сильно, по своему лбу. – Раненый? Преследуемый! – Он поднял руки перед лицом, одна раскрылась, как клешня, другая сжалась в кулак, держа пару драгоценных камней. – Кровь, которую невозможно смыть! Кровь брата на убийце!

С этими словами он выступил вперед, вынудив Алефаэро отступить.

– Моя смерть? – спросил волшебник, хотя и обещал этого не делать. – Ты видел мою смерть?

– Уходи! Уходи! – крикнул ему Нвизи, бросаясь вперед и преследуя его обратно по коридору. Ожившая дверная ручка повернула защелку, затем оттолкнулась своими крошечными ножками, чтобы распахнуть дверь, когда Вторжение протолкнуло его через нее.

– Ужасы! – крикнул он, хватаясь за дверь, чтобы захлопнуть ее. – Высоко поднятый подбородок, с которого падают капли!

Нвизи задохнулся от своих собственных слов, как будто был шокирован тем, что вспомнил их, или тем, что изначально их спровоцировало. Он захлопнул дверь, закрепив ее дверной ручкой.

Алефаэро долго стоял там, запоминая каждое слово, произнесенное прорицателем во время и после заклинания.

Пытаясь разобраться в них.

Опасаясь, что из-за их кажущейся двусмысленности он будет знать меньше, чем знал до этого, он пришел навестить своего друга, своего сумасшедшего старого друга-чердака, продуваемого ветром.

Глава 8
Потребности и Желания

– **Г**ромф вернулся в Главную башню Тайн? – спросил Дзирт нежданного гостя в особняке Плюща в Длинной Седловине.

Джарлакс кивнул.

– Я удивлен, что он вернулся с севера, – сказал Дзирт.

– Он знает, – сказал Джарлакс.

Дзирт посмотрел на Кэтти-Бри, которая проводила Джарлакса в комнату и теперь сидела в стороне, делая вид, что работает над каким-то магическим свитком. Она была не в лучшем настроении, но, конечно же, не пропускала ни слова из этого разговора.

– Знает? – Спросил Дзирт, хотя был совершенно уверен, что понял, о чем говорил Джарлакс.

– Он знает, что это его шанс, – объяснил Джарлакс. – Прямо сейчас, в этот единственный момент, его дом, его сестры, его возлюбленная и его дочь возглавляют борьбу. Покончить с тиранией - сейчас или никогда, для него, для всех нас.

– Ты думаешь, Громф отправится с нами в Мензоберранзан, чтобы вести войну с приверженцами Ллос?

– Он, конечно, думает об этом. Иначе он остался бы в Каллиде с эвендроу, рядом с Закнафейном.

Сердце Дзирта упало при напоминании о том, что его отец не отправился с ними на юг, обратно к Побережью Мечей. Совершенно очевидно, что Закнафейн влюбился в Аззудонну, и поэтому он объявил себя каллидийцем, с благословения Временного собрания и моны, в настоящее время занимающей должность наблюдателя за правящим советом города дроу. Закнафейн ясно слышал о планах Джарлакса и Дзирта присоединиться к войне в Мензоберранзане, и он отверг их.

Дзирт очень надеялся, что его отец будет рядом с ним, но, увы, этого, похоже, не произойдет.

– Громф мог бы остаться там, на самом дальнем севере, за пределами паучьей хватки Ллос, – сказал Джарлакс. – Он, как и я, понимает, что этот

момент пройдет, и быстро. Дом Бэнр могущественен, и их поддерживает армия воскресших дроу, похищенных с жестокого суда Ллос...

– Но ты думаешь, что этого недостаточно.

Джарлакс поднял руки и покачал головой.

– Что я знаю, так это то, что амбиции других домов уходят корнями глубоко в прошлое, и что власть матрон большинства из этих домов напрямую зависит от их лояльности и преданности их слуг Паучьей Королеве. Кто они на самом деле без нее? Какое влияние они имеют на мужчин Мензоберранзана, кроме указа Паучьей Королевы о том, что эти люди, просто по воле случая родившиеся мужчинами, должны смириться с тем, что они ниже их? Религия Ллос определяет порядок в Мензоберранзане, и те, кто находится на вершине этого порядка, не захотят отказываться от него. Громф видит это, и поэтому он вернулся.

– Что, в свою очередь, оставляет Каллиду без могущественного защитника. Что может случиться с Каллидой, если Ллос победит в Мензоберранзане сейчас?

– Кто знает дорогу в земли эвендроу, чтобы сообщить жрицам Ллос, если это так? Вы? Я? Киммуриэль, или Громф, или Даб'Ней? Мы все понимаем, что наш долг, если мы попадем в руки матроны Жиндии Меларн или кого-либо из ее союзников - умереть молча...

Он замолчал, когда Кэтти-Бри довольно громко передвинула свой стул по деревянному полу.

– Конечно, до этого не дойдет, – настаивал Джарлакс, пытаясь увести разговор от такой мрачной возможности.

– Ба, но вы все такие глупцы, – пробормотала Кэтти-Бри, и ее возвращение к своему дворфскому акценту сказало Дзирту, что ему, несомненно, предстоит долгая ночь.

– Почему глупцы, скажи на милость? – спросил Джарлакс.

– Потому что ты мыслишь категориями могущества смертных. Я хорошо осведомлена о расколе в городе, и о том, что в настоящее время он в пользу Дома Бэнр, – сказала Кэтти-Бри, поворачиваясь на своем стуле и бросая перо на стол. – Так же хорошо, как и осознаю, что Джарлакс может сказать что-то одно одной стороной рта, и ни минутой позже сказать противоположное другой. Случалось. Но я также знаю, что сторону Бэнр, твою собственную сторону, возглавляет не какая-нибудь богиня, или королева демонов, или как там нам следует называть ведьму Ллос. Дроу против дроу, у вас есть шанс. Итак, я спрашиваю: «Ты думаешь, так и останется?»

– Я не знаю, – признался Джарлакс.

– Именно, – сказала Кэтти-бри. – Глупцы.

– Если король Бренор призовет своих союзников и присоединится к нам... - начал Джарлакс.

– Но он этого не сделает, и ты знаешь, что он этого не сделает! – отвергла эту мысль Кэтти-Бри.

– Значит не сделает, – решительно вставил Дзирт. – Но мы обязаны попытаться освободиться от Ллос. Это мой дом, был моим домом.

– Он никогда им не был, по твоим собственным словам, – напомнила Кэтти-Бри.

– Но должен был, – сказал Дзирт. – И должен быть для всех дроу, находящихся там сейчас, особенно для молодых и всех, кто родится в ближайшие годы. – Он беспомощно пожал плечами. Он долго боролся с этим решением. Действительно ли это была его битва? Было ли это его делом - броситься обратно в город, который он так давно оставил позади, возвращаясь лишь пару раз, когда обстоятельства вынуждали его действовать, и после этого бежать из этого места так быстро, как только он мог?

Теперь гражданская война разгоралась в полную силу, фанатики Ллос против тех дроу, которые отчаянно пытались сбросить оковы ее тирании - как это сделал Дзирт. Он, конечно, не мог отрицать, что был вдохновителем этой войны.

Но делало ли это нынешнюю войну его ответственностью?

– Громф сделал свой выбор, когда возродил магию Главной башни, чтобы дать нам силу здесь, в Гаунтлгриме, – спорил Джарлакс с Кэтти-Бри, когда Дзирт снова подключился к разговору. – Это было ересью для Ллос, чьи служанки ясно дали ему понять, что нужно закрыть Гаунтлгриму доступ к магии. Он ослушался, и поэтому король Бренор и его подданные выжили. Громф сделал это. Ллос не забывает и не прощает тех, кто не повинуется.

– Значит, он присоединится к битве только потому, что, если Бэнры проиграют, он знает, что наверняка будет навечно обречен? – Кэтти-Бри усмехнулась.

– Ну...

– Если бы Громф остался в Каллиде, вне какого-либо влияния в Мензоберранзане, тогда, вероятно, он прожил бы свою жизнь в мире, вдали от политики Города Пауков и любой мести, которую Ллос или ее жрицы, возможно, подумали бы осуществить. – сказал Дзирт. – Дроу Мензоберранзана веками склонялись в страхе перед Ллос, и именно это привело нас к нынешнему кризису. Не больше и не меньше.

– Я знаю одного, кто не съежился от страха, и кто ушел, полностью осознавая, что его бегство из города так далеко в Подземье, несомненно,

будет означать конец его жизни, – сказал Джарлакс. – И все же он сидит здесь.

– Свободен и готов вернуться, – добавила Кэтти-Бри, пристально глядя на своего мужа.

– Я должен, – одними губами прошептал ей Дзирт.

Она и глазом не моргнула.

– Что с Бреган Д'Эрт? – Спросил Дзирт лидера наемников. – Ты удерживаешь Лускан, ты правишь Лусканом, и стабильность тамошних людей зависит от твоей банды. Вы все уезжаете воевать в Мензоберранзан?

Джарлакс, казалось, не был уверен в своем ответе, но в конце концов покачал головой.

– Ценность Бреган Д'Эрт для дела будет больше за пределами города. Король Бренор предложил припасы, я надеюсь, по ходу битвы их станет больше, но Бреган Д'Эрт должна действовать, чтобы поддержать войско, найти другие источники, чтобы предоставить нам магическое оружие и предметы первой необходимости. Бениаго зарекомендовал себя умным и компетентным. Он продолжит руководить в Лускане и во всем регионе, и большая часть моих людей будет работать в этом направлении.

– Кто же тогда остается? Ты, Киммуриэль и сколько еще людей отправится в город?

– По крайней мере, небольшой отряд, возможно, больше, не считая тех агентов, которые у меня уже есть в Городе Пауков. И, очевидно, наша вера в то, что Громф решит присоединиться, подтвердилась. Я ожидаю отчетов от Браелина Дженкуэея, который находится в Мензоберранзане, в течение десяти дней, и я использую это, чтобы убедить верховного мага, если его все еще нужно убеждать. – Говоря это, он посмотрел на Кэтти-Бри, затем многозначительно добавил:

– Пенелопа Гарпелл сама свяжется с Браелином. Хорошо, что у нас есть такая большая поддержка среди наземных сообществ.

Кэтти-Бри усмехнулась, но ничего не ответила.

– Я желаю тебе удачи в твоих предстоящих битвах, – сказал Джарлакс Дзирту, лукаво взглянув на сердитую Кэтти-Бри, когда он поднялся, чтобы уйти. – Я вернусь в Гаунтлгрим, и этим же вечером мы будем в туннелях верхнего Подземья.

– Осмелюсь предположить, что сегодня вечером это может быть более безопасное место, – сказал он с ухмылкой на лице.

Дзирт не сводил глаз со своей жены, когда ответил: «Я буду там».

Джарлакс направился к двери, но Кэтти-Бри вскочила со стула и перехватила его, заключив в объятия. – Я чувствую, что это прощание, – сказала она тихо, ее грубый дворфский акцент исчез. – Прощай навсегда.

Явно тронутый моментом, Джарлакс, казалось, не находил слов.

– Мы пережили на севере великое приключение, – сказала Кэтти-Бри. – И оно, возможно определит будущее для меня и моей дочери, для Закнафейна и для многих других на долгие годы вперед. Я благодарю тебя за это.

Очевидно, Дзирт и Джарлакс оба поняли, что она их простила.

Выражение лица Джарлакса показывало, что он подыскивает слова для ответа, но Кэтти-Бри прервала его, добавив: «Я понимаю».

Разбойник приподнял шляпу перед Дзиртом, поцеловал Кэтти-Бри в щеку и выбежал из комнаты, отбросив все шутки из уважения к двум своим друзьям.

Дзирт изучал свою жену, стоявшую к нему спиной, пока она смотрела на открытую дверь в коридор, а Джарлакс быстро удалялся.

Он мог видеть внутренний конфликт в ней и так хорошо понимал все это. Она знала, что нужно было сделать.

Она ненавидела то, что должна была сделать.

И страшилась того, что казалось почти неизбежным.

Что на этот раз эта неизбежность была чем-то другим.

Что-то гораздо более темным.

– **К**ак я думаю, кто победит? – Громф эхом отозвался на вопрос. Он покачал головой и издал короткий беспомощный смешок. – Это логово Королевы Демонов, ее основная игровая площадка на Материальном плане. Мой дорогой Киммуриэль, как ты думаешь, кто победит?

– Я думаю, у нас нет выбора.

– Во-первых, это не ответ на мой вопрос... Хотя и дает его, по-твоему, окольным путем. Однако, во-вторых, выбор есть всегда.

– Действительно, есть. Итак, теперь я задаю вопрос: Почему ты не остался в Каллиде? – спросил псионик. – Я был в твоих мыслях, верховный маг. Мы оба это знаем, и, поскольку я очень хорошо тебя понимаю, я нахожу этот вопрос упражнением в подтверждении твоих страхов и противостоянии им, и не более того.

– Моя работа здесь, а не в Каллиде, – возразил Громф, но ухмылка Киммуриэля осталась.

– Это нечто большее. То, что происходит в Мензоберранзане, очень беспокоит тебя.

– Ты думаешь, это обвинение? – Громф усмехнулся.

– Наблюдение.

– И я его не отрицаю. С чего бы мне?

– Да, но я знаю о твоих надеждах на нашу родину, – сказал Киммуриэль. – Ты ясно дал им понять, когда позволил магии Главной башни течь обратно по каналам в Гаунтлгрим, чтобы удержать Предвечного в его яме. Служанки сказали тебе закрыть его, и ты это сделал, но в конце концов. . .

Глаза Громфа угрожающе сузились, но Киммуриэль был достаточно уверен в своих заявлениях, чтобы не испытывать страха.

– Я знаю, где твое сердце, Громф Бэнр, отец Ивоннель.

– Я даже не знаю этого ребенка.

– Едва ли ребенка, но да, возможно, ты ее не знаешь. Но ты надеешься узнать. И даже без нее, ты помешал Жиндии Меларн завоевать народ короля Бренора.

– В первую очередь, отменив то, что я сделал, запечатав магию Главной башни для Гаунтлгрима. Став по-настоящему нейтральным в конфликте.

– И все же ты должен был понять, что означает твой нейтралитет. Ты отказываешься от своих надежд относительно того, какая сторона одержит победу в Мензоберранзане?

– Сердце и разум часто находятся в конфликте, – сказал Громф. – У меня, возможно, есть еще два столетия жизни - больше, если мои исследования окажутся плодотворными. Я хочу прожить эти столетия и даже больше. И когда я, наконец, покончу с этим существованием, я знаю, что Ллос останется в моей загробной жизни.

– Тогда сбеги от нее.

– Как? Симулируя поклонение какому-то другому глупому богу?

– Ты знаешь своего бога, как и я, и они одинаковы.

Громф сидел, но это заявление заставило его вскочить на ноги.

– Итак, таков твой план, – сказал бывший верховный маг Мензоберранзана, переварив услышанное. – Когда Киммуриэля больше не будет в этом физическом мире, он сольется с коллективным разумом.

– Мультивселенная - это вопрос божественных чисел, – сказал Киммуриэль. – Подробности о богах-тиранах - всего лишь шум - временный шум в предельной вечности всего этого. Мы - проявления чистой и неповторимой мысли, песчинки на бесконечном пляже или капли воды в бесконечном океане, который выплескивается на этот пляж. Коллективный разум является проводником к этой чистой и исключительной мысли. Моя судьба - непосредственно сливаться, становиться все меньше пятнышком и капелькой и все больше быть наблюдателем всего этого. Ты почувствовал

силу, когда мы направили ее из коллективного разума, чтобы уничтожить Демогоргона много лет назад. Ты почувствовал это - экстаз.

Громф и глазом не моргнул.

– Ты отрицаешь?

– Это и есть твой побег от Ллос? – спросил он.

– В конце концов, да, от нее и от всех мнимых богов, – сказал Киммуриэль. – Это тот же самый побег, который ты ищешь здесь, прячась в волшебной башне, предназначенной для изучения и проверки твоих пределов и твоих прихотей. Только на величину, превышающую любое число, которое я мог бы сейчас присвоить.

– Ты говоришь, как Дзирт и его рассуждения о трансцендентности.

– В конце концов, есть одна Истина, – утверждал Киммуриэль. – Будь то страх, надежда или, возможно, даже какое-то божественное вдохновение, мы все ищем эту единую Истину. Возможно, монахи нашли свой путь в это же самое место, но с другим названием. Мы живем в мире со множеством верований, религий и утверждений о том, что будет дальше - какое разумное существо не задумывалось бы о таких вещах? Возможно, путей к Истине много, и они извилисты. Кто мы такие, чтобы знать?

– Возможно, Ллос - это путь.

– Эту мысль я отвергаю, – сказал Киммуриэль. – Ллос и подобные ей божественные существа требуют действий, противоречащих природе, совести, любым рассуждениям и приличиям того, что могло бы быть вечной душой. Единственная истина - это гармония, а не хаос.

– Даже если нам сейчас придется принять участие в великом хаосе и разрушении, чтобы найти его, – сказал Громф и попытался сдержать хмурый взгляд.

Но ухмылка Киммуриэля подсказала Громфу, что его кислое выражение лица сильно портится.

– В конце концов, это твое спасение, – пообещал Киммуриэль.

– **Т**ы злишься на меня за то, что я решил уйти? спросил Дзирт, когда они с Кэтти-Бри остались одни.

Женщина, по щекам которой текли слезы, закрыла дверь и повернулась к нему лицом.

– Я сержусь, – сказала она, – но не на тебя. Я в ужасе за тебя, мне грустно от того, чего я ожидаю, и я ревную тебя.

Дзирт начал вставать, но взгляд Кэтти-Бри показал ему, что в этот момент она не хотела, чтобы он ее обнимал.

– Ревнуешь? – переспросил он.

– Конечно, ты должен уйти. Это твоя судьба. Это круг, по которому ты прошел, когда впервые покинул Мензоберранзан.

Дзирт смог только кивнуть, опечаленный, но по-настоящему благодарный за то, что Кэтти-Бри поняла.

– И вот я стою здесь, разрываемая на части, – объяснила Кэтти-Бри. – Потому что, когда я решила покинуть Ируладун, вернуться к этой жизни и к тебе после столетия потрясений для тебя и мира для меня, я ожидала, что этот путь будет нашим путем, а не только твоим.

– И нашего ребенка, – прошептал Дзирт.

– И Бри, – подтвердила Кэтти-бри и криво, надломленно улыбнулась, ее темно-синие глаза заблестели от влаги.

– Ты понимаешь, что я иду своим путем более охотно из-за нее и из-за тебя? – спросил Дзирт. – Конечно, я бы предпочел, чтобы Кэтти-Бри была рядом со мной, как из-за ее поддержки, так и из-за ее, твоей, силы. Ты - союзник духа и обладатель грозной магии, сравнимой даже с силами Мензоберранзана.

– И против сил Бездны, которые, без сомнения, поддержат твоих врагов-дроу в Мензоберранзане?

– Балор содрогнулся бы при виде обнаженной силы Кэтти-Бри, – искренне сказал Дзирт, и теперь он действительно встал и направился к своей жене, которая не смогла удержаться от легкого смешка.

– Не умирай, – прошептала она ему на ухо, когда он заключил ее в объятия.

– Если я этого не делаю, то только потому, что я не боюсь, – ответил он после паузы. – Потому что я знаю, что мое наследие, моя маленькая Бри, ведет Кэтти-бри.

Он почувствовал, как руки Кэтти-бри крепче обхватили его. Он боялся - и понимал, что это взаимно, - что это может быть их последнее объятие.

Глава 9
Во Тьму

Авернил вошел в маленькую часовню в Скеллобеле так тихо, как только мог, не желая прерывать молитвы паладина, преклонившей колени перед статуей их богини Эйлистри. Священник мгновение рассматривал паладина, ее отглаженную белую одежду и идеальную прическу из коротких серо-голубых волос, отражающую дисциплину, которая так упорядочивала ее жизнь. Он сел на самую заднюю скамью и начал свою собственную молитву, ища руководства, как и Галата в это смутное время.

– Мы знали, что рано или поздно до этого дойдет, – некоторое время спустя раздался голос паладина, отвлекший Авернила от его размышлений.

Он взглянул на женщину. Святая Галата, так ее называли по всему городу Каллиде, и это прозвище было вполне уместным. Она много раз становилась героем для эвендроу и недавно возглавила рейд, который вернул в город многих, кого они считали потерянными из-за слаадов и ледяных гигантов, населявших дальний конец их ледникового дома.

– До наших потомков, я полагаю, – ответил Авернил. – Конечно, я не ожидал, что удадроу прибудут в Каллиду, и уж точно не та группа, с которой мы столкнулись, друзья природы и враги демонов.

– Когда Доум'Вилль Армго пришла к нам, жребий был брошен, – ответила Галата.

– Даже тогда она была изгнана из этого города Подземья, расположенного так близко к Фаэрцресс. Я думаю, она не вернется на юг и уж точно никогда не вернется в этот Город пауков.

– Не вернется, нет, – подтвердила Галата. – Доум'Вилль Армго достаточно настрадалась из-за этого места под названием Мензоберранзан.

– Ты бы сказала то же самое о Закнафейне?

Паладин пожала плечами.

– Аззудонна говорит мне, что она часто видит, как он смотрит в никуда, и его мысли витают далеко.

Авернил кивнул. Это имело смысл.

– Какие ответы пришли к тебе в твоей молитве? – спросил Авернил.

– Мы разумные существа со свободной волей. Богиня не стала бы приказывать нам идти или отказывать нам в путешествии, если таков наш выбор.

– Ты веришь, что Мона Валрисса будет такой же сговорчивой?

Галата усмехнулась на это.

– У нее больше практических соображений, чем могло бы быть у Эйлистри.

– Ты думаешь, мона откажет тебе?

– Это не только ее решение, – напомнила Галата.

– Затем будет Временное Собрание. Может быть, они откажут тебе? - настаивал он.

– Если бы это была только я, тогда нет, они бы этого не сделали. Но ведь не только Галата будет ходатайствовать о том, чтобы покинуть Каллиду, не так ли?

– Я бы сказал, что мы с тобой самые нерешительные из прихожан. Некоторые в восторге от открывающихся здесь возможностей, считая войну в Подземье тем самым моментом истины для них, тем самым событием, ради которого они были призваны служить в этом храме.

– Моне Валриссе это не понравится. Почти сотня эвендроу покидает Каллиду, чтобы сражаться на войне, которая Каллиду не касается.

– Разве это не так? – спросил священник.

– В глазах Эйлистри это забота всех дроу и всеобщий долг перед теми, кто знает правду о Ллос. Но мы - маленькая церковь в одном районе. Семьдесят три человека - это ничто в городе с населением более сорока тысяч. И эти семьдесят три вполне могут подвергнуть опасности сам город.

– Сомнительно.

– Но не невозможно, – сказала Галата. – И даже самый отдаленный шанс такой катастрофы когда-либо воспринимался Собранием всерьез, и вся тяжесть этого ложилась прямо на плечи Моны Валриссы Жамбуле. Она уже воспользовалась шансом, позволив Джарлаксу, Артемису Энтрери, Кэтти-Бри, Дзирту До'Урдену, Киммуриэлю, Громфу и жрице Даб'Ней - жрице Ллос на практике, если не в сердце - покинуть город с нетронутыми воспоминаниями.

– И самому необычному дворфу, – добавил Авернил, и простая мысль о Пайкеле заставила его улыбнуться, и Галату тоже.

– Это был самый необычный год, – ответила паладин, качая головой.

– *Перте мийе,* Закнафейн, – процитировал Авернил. – Эти герои с юга изгнали Йгорла из крепости слаади и нанесли сильный удар по нашим врагам. Сообразительность Джарлакса показала нам причину потери

Каттисолы и, вероятно, спасла остальную часть Каллиды, когда мы отбросили орды реморхазов, которые слаади и их союзники-гиганты обрушили на наш дом.

Обеспокоенное выражение лица Галаты почти сразу прояснилось.

– Необычное - это не всегда плохо, – призналась она.

– Темная Дева Эйлистри предоставляет нам возможность выбора. Они будут руководствоваться сердцем, с открытыми глазами на стоящие перед нами опасности. Разве это не хорошо?

– Это *всё,* – согласилась Галата. – Именно по этой причине слова Эйлистри так подействовали на меня.

– Я думал, это из-за благоговения Темной Девы перед миром солнечного света. Разве ты однажды не назвал ее сестрой-богиней Миликки? Или это было просто для того, чтобы породниться со жрицей Кэтти-Бри?

– Сестра по духу и призванию. Я поддерживаю это сравнение. Разве Миликки не вернула Кэтти-Бри в эту жизнь, чтобы она сразилась с аватаром Ллос?

– Совершенно верно, но что с этой причиной? Выбор за тобой, за мной, и каждый из нашей паствы должен сделать его самостоятельно. Но ты знаешь, что выбор Галаты повлияет на многих.

– Я не желаю такой ответственности, – ответила Галата. – Что касается меня, то я знаю решение, и оно понравится Эйлистри.

– Вот так просто? – удивленно спросил Авернил.

– Ни одно решение, подобное этому, не бывает по-настоящему простым. Но как бы сильно я ни любила Каллиду, как бы сильно я ни хотела остаться здесь и наслаждаться жизнью, которую мы построили, да, я не вижу другого выбора.

– Если Мона Валрисса позволит это.

– Она меня не остановит.

– Да, но позволит ли она тебе уйти, сохранив твои воспоминания о Каллиде нетронутыми? Пожертвовала бы ты даже этим, самим смыслом своей жизни, если бы это было первой ценой, а последней, вполне вероятно, был бы конец твоей жизни?

Без колебаний и без малейших признаков сомнения Святая Галата ответила: «Да».

– Это безрассудно, – сказал маленький человечек по имени Весси Аззудонне, когда они вдвоем выпивали в Ибилситато, главной таверне каллидийского Скеллобеля. – Это решение продиктовано гордостью и чувством вины, а не какой-либо рациональной мыслью.

– Это не мое решение.

– Я и говорил не о тебе. Конечно, Закнафейн решит уйти. Вы, должно быть, знали это с самого начала. Его сын подвергается смертельной опасности, как и человек, который был его другом задолго до того, как кто-либо из нас родился.

– Он еще не решил, – возразила Аззудонна.

– Когда он узнает, что Галата полна решимости уйти, и ей почти наверняка позволят это сделать, как ты думаешь, останется ли он здесь?

Аззудонна не ответила, но поняла, что ее кислого выражения лица будет достаточно. Весси знал ее так хорошо, как никто другой из ныне живущих. Он мог видеть насквозь любую маску, которую она пыталась бы изобразить на своем лице. Весси вполне мог быть единственным в мире, от которого Аззудонна не могла спрятаться.

– Ты действительно веришь, что Мона Валрисса позволит это? – спросила она.

– Кто может остановить Галату? Она получает приказы от богини, а не от представителей Временного Собрания.

– И точно так же, как многие ожидали, что кто-то принесет неприятности, когда Галата давала ей клятву много лет назад, – сказала другая женщина, подходя к столу, – так оно и есть.

Аззудонна ухмыльнулся, увидев приближение их подруги Айиды, которая помогала управлять Ибилситато.

Айида перебросила свою барную тряпку через спинку стула и придвинула сиденье. Она не ответила на улыбку Аззудонны, и женщина поняла ее нерешительность, учитывая тему разговора.

Галата тоже когда-то была частью их группы, группы из пяти молодых эвендроу, бесконечно готовившихся и практиковавшихся вместе в попытке заслужить место в Бьянкорсо, Белых медведях Скеллобеля. Но это было до того, как Галата стала «Святой Галатой», до того, как слово Эйлистри достигло ее ушей и проникло в ее сердце. Они все еще были друзьями, эти четверо, но теперь Галата была далеко.

Аззудонна и Весси достигли своей общей цели - присоединиться к Бьянкорсо. Травма замедлила прогресс Айиды до такой степени, что она просто отошла в сторону во время испытаний, в то время как Илина, пятая из компаньонок, также основала церковь и теперь служила верховной жрицей Аурил, Ледяной Девы.

– Галата отвернулась от Каллиды всем сердцем, – сказал Весси.

Аззудонна положила руку на предплечье мужчины. Он и Галата были парой в далекие дни и даже поговаривали о том, чтобы завести совместных

детей. Но они отдалились друг от друга, поскольку Галата стала более серьезно прислушиваться к зову Темной Девы.

– Преданность Галаты Каллиде не может быть поставлена под сомнение, – настаивала Айида. – Много раз она защищала этот город на свой страх и риск. Без колебаний..

Едва заметное покачивание головой Аззудонны остановило Айиду, напомнив ей, что Весси говорил не только о чувствах Галаты к городу.

Однако Весси, очевидно, тоже уловил сигнал и просто рассмеялся.

– Я всегда буду заботиться о Галате, – сказал он с искренней улыбкой.

– Как и все мы, – согласилась Айида. – И я думаю, что ее богиня - прекрасное существо с благой целью. Как мы можем не подбодрить того, кто спасет удадроу из Подземья? Но Эйлистри не для Каллиды - по крайней мере, не только для нее.

– Я по-прежнему удивлена, что Временное собрание когда-либо санкционировало эту конкретную церковь, - признался Весси. – При всем том, что мы согласны с добротой Эйлистри, ее требования часто противоречат тому, что остается нашим самым важным долгом.

– Но от ее требований никогда не ожидали чего-то осязаемого, – утверждала Аззудонна. – До сих пор нет.

– И вот мы здесь, – сказал Весси с глубоким вздохом.

– Да, мы здесь. Неужели ни в ком из вас нет части, которая смотрит на возможное приключение? – Сказала Айида, удивив Аззудонну.

– Ты только что сказала, что Эйлистри не для Каллиды, – возразил Весси, очевидно, тоже удивленный.

– Забудь Эйлистри. Я не знаю ее учений, и в данный момент меня это не волнует. Я говорю об обещании стать частью чего-то грандиозного. Джарлакс и его друзья отправляются в благородное приключение!

– То, из-за которого они все погибнут, – сказал Весси.

Айида пожала плечами, как будто это ее не очень беспокоило.

– Когда ты путешествовала в крепость ледяного гиганта и сражалась со слаади, даже с божеством слаади, было ли это менее опасно? – спросила она Аззудонну. – И все же ты отправилась - дважды! - и посмотри, какие приключения принесли тебе эти путешествия. Приключения и даже любовь. Мы практикуемся, мы тренируемся, мы время от времени участвуем в сражениях, и мы вкладываем все силы наших сердец в притворную войну, которая называется Каззкальци. Теперь настоящая война смотрит на нас издалека, манит к себе, а мы задергиваем шторы и ведем себя так, как будто ее там нет.

Эта речь поразила Аззудонну и на некоторое время лишила ее и Весси возможности ответить, пока Аззудонна, наконец, не съязвила:

– Ты уверена, что не присоединились к пастве Авернила?

– Может быть, я устала вытирать столы, наполнять кружки и наблюдать, как вы двое наслаждаетесь сражениями в Каззкальци, – ответила Айида.

– Прямо сейчас в Каттисоле продолжается сражение, - напомнил Весси.

– Это для волшебников и священников, – ответила Айида. – Воины не так хорошо справляются с пылающими спинами реморхазов. Они даже не позволят нам спуститься по веревкам в хрустальные пещеры.

– Значит, ты хочешь пересечь весь мир и сразиться во тьме Подземья?

Айида уклончиво пожала плечами.

– Я не могу отрицать привлекательность такого приключения, не тогда, когда я буду знать, что борюсь за дело справедливости и помогаю нашим сородичам, которые не заслуживают своей участи от рук диктатора-демона. Я полагаю, это мимолетное желание.

Аззудонна посмотрел на Весси, который пожал плечами, не возражая.

«И я тоже не могла», вынуждена была признаться себе Аззудонна. Она продолжит спорить с Закнафейном, чтобы удержать его в Каллиде рядом с собой.

Но если он уйдет. . .

Камиус Веридаль был старейшим членом Временного Собрания и служил в этом законодательном органе уже более трех столетий. Его дом располагался в районе Мона Чесс, где располагался Сиглиг, руководящий орган Каллиды.

Он также принадлежал к тому же поколению, что и жрец Авернил из храма Эйлистри, оба - старики, проведшие столетия в Каллиде.

Галата была удивлена, когда Мона Валрисса Жамбоуль объявила Камиуса ответственным за заседание в этот день, но, судя по тому, как Авернил опустил голову после объявления, она догадалась, что священник ожидал этого или, по крайней мере, боялся.

Авернил и Камиус знали друг друга и яростно сталкивались лбами в далеком прошлом.

Галата привлекла внимание Авернила, встретившись с ним взглядами, священник медленно покачал головой.

Галата пыталась отрицать его суровость, но она понимала, что назначение Камиуса главным инквизитором не было хорошим началом для запрошенной петиции.

Камиус спустился со своего места на полукруглой галерее - далековато, поскольку Мона Чесс, как принимающий округ, всегда усаживала своих представителей дальше всех от трибуны и места для свидетелей.

Он не торопился, бормоча что-то себе под нос и время от времени поглядывая на просителей, его взгляд в основном падал на Авернила, его старого друга, его старого противника.

Когда он спустился, Мона Валрисса снова представила его, а затем заняла свое место. Камиус расхаживал взад-вперед перед десятью гостями Временного Собрания в этот день, почти игнорируя Галату, в основном разглядывая Авернила, а затем изучая остальных восьмерых клириков церкви Эйлистри, которые пришли с верховным жрецом.

– По вопросу, касающемуся петиции о выходе из Каллиды в поддержку удадроу, – медленно начал он.

Галата посмотрела на Авернила, который бросил на нее суровый взгляд и еще раз покачал головой, умоляя ее не вмешиваться.

– Я возражаю, – все равно сказала она.

Камиус явно не был застигнут врасплох, он остановился и окинул паладина своим ястребиным взглядом.

– Петиц*ий*, не петиции, – поправила Галата. – Их подали две, а не одну, перед сегодняшним Собранием.

– Они по одному вопросу, – ответил Камиус.

– Но от разных просителей. Если бы двое пришли сюда с просьбой об отпуске с работы, ответили бы им как одному?

– Разве ты не член церкви Авернила?

– Да, и я действительно горжусь этим, но моя петиция не принадлежит ему, и не относится к его церкви. Моя подана раньше, действительно, раньше, еще до просьбы верховного жреца Авернила. Я настаиваю, что это отдельные вопросы, и один не должен влиять на другой. – Она чувствовала, как пристальный взгляд Авернила сверлит ее, и, по правде говоря, она не хотела причинять вред этому человеку или шансам на выполнение его просьбы. Но она также не стала бы рисковать своим собственным путешествием ради церкви.

– Ты берешь на себя эту миссию ради своей богини, нашей богини, – вмешался Авернил, вызвав свирепый взгляд Камиуса.

– Да, но и ради того, что в моем собственном сердце, – ответила ему Галата, даже когда инквизитор начал инструктировать ее не отвечать тому, кого не просили говорить. – Я полагаю, это моя обязанность, – продолжила она, обращаясь теперь ко всему собранию. – Эйлистри призвала Галату именно для этого момента, для этих неожиданных друзей, которых я узнала и

о которых забочусь. За вдохновение Дзирта До'Урдена, а также за Закнафейна и Джарлакса. Должны ли мы сомневаться в милостях, которые наши боги даровали им после чуда, свидетелями которого мы стали на Каззкальци? И именно поэтому я должна пойти к ним сейчас и помочь им в их борьбе. И именно поэтому вы должны даровать мне это ради всех нас. Ибо если вы этого не сделаете, я сомневаюсь, что я или многие из вас заснут без того, чтобы выбор не преследовал ваши мысли в дальнейшем.

– Ты хорошо говоришь, Святая Галата, – признал Камиус, и его тон действительно был мягче, и он кивал, как будто молча заверяя ее, что ее прошение будет рассмотрено отдельно, как она и просила.

Камиус начал было говорить что-то еще, но Авернил снова перебил его.

– Если это ее призвание, может ли наше прошение быть менее срочным или важным? – настаивал верховный жрец.

Галате показалось, что Камиус казался встревоженным, но только на мгновение, мужчина прочистил горло и повернулся, чтобы посмотреть прямо на священника. – Мой старый друг, мой старый соперник, – начал Авернил. – Вы, все присутствующие здесь, должны поверить Святой Галате на слово. Она столько раз заслуживала каждого кусочка вашего, нашего доверия. Ее призвание искренне, и ее богиня, моя богиня, в восторге от возможностей, которые открылись перед нашим родом, удадроу. Гостей с юга в наш город привела не простая случайность. Нет, я не сомневаюсь, что они пришли, чтобы найти нас.

– Джарлакс сказал, что они пришли, чтобы найти Доум'Вилль Армго, – поправил Камиус. – И я могу заверить вас, что Доум'Вилль, которой, как и Закнафейну, было дано разрешение передумать и покинуть Каллиду, чтобы присоединиться к этой войне в Подземье, не хочет в ней участвовать. Они пришли, чтобы найти ее, и они нашли ее, и даже она отвергает их приключение.

– Она не из Мензоберранзана, – почувствовала необходимость сказать Галата, хотя и понимала, что ее собственные доводы были бы более убедительными, если бы она просто остановилась там, где закончила раньше. – Она больше эльфийка, чем удадроу, и выросла среди эльфов поверхности. И эти посетители пришли к нам случайно в поисках ее, да, но потому, что Джарлакс верил, что Доум'Вилль может сослужить большую службу его делу в этот критический момент в городе Мензоберранзан.

– И она не будет служить, а если не будет, то почему должна... – начал Камиус.

– Она не принадлежит Эйлистри! – Настаивал Авернил. – И она только наполовину удадроу, и только под влиянием порчи меча, которому ты не

позволил остаться здесь, в Каллиде, она нашла эту часть своего наследия, что привело к разрушительным последствиям. Ее выбор - не идти, но это имеет мало отношения к тому, что вынуждены делать Галата, я, мое духовенство и верующие в храме Темной Девы. Клянусь нашей богиней, верой, которую мы бережно храним в наших сердцах.

– Бережнее, чем твою любовь к Каллиде? – Прямо спросил Камиус.

Авернил начал отвечать, но резко остановился, осознав ловушку, которую Галата тоже увидела. Они оба знали, что если бы Авернил дал утвердительный ответ, это положило бы конец его ходатайству на месте, потому что, если бы он и его товарищи любили что-то больше, чем Каллиду, им не позволили бы уйти из страха, что Каллиду впоследствии предадут. И если бы он ответил «нет», то почему бы он так настаивал на поездке?

На этот наводящий вопрос не было правильного ответа.

– Да, невозможный выбор, – сказал Камиус. – И, таким образом, вы видите трудность для нас здесь, на Временном собрании.

Он перевел взгляд с Авернила обратно на Галату, затем на Мону Валриссу. – Петиции, – сказал он, подчеркнуто употребив множественное число, – я советую рассматривать отдельно.

Затем он поклонился Галате, Авернилу и другим жрецам, затем Моне Валриссе и собранию и медленно направился обратно к своему дальнему месту, высоко в заднем ряду галереи.

Еще до того, как он занял это место, заявителей вывели из зала и поместили в вестибюле в ожидании решений.

Они жили на леднике, но Каллида не была холодным местом. Однако в этой конкретной комнате царил ощутимый холод, и ни Авернил, ни кто-либо другой даже не взглянул в сторону Галаты.

Она поняла и приняла это. Она сильно подорвала их шансы. Если бы она поддержала их, ходатайствуя за всех или ни за кого, Временное собрание столкнулось бы с гораздо более трудным решением, как потому, что позволить одному уйти было намного проще, чем нескольким десяткам, так и потому, что она была Святой Галатой, многократным героем города, и если кто-то в Каллиде заслужил бы это разрешение, то, несомненно, это была бы она.

«Да будет так», решила она и не пыталась объясниться с Авернилом и остальными.

Она сделала то, что, по ее мнению, должна была сделать.

Да будет так.

– Я никогда не покину это место, – сказала Доум'Вилль Закнафейну и Аззудонне. Она поехала к ним домой, чтобы повидаться с ними, удивив обоих. – Но я слышала, что ты уезжаешь.

– Да, – подтвердил Зак.

– И ты удивился, увидев меня?

– Да, – повторил Зак.

– я хотела поблагодарить тебя в последний раз. Ты спас меня от участи, которая, вероятно, хуже самой смерти.

– Мы все это сделали. Конечно, мы сделали это ради вас и других, ради видения Каллиды, которая так отличается от земли, которую мы когда-то называли домом.

– Ну, я хотела попрощаться и поблагодарить тебя. – Она прикусила губу, и Зак понял, что явно было что-то большее, что привело ее сюда. Он не спрашивал, ничего не говорил, просто стоял, встречая ее взгляд.

– Могу я взглянуть на него в последний раз? – спросила она наконец.

Он знал, о чем она.

– Зачем?

– Я хочу доказать себе, что я преодолела этот адский клинок, причем полностью, - объяснила Доум'Вилль. – Я бы взяла Хазид'хи в свои руки и показала свою силу над ним, и сказала бы ему, что он никогда больше не будет определять мой путь…

– Меч исчез, – прервал его Зак, и Доум'Вилль отшатнулась, как от пощечины.

– Исчез? Мне сказали, что ты владеешь им сейчас. Он был у тебя, когда мы покидали пещеру слаадов.

– Джарлакс передал его мне, но здесь, в Каллиде, не было места для такого оружия, – ответил Зак. – Он ушел на юг вместе с Джарлаксом. Хазид'хи отправился на войну, что, без сомнения, безмерно радует ненасытный клинок.

Доум'Вилль замялась в поисках ответа и, наконец, просто кивнула с некоторым признанием и покорностью судьбе.

– Ты бы отказалась от клинка, – сказала Аззудонна со стула в углу маленькой комнаты. – Такое оружие, как это, не имело бы власти над Маленькой Ланью из Каллиды!

Это вызвало улыбку у Доум'Вилль.

– Когда ты уйдешь, ты будешь сражаться против моей семьи? Против дома Баррисон Дель'Армго?

– Я не знаю, – сказал Зак. – Линии, конечно, проводятся, но где они будут прочерчены, я не могу быть уверен. Что я точно знаю, так это то, что я буду сражаться против Ллос и против тех, кто хотел бы навязать ее волю народу Мензоберранзана, который отвергает ее. Битва заключается в том, чтобы освободить город от Паучьей Королевы, и если Арго…

– Мне все равно, - перебила Доум'Вилль. – Они моя семья только по имени - я не должна была даже называть их так. Мой дом здесь, моя семья здесь.

– И это хорошо, – сказал Зак.

– Возможно, настанет день, когда ты сможешь спокойно вернуться в Мензоберранзан, посетить его и увидеть изменения, которые были вызваны этой войной, – добавила Аззудонна.

Но Доум'Вилль качала головой на протяжении всех этих слов.

– У меня нет никакого желания. Никогда не было. Ни в Мензоберранзан, ни обратно в Лунный лес, где я выросла. Я Доум'Вилль из Каллиды, и я довольна. Я свободна от меча, и я свободна от своего прошлого. Я не могу изменить того, что сделала, и я этого не забуду. Но теперь я принимаю это и смотрю в зеркало без теней, нависающих над моими плечами, без пятен, выступающих в моих глазах.

Аззудонна встала и пересекла комнату, чтобы крепко обнять Маленькую Лань.

– И здесь тебя любят, – прошептала она на ухо Доум'Вилль.

– Я бы хотела, чтобы у тебя был меч, – призналась она Заку, когда Аззудонна отступила назад. – Мне не любопытно, что произойдет, когда я возьму его в руки еще раз, потому что я знаю, что произойдет.

– Ты просто хотела, чтобы Хазид'хи узнал об этом, – заметил Зак, и Доум'Вилль улыбнулась еще шире.

– Я желаю вам удачи в ваших путешествиях, – сказала Доум'Вилль. – Хотя это не моя война и не может быть ею, я знаю, какая сторона должна победить. Будь проклята леди Ллос.

– Да будет проклята леди Ллос, – согласился Зак.

Доум'Вилль поклонилась этим двоим и ушла, не сказав больше ни слова.

Зак некоторое время наблюдал, как она удаляется по дорожке, прежде чем закрыть дверь. Он был рад за Доум'Вилль и верил, что демоны внутри молодой женщины действительно были полностью уничтожены. Он повернулся, и от этой мысли выражение его лица прояснилось, но наткнулся на стену хмурого взгляда, направленного на него Аззудонной.

– Значит, ты решил, – сказала она.

Зак с трудом сглотнул, осознав, что он даже не сказал ей, никому не сказал, что окончательно принял решение отправиться на войну, прежде чем выболтать это Доум'Вилль.

Он даже себе в этом не признавался.

– Он мой сын.

– Я знаю.

– И Джарлакс был моим другом большую часть моей жизни. Ты не можешь понять, в какой ловушке я оказалась в доме матроны Мэлис До'Урден. Я был ее игрушкой и ее убийцей. Каждое мое движение…

– Я *знаю,* – сказала Аззудонна и бросилась обнимать своего возлюбленного. – Я знаю, и знаю, что ты должен пойти и ответить на этот зов, потому что, если ты этого не сделаешь, он будет преследовать тебя вечно. И я пойду с тобой.

Зак отодвинул ее на расстояние вытянутой руки, пристально глядя на нее.

– Ты бы позволил мне отправиться на войну, пока ты мирно сидел бы здесь? – спросила она, прежде чем он успел возразить. – Если ты пойдешь, то я буду рядом с тобой, и когда придет время пустить в ход наше оружие, ты будешь рад, что я буду рядом.

– Я не сомневаюсь в последнем.

– Ты думаешь, что сможешь помешать мне уйти?

Зак беспомощно рассмеялся и притянул Аззудонну обратно, чтобы крепко обнять. – Я не могу, я знаю, но я бы сделал это, если бы мог. Что останется от Закнафейна, если ты пойдешь со мной и будешь убита?

– Такова цена войны, – прошептала она в ответ. – Что осталось бы от Аззудонны, если бы я отпустила тебя без меня, и ты был бы убит?

– Мона Валрисса уже сказала, что мне разрешат покинуть город. А как насчет тебя?

– Я подам петицию сегодня же, – ответил Аззудонна. – Временное Собрание на месте и рассматривает петиции Галаты и церкви Эйлистри прямо сейчас

– Нам следует поторопиться.

– Не «нам», – поправила Аззудонна. – Твое присутствие там повредит моей петиции. Они подумают, что меня принудили.

Зак начал отвечать, но Аззудонна приложила палец к его губам. Когда он успокоился, она заменила палец своими губами в долгом, томительном и многообещающем поцелуе, затем промчалась мимо него и выскочила за дверь, быстро направляясь в район Мона Чесс на Собрание.

Галату и клириков Эйлистри позвали обратно в Сиглиг более чем через два часа, в течение которых жрецы шептались и ворчали, иногда молились, а Галата оставалась совершенно безмолвной в своих размышлениях и молитвах. Она позволила священникам провести себя обратно в зал, чтобы занять свои места перед галереей, и все они смотрели на сидящих представителей, пытаясь понять, какое решение может последовать.

Все, кроме Галаты. Она не отрывала взгляда от пола, погрузившись мыслями в себя, когда подошла к ряду стульев и заняла свое место слева от них. Она неоднократно повторяла себе, что они не могут отказать в ее просьбе. Она заслужила их уважение здесь и верила, что они должным образом согласятся.

Однако, несмотря на всю ее логику и уверенность, оставалась некоторая нервозность, которая переросла во вздох, когда Мона Валрисса собрала всех, посмотрела на просителей и просто сказала: «Ваша петиция отклонена».

Галата почти закричала в знак протеста, когда подняла глаза - только для того, чтобы понять, что Мона Валрисса обращается непосредственно к Авернилу.

– Наше прошение - это призыв нашей богини! – запротестовал Авернил. – Какой властью этот орган отрицает…

– Этот орган несет ответственность за город с населением в пятьдесят тысяч душ, – спокойно ответила Мона Валрисса. – Наше решение не было принято легко. Идея о том, что десятки эвендроу отправятся на войну в Мензоберранзан, неприемлема.

– Весь город должен встать на марш! – закричал один из других священников.

– Вы стали доверять чужакам больше, чем своим собственным людям? – крикнул другой.

Галата затаила дыхание. Она знала, что говорить это было неправильно. Обоим упрямым священникам. Разумеется, любая надежда, которую мог питать Авернил на изменение вердикта, была развеяна.

Словно для того, чтобы доказать ее правоту, за спиной Моны Валриссы представители начали ворчать и показывать пальцами, причем многие требовали выговора.

Со своей стороны, Мона Валрисса стояла прямо и торжественно. Она не моргнула, выражение ее лица вообще не изменилось, ее пристальный взгляд впился в Авернила, который, казалось, съежился под его тяжестью.

– Вы думаете, вы единственные, кто хочет пойти? – сказала она, наконец, после того, как ее неподвижность заглушила взрыв негодования как со стороны заявителей, так и представителей Собрания. – Неужели ты думаешь,

что я не хотела бы пойти и свершить правосудие над этой королевой демонов, которая держала наш род, мой род, в рабстве все эти столетия?

– Наша богиня... – кротко начал Авернил.

– Одна из многих в Каллиде, разрешенная этим органом для вас много лет назад. Я знаю о Темной Деве и понимаю: ее призыв к вам сейчас - это призыв, который обсуждался, когда вы впервые создавали эту церковь в Каллиде, и призыв, о котором вас тогда предупредили. И в этом предупреждении было отмечено, что мы, члены Временного Собрания, находимся здесь не для того, чтобы исполнять желания Эйлистри или любого другого божественного существа. Мы служим Каллиде и только Каллиде, общему благу, общему благополучию всех, кто здесь проживает. Эта служба требует, чтобы мы сейчас ответили «нет» на вашу петицию. Какой бы глубокой ни была ваша преданность, какими бы определенными ни были ваши приоритеты, в этом месте город стоит выше вашей церкви и выше любого из богов, которым здесь поклоняются. И город требует, чтобы вы не могли отправиться в это отдаленное место для участия в битве. Риск слишком велик, и шансы на то, что ваше прибытие в Мензоберранзан изменит исход их войны, слишком малы.

Ваша петиция *отклонена*.

– Ритуал! – крикнул один священник. – Не держи меня здесь! Забери мои воспоминания, как ты поступила бы с любым посетителем, который пришел к нам и решил уйти.

– Не с *любым* посетителем, – ехидно добавил другой жрец.

Она проигнорировала последнее замечание и просто сказала первому:

– Это невозможно сделать с тем, чьи воспоминания о Каллиде - это все, что у него есть. Ваша петиция отклонена.

Галата восхищалась самообладанием Моны Валриссы, которая не набросилась на священника, который так грубо поставил под сомнение решение позволить Джарлаксу и остальным уйти с нетронутыми воспоминаниями.

– Что до тебя, Святая Галата, - начала Мона Валрисса, и паладин затаила дыхание в предвкушении. – Мы бы предпочли, чтобы ты осталась здесь, с нами, служа Каллиде, как ты делала все эти годы.

Жрецы, сидевшие справа от Галаты, начали ворчать, думая, что ей тоже отказывают, но Галата сохранила самообладание и позволила Моне Валриссе высказаться.

– Наши испытания здесь только начались. Силы, которые наши гости применили против слаадов и гигантов, отбросили их далеко назад, как мы

полагаем, по крайней мере на данный момент, но хрустальные пещеры под нашим городом кишат угрозой реморхазов.

Галата кивнула. Она была одной из первых, кто вступил там в бой, и чуть не лишилась жизни из-за силы огромных полярных червей.

– Мы опечалены, Святая Галата, твоим желанием уйти, – сказала Валрисса. – Вся Каллида будет оплакивать твой отъезд. Я умоляю тебя изменить свое решение.

Галата не ответила - она знала, что Мона Валрисса на самом деле не ожидала ответа.

– С учетом сказанного, ты заслужила наше доверие, – сказала Валрисса, и Галата вздохнула с облегчением, хотя и знала, что так и будет. Однако услышать эти слова...

– Мы не будем стирать твои воспоминания о Каллиде, но если ты уйдешь, то попадешь под действие Обета Молчания.

– С радостью, – сказала Галата.

– Я сомневаюсь, что Обет необходим Святой Галате.

– Я тоже в этом сомневаюсь. Искренне и смиренно. Но, тем не менее, я бы вообще никуда не поехала, если бы Обет не наложили. Если я начну каким-либо образом предавать Каллиду, под пытками, тогда знай, что я предаю все, что я есть, и поэтому пусть Обет заберет меня из этого мира прежде, чем я совершу предательство.

– Тогда не могли бы вы сделать то же самое с нами? – Спросил Авернил. – Мы тоже согласились бы…

– Нет. – резко оборвала его Валрисса. – Вас слишком много. Слишком. Для одного каллидийца, вступающего в битву в Мензоберранзане, риск невелик. Что касается вашей численности? Это неприемлемо. Этого не будет. Таково наше решение. Ваше прошение отклонено, верховный жрец Авернил. На твое, Святая Галата, даруется согласие, вместе с Обетом Молчания.

Некоторые из жрецов снова начали возражать, но Авернил в конце концов заставил их замолчать.

– Ты могла бы помочь моему делу, – прошептал он Галате.

– Это подвело бы мое собственное решение и никак не изменило бы ваш исход, – ответила она. Он молча поворчал на это, но не стал опровергать ее слова.

– У Временного Собрания на этот день есть другие дела, – объявила Мона Валрисса и сделала знак стражам зала, которые немедленно двинулись, чтобы вывести Галату и остальных из Сиглига.

Уходя, Галата увидела Аззудонну, быстро идущую в другую сторону, вверх по белой лестнице и входящую в здание.

Она достаточно легко могла понять, что привело ее подругу в это место в этот день.

Она также могла предугадать исход, и это было не то, что понравилось бы Аззудонне.

– Ты присягнула Бьянкорсо, – сказала Мона Валрисса Аззудонне, которая сидела в одиночестве на полу перед законодательной галереей примерно два часа спустя. – Сердцем и душой, пока твое тело не откажет или твоя жизнь не закончится. Ты забыла?

– Конечно, нет, Мона Валрисса, – ответила женщина.

– Но ты не выполнишь свою священную клятву?

– Столько всего произошло. Я была на юге. Я побывал в логове слаадов и встретилась лицом к лицу с лордом Йгорлом. Я…

– Ты влюбилась, – перебила ее Валрисса. – И это прекрасно. Но ставишь ли ты этого любовника выше своего обязательства перед Бьянкорсо и Скеллобелем? Выше Каллиды?

– Я . . . Я . . .

– Закнафейну было дано разрешение уйти, хотя никто здесь этого не желает, – сказала Валрисса. – И да, эти последние месяцы были удивительными для всех нас. И поучительными. Но нет, Аззудонна из Скеллобеля, твое прошение отклонено. Ты дала священную клятву Бьянкорсо, которую не так-то легко отменить.

– Да, Мона, – опустошенная женщина ответила, опустив взгляд в пол.

– Убеди Закнафейна остаться, – предложила Мона Валрисса.

Аззудонна подняла голову, чтобы встретиться с ней взглядом.

Она не ответила.

В этом не было необходимости.

Глава 10
Проявление Милосердия

Джарлакс протянул руку к Энтрери, держа ничем не примечательную на вид, но совершенно замечательную маску.

– Выбор за тобой, – сказал лидер наемников своему давнему товарищу.

Энтрери долго и пристально смотрел на предмет, вспоминая, сколько дней он носил эту маску. Он использовал ее, чтобы выдать себя за Реджиса, но безрезультатно. Он также вспомнил о днях, проведенных в Городе Пауков, в чем теперь заключался весь смысл предложения. Большая часть его хотела никогда не возвращаться в это ужасное место, но другая наслаждалась мыслью о том, что он отплатит стольким своим мучителям, и чистой радостью, которую он испытает, наблюдая, как сгорает вся социальная структура культуры удадроу.

Он разрывался, но было что-то еще, смягчающее его решение, что-то, о чем он слышал шепот в таверне Джарлакса в Лускане, Одноглазый Джакс. Однако он промолчал об этом.

– Мы уезжаем через час, – сказал Джарлакс.

– Бренор сказал, что тропы будут безопасны в течение первых двух дней? – спросил он, поднимая другую проблему.

– Насколько мы можем судить, да. Передовые разведчики Бренора продвигаются все ниже. В верхних туннелях поблизости от Гаунтлгрима нет никаких признаков присутствия дроу, да я и не ожидал этого, учитывая недавние сообщения о том, что боевые действия в городе стали открытыми и обыденными. Их взгляды обращены друг на друга, а не на нас.

– Последователи Ллос будут наблюдать за туннелями в поисках признаков того, что дворфы придут на помощь Бэнрам, – отметил Энтрери.

–Я не боюсь ни разведчика, ни десятка, – ответил Джарлакс и взглянул на человека, стоящего в другом конце маленькой комнаты, у которого был способ обнаруживать шпионов раньше, чем они могли обнаружить его.

Энтрери всего мгновение рассматривал Киммуриэля, затем снова обратил свое внимание на волшебную маску, предмет, который он ненавидел так же сильно, как и ценил. – Оставь это Громфу, – сказал он.

– И?

– И если я найду возможность последовать за вами, я найду тебя. А если нет, я желаю тебе всего наилучшего.

Джарлакс отступил от мужчины и внимательно осмотрел его с головы до ног.

– Что ты знаешь?

– Возможно, есть вещи, которые ты знаешь, и о которых ты не подозреваешь, что я знаю, – довольно резко ответил Энтрери.

– Друг мой, что тебя беспокоит?

– У меня есть кое-какие дела, которые я должен сделать. Ничего больше. Тебя шокирует мысль о том, что вся моя жизнь не кружит вокруг Джарлакса, как муха, жужжащая над яблоком?

– Артемис? – Джарлакс спросил совершенно серьезно, почти умоляюще. Энтрери видел, что лидер наемников действительно потерял душевное равновесие, и хотя он был обеспокоен этим человеком, он не хотел заходить слишком далеко.

– У нас было грандиозное приключение на севере, – сказал Энтрери. – Я устал.

– Но путешествие того стоило, да?

– Возможно, но оно началось с ложных предпосылок.

– Ах, ты питаешь ко мне не самые добрые чувства. . .

– Нет. У меня просто есть другие дела, которыми нужно заняться. Нас не было несколько месяцев.

– И сколько времени займет это твое другое дело?

– Если бы я знал, я бы сейчас дал тебе свой ответ относительно твоего нового приключения.

– На этот раз это гораздо больше, чем приключение, – сказал Киммуриэль, подходя.

– Так и есть, – согласился Энтрери. – И на этот раз я не питаю иллюзий, что все, кто отправится в Мензоберранзан, вернутся. Не в этот раз.

– И это не твоя битва, – спокойно сказал Киммуриэль, без осуждения в голосе.

– Нет, это не моя битва. Но да, – добавил Энтрери, смотря на Джарлакса, – ты мой друг, и мы через многое прошли вместе. Я бы хотел быть рядом с тобой в этой самой важной игре в твоей жизни.

– Но у тебя есть дела.

– Это так.

– Я мог бы помочь...

– Нет. – В его голосе не было возражений.

Джарлакс оборвал свои слова и стоял, уставившись на мужчину.

– Отдай маску Громфу, – снова проинструктировал Энтрери. – Если я смогу, я догоню тебя.

– А если нет, тогда это прощание, и, возможно, навсегда, – сказал Джарлакс.

Энтрери не был в восторге от этой реальности, но она рассматривалась как неоспоримая возможность. Он протянул руку, и Джарлакс крепко сжал ее.

– Сначала Закнафейн, а теперь ты, – сказал Джарлакс. – А я-то думал, что заслужил преданности. – Джарлакс не смог сохранить серьезное выражение лица, когда пошутил, и Энтрери присоединился к нему в смехе, и оба надеялись, что этот смех будет не последним, разделенным ими.

– Что ты знаешь? – спросил Джарлакс Киммуриэля после того, как Энтрери покинул их.

– Я знаю, что нас ждет дорога, и мне не терпится отправиться в путь.

– Нужно ли пояснять?

– Меня не было в мыслях Артемиса Энтрери во время вашего разговора.

Джарлакс поднял руки и принял совершенно разочарованный вид. – Разве не поэтому я держу тебя рядом со мной?

– Никто ничего не «утаивает» от Киммуриэля. Кроме того, я думал, что он твой друг.

– Разве это когда-нибудь мешало Киммуриэлю читать мысли?

– В последнее время, – ответил лишенный чувства юмора Киммуриэль, и Джарлакс еще больше вышел из равновесия. – Разве ты не носишь повязку на глазу, чтобы предотвратить мое вторжение в твои мысли? Почему другие не должны чувствовать то же самое?

– Это другое.

– Почему?

– Потому что я ... Джарлакс.

– Наша дорога ждет, – сказал Киммуриэль и пошел прочь.

Джарлакс повернулся к двери, через которую вышел Энтрери, опасаясь, что никогда больше не увидит человека, с которым разделил столько великих приключений.

Реджис и Доннола рука об руку спустились с платформы трамвая, который привез их из Гаунтлгрима, затем по главному бульвару восстановленного города Кровоточащие Лозы. Снег покрывал дворы и поля по обе стороны мощеной улицы, и несколько снежинок продолжали кружиться на зимнем ветру.

– Ты хотел бы быть с ними, – заметила Доннола мрачному Реджису.

– Кажется, в последнее время я пропускаю много приключений.

– Ты только что вернулся с грандиозной спасательной операции на крайнем севере!

– И на этом мое приключение закончилось, в то время как путешествия других продолжаются.

Доннола рассмеялась над своим мужем, который хмуро посмотрел в ее сторону.

– Я понимаю, – извинилась она и подскочила, чтобы поцеловать его в щеку.

– Это похоже на завершение круга, и я не могу помочь своим друзьям соединить последние точки.

Доннола сочувственно кивнула.

– События в глубоком Подземье действительно могут оказаться важными, но ты должен понять, почему твое возвращение в Мензоберранзан может стать скорее обузой, чем помощью. Вульфгар не поедет, и даже Кэтти-Бри, и стань свидетелем нерешительности короля Бренора, предлагающего даже самую незначительную поддержку тем, кто хотел бы свергнуть правление тирана Ллос.

– Он должен послать больше, – заявил Реджис. – Он должен открыть портал и привести армии из Мифрил Халла, Цитадели Адбар и цитадели Фелбарр, затем сам повести двадцать тысяч свирепых дворфов в город дроу и избавиться от последователей Ллос раз и навсегда.

– Сказано из роскоши неуместности, – сказала Доннола. – Бренору, а не Реджису, придется присутствовать на тысячах похорон своих павших приспешников. Не говоря уже о том, что ему приходится заботиться о тех, кто все еще живет под его знаменем и надеется на безопасность и помощь. И, как ты знаешь, это нечто большее, чем дроу против дроу. Многое уже стало ясно. Сама Бездна идет против тех, кто противостоит Ллос.

– Мы изгнали демонов из Гаунтлгрима, мы можем изгнать их и из Мензоберранзана. Всех их, даже Ллос!

– И снова, муж мой, я даже не спорю с тобой о возможностях или наилучшем варианте действий, но знай, что если бы Бренор поступил так, как ты хочешь, бойня была бы слишком большой.

На полпути к их дому Реджис остановился и повернул обратно к трамваю и туннелю, ведущему в Гаунтлгрим. Он обнял Дзирта на прощание и наблюдал, как его друг вместе с Джарлаксом, Киммуриэлем, Даб'Ней и шестьюдесятью другими агентами Бреган Д'Эрт проходят через нижние врата комплекса дворфов в неосвещенные туннели верхнего Подземья.

В последнее время обитатели Халла много раз отправлялись в самостоятельные приключения, но всегда были сильнее, когда сражались вместе, как в ледяной пещере на северном леднике. Теперь это был Дзирт. Только Дзирт, хотя его сопровождали Джарлакс и Киммуриэль, оба достойные и могущественные.

И все же они не были Компаньонами. И поэтому страх и боль все еще были там, проявляясь в виде стеснения в груди хафлинга.

Он еще раз повернулся и прошел остаток пути до их дома. Реджис стоял в стороне, пока Доннола возилась с ключом от их входной двери, затем чуть не выпрыгнул из ботинок, как и его жена, когда дверь открыл изнутри неожиданный посетитель.

– Как ты попал внутрь? – спросила Доннола, и Реджис чуть не хихикнул, подумав о цели вопроса. Какой замок во всем мире мог хотя бы замедлить этого человека?

– Я бы хотел поговорить, – ответил Артемис Энтрери, слегка поклонившись женщине. – С твоим мужем.

– Тогда говори с нами обоими, – ответила Доннола, оглянувшись на Реджиса и заметив его кивок. – Иди и посиди со мной у очага, пока Реджис заварит нам чаю.

Энтрери отступил назад и позволил Донноле идти впереди. Он даже развел огонь, пока Реджис готовил чай, и довольно скоро они втроем сидели в удобных креслах перед камином.

– Я не ожидал увидеть тебя сейчас, хотя и ожидал раньше, – признался Реджис. –Я думал, ты наверняка отправишься с Джарлаксом на битву. Или, по крайней мере, к нижним вратам, чтобы попрощаться.

– Мы уже попрощались в Лускане. Я задержался, чтобы дать им наводку на Гаунтлгрим через портал, прежде чем пройти через него.

– К чему такая таинственность? – спросила Доннола.

–Не таинственность, просто чтобы сохранить ясность в голове, – ответил Энтрери.

– Ах, ты тоже хотел бы пойти с нашими друзьями, – предположил Реджис.

– Возможно. Но сначала у меня есть дело. У нас есть дело.

– У нас?

– Мне нужна твоя помощь. Я заплачу.

– Ты получишь мою помощь, если я смогу, но ты не заплатишь. Разве мы уже не прошли через достаточно, чтобы…

Энтрери остановил его, подняв руку.

– Ты знаешь о моих поисках?

Реджис покачал головой, и Доннола сказала: «Нет».

– Твой муж спровоцировал их, – сказал Энтрери.

Доннола с любопытством посмотрела на Реджиса.

– Посох, – догадался Реджис, уловив суть. – Игла Коза. Ты отправляешься на поиски Далии или, по крайней мере, каких-нибудь новостей о том, почему ее посох был на «Нарвале», когда тот затонул.

– Когда «Нарвал» разлетелся на куски, ты имеешь в виду.

Реджис слегка поморщился при этом напоминании. Он помог Джарлаксу устроить диверсию на пиратском корабле, а затем наблюдал с палубы «Мести Дюдермонта», как команда «Нарвала» пыталась выстрелить из своих дымовых пороховых пушек, но только для того, чтобы превратить их собственный корабль в разлетающиеся куски горящей растопки.

Окровавленные щепки и останки моряков.

– Поиски не увенчались успехом? – спросила Доннола.

– Я не знал о посохе, а потом отправился на север. Я только начал. На сегодняшний день я ничего не нашел, совсем ничего.

– Тогда что мне делать? – спросил Реджис. – Я не видел Далию на «Нарвале», и посох был воткнут в кучу добычи, чего, конечно, не было бы, если бы она была на корабле.

– Если только она не была на корабле в качестве пленницы, – мрачно ответил Энтрери.

– Я не заметил пленных и осмотрел большую часть трюма, – заверил его Реджис. – Если бы я думал, что она на «Нарвале», я бы придержал наши планы до тех пор, пока у меня не появился бы шанс освободить ее и доставить на «Месть», конечно. Ты должен в это поверить. Я знаю, что она была важна для Дзирта, и для тебя. Я бы не…

– Я пришел сюда не для того, чтобы обвинять тебя, – ответил Энтрери.

– Тогда зачем? – спросила Доннола. – Ты знал все это и раньше.

– Джарлакс нашел обломки и отметил их, – объяснил Энтрери. – Бениаго руководил спасательными работами, того немногого, что удалось найти. Но они не нашли Иглу Коза.

Реджис содрогнулся, живо вспомнив взрывы, прокатившиеся по палубам «Нарвала», превращая доски в щепки.

– Сила этих ударов могла отбросить его на расстояние в полмили, – сказал он.

– И, таким образом, Бениаго не смог его найти, – сказал Энтрери.

– Потому что у него не было кого-то с кровью дженази, кто мог бы глубоко нырять, – заметила Доннола, поняв всю суть.

– Бениаго одолжит мне «Месть» и ее команду, чтобы отправиться туда. Мне просто нужен кто-то, кто разведает морское дно.

– Прошла лучшая часть года, – напомнил Реджис. – Грязь на дне, вероятно, покрывает все, что осталось от сокровищ.

Энтрери сунул руку под плащ и достал волшебную палочку.

– Грязь не скроет такую мощную магию, как у Иглы Коза, от обнаруживающих заклинаний внутри этого.

– Бениаго и Джарлакс, конечно, использовали магическое обнаружение и раньше, – сказал Реджис.

– Они не искали посох. Это не было приоритетом Джарлакса, и я полагаю, он боялся найти его из-за того, что это могло значить для меня - особенно потому, что он отчаянно хотел, чтобы я отправилась с ним на север. Но сейчас я ищу посох. Он мне нужен, и мне нужно, чтобы Реджис помог мне найти его.

Эта мысль совсем не взволновала Реджиса. В этом теле, после своего перерождения он был наследником дженази, и он мог нырять глубоко, очень глубоко, и выдерживать холод и давление. Но темнота глубин приводила его в ужас, и особенно из-за этих обломков, где ему, возможно, придется столкнуться с результатами своего саботажа в виде скелетов и наполовину съеденных трупов.

– Вы с Далией пришли за мной, когда я заблудился в аду кокона Шарон, - уговаривал Энтрери. – Я не забыл этого и никогда не забуду. Теперь я прошу вас пойти со мной, чтобы найти Далию, или, по крайней мере, найти ее посох.

– Просишь как друга? – спросила Доннола.

– Как я уже сказал, я щедро заплачу, если потребуется.

– И, конечно, как я уже сказал, ты этого не сделаешь, и, конечно, я пойду с тобой к месту крушения. – Реджис посмотрел на свою жену, надеясь, что он не перешел границы дозволенного, сделав такое заявление и приняв это решение, предварительно не обсудив его с ней наедине.

За исключением того, что она явно думала не в этом направлении, сказав неожиданно:

– Я тоже пойду. И я буду стоять на палубе «Мести Дюдермонта», ожидая, когда ты поднимешься. – Она повернулась к Энтрери. – И если он не всплывет, я выброшу тебя за борт, чтобы ты отправился за ним, не сомневайся!

Энтрери, казалось, это весьма позабавило.

– Она выбросит, – заверил его Реджис.

Мрачный мужчина кивнул. – Я уверен, что она попробовала бы. – Он посмотрел на Доннолу и снова кивнул, даже слегка наклонил голову. – И, возможно, у нее даже получилось бы.

– Уж поверь, – тихо пробормотал Доннола.

Реджис знал, что уважение Энтрери к Донноле не было притворным, потому что его любимая жена, Доннола Тополино, прожила такую же трудную и жестокую жизнь, как и Энтрери, служа в высших чинах одной из самых страшных гильдий убийц в Агларонде.

Энтрери кивнул Донноле и Реджису, и с этими словами все трое начали приготовления к отъезду.

– *Мы здесь, чтобы провести разведку и доложить,* – руки Инзры Миззрим подали знак дроу через туннель.

– *Их всего пятеро, а нас двадцать, – подал ответный сигнал дроу из дома Ханцрин.*

– *Мы не знаем их намерений! Вспыхнули руки Инзры.*

– *Мы знаем, что они не Ханцрины. Кто из присутствующих здесь, кто не Ханцрин, является союзником нашего дела?*

Когда разведчик Ханцрин не получил ответа, Инзра жестом приказал ему вернуться к основной группе, ожидая в более сложной местности, усеянной естественными колоннами и боковым туннелем. Идеальное место для их засады.

– Присмотрись, – сказала Инзра Бенове Фэн Тлаббару, волшебнику, сопровождавшему эту группу.

Уже вышла и наблюдаю за приближением небольшой группы.

– Ты узнаешь кого-нибудь из них?

– По крайней мере двое из Бреган Д'Эрт.

Инзра широко улыбнулась на это, пока разведчик Ханцрин не предупредил:

– Возможно, убегают от Джарлакса. Или, возможно, с информацией, которую матроны очень хотели бы получить.

– У них нет заклинаний обнаружения поблизости от нас, – сказала Маллора, жрица Дома Миззрим. – Я наложила много оберегов и сигналов тревоги. Мы можем отступить перед ними и удерживать на них наши заклинания ясновидения и яснослышания до тех пор, пока мы действительно не узнаем их намерения и, возможно, не узнаем больше о том, почему они маршируют в Подземье.

– У них вообще нет заклинаний обнаружения?

– Никаких, – уверенно ответила жрица.

Она ошибалась.

– *Просто разведывательный отряд,* – и Дзирт, и Джарлакс услышали в своих головах сообщение, отправленное третьим из их фланговой группы, который стоял между ними лицом к каменной стене в туннеле, параллельном отряду из Мензоберранзана. – *Несущественный.*

– Ты можешь провести нас к ним? – спросил Дзирт.

Джарлакс ответил прежде, чем Киммуриэль:

– Он может, но тебе это не понравится.

– *Они утверждают, что в их группе двадцать человек, но я вижу только дюжину,*– передал Киммуриэль телепатически. *Ожидайте, что поблизости прячутся еще восемь человек*.

– Предупредите передовых, – проинструктировал Джарлакс. – И пусть остальные снимут свои магические заклинания против обнаружения и поспешат присоединиться к бою.

– Мы всего в двух днях пути от Гаунтлгрима, – сказал Дзирт. – Пленные были бы ценны. Даже если они мало что знают, они могут понадобиться нам для обмена позже.

– Если мы сможем их взять, – согласился Джарлакс.

Киммуриэль казался далеким от них, его мысли и пристальный взгляд были сосредоточены на том, что находилось за каменной стеной перед ними. Однако Дзирт знал, что он слышал их разговор.

–*Дайте им подойти ближе,* –разведчик-Ханцрин подал знак Инзре, которая держала свой длинный лук наготове.

Впереди по коридору пятеро дроу Бреган Д'Эрт двигались без каких-либо внешних признаков беспокойства.

Инзра улыбнулась, подумав, что это будет легко и быстро, и с пятью прекрасными трофеями, которые можно показать своей Матроне и Жиндии Меларн. Она верила, что та станет Верховной Матерью города, и поэтому лучше пользоваться ее благосклонностью…

Эта мысль внезапно оборвалась, и выражение лица Инзры сменилось любопытством. Она начала опускать лук, но обнаружила, что вместо этого поднимает его, затем поворачивается вправо и выпускает стрелу, которая, пролетев через узкий туннель, пронзила колено другого Ханцрина с достаточной силой, чтобы пройти навылет и задеть второе.

– Что? – мужчина взвизгнул от шока и боли.

Инзра продолжила поворачиваться, заметив испуганное выражение лица Беновы Фэн Тлаббара, чьи руки были подняты в агонии от произнесения заклинания.

Бенова справился с шокирующим вмешательством и продолжал, до тех пор, пока следующая стрела Инзры не влетела ему в рот, пронзив затылок и отбросив его на камень.

Инзра почувствовала, как к ней возвращаются ощущения, как будто кто-то другой был внутри нее, управляя ею, как раз вовремя, чтобы жрица Маллора Миззрим закончила свое собственное заклинание, которое заморозило бедную, сбитую с толку лучницу на месте.

По коридору шли пятеро солдат Бреган Д'Эрт, теперь уже в полной боевой готовности, стреляя из ручных арбалетов.

Инзра почувствовала, как один болт попал ей в затылок, почувствовала, как сонный яд просачивается по венам. Она увидела, как Ханцрин, которого она подстрелила, пытается прийти в себя, с луком в руке, то накладывая стрелу, то хватаясь за свои израненные колени. Со своего места Инзра не могла сказать, собирался ли мужчина стрелять в нее или в приближающихся врагов, но это не имело значения, потому что один ручной арбалетный болт за другим вонзались в поверженного парня, движения которого почти сразу стали вялыми.

Инзра почувствовала, что оседает на землю. Последнее, что она увидела, было приближение остальной части ее группы, атака внезапно прервалась, когда трое новичков в бою - так она подумала - просто вышли из стены справа от нее, один направился прямо в бой, второй бросил на пол что-то похожее на большое перо, а третий пристально смотрел на жрицу Миззрим, которая по какой-то причине, казалось, вообще ничего не делала.

А потом появилась большая птица, гигантское нелетающее существо, которое рассеивало солдат Инзры, швыряло их в разные стороны, клевало их своим гигантским клювом.

– Как странно, – сказала Инзра, прежде чем усыпляющий яд унес ее с поля боя.

Ледяная Смерть отразила меч прежде, чем тот приблизился к Дзирту. Дзирт ловко взмахнул саблей, чтобы опустить этот меч вниз, затем выставил вперед, быстро подняв другую руку, чтобы удержать второй меч дроу на расстоянии.

Выйдя прямо из стены, он и двое его спутников застали своих противников врасплох. Дзирт уже уложил ближайшего врага, когда нанес ему удар по ногам сзади и удар рукоятью в лицо, когда мужчина упал; этот тоже едва был готов вступить с ним в бой.

Он убил его, прямо там. Едва заметный поворот его правого запястья идеально подошел бы Ледяной Смерти, чтобы перерезать горло.

Он услышал стоны боли, исходящие от женщины позади него.

Он бросил Ледяную смерть на землю и вместо этого ударил женщину открытой ладонью под подбородок, ошеломляющий удар, от которого она отшатнулась назад.

Рывок и сальто вперед с двойным ударом ногой прямо вперед, когда он обошел ее, попал ей в грудь и оттолкнул на следующих врагов в очереди.

Дзирт едва коснулся земли, прежде чем снова поднялся на ноги и бросился в группу сражающихся, Мерцающий защищал, его свободная рука и ноги наносили сокрушительные контрудары.

В какой-то момент, оказавшись лицом к лицу с женщиной, владеющей мечом и кинжалом, Дзирт подбросил свое оружие прямо в воздух, затем поймал его, повернулся и запустил копье, которое летело в его сторону, отправив его обратно, чтобы вонзить в живот метателя.

Он двинулся, как будто хотел поймать Мерцающий, но женщина заметила это и взмахнула мечом поперек, чтобы перехватить.

За исключением того, что движение Дзирта было всего лишь обманным маневром, и ее реакция дала ему возможность подкрасться ближе и ударить ее по внутренней стороне колена размашистым ударом, от которого она, споткнувшись, упала на землю.

Справа последовал удар другого меча, но Дзирт поднырнул под него и оказался сзади, вращая плечами, когда он ударил правой рукой по руке с мечом нового нападавшего, толкая ее поперек своего тела. Тем же движением Дзирт сделал еще один шаг в сторону мужчины, отведя левую руку назад, развернув бедра, плечи и ударив кулаком под ребра мужчины с достаточной силой, чтобы оторвать парня от земли.

Дзирт снова нанес удар, развернув плечи, отведя левую руку назад, а правой проведя по груди противника, чтобы предотвратить удар локтем или наотмашь и просто занять своего противника, который пытался выровняться.

Это означало, что он идеально развернулся для следующего левого хука Дзирта, удара открытой ладонью, который попал мужчине прямо в лицо, резко откинул его голову назад и заставил его упасть навзничь на землю.

Побежденный воин даже не застонал, когда рухнул наземь, его чувства уже давно покинули сознание.

Внимание Дзирта немедленно вернулось к женщине, которая пыталась встать на сломанную ногу.

– Не надо, – сказал он, но та продолжила.

Он нанес ей удар сверху вниз, его рука ударила ее по голове, вероятно, сломав челюсть, и она неподвижно упала на землю.

Дзирт поднялся, осматривая поле боя. Битва была в разгаре, или, по крайней мере, то, что от нее осталось. В явном шоке от того, что эти трое просто появились сквозь каменную стену, все построения и планы

потенциальной засады были обращены против них с жестокой и эффективной внезапностью.

Некоторые лежали на земле и корчились, другие были мертвы или умирали, а третьи бросили оружие и подняли руки, моля о пощаде.

Однако одна схватка, которая застала Дзирта врасплох, произошла в стороне, где дроу не из Бреган Д'Эрт сражалась с одним из мензоберранзанских воинов в яростной и безрассудной манере, дико прыгая и размахиваясь, получая тяжелые удары в обмен на ответный удар. Против нее было два бойца, и, казалось, она получала удары каждый раз, когда моргала.

Кровь лилась из ее бока и шеи. Боковая часть ее головы была заляпана ею. Дзирт не мог понять, почему, или как она все еще стояла на ногах, не говоря уже о том, чтобы сражаться, или почему, во имя Девяти Кругов Ада, она сражалась со своими собственными союзниками.

Но потом он все понял и посмотрел на Киммуриэля, который пристально смотрел на женщину, теперь его голема, и контролировал ее движения.

Дзирт не знал, броситься ли ему на Киммуриэля или на сражающихся, но решение было принято за него, когда меч прошел прямо сквозь горло женщины, выйдя из спины, перерезав ее спинной мозг.

Даже псионический контроль Киммуриэля не смог справиться с этим.

Двое дроу, которые сражались с ней, оба раненные в нескольких местах, внезапно оказались лицом к лицу с дюжиной бойцов Бреган Д'Эрт, все с луками наготове.

Они побросали оружие и упали на колени.

– Значит, все, что ты сказал мне в монастыре, было ложью, – сказал Дзирт Киммуриэлю, пока Джарлакс отдавал приказы своим войскам о поверженных врагах.

– Нет, – ответил Киммуриэль, и, казалось, это замечание его искренне задело.

– Я думал, ты хочешь жить в мире милосердия и сообщества.

– Я хочу, и я помогу это сделать. Но не будь дураком, Дзирт До'Урден. Наши враги порочны, и я не пацифист. У этих людей был выбор, и они его сделали. И их выбор будет включать пытки своих врагов, превращение их в драуков, скармливание душ тебя, меня и всех нас проклятой Паучьей Королеве. Милосердие? Когда это возможно, я соглашаюсь на него. Когда идет битва, сначала выиграй ее, а о милосердии беспокойся после. – Он указал на женщину, которую контролировал, теперь мертвую на полу, захлебнувшуюся в собственной крови. Она была врагом. Лучше ее смерть, чем потеря одного из наших союзников.

Дзирт хотел ответить, но он знал, что это правда. Тактика Киммуриэля ужаснула его, но если бы он был тем, кто сражался с двумя дроу в том последнем бою, и особенно до того, как он тренировался с Магистром Кейном и изучил так много менее смертоносных приемов, весьма вероятно, что они оба сейчас были бы мертвы.

«И я тоже не пацифист».

– Восемь убитых, двенадцать захваченных в плен, и восемь из них тяжело ранены, – сказал Даб'Ней, подходя к Дзирту и Киммуриэлю.

Дзирт посмотрел мимо нее, чтобы увидеть приближение Джарлакса.

– Сожгите мертвых, – сказал Киммуриэль. – Сожгите их дотла.

– И казните двенадцать быстро и милосердно? – Спросила Даб’Ней.

– Нет, – решительно сказал Дзирт, прежде чем Киммуриэль успел ответить.

Киммуриэль уставился на него.

– Нет? – спросил Джарлакс, присоединяясь к группе.

– Туннели позади нас чисты, в то время как те, что впереди, становятся все опаснее, – объяснил Дзирт. – Исцели наших раненых своими заклинаниями, Даб’Ней, затем исцели их, насколько сможешь за сегодня, чтобы они могли быстро вернуться в Мифрил Халл.

– Это двухдневный переход, – напомнил Киммуриэль.

– Отправь с ними усиленную охрану и доберись туда и обратно за три дня. Они будут знать, что туннели перед ними безопасны. Король Бренор позаботится о пленниках.

– Ты думаешь привлечь этих пленников на нашу сторону? – спросил Джарлакс.

– Это маленькие акты милосердия, – сказал Дзирт, затем посмотрел на Киммуриэля и решительно пояснил:

– Они обойдутся нам недорого и, возможно, принесут большие награды, поскольку война продолжается. Пусть жрецы и волшебники из домов наших пленников понаблюдают за ними и узнают, что мы не действуем жестоко.

– Они сочтут это слабостью, - предупредил Киммуриэль.

– Кто-то сочтет, а кто-то, возможно, и нет, – сказал Дзирт. И тогда это будет их слабостью. Но что более важно, мы знаем правду. Мы будем сражаться в этой войне и выиграем ее, но мы должны сделать это, не теряя собственных душ, иначе какой в этом смысл?

Джарлакс, казалось, был впечатлен и посмотрел на Киммуриэля, который не стал спорить.

– Даб'Ней, сформируй охрану и отправляйся с ними, – приказал Джарлакс. Отведи пленников к королю Бренору как можно скорее.

Даб’Ней согласилась и, казалось, была довольна решением. – И сжечь мертвых? – спросила она, убедившись, что приказ все еще в силе.

– Да, – сказал Джарлакс, но в то же время Дзирт сказал: «Нет».

– Если мы оставим что-нибудь из них, Ллос вернет их обратно, и, скорее всего, в виде нежити-драуков, – утверждал Киммуриэль.

– Отнесите их также в Мифрил Халл, – сказал Дзирт. Относитесь к телам с уважением, зная, что любой из нас мог быть в их рядах когда-то в своей жизни, что все мы, собравшиеся здесь, чтобы сразиться с Паучьей Королевой, когда-то служили ей своими действиями.

– Все, кроме одного, – отметил Джарлакс, пристально глядя на Дзирта.

– Это вопрос удачи так же, как и всего остального, – ответил Дзирт.

– Пленники понесут мертвых? – Скептически спросила Даб'Ней. – Им будет достаточно того, что они будут поддерживать раненых, пока мы продвигаемся вперед. Ты превратишь свои три дня в декаду.

Дзирт посмотрел на Джарлакса в ожидании ответа, любого ответа.

Джарлакс поднял палец, как будто ему только что пришла в голову идея. Он снял свою широкополую шляпу, сунул руку внутрь и достал простой на вид кусок черной ткани.

– Используй это, – сказал он Даб'Ней и развернул ткань, образовав большую яму на полу коридора. Опусти туда мертвого и подними за края, чтобы она снова превратилась в ничем не примечательный кусок ткани. Разверни снова в покоях Предвечного в Гаунтлгриме, и там отдай мертвых Мегере в его огненной бездне, и сделай это с надлежащими церемониями и уважением.

Он посмотрел на Дзирта, который кивнул в знак согласия.

– Я помолюсь за них, – пообещала Даб'Ней и добавила, подмигнув, – но не Ллос.

Она направилась прочь, и Джарлакс крикнул ей вслед:

– Очистите тела от всякой магии, прежде чем предать огню. Всю магию и все ценное. Отдайте все, кроме самого лучшего, королю Бренору в качестве компенсации за его помощь с пленниками.

– Самого лучшего? – Спросила Даб'Ней, но все, что она получила в ответ, и совершенно очевидно, все, чего она ожидала от ответа, был смех Джарлакса.

– Наши враги не проявят ни такого милосердия, ни такого уважения к нашим телам, если мы падем, – заметил Киммуриэль, и когда Дзирт и Джарлакс повернулись к нему, он добавил:

– И вот почему мы должны сражаться в этой войне, и почему мы должны победить.

Дзирт кивнул.

– Но не *во время* сражений, Дзирт До'Урден, – пожурил его Киммуриэль. Иди и принеси свое оружие. Мы сражаемся, чтобы победить, как бы то ни было, и мы можем проявить милосердие, как только одержим победу, и не раньше. Мы не можем дать нашим врагам преимущество безжалостности, когда вступаем в бой.

Дзирт хотел возразить, напомнить псионику, что он пробрался сквозь строй врагов и вывел из боя всех, кто оказался рядом с ним, и проявил милосердие к ним в процессе. Но он не мог настаивать на этом, потому что знал, что, вероятно, убьет многих дроу, прежде чем закончится эта война.

Глава 11
Благословленный Блуцидер

Закнафейн на самом деле не был удивлен холодным приемом, который он встретил, когда вошел в амфитеатр под открытым небом, служивший храмом Эйлистри. Он был проинформирован о решениях Временного Собрания и слышал слухи о том, что жрецы Темной Девы были не слишком довольны.

Он подумал, что, возможно, им следует быть более щедрыми с ним, поскольку он собирался сражаться в войне, к которой они отчаянно хотели присоединиться. В конце концов, они были союзниками по духу, если не по телу, в борьбе с этим общим врагом.

Однако он понимал их неприветливость. В этом была горечь, и рана была свежей. Обида была предсказуемой эмоцией, и, скорее всего, она не продлится долго.

– Она в задней комнате для медитации, самой дальней от алтаря, – как ни в чем не бывало сообщила ему молодая жрица, прежде чем он успел спросить.

Зак начал спрашивать у жрицы ее имя, но она почти сразу отвернулась и вернулась к своей работе, вытирая прекрасный пол: мозаику из крошечных камешков, представляющую собой великолепный образ Эйлистри, Темной Девы.

Он держал голову опущенной, проходя через главный зал, где большая часть прихожан собралась для молитвы и медитации. Проходя, Закнафейн слышал их тихое ворчание, слова «несправедливо» и «неблагодарно» повторялись много раз.

И снова он напомнил себе, что это было время траура по этим потенциальным воинам, которые так стремились откликнуться на призыв своей богини, чтобы сразиться с влиянием и развращенностью Ллос.

Он хотел бы забрать их всех с собой, но он понимал и не мог не согласиться с решениями Моны Валриссы и представителей Собрания.

Он прошел через задние комнаты для медитации, приближаясь к восточной стене Скеллобеля, и замедлил шаги, когда услышал знакомый голос, торжественно поющий. Он обогнул колонну и заметил Галату, стоявшую на коленях, ее бело-голубой меч стоял вертикально на полу,

острием вниз перед ней, руки лежали на рукояти, лоб покоился на скрещенных больших пальцах.

Он едва мог разобрать слова ее тихой молитвы, но не раз слышал «Блуцидер».

Он понял, что она благословляет свой меч. Аззудонна рассказывала ему об оружии Галаты, которое было с великим мастерством вырезано из глубокого, спрессованного льда, плоская поверхность бело-голубого клинка была испещрена рунами силы от рукояти до кончика, что так поразительно контрастировало с серебристой мифриловой рукоятью и крестовиной, украшенными золотом. И чудесное оружие было пропитано кое-чем еще: милостью богини Галаты.

Так она утверждала.

Возможно, это было правдой, подумал Зак, но он, у которого не было бога, подобным же образом наполнил свое оружие или, по крайней мере, благословил его и почувствовал родство с ним силой своего собственного духа. В любом случае, Закнафейн знал, что возьмет с собой в Мензоберранзан могущественного союзника, и был рад этому.

Галата закончила, поцеловав драгоценный камень на конце мифриловой рукояти, большой темно-синий камень, который Зак не узнал.

– Моя добрая леди, – тихо сказал он.

– Рада новой встрече, Закнафейн, – ответила паладин, поднимаясь. Она подняла Блуцидер вертикально перед собой в знак приветствия мужчине, затем убрала его в ножны на левом бедре. – Нас ждет великое испытание.

– За время нашего путешествия я расскажу тебе о Мензоберранзане столько, сколько смогу вспомнить, – пообещал он, и не в первый раз.

– Я слышала, что прошение Аззудонны было отклонено.

Зак кивнул.

– Она дала обет Бьянкорсо, – продолжила воительница. – В Каллиде к таким клятвам относятся серьезно.

Зак снова кивнул, хотя и подумал, что это условие дисквалификации - обязательство перед командой, занимающейся спортом, - довольно глупое, учитывая масштаб ожидающего их мероприятия. Каллида прежде всего, он понимал это, по крайней мере, теоретически, но для эвендроу это был шанс освободить своих сородичей удадроу из-под власти демонической тирании. Возможно, на самом деле Каллида еще больше обезопасила бы себя, взаимодействуя с внешним миром. Он попытался скрыть разочарование на своем лице, поскольку решения Временного Собрания не были виной Галаты. Она была его союзницей, и он был рад ее появлению. Однако,

должно быть, он что-то показал, потому что она просто сочувственно кивнула.

– Они связались с Громфом Бэнром? – спросил он.

– Нет. И они этого не сделают. Предвидя такие требования и не будучи уверенными в том, как они будут восприняты Сиглигом, Мона Валрисса и Джарлакс уже подготовились. Мона считает, что нам лучше вообще избегать города Лускан и Главной башни Тайн, а также королевства дворфов. Никто не должен знать, что кто-то из Каллиды направляется в Подземье.

– Это всего лишь ты, – напомнил Зак со смешком.

– Этого достаточно, и я попадаю под строгий и принудительный запрет. Если я ослабею под пытками - или даже нет, если меня принудят магией или обманут каким-либо образом - и я начну раскрывать что-либо о Каллиде, Божественный Обет заберет меня из этой жизни и освятит мое тело и дух.

– Почему тогда они не сделали то же самое со мной? Или с Дзиртом, или с Джарлаксом?

– Потому что нашим врагам вообще не пришло бы в голову спросить тебя о другом городе дроу. Для вас это просто вопрос доверия, и это доверие вы заслужили. Ритуал Забвения - дело немаловажное, и они очень неохотно его выполняют.

– Для меня это честь.

– Волшебник Алефаэро скоро присоединится к нам. Сейчас он пытается найти подходящее место, куда он мог бы телепортировать нас. Оттуда, как только мы попрощаемся с ним, мы сами отправимся по туннелям в Подземье и Мензоберранзан.

Выражение лица Зака выдало его тревогу, он знал.

– Ты знаешь дорогу?

– Возможно, мы догоним Джарлакса и его отряд.

– А если мы этого не сделаем? – спросила она, прощупывая почву. – Ты знаешь, как нам попасть в город?

– Есть много способов попасть в Мензоберранзан, и много способов, которые кажутся таковыми, но ими не являются, – объяснил Зак. – Тропа не обозначена, но это, вероятно, наименьшая из наших проблем. Ты не знаешь Подземье. Это неподходящее место для долгих скитаний небольшого отряда. – Он указал на ее меч.

– Блуцидер? – спросила она.

– Вероятно, ты будешь использовать его очень часто в течение тех десяти дней, которые потребуются нам, чтобы добраться до города, и все станет еще опаснее, если мы собьемся с курса. И, боюсь, так и будет. Полагаю, я знаю общее направление из-под Гаунтлгрима, но там, внизу, есть лабиринты и

множество вариантов пути, боковые туннели и огромные залы с десятками выходов, – он беспомощно покачал головой. – Я не ходил по этим тропам.

– Но ты знаешь общее направление, самые ранние туннели, по которым мы должны пройти?

Зак кивнул, и Галата посмотрела на свой меч.

– Это все, что нам понадобится. Я спросила, сможешь ли ты провести нас в город. Если ты знаешь общее направление, я смогу доставить нас к воротам Мензоберранзана.

Зак с любопытством посмотрел на нее.

– Через этот меч я обращаюсь к моей богине. Она отвечает на мои вопросы через Блуцидер, который скажет нам, какой выбор является лучшим для достижения нашей цели. Наш путь будет верным. Каждый выбранный туннель или выход будет правильным. Я смогу доставить нас туда, но сможешь ли ты доставить нас в сам Мензоберранзан?

– Хитростью или кровью мы проникнем внутрь, – пообещал он.

– Пойдем, – позвала его Галата, позволив этой мысли повиснуть в воздухе на несколько ударов сердца. – Помолись со мной.

– Я не служу богам.

– Это не имеет значения, – заверила его Галата. – Ты воин, настоящий воин, и это означает, что ты часто заглядываешь внутрь себя во время медитации, чтобы найти свою силу, укрепить свое сердце и волю, обдумать свои движения.

Зак не мог с этим не согласиться, и когда Галата повернулась, опустилась на колени и снова вынула Блуцидер, Зак опустился на колено рядом с ней. Он вытащил рукоять своего оружия в форме красивого красно-золотого феникса с широкими крыльями, образующими крестовину, крошечные рубины его глаз сверкали внутренним огнем, как и более крупный рубин, похожий на свернутые перья хвоста на навершии. Усилием мысли он извлек магический клинок этого могучего оружия, меч из чистейшего света.

Он перевернул его, как Галата сделала с Блуцидером, поставил его кончик на камень и погрузился в медитацию, прижавшись лбом к фениксу.

– Ты дал ему имя? – спросила Галата, отвлекая его от размышлений некоторое время спустя.

– Это Клинок Света, вот и все.

– Но это больше, чем клинок, – напомнила Галата. – Это также может быть хлыст или пустая рукоять.

– Действительно, – сказал Зак. – И этот кнут может достичь самого уровня огня и пробить брешь между планами.

– Что ты предпочитаешь, меч или кнут?

– Два меча, – ответил Зак, поворачиваясь, чтобы показать менее примечательный, но все еще мощный короткий меч в ножнах на другом бедре, который ему дали взамен Резца, когда каллидийцы потребовали забрать его из города. – Но хлыст часто бывает весьма полезен.

– А у второго меча есть имя?

– Он его еще не заслужил.

Галата рассмеялась, понимая.

– Твоему главному оружию нужно правильное имя, – сказала ему Галата. – Расскажи мне о нем.

Зак понимал, что она просто пыталась скоротать время, пока они ждали волшебника, чтобы развеять все сомнения относительно их курса, но он был рад услужить. Он рассказал ей о том, как забрал оружие у мерзкого человека по имени Арронго, пирата, а затем описал, как Кэтти-Бри использовала магию кузнечного горна, созданного Предвечным по имени Мегера, чтобы соединить меч с мощным хлыстом в уникальное оружие.

– Она сделала то же самое с одной из сабель Дзирта, – объяснил Зак. – Тот клинок звали Мерцающим. Она объединила сломанный Мерцающий с Видринат, волшебным клинком из Мензоберранзана, чтобы создать новое и более мощное оружие.

– Кэтти-Бри грозна и умна.

Зак кивнул, задаваясь вопросом, и не в первый раз, как он вообще мог подумать, что эта образованная и компетентная человеческая женщина недостойна его сына. Каким дураком он был, когда впервые вернулся из своего долгого сна смерти, принеся с собой в земли, которые его сын стал называть домом, уровень невежества и предрассудков, которые почти навсегда разлучили его с Кэтти-Бри и Дзиртом.

–Тогда Мегера? – Предложила Галата. – Или Факел Мегеры?

Зак прокрутил имена в уме, но покачал головой.

– Проклятие Ллос?

– Хотелось бы, но нет. Этот демон недостоин такого тезки, и чем меньше раз я буду произносить ее имя, тем лучше.

– Это принесет свет во тьму Ллос, – сказала Галата. – Просветитель?

– Этот тип оружия называется солнечным клинком, – объяснил Зак. – Я думаю, это оскорбило бы Ллос!

– *Солардис!* – Внезапно и с улыбкой ответила Галата. – Слово каллидийцев, обозначающее недремлющий свет солнца.

– Солардис - хорошее имя, – согласился Зак.

– Обратись к мечу, – сказала Галата и вернулась в свою молитвенную позу.

Зак сделал то же самое, используя тишину, чтобы подготовиться к предстоящим испытаниям.

Вскоре они покинули комнату для медитаций, пройдя через главную часовню, где оставались прихожане.

Галата шла впереди и ускорила шаг, думая пройти прямо, но ее и Зака перехватил верховный жрец Авернил.

Он долго смотрел ей в глаза, затем сказал:

– Я все еще не одобряю то, что ты сделала в Совете. Если бы ты хотя бы попыталась поддержать нашу петицию, ты путешествовала бы с могущественным и способным сопровождением.

– И ты все равно знаешь, какой ответ дала бы Мона Валрисса, – мягко сказала Галата, – даже если бы я присоединилась к вашему прошению.

Ее облегчение стало ощутимым для Зака, когда Авернил, хотя и поморщился несколько раз, кивнул в знак согласия.

– Мы разочарованы, вот и все, – сказал он.

– Я тоже, мой друг. Я бы очень хотела, чтобы ты и твои близкие были рядом с нами в этом задании.

Авернил, казалось, оценил это.

– Тогда знай, что наши сердца и надежды связаны с Галатой и Закнафейном. Хорошо исполни волю Темной Девы, мой друг.

Заку показалось, что с сильных плеч Галаты только что свалился огромный груз. Она подошла и крепко обняла Авернила, шепча: «Я сделаю это», снова и снова.

Зак заметил, но ничего не сказал о слезах в глазах обычно стойкой Галаты, когда они вышли из храма, направляясь в небольшой парк у главного входа за пределами Каллиды и в район Скеллобеля, совсем рядом с горкой, с которой Зак и его спутники совершили быструю прогулку в город во время их первого визита, и недалеко от виноградника, где Зак сражался с Адин Дуайн на ринге для боя на полубочках.

Там их ждал волшебник Алефаэро вместе с круглолицым мужчиной-улутиуном, чьи губы постоянно шевелились, пока он перебирал горсть каких-то мелких предметов - возможно, маленьких разноцветных камешков.

Он все еще бормотал, когда подошли Зак и Галата, хотя и слишком тихо, чтобы они могли разобрать какие-либо слова. Он продолжал смотреть вверх, но, казалось, не смотрел ни на них, ни на что другое, его глаза нервно, лихорадочно метались по сторонам.

–Я полагаю, ты знаешь Нвизи, – сказал Алефаэро паладину.

Галата кивнула, но не выглядела слишком довольной. Она посмотрела на Зака и закатила глаза, затем обратилась к Алефаэро:

– Ты не смог найти подходящее место?

– Я думаю, что нашел, – ответил он, – но я не буду рисковать с таким опасным магическим способом перемещения.

Галата, казалось, не была впечатлена, когда посмотрела на спутника Алефаэро, и как только Зак проследил за этим взглядом до маленького человека, Нвизи подбросил свои семь радужных камней в воздух перед ним, где они танцевали, парили и метались, их движения оставляли за собой следы остаточного цвета в воздухе.

Магия левитации, казалось, внезапно прекратилась, и Зак начал приседать, ожидая, что драгоценные камни упадут и запрыгают по земле. Но они этого не сделали, вместо этого приземлившись как будто на невидимую платформу перед глазами Нвизи, где они странно подпрыгивали в течение нескольких ударов сердца, прежде чем опуститься, а затем снова зависли.

Нвизи продолжал разговаривать сам с собой, указывая на каждого и делая то, что звучало как вывод или заявление о его положении в группе.

Прошло больше минуты, прежде чем неопрятный мужчина издал громкий смешок и сгреб семь камешков в ладонь, прокричав Алефаэро: «Айя, айя, айя!»

– Да, – тихо перевела Галата Заку.

– «Айя, мой выбор правильный» или «Айя, ты нашел лучше...?» – спросил Алефаэро.

– Нашел лучше, – бессвязно пробормотал Нвизи. – Твой выбор для приземления... твоя смерть. Слишком маленький. Голова в потолке или ноги в полу. Соединен с камнем и только для того, чтобы умереть.

– Он только что сказал, что твой телепорт убил бы нас? – спросил Зак.

Алефаэро кивнул, но Галата просто пожала плечами.

– Нвизи - он... – начала она, но, казалось, не смогла подобрать подходящее слово, поэтому просто подняла руки и вздохнула, сдаваясь.

– Предсказатель, – закончил за нее Алефаэро. – И лучший в Каллиде. Его предсказания…

– Настолько запутанны, что всегда могут быть правдой и всегда будут ложью одновременно, – сказала Галата.

– Значит, могущественный союзник, – пробормотал Зак, вызвав быстрое фырканье паладина.

– Это неверное мнение, – ответил Алефаэро, глядя на Нвизи, который, казалось, не подозревал о продолжающемся разговоре, предметом которого он был. – Некоторым людям просто нужно слушать более внимательно.

– Ты собираешься позволить ему сказать тебе, где мы должны волшебным образом появиться? – спросила Галата.

– Да. Ты не понимаешь его бормотания, как и я, но он понимает. Он видит мир по-другому, но точно. Он знает, что нужно мне и что ищешь ты, и проведет нас через магию, которую мы не можем понять.

– У меня было бы больше веры, если бы я понимала ее.

– Ты знаешь, как я создаю молнию с помощью кусочка меха и хрустального стержня?

– Нет, но другие делают это.

– Потому что эта магия... привычна для нас. Нвизи отличается, возможно, уникален, потому что он не совершает свои предсказания способами, которые наши собственные предсказатели эвендроу могут начать понимать.

– Возможно, он Пайкел Валунноплечий среди улутиунов, – съязвил Зак. – Я думаю, мы все научились доверять Пайкелу.

– Это вряд ли одно и то же, – настаивала Галата.

– Вы поручили мне доставить вас в безопасную отправную точку под самыми нижними дверями этого королевства дворфов, которых я никогда не видел, - вставил Алефаэро. “Или никогда не видел, пока Нвизи не показал мне. Ты знаешь это место под названием Гаунтлгрим, Закнафейн?

– Конечно.

Алефаэро начал описывать его, начиная с большого вестибюля рядом с естественной пещерой, образованного оборонительными укреплениями, катапультами и баллистами, установленными на полу, на сталагмитах и сталактитах, даже на потолке. Он говорил о приподнятой платформе и странном вагоне - трамвае.

И Алефаэро устно довольно точно проложил свой путь по этому месту, спустившись в нижние коридоры и покои, в кузницу и комнату, где жил в своем плену Мегера.

Если этого описания было недостаточно, чтобы убедить Зака и Галату, Нвизи еще раз подбросил свои камешки, и на этот раз они закружились друг вокруг друга, оставляя за собой линии своего цвета, и эти линии начали рисовать изображение, которое Зак хорошо знал: Великая кузница Гаунтлгрима.

Красные, желтые и оранжевые камни заполнили горнило нарисованным огнем.

– Доверься Нвизи, – пробормотал изумленный Зак Галате, и Алефаэро широко улыбнулся и добавил: – Он многое знает.

– Но откуда он это знает? – спросила Галата.

– Ни прорицатели эвендроу, ни шаманы куритов, ни даже его собратья улутиуны еще не выяснили этого, – признал Алефаэро.

– Но он что-то знает? – Эхом отозвалась Галата.

– Он знает Гаунтлгрим, – подтвердил Зак.

– Он может ответить за себя? – спросил паладин.

Алефаэро покачал головой.

– Если ты планируешь уехать сегодня, я бы не стал просить его об этом, нет.

Когда Галата, казалось, была менее чем удовлетворена этим ответом, и уже начала было возражать, Алефаэро напомнил ей:

– Когда я телепортирую нас, я отправлюсь с тобой.

– Возьми и его тоже, – сказал Зак, кивнув в сторону Нвизи.

– Я согласна, – согласилась Галата.

– Скажи мне, когда будешь готова...

– Сейчас, – ответила Галата еще до того, как он закончил.

Алефаэро посмотрел на Нвизи, затем похлопал коротышку по плечу, отвлекая его от диалога с самим собой. Когда улутиун посмотрел на волшебника, Алефаэро кивнул.

Нвизи снова бросил свои камни, подбросив их перед глазами Алефаэро. Он подошел к волшебнику, встал на цыпочки и начал шептать, потом хихикать, потом ворчать и снова зашептал на ухо Алефаэро. Что бы ни делал Нвизи, казалось, это сильно влияло на Алефаэро, потому что его глаза остекленели, и казалось, что он смотрит на что-то, чего не было в этом парке в Скеллобеле.

Камни сверкали, отбрасывая маленькие блики света, отражавшиеся в глазах Алефаэро.

Словно в трансе, Алефаэро протянул правую руку к Галате и взял Нвизи за руку левой. Галата взяла правую руку волшебника своей левой, затем протянула свободную руку Заку, завершая линию.

Алефаэро начал ритмично напевать.

Нвизи захихикал.

Драгоценные камни выпали из воздуха и приземлились на землю, но не на ту, на которой они стояли! Нет, твердый каменный пол, волшебные искорки драгоценных камней - единственные крупицы света в темном помещении.

Клякса выбежал из штанины Нвизи и собрали камни, запихнув их за пухлые щечки, прежде чем юркнуть обратно под плохо сидящие штаны Нвизи.

– Как? Где мы? – спросила Галата.

– Мы где-то под самыми нижними коридорами Гаунтлгрима, – заверил ее Алефаэро, вызывая магическое световое заклинание, которое полностью осветило маленькую комнату, открывая три ведущих из нее прохода.

Галата обернулась.

– Но в какую сторону идти?

– Эта дорога ведет на восток, – без колебаний ответил Зак.

– Откуда ты знаешь? – спросили хором Алефаэро и Галата.

– Я не знаю, откуда я знаю, но я знаю. Этот путь – на восток. Восток - это то, куда мы должны идти.

Двое других посмотрели на Нвизи, чье внимание отвлеклось от них, когда из его кармана появился Клякса и начал выплевывать драгоценные камни один за другим в руку мужчины. Когда лемминг снова исчез, Нвизи поднял глаза и кивнул в знак согласия с Заком.

– В Каллиде мы говорим: «Пусть Веселые танцоры освещают твой путь», – заметил Алефаэро. – Я не знаю, что принято говорить здесь.

– Прощай, – сказал ему Зак. – Только это.

Так он и сделал, и два воина ушли по восточному туннелю, в то время как Алефаэро применил второй телепортационный двеомер, чтобы вернуть его и Нвизи обратно в парк в Каллиде.

Глава 12
Теплый домашний прием

Команда, вернувшаяся в Гаунтлгрим, без проблем присоединилась к основной группе менее чем через три дня, несмотря на то, что основная группа Джарлакса добилась значительного прогресса и почти не встретила сопротивления или монстров. Теперь, собравшись в полную силу, группа опытных разбойников-ветеранов Джарлакса с огромной скоростью двинулась в более глубокие туннели.

Трижды в течение следующих нескольких дней они сталкивались с разведчиками дроу из Мензоберранзана - или, по крайней мере, сталкивался Киммуриэль, посылая свои мысли вперед и понимая преданность и силу каждой группы еще до того, как эти часовые узнавали о приближении сил Бреган Д'Эрт.

Даже без того преимущества, которое давал псионик, ни одна из небольших групп не смогла бы бросить серьезный вызов банде Джарлакса. Каждая стычка заканчивалась одинаково: внезапное и ошеломляющее появление Бреган Д'Эрт, Даб'Ней и ее свита произносили свои заклинания, чтобы заставить замолчать вражеских магов и жриц, воины были там, чтобы быстро покончить со всем.

Дзирт и Гвенвивар каждый раз прокладывали путь, один раз с фланга, через каменную стену, как в первом бою, один раз из-за спины своих врагов, а в последнем бою, совсем рядом с Мензоберранзаном, в прямой атаке прямо по коридору, при этом Дзирт уворачивался от стрел, поймав не одну, прежде чем отбросить их в сторону и прорваться в переднюю шеренгу мощным и высоко летящим прыжком и ударом ногой - он знал, что таким приемом мог бы гордиться сам Магистр Кейн.

Гвенвивар снова ворвалась внутрь, рассеивая дроу и сбивая их с ног, и настолько быстрой и дисциплинированной была командная работа воина-дроу и его давней спутницы-пантеры, что они прошли прямо через маленькую пещерку, в которой находились вражеские силы, и оказались в одиноком туннеле, ведущем в другую сторону.

Никто из их врагов не вернулся в Мензоберранзан, чтобы предупредить Матрону Жиндию и ее союзников о новой силе, вступившей в битву.

Путь к северо-восточным входам в город, туннелям, называемым Главными Путями, теперь был перед ними свободен.

Но и сейчас они находились в коридорах, которые Джарлакс и его банда знали очень хорошо. Вместо того, чтобы идти прямо в Мензоберранзан и использовать переносной лаз Джарлакса, чтобы проникнуть сквозь тонкие стены в более секретные параллельные туннели, они направились на восток и юг, обходя огромную пещеру Мензоберранзана, мимо Браэрина, по Путям Путешественников и вокруг менее населенных восточных пределов, где располагались озеро Донигартен и остров рофов. Затем они отправились обратно на запад, снова по малоиспользуемым, малоизвестным туннелям, Джарлакс повел группу в город прямо на возвышенный южный участок, Ку'илларз'орль, где размещались главные семьи Мензоберранзана, включая, что наиболее важно, Дом Бэнр.

– Кто знает о твоем прибытии? – Верховная Мать Квентл спросила Джарлакса вскоре после этого, когда ей доложили о нем и Дзирте в главном зале для аудиенций. Она едва смотрела на Джарлакса, когда говорила, потому что не могла отвести взгляда от Дзирта, или, что более важно, от массивной черной пантеры, которая облизывала свои лапы, удобно устроившись рядом со знаменитым еретиком.

– Двадцать три пленника, которых я передал охране вашего дома, и те союзники, которых мы оставили в вашем дворе, – ответил Джарлакс. – Больше никого.

– В моем дворе? Всех?

Джарлакс слегка усмехнулся.

– Ну, не всех, потому что, конечно, мы уже начали нашу разведку.

– Конечно, – сухо сказала Квентл.

– Я думал, ты будешь рада нас видеть.

– Наши враги контролируют ворота в город - на данный момент, – объяснила Квентл, не удостоив его той оценки, о которой он только что просил. – Мы слышали, что у них много групп в туннелях, чтобы убедиться, что армии короля Бренора не придут сюда.

– Или перехватить и забрать любые припасы и оружие, которые могут поступать от наших друзей-дворфов наверху, – сказала Ивоннель, стоя рядом с сидящей Квентл. Она тоже на самом деле не смотрела на Джарлакса, но и на Гвенвивар не смотрела тоже, ее пристальный взгляд был откровенно прикован к этому мужчине, Дзирту, который так заинтриговал ее.

– Мы столкнулись с парой таких аванпостов, – ответил Джарлакс. – Сейчас они опустошены, и единственные, кто остался в живых, кроме

пленников, которых я привел к вам, – это заключенные из первоначальной группы, которые сейчас находятся под опекой короля Бренора.

– Поблизости были и другие патрули, которых легко было избежать, – добавил Дзирт.

– Потому что с тобой, без сомнения, этот проклятый Облодра, – сказала Квентл.

– Ты достаточно скоро поймешь ценность Киммуриэля, – заверил ее Джарлакс, но кислое выражение ее лица осталось - пережиток дней, известных как Смутное Время, когда боги замолчали. В их отсутствие псионики Дома Облодра попытались захватить Мензоберранзан и свергнуть Бэнров.

Реакция Квентл не удивила Джарлакса, но по мере того, как он обдумывал ситуацию глубже, это немного нервировало его. Преимуществом Облодры в те далекие времена было отсутствие Ллос, и теперь, разве Квентл не пыталась избавиться от Паучьей Королевы Мензоберранзана раз и навсегда? Не должна ли она теперь рассматривать попытку узурпации Облодры как родственную ее собственной?

«Неважно», думал он.

И надеялся.

– Вам нужны указания, где лучше всего разместить ваши силы? – спросила Квентл.

– Я подозреваю, что Джарлакс очень скоро предложит нам то же самое, – заметила Ивоннель, прежде чем Джарлакс смог ответить.

– У меня есть глаза в городе, – признался он. – И есть уже несколько дней. Я бы, однако, хотел, чтобы мы обсудили мою роль в этих событиях. Я и мои люди подходим для... разного рода операций, конечно.

– На данный момент это просто вопрос стычек, в основном в Браэрине, и одной почти непрерывной битвы перед воротами Дома До'Урден. Мы ожидаем, что Жиндия вскоре предпримет более решительные действия, чтобы одержать какую-то видимую победу, – объяснила Верховная Мать. – Ее демоны теперь проникают в город с каждым биением сердца и открыто разгуливают по улицам везде, кроме Ку'илларз'орль. Пока что она не была такой смелой.

– Есть ли у нас союзники-демоны в городе? – спросил Джарлакс.

– У нас нет союзников-демонов, – решительно сказала Квентл. – И больше никогда не будет.

Это прозвучало как сладкая музыка для ушей Дзирта.

– Тогда Бреган Д'Эрт воспользуется своими хитростями и найдет свое место в битве, – сказал Джарлакс.

– И проредит ряды армии демонов Жиндии быстрее, чем она сможет их увеличить, – пообещал Дзирт До'Урден.

Дзирт отправил Гвенвивар обратно в ее Астральный дом, как только покинул зал аудиенций, затем последовал за Джарлаксом из главного здания великого Первого Дома Мензоберранзана. Он хотел убедиться, что Матрона Квентл увидела пантеру, но в остальном не хотел тратить ее время впустую на материальном уровне, пока она снова не понадобится ему.

– Ты возвращайся к Киммуриэлю и остальным, – сказал ему Джарлакс, указывая на казармы, которые им выделили. – Я собираюсь встретиться с этими воинами Богохульства. Возможно, я получу кое-какие сведения. – Он помолчал всего мгновение, размышляя, затем добавил:

– Пришли Киммуриэля ко мне, в казармы в северо-западном углу комплекса.

Дзирт кивнул и продолжил свой путь. Ему пришлось обойти двор сзади, чтобы добраться до назначенного Бреган Д'Эрт жилья, и там он столкнулся с неожиданной гостьей.

– Рада снова встретиться, Дзирт, – сказала ему Ивоннель.

Было ясно, что она покинула зал аудиенций сразу после них, выйдя через черный ход, чтобы перехватить. Она подошла к нему и крепко обняла, на что он с радостью ответил.

– Я надеялась, что Джарлакс уйдет, – сказала она, отстраняясь после долгого молчания. – Я хотела побыть с тобой наедине.

– Приятно тебя видеть, – согласился Дзирт. – Я рад, что ты на нашей стороне.

– И тебе того же. Как поживает король Бренор? Как поживают Реджис и Артемис Энтрери, а также великан Вульфгар - он уже съехался с Пенелопой Гарпелл или остается свободным странником?

Ее забота о его товарищах удивила Дзирта, но, поразмыслив, он понял. За то короткое время, что Ивоннель была рядом с Дзиртом и его друзьями, она освоилась с ними так легко, как он никогда бы не ожидал. Она была совершенно необыкновенной, той, кто видел мир иначе, чем кто-либо, кого он когда-либо встречал.

– Вульфгар и Пенелопа находят свою радость там, где они могут, – ответил Дзирт.

– Они мудры.

– С остальными все хорошо. Они надеются на лучшее здесь, внизу, и с нетерпением ждут будущего, которое будет лучше настоящего и намного лучше прошлого.

– А Кэтти-бри и ваша маленькая девочка?

– Мы зовем ее Бри.

– Ее полное имя довольно громкое, – сказала Ивоннель со смехом.

Дзирт улыбнулся и кивнул.

– Действительно.

– Кэтти-Бри, должно быть, опустошена тем, что ты здесь, а она нет.

Выражение лица Дзирта было единственным ответом, который требовался.

– Она замечательный человек, – сказала Ивоннель с полной искренностью. – Грозная, сильная, желающая преуспеть, преданная. Ты большой счастливчик, Дзирт До'Урден.

– Я, действительно. Я только надеюсь, что смогу скоро вернуться к ней.

– Если когда-нибудь у вас с Кэтти-Бри возникнут мысли о добавлении третьего в ваш брак... – сказала Ивоннель, и Дзирт мог сказать, что она шутила лишь отчасти.

Он фыркнул.

– Я думаю, это было бы более подходящим предложением для Вульфгара и Пенелопы.

Ивоннель широко улыбнулась и подмигнула ему, и вот оно, так явно предлагаемое. Он не обиделся и даже на самом деле не был шокирован ее предложением, как и Кэтти-Бри, он знал. В Ивоннель были честность и открытость, которые делали ее такой же заслуживающей доверия в глазах Кэтти-Бри, как и Дзирта.

– То, что вы с Квентл сделали на поверхности... – начал Дзирт. – Неповиновение, ересь, полное неприятие Ллос и ее путей... – он покачал головой. – Все вокруг меня говорят о тебе, как о героине, и это звание наиболее заслуженно.

Это был первый раз, когда он увидел, как Ивоннель покраснела, чего он никак не ожидал увидеть!

– Это был единственный выбор, – сказала она.

– Ты могла бы встать на сторону Жиндии и с легкостью выиграть войну, и Гаунтлгрим и большая часть севера были бы твоими.

– Это был единственный выбор, – повторила она более решительно.

– Потому что ты наделена порядочностью.

– Потому что у меня есть память о том, что было до Ллос. То, что ты сделал, покинув Мензоберранзан много десятилетий назад, то, что Джарлакс недавно сделал с Лусканом, и его действия на поверхности с людьми, дворфами, хафлингами и эльфами... Это будущее, Дзирт До'Урден. Вот кем мы должны быть, чтобы присоединиться к более широкому миру, на благо всех.

– Мы победим, – сказал Дзирт.

– Мы должны победить, – ответила Ивоннель. Она оглянулась. – Я должна идти. Скоро поступят отчеты из Браэрина. Слухи утверждают, что в этот день на улицах собирается огромная демоническая сила, и есть опасения, что они пойдут оспаривать нашу власть в области Донигартена. – Она повернулась и еще раз обняла Дзирта, затем поцеловала его в щеку и прошептала ему на ухо:

– Мы победим. Теперь, когда ты и Джарлакс пришли, я знаю, что мы победим. Город обратит на тебя внимание, и, таким образом, мерзавка Жиндия потеряет поддержку.

Дзирт смотрел ей вслед, напоминая себе о своем более раннем замечании в ее адрес. Да, он был очень рад, что Ивоннель Бэнр, дочь Громфа и Минолин Фей, тезка Ивоннель Вечной и обладающая обширным опытом и воспоминаниями этой Верховной Матери, на его стороне.

Горе Жиндии Меларн, если она выступит против Ивоннель в битве.

Силы Бреган Д'Эрт тихо продвигались по закоулкам Вонючих Улиц. Главные бульвары этого региона Мензоберранзана, земли простолюдинов-дроу и бездомных бродяг, были покрыты руинами и ожогами сражений с демоническими врагами.

Силы Бездны Матроны Жиндии продолжали прибывать сюда, постоянно, хотя и в небольшом количестве, поскольку она пыталась убедить тех, кого могла, присоединиться к делу Ллос и наказать тех, кто не подчинялся.

Джарлакс видел напряжение в Дзирте. Лидер наемников понимал, что Дзирту требовались все меры дисциплины, на которые он был способен, чтобы держаться подальше от сражений, как того требовал Джарлакс. Они отправились в этот неспокойный район города, по крайней мере поначалу, за информацией, которая имела бы решающее значение для дальнейшего хода войны. Тем не менее, много раз, пока они прятались, Джарлакс замечал руки Дзирта на рукоятях Мерцающего и Ледяной Смерти. Он хотел, чтобы Джарлакс выпустил его на демонов, и в этих битвах пощады не будет.

Но это привело бы к эскалации слишком рано, и Джарлакс был уверен, что еще немного времени - и гораздо больше информации - будут означать самую большую разницу в долгосрочной перспективе. К его облегчению, Дзирт, хотя и буквально кипел от желания действовать, согласился.

Когда они подошли к задней стене одного здания, Джарлакс достал свою переносную дыру и открыл путь внутрь Сочащегося Миконида. Он подал знак Дзирту и нескольким другим войти внутрь, затем махнул остальным

занять стратегические позиции поблизости, прикрывая улицы и крыши, готовые к бою.

Он привлек Даб'Ней к себе, затем сделал ей знак рукой: «*когда начнется сражение, мы должны постараться, чтобы Дзирт сражался только с демонами, а не с какими-либо врагами дроу*».

Она кивнула в знак согласия и понимания, затем вошла в задний коридор заведения прямо перед Джарлаксом, который убрал магический портал, вставив, казалось бы, ничем не примечательную черную ткань в макушку своей огромной шляпы. Там было семеро, включая Дзирта, заполнивших маленький задний коридор. Справа была лестница, ведущая на второй этаж, а слева - дверь в правой внутренней стене, которая, судя по голосам многочисленных посетителей, вела прямо в общий зал.

– *В этом заведении три дюжины человек и еще двое, не считая наших четырех агентов,* – Дзирт и пятеро других в коридоре услышали в своих мыслях, как седьмой из их группы, Киммуриэль, телепатически передал свои выводы.

– *Исследуй каждый стол. Найди простолюдинов, найди дворян,* – *обратился Джарлакс к псионику. Найди союзников, определи врагов*.

Некоторое время спустя Джарлакс и Киммуриэль спустились по лестнице и тихо посовещались.

– ***В****нутри есть враги, поджидающие нашего прибытия,* – ***подсказали*** пальцы Даб'Ней Дзирту.

– *Откуда ты знаешь?* – он просигналил в ответ, хотя, как он понял, довольно слабо, потому что у него давно не было практики в тонком и запутанном языке жестов дроу.

– *Наши враги знают это место, знают, что это место Джарлакса, и были уверены, что Бреган Д'Эрт рано или поздно появится в городе. Возможно, они выбрали это место для переговоров, возможно, для засады*.

Звуки из общей комнаты в маленьком коридоре внезапно стали громче.

Джарлакс махнул Дзирту и Даб'Ней, чтобы они присоединились к нему и Киммуриэлю. Когда они прибыли, он показал им нишу под лестницей, заставил их низко пригнуться, чтобы он мог показать волшебный проход, который он соорудил с помощью своего портативного лаза, который вел в общую комнату, но был скрыт от основного помещения, потому что находился низко за стойкой бара.

– *Если я позову тебя,* – обратились к Дзирту пальцы Джарлакса, – *входи, приготовившись к внезапной и жестокой схватке*. Он сделал паузу и

посмотрел Дзирту в глаза, выражение его лица было смертельно серьезным, чтобы подчеркнуть его последние жесты:

– *Если ты не убьешь их, они убьют тебя.*

Дзирт кивнул.

Джарлакс исчез в дыре, Киммуриэль последовал за ним.

Время, казалось, тянулось очень медленно для Дзирта, пока он стоял в том коридоре рядом с магическим отверстием. Он размышлял о кругах своего жизненного пути, которые постоянно возвращали его к месту его рождения, всегда, неизбежно, заканчиваясь насилием.

В первый раз, когда он вернулся в Мензоберранзан, он пришел сдаться, глупо полагая, что его жертва удержит дроу от нападения на друзей, на новую семью, которую он завел в поверхностном мире.

Кэтти-Бри пришла за ним и спасла его, вместе с Артемисом Энтрери, который уже был здесь, в этом темном месте, и по совпадению искал свой собственный выход. Это было очень, очень давно, больше столетия назад.

Гораздо позже Дзирт отправился в Мензоберранзан вместе с Джарлаксом, когда демоны вышли из-под контроля в городе, угрожая всем. Дзирт был заключен в тюрьму Верховной Матерью Квентл Бэнр, затем был освобожден и использован в качестве живого копья, живой бомбы из кинетической энергии, созданной объединенной мощью объединенного Мензоберранзана. Он бросился с уступа на повелителя демонов Демогоргона, разрушительная магия текла сквозь него, но не поглощала его, спасая Мензоберранзан от чудовищного зверя. В тот раз Дзирт сражался здесь с силами Меларнов. Он убил дроу, поскольку знал, что сделает это снова.

К лучшему, ему приходилось повторять себе снова и снова.

Он верил в это дело, верил, что это, возможно, самое важное дело в его жизни. Но он ненавидел сам путь к нему.

Однако это был единственный способ. Доводы рассудка подвели. Только насилие могло освободить дроу от Ллос и ее верных союзников, ее неоправданно ревностных союзников. Дзирт достал ониксовую статуэтку и прошептал имя.

– *Над стойкой и налево,* – пришли телепатические инструкции от Киммуриэля, сопровождаемые изображением большого круглого стола, за которым сидело около дюжины дроу. – *Входи без колебаний, по моему зову.*

«Без колебаний», подумал Дзирт, и поэтому ответил: *«Клинки обнажены и готовы убивать».*

– Мы должны уничтожить их, и быстро, Гвен, – прошептал Дзирт гигантской пантере, которую он только что призвал к себе.

Сигнал пришел в его мысли, и дроу-следопыт бросился через переносное отверстие, зайдя за стойку и запрыгнув на нее, а затем с нее на пол слева.

Единственным прыжком Гвен пролетела мимо него прежде, чем он приземлился, пантера врезалась в группу дроу, на которую нацелилась, разбрасывая стулья, стол и сторонников Ллос во все стороны. Дзирт пронесся мимо двух ближайших, когда они пытались подняться.

Слишком медленно!

Они оба упали бок о бок лицом вниз на пол, а следопыт бросился дальше.

Следующим был волшебник, его пальцы двигались, дуги молний быстро разрастались, но недостаточно быстро, чтобы удержать атакующего Дзирта, который заставил противника упасть навзничь, крича от боли и прижимая к груди внезапно лишившиеся пальцев руки.

В стороне, у стены, стояла вражеская жрица, наполняя воздух вокруг себя мелкими летающими демонами, полными магии.

Ее вид отвлек Дзирта настолько, что он замедлил движение, чтобы отразить летящее копье, вылетевшее из боковой стены таверны. Он частично отразил удар, но наконечник снаряда больно ударил его сзади в плечо и вдоль лопатки.

Неважно, он должен был добраться до жрицы, которая снова погрузилась в свои заклинания.

Но затем появился наколдованный парящий боевой молот, мощно замахнувшийся ему в голову. . .

Джарлакс стоял плечом к плечу с трактирщицей Азлией вдоль правой стены таверны, лидер наемников использовал свой зачарованный браслет, чтобы каждым плавным движением вызывать в руку один кинжал за другим, вперед для броска и назад для получения следующего снаряда. Поток иссяк на дюжине врагов, которые вышли вперед, представившись простыми посетителями заведения, как, к счастью, заметила Азлия и тихо прошла мимо, когда Джарлакс все еще прятался за стойкой с Киммуриэлем.

Он знал, что не сможет перебить их всех, но он прекрасно справлялся с задачей сдерживать их огнем, пока его воины вступали в бой.

Дверь таверны распахнулась, и Джарлакс сначала ухмыльнулся, но нет, это было не его подкрепление, а демон, большой, с множеством демонов помельче за спиной.

– Время разрядить несколько палочек, – сказала стоявшая рядом с ним женщина, которая слишком хорошо его знала.

Джарлакс вздохнул и сунул руку под плащ.

Гвенвивар открыла путь, прыгнув между Дзиртом и оружием, приняв удар магического боевого молота и издав в ответ хрюкающее рычание.

Дзирт врезался в облако демонических стражей, принимая на себя их укусы, жалящие рога и шлепки по конечностям, получив лишь незначительные повреждения, когда он пролетел сквозь них, чтобы добраться до жрицы.

Однако она пошла первой, выбросив вперед руку и произнеся серию резких заклинаний, и когда эта волна магии ударила Дзирта, он почувствовал себя так, словно столкнулся с дьявольской болезнью нижних планов. Боль пронзила его, замедляя движение, почти опрокинув на колени.

Он знал, чего стоила ему его гордость. Он недооценил эту жрицу, которая, как он теперь понял, должна была быть знатью какого-то дома, верховной жрицей Ллос, ибо это заклинание не было второстепенным двеомером!

К тому времени, когда он добрался до нее, он кашлял мокротой и кровью, и все его атаки казались бессмысленными, как будто какая-то божественная или, в данном случае, демоническая рука отводила точные удары его сабель.

Он нанес один незначительный удар, зацепив жрицу за правый бок, когда она подняла змееголовый бич, чтобы ответить.

Затем он попятился, пытаясь восстановить равновесие, когда те четыре живые змеи на вершине плети зашипели и нанесли удар, две из них обнажили крючковатые клыки, а две другие плюнули ядом в лицо Дзирту.

Он ловко увернулся, хотя и медленно, гадюка оцарапала его предплечье, яд сразу же обжег его, как кислота. Хуже того, брызги слюны попали на него, когда он быстро повернул лицо. Она попала ему в правый глаз, затуманивая, обжигая, ослепляя. Он отступил еще на шаг, чтобы перегруппироваться, заметив, что свободная рука жрицы подрагивает, рана на ее ребрах почти полностью зажила.

Могущественная - это была единственная мысль, которая пришла в голову Дзирту в тот момент.

Они не были гоблинами, напомнил он себе, не были крестьянами или мелкими бойцами. Это были дроу из Мензоберранзана, закаленные в битвах, обученные с рождения, могущественные в своей преданности Королеве Демонической Паутины и более чем готовые к битве.

Позади себя он услышал, как Гвен взревела от боли и ярости. Быстрый взгляд показал ему, что его спутница сражается с троицей воинов-дроу, танцующих вокруг, каждый с парой сверкающих длинных мечей.

Вызванные стражи продолжали кусать его.

Он чувствовал, как болезнь от могущественного заклинания жрицы продолжает терзать его внутренности.

Она подняла свой бич и шагнула вперед, чтобы ударить снова.

Джарлакс не хотел использовать один из своих лучших трюков так рано, пока был здесь, в городе, но это был не мелкий противник! Неповоротливый глабрезу указал верхней из двух пар своих рук в его сторону, угрожающе клацая гигантскими когтями на концах этих конечностей.

Эти мощные и смертоносные конечности все еще были сведены вместе перед грудью огромного демона, когда Джарлакс выстрелил своей палочкой, капля слизи быстро полетела и попала демону прямо в когти, затем откатилась назад и растеклась по монстру. Растекаясь, слизь высыхала, вязкий материал твердел, удерживая демона на месте.

Джарлакс приподнял шляпу перед пойманным зверем и вытащил вторую палочку.

Однако прежде чем он успел прицелиться, с потолка над глабрезу ударил луч яркого света, ярче, чем заклинание света, как будто какой-то заклинатель украл солнечный луч и бросил его вниз.

Демон взвыл от боли при виде сияния луча, но это продолжалось всего несколько мгновений, прежде чем исчезнуть - и унести с собой магическую слизь Джарлакса.

А также принимая во внимание любые мысли о том, что луч дневного света исходил от союзника Бреган Д'Эрт.

Джарлакс редко удивлялся, но его челюсть отвисла. Они знали! Как они узнали?

— Они ожидали... — начал он говорить, поворачиваясь к Азлии, и оборвал фразу от удивления во второй раз, когда длинный и заостренный кинжал женщины полетел ему в горло.

Дзирт погрузился в уроки Магистра Кейна и использовал свой разум, чтобы подавить сигналы своего тела, полностью заблокировать их и сосредоточиться только на настоящем, точном настоящем, и на том, что он должен сделать, чтобы наилучшим образом проложить путь вперед.

Он выпрямился перед жрицей, но затем покачнулся, словно от боли, наклоняясь вправо.

Жрица нанесла удар, ее рука метнулась вперед, четыре ее змеи свернулись кольцами.

И Дзирт появился внезапно, с шокирующей скоростью, его левая рука поднялась перед ним, держа Ледяную Смерть горизонтально, чтобы поднырнуть под змей, его вторая рука широко размахнулась вправо, затем вверх и вокруг.

Гадюки спрятались за поднимающейся Ледяной Смертью, извиваясь и нанося удары, когда лезвие, не причиняя вреда, прошло вверх и влево.

Но опять же, с быстротой, которую не могли предвидеть ни гадюки, ни обладательница плети, Мерцающий подскочил и опустился поверх этих змей, прежде чем они успели полностью вытянуться. Двое остались после этого удара, но головы двух, которые ударили Дзирта, свободно упали на пол.

Дзирт приближался, или начал приближаться, но магическая сила отбросила его на несколько шагов назад.

Он никогда не видел такого заклинания от жрицы и задался вопросом, была ли она чем-то большим - и это предположение подтвердилось, когда он услышал ее шепот, слова волшебным образом доносились до его ушей, едва слышные, удручающе неразборчивые, по-настоящему ужасные.

Он чувствовал, как эти шепотки вонзаются в его сознание, причиняя боль, и он знал, что должен бежать.

Но опытный воин также понял, что именно она сказала ему, что он должен бежать. Он понял, что это был за нелогичный приказ, и увидел самодовольное выражение на лице жрицы.

Уверенная, так сильно уверенная, даже несмотря на то, что половина ее живого хлыста была обезглавлена.

Теперь она сама недооценивала своего противника, а не Дзирт, и, помня об этом, он повернулся и бросился бежать прочь.

Один шаг, два, затем, резко развернувшись, он бросился на нее, когда она снова была в разгаре заклинания.

Он наносил удары слева и справа - и должен был нанести сильный удар дважды, но не сделал этого, ее защита внезапно сработала, чтобы полностью отразить Ледяную смерть, второй оберег украл большую часть укуса Мерцающего.

А тем временем вызванные демонические духи-хранители снова укусили его, в то время как две оставшиеся змеи свернулись кольцами и набросились на него.

– Хватит, – потребовал Дзирт ногой, а не словами. Он откинулся назад, вне досягаемости гадюк, подсунув правую пятку под левую ступню и вытащив правую ступню прямо из своего низкого ботинка. Продолжая движение, он высоко вскинул правую ногу. Одной змее удалось укусить его в голень, но ему было все равно, и он пронзил ее насквозь, прежде чем жрица смогла активировать дополнительные отражающие щиты.

Он ударил ее прямо в лицо, используя жизненную энергию своего ки, чтобы послать ошеломляющую волну через эту ногу. Он понял, что нанес сокрушительный удар, когда трепещущие и полупрозрачные духи-хранители вокруг него исчезли, концентрация ее заклинания рассеялась.

Он бросился вперед, когда жрица упала назад, сильно ударив Ледяной Смертью в живот, пробив ее магическую броню и все оставшиеся обереги, вгрызаясь в ее внутренности.

Его клинок правой руки прошел поперек, чтобы отсечь ее голову от шеи.

Но нет, она произнесла одно слово - единственное проклятие - и исчезла.

Дзирт, спотыкаясь, двинулся вперед. Он балансировал и прыгал вокруг, ища.

Но нет, она не была невидимой, и нигде поблизости ее не было.

Она просто исчезла.

Он знал заклинание отзыва, потому что видел, как Кэтти-Бри использовала его раньше, и даже несколько раз отправлялся с ней на божественную телепортацию. Таким образом, он также знал, что это был двеомер, который могли использовать только самые могущественные жрецы.

Его противница, конечно, была одета в платье, подобающее благородному дому, но на ней не было одежды, которую Дзирт принял бы за одеяние верховной жрицы Ллос. Как мог кто-то не такого ранга выполнять заклинания, которые он видел?

Эта мысль преследовала его. Он хотел отмахнуться от нее просто потому, что женщина была одета неподобающим образом - возможно, она пыталась остаться незамеченной.

Но она была молода, очень молода. Слишком молода, чтобы достичь такого ранга?

Джарлакс поборол свои инстинкты уклониться, когда острие кинжала вошло в его плоть - он решил, что будет более впечатляюще если он просто посмотрит вниз на предательницу Азлию.

Возможно, он напугал ее, возможно, нет, но в любом случае, как и знал Джарлакс, выпад женщины прекратился прямо там, прежде чем лезвие успело вонзиться и нанести какой-либо серьезный ущерб.

Он увидел крайний ужас на лице Азлии, почувствовал легкий укол от ее дрожащей руки с кинжалом и покачал головой одновременно с сочувствием и отвращением, когда эта дрожащая рука чуть убралась, лезвие медленно опускалось.

Джарлакс развернулся назад и запустил еще одним комом слизи в лицо глабрезу, который теперь был очень близко к нему. Затем, зарычав от разочарования из-за того, что ему пришлось использовать так много своих трюков, он послал еще один заряд из своей палочки, на этот раз в ноги неповоротливому демону, пригвоздив его к полу.

Предводитель наемников вздрогнул, услышав сзади отчаянный вопль боли.

Он знал, что Киммуриэль видит глазами Азлии - и что Киммуриэль вонзит свой острый кинжал прямо в один из этих глаз. Она увидит, что это произойдет - и своей собственной рукой! - и не сможет увернуться, повернуться или даже моргнуть.

Джарлакс потянулся за пером в своей шляпе, собираясь принести гигантскую птицу диатриму, но остановился, когда помощники Бреган Д'Эрт спустились из комнаты наверху и легко приземлились по обе стороны от него.

– Ты долго, – заметил Джарлакс.

– Ты дал все три зелья эфирности Д'Фаве, – сказала женщина справа от него, в то время как мужчина слева прыгнул вперед, чтобы нанести удар пойманному глабрезу. – Сначала он использовал одно на себе, а затем, поскольку он стал газообразным, у него не было возможности передать нам два других!

– Нам пришлось прорубать себе путь через потолок, – сказал мужчина, уклоняясь от неловко изогнутого когтя, затем переместился за неуклюжий замах потерявшего равновесие демона и вонзил свой прекрасный меч в грудь глабрезу сбоку. – А снаружи еще большая драка.

Джарлакс снова запустил поток кинжалов, бросая их мимо двух своих приспешников и их дьявольского врага, чтобы поразить меньших демонов, которых глабрезу привел с собой. Он заметил движение слева от себя и увидел, как Дзирт пронесся мимо, кувыркаясь в битве с яростью, которая удивила его самого.

Пока Гвенвивар не появилась позади рейнджера, ее блестящая черная шерсть была разорвана во многих местах клинками дроу.

Джарлакс на мгновение приостановил стрельбу, чтобы посмотреть далеко влево, где сражались Дзирт и Гвен.

Трое дроу лежали мертвыми на полу и столах.

Он оглянулся на Дзирта, затем пронесся сквозь ряды младших демонов. Он подумал о предыдущей схватке, в которой Дзирт настаивал на пощаде. Но не сейчас, даже когда трое были в другом конце комнаты.

Джарлакс не был уверен, что он чувствовал по этому поводу. Его армия, несомненно, была подкреплена смертоносным Дзиртом. Но, к его удивлению, его чувства были уязвлены.

Глабрезу утонул в зеленой жиже, зарубленный соратниками Джарлакса, которые быстро пришли на помощь Дзирту в зачистке таверны.

Снаружи сочащегося Миконида донеслись крики ярости и боли, более масштабная битва развернулась в полную силу. Но состязание было более однобоким, чем здесь, поскольку Бреган Д'Эрт спустилась с крыш и ворвалась из переулков в большем количестве, чем, очевидно, ожидали вражеские силы.

Все закончилось быстро, на самом деле почти закончилось еще до того, как Джарлакс вышел за дверь таверны.

– Гвенвивар ненадолго уйдет, – сказал ему Дзирт, отправляя пантеру в ее астральный дом восстанавливать силы.

– Возьми здесь все под контроль и установи периметр, – сказал ему Джарлакс. – Если еще какие-нибудь враги придут в Браэрин, мы встретим их и повернем обратно.

Дзирт кивнул и двинулся прочь.

Одобрительно кивнув Даб'Ней, которая руководила жрицами, ухаживавшими за ранеными Бреган Д'Эрт, а также сортировавшими раненых врагов, Джарлакс вернулся в таверну.

К своему удивлению, он обнаружил, что Азлия все еще жива, хотя теперь у нее только один глаз.

Киммуриэль присел рядом с ней.

– Я ожидал увидеть кинжал, торчащий у нее из затылка, – сказал Джарлакс.

– Она не хотела предавать нас, – сказал ему псионик. – Я почувствовал ее сожаление, когда овладел ею.

– Хотела она этого или нет, она сделала это, или попыталась, – ответил Джарлакс и протянул руку, чтобы вытереть кровь о воротник своей прекрасной рубашки. – Если бы ты не остановил ее, я был бы мертв, и были бы тогда сожаления, интересно?

– Да, – без колебаний ответил Киммуриэль.

Это снова удивило Джарлакса, и он посмотрел на женщину, требуя объяснений. Она просто сидела там, дрожа и раскачиваясь, и прижимала руку к своему разорванному глазу.

– Она сделала это ради Браелина, – объяснил Киммуриэль.

Джарлакс бросил взгляд на своего друга, пытаясь скрыть замешательство. Едва ли он участвовал в заговоре с целью его убийства?

– Они схватили его, – объяснил Киммуриэль.

– Он у Жиндии?

Киммуриэль кивнул.

– Они публично сделают из него драука, так они обещали Азлии, если только она не убьет кого-нибудь из нас, тебя или меня.

– Тогда мне жаль ее за то, что она выбрала более трудную цель, – съязвил Джарлакс.

– Только потому, что у тебя есть я, присматривающий за тобой, а у меня есть только ты, присматривающий за мной, – ответил Киммуриэль.

– Теперь я потерпела неудачу, и Браелин навсегда потерян для меня, – сказала обезумевшая и раненая Азлия, ее голос дрожал от боли, хотя жрица, очевидно, немного исцелила ее.

– Нет, глупая, – возразил Джарлакс. Он повернулся и уставился на боковую стену таверны, один глаз, выглядывающий из-под повязки, внезапно стал таким напряженным, что казалось, будто он смотрит через весь город на дом Меларн. – Поскольку ты потерпела неудачу, у Браелина есть шанс.

Глава 13
Демоническая ловушка

Закнафейн и Галата быстрым шагом двинулись по коридору. На Галате был прекрасный костюм из серебристых цепочек, но он не издавал ни звука, поскольку был подбит шелком белых пауков и слизью странной рыбы-миксины, разводимой в Каллиде. Время от времени паладин останавливалась и вытягивала свой меч из бело-голубого льда, затем обращалась к нему, или к себе, или, возможно, к обоим, подумал Зак, чтобы вызвать какой-то туман голубоватого цвета, который казался призрачным изображением этого меча.

– Путь свободен, – сказала она, приглашая Зака следовать за ней.

– Меч сказал тебе это?

– Моя богиня сказала мне это.

Зак издал короткий смешок, из-за которого лицо Галаты нахмурилось.

– Блуцидер помогает мне сосредоточиться, – сказала она, и ее тон показал Заку, что она явно обеспокоена его продолжающимися и очевидными сомнениями.

– На своих мыслях? – все равно саркастически спросил он, потому что просто ничего не мог с собой поделать. За долгие годы своей жизни Закнафейн слишком много слышал о богинях. – Тогда, возможно, это и есть источник, да? Твои мысли. Твои чувства. Твои инстинкты.

– Чтобы сосредоточить свои мысли и соединиться с ответами моей богини. Ты не веришь в Эйлистри.

–Я ничего не знаю об…

–Но ты думаешь, что знаешь достаточно, чтобы сказать мне, что я ошибаюсь в своей вере, – перебила Галата.

– Нет, дело не в этом.

– Именно в этом, – сказала Галата. – Тем не менее, я понимаю, и понимаю полностью, потому что не так давно я была такой же потерянной, как Закнафейн.

– Итак, теперь я потерян, потому что не вижу это создание, Эйлистри так же, как ты? И вот я здесь, опасаясь, что мои сомнения оскорбят тебя, когда, знай я о твоем намерении снизойти, я бы попытался оскорбить тебя.

– Снизойти?

– Я едва ли потерян.

– Я не имела в виду...

– Ты именно это и имела в виду.

Несколько мгновений они пристально смотрели друг на друга, на лицах обоих было что-то среднее между возмущением и извинением.

Зак разрядил напряжение, когда начал смеяться, и мгновение спустя Галата присоединилась к нему.

– Я не хотел проявить неуважение, – сказал он.

– Я тоже, – сказала Галата.

– Да, именно так, – сказали они оба в один голос и рассмеялись еще громче.

– Пока твое божественное чувство направления и опасности работает, будь то от какой-нибудь богини, твоего меча или твоей внутренней силы, кто я такой, чтобы судить? – Заметил Зак.

– Справедливо. И если ты будешь хорошо драться, возможно, я оставлю тебя при себе.

Они пошли по коридору, смеясь.

А потом, так внезапно и неожиданно, упали.

– **З**амечательные новости! – Взволнованно сказала Аззудонна. – И это правильно…

– Это не то, о чем мы договаривались, – перебил Весси. Алефаэро, Айида и Адин Дуайн удивленно повернулись к маленькому человечку, в то время как последний на встрече, верховный жрец Авернил, просто нахмурился.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Аззудонна. – Это именно то, о чем мы вчетвером говорили в тот день в Ибилситато.

– Мы четверо, – согласился Весси. – Нас четверо, и даже пятеро, если Нвизи решит присоединиться.

– Это было до того, как мы узнали о намерениях Святейшего Авернила, – сказала Адин Дуайн.

– Мы пойдем в город, против врагов, число которых исчисляется тысячами, – добавила Айида.

– Десятками тысяч, – сказал Авернил.

– Но наши союзники тоже насчитывают такие цифры, – сказал Весси. – Мы должны были выступить в поддержку Галаты и Закнафейна.

– За это, а также за то, чтобы освободить наших сородичей от власти демона, – сказала Айида.

– Что является более важным вопросом, – вставил верховный жрец Авернил, пристально глядя на Весси, не отступая и даже не моргая. – Быть верным своим друзьям важно и почетно, и, несомненно, является положительным качеством в глазах Темной Девы Эйлистри, но…

– Я думаю не о Темной Деве Эйлистри, – огрызнулся Весси в ответ. – Это твое призвание, не мое.

– Но идея освободить десятки тысяч наших сородичей от власти демона-тирана - это высшее призвание, – упрямо закончил Авернил.

– Сородичей? – переспросил Весси. – Мы ничего не знаем об этих удадроу. Нвизи больший родственник любому из Каллидийцев, чем они.

– Даже Закнафейну и Джарлаксу? – спросила Адин Дуайн, глядя на Аззудонну так же, как и она, и привлекая взгляд Весси к его самому близкому другу.

– Нет, конечно, я не говорю о Закнафейне или Джарлаксе, или о ком-либо из трех других прибывших в Каллиду. Но это не входило в наши планы. Мы четверо должны были быстро спуститься по туннелям, чтобы догнать Галату и Закнафейна и поддержать их. Мы четверо! Не Авернил и его сотни.

– Пойдут только пятьдесят или шестьдесят, – вставил священник.

– Только пятьдесят или шестьдесят. Что ж, это совсем другое дело, – последовал ответ Весси, сочащийся сарказмом. – Тогда я уверен, что Временное Собрание не будет возражать против того, что только пятьдесят пять, или шестьдесят шесть, или сколько бы их ни оказалось по окончательным подсчетам, ослушались их и покинули Каллиду ради какой-то отчаянной миссии в Мензоберранзане.

– Пятьдесят пять, или шестьдесят шесть, или каким бы большим ни было их число - это гораздо более могущественная сила, чем горстка, – сказал Авернил.

– И гораздо более *заметная,* – вставил Весси.

– Мы будем далеко, прежде чем они поймут, что мы ушли, – заверил Алефаэро Весси.

– Для волшебника ты действительно слишком часто упускаешь главное. Они узнают, что мы ушли, но даже это сейчас не является главной проблемой. Причина, по которой Временное Собрание сказало «нет» церкви Авернила и Аззудонне, заключалась в том, что они опасаются, что удадроу поймут с появлением такого количества, что другое место, другой город, целый клан дроу пришли присоединиться к борьбе против их демона Ллос. Одна, Галата не представляла бы такой проблемы.

– С ее необычным мечом из прессованного голубого льда? – спросила Аззудонна и напомнила.

– Разве это более необычное оружие, чем у Энтрери? – возразил Весси. – А Джарлакс известен коллекционированием экзотических предметов. Нет, с пятьюдесятью и более из нас, прибывших в Мензоберранзан, мы подвергаем Каллиду риску. Я не могу быть частью этого.

– Я должна уйти, – умоляла Аззудонна своего дорогого друга.

– Я знаю, и я никому не скажу.

– Ты нужен мне рядом. Весси, мы через многое прошли.

– Да, и я уважаю твой выбор, хотя и боюсь, что шансы Бьянкорсо на следующей Каззкальци сильно уменьшатся без тебя. Но я не могу пойти, мой друг. Я не могу. Каллида - мой дом и мое сердце, и я не буду участвовать в этом плане, который так сильно ставит его под угрозу.

– Тогда мы станем просто еще одними членами банды наемников Джарлакса, – сказала Айида. – Бродяг, которых он собирал на поверхности и приводил в свое лоно.

– Это было бы хорошим прикрытием для вас там, внизу, – признал Весси.

– Ради нас, – настаивала Айида, но Весси только покачал головой.

– Галата подчинилась Обету Молчания, – напомнил Весси и пристально посмотрел на Авернила. – Будете ли вы, священники, требовать того же от себя и своей паствы?

Священник несколько мгновений обдумывал это, затем покачал головой. «Нет».

Весси усмехнулся.

– Мы пойдем, если это удовлетворит твою... – начала Айида, но Весси отмахнулся от этой идеи.

– Я не могу пойти ни в том, ни в другом случае. Я не могу так поступить с моей любимой Каллидой. Он поцеловал Аззудонну в щеку, затем в лоб, затем поклонился остальным и покинул маленький домик, где они собрались.

В Каллиде внезапно стало совсем одиноко из-за Элвинесси из Бьянкорсо.

Опустившись примерно на двадцать футов, они тяжело приземлились. Заку удалось подвернуть ноги, чтобы немедленно перекатиться и заскользить, поскольку пол, на который он приземлился, был наклонным и опускался перед ним. Однако Галата рухнула менее грациозно, соскользнув в сторону и ударившись бедром и локтем, затем головой с меньшей силой. Она булькнула, затем застонала, схватилась за бедро и крепко прижала руку к боку.

К тому времени, когда Зак смог прийти в себя настолько, чтобы встать - и то с сильно подвернутой лодыжкой - паладин уже тихо напевала. Зак подошел к ней и опустился рядом, немедленно вытирая капельку крови,

которая стекала по ее виску из-под полей серебристого шлема. Хуже того, спереди и сбоку на ее коричневых брюках тоже виднелась кровь, и ее было много.

Ее глаза, казалось, не могли сфокусироваться, и ее заклинание - заклинание исцеления, как предположил Зак - исчезло в никуда.

– Останься со мной, – прошептал он ей и схватился за ее пояс, думая показать рану там и остановить кровотечение.

Но рука Галаты легла на это бедро, и она прошептала имя Эйлистри.

Зак наблюдал, как бедро женщины мерцает, как вода в пруду под легким ветерком, и он услышал, как дыхание Галаты стало легче.

Она поднесла руку к голове, сняла шлем и продолжала посылать эти волны исцеления до тех пор, пока эта рана тоже не затянулась.

Затем она расслабилась и посмотрела на Зака.

– Ауч, – тихо сказала она.

Он помог ей сесть.

– Твоя богиня даровала тебе исцеление без применения заклинания? – прошептал Зак.

– Что такое заклинание, как не молитва? Я - паладин Эйлистри. Когда я больше всего буду нуждаться в ней, она будет рядом со мной. И все же ты сомневаешься.

– Дзирт может залечить свои раны точно так же, и никакой бог здесь ни при чем, – ответил упрямый воин, все еще понизив голос.

– Ты всю свою жизнь был свидетелем божественной магии и все же сомневаешься, – сказала паладин, покачав головой.

– Самая могущественная магия, свидетелем которой я был, принадлежит Громфу Бэнру, и я никогда не встречал никого, кто был бы менее полезен богам, чем он. Или, возможно, Киммуриэля Облодры, который презирает все представления о вмешательстве высших существ.

– Я, со своей стороны, рада такому назойливому существу, – сказала она, указывая на свои зажившие раны.

Ничего не сказав на это, он помог Галате подняться на ноги, и они оба оглянулись на стену, через которую каким-то образом прошли. Двери видно не было.

– Ловушка, – предположил Зак.

Но Галата покачала головой.

– Мое предсказание показало бы мне это. Когда я в последний раз спрашивала богиню о добре или горе о нашем пути, ответ не указывал на такие опасности, как эта. Как бы ты ни верил, что я получаю свою магию, этого не может быть.

– Если только ловушка не была установлена там после того, как ты произнесла свое заклинание, – сказал Зак.

– Что означает, что в туннелях наверху есть враги. Мы должны вернуться наверх и найти их!

– Но как? И где мы сейчас? – спросил Зак, оборачиваясь. Он подтолкнул локтем Галату, которая подняла свой меч, от которого теперь исходил не голубой туман, а красный.

– Враги, – сказала она.

Зак кивнул и попытался более детально рассмотреть большую камеру, потолок которой был усеян сталактитами, а пол - тонкими, сужающимися кверху холмиками сталагмитов. В воздухе висел запах смерти - не так, как если бы это была гниющая свежая добыча, а скорее, как если бы это место было просто слишком переполнено убийствами, чтобы когда-либо избавиться от вони.

– Держись поближе, – прошептала Галата, и Зак был впечатлен тем, как быстро и полностью она оправилась от падения. Возможно, она, или, может быть, Дзирт, что-то поняли в этих дополнительных упражнениях, подумал он, особенно когда проверил свою лодыжку.

Они вошли в зал, миновали каменные колонны, стоявшие безмолвными часовыми, словно ободранные скелеты какого-то давно умершего бегемота. В какой-то момент Зак наткнулся на груду внутренностей у основания сталагмита.

Галата кивнула, когда он указал на это.

Это было место смерти.

Зак остановился и поднял руку. Что-то шевельнулось в темноте справа. Он указал в ту сторону, он и Галата укрылись за двумя колоннами, а Зак был на самом краю света, исходящего от Блуцидера, и еще не призывал свой собственный излучающий свет клинок.

Они быстро появились в поле зрения Галаты, банда зомби и скелетов всех мастей: люди, эльфы, гномы, даже пара скелетообразных минотавров, их массивные рога казались еще более впечатляющими на голом черепе.

Галата встретила первую атаку размашистым ударом двумя руками, раздробив скелет и аккуратно разрезав зомби пополам. Однако ей пришлось немедленно перейти к захвату одной рукой, подняв щит, чтобы отразить атаку скелетообразного минотавра. Она приняла удар на себя и отлетела назад, но удержала равновесие, когда ударилась о каменистый холм, а минотавр оказался совсем рядом.

Зак выскочил из своего укрытия, призывая хлыст и щелкая им раз, два, три, разрывая ближайших монстров, включая второго минотавра.

Он снова щелкнул хлыстом, прочертив огненную линию на черепе минотавра, когда тот повернулся.

Зомби бросился справа, цепляясь за вытянутую руку Зака, но он небрежно направил свой меньший меч поперек и под эту вытянутую руку, под углом вверх, чтобы нанести удар зомби прямо в его открытую пасть.

Он вывернул руку и внезапно дернулся, чтобы снести верхнюю половину головы немертвой твари, когда он промчался мимо нее, двигаясь позади группы монстров, которые повернулись, когда он проходил мимо - и поставили их между ним и разъяренным зверем - минотавром.

Его атака едва ослабла, когда он пронесся сквозь своих предполагаемых союзников, разбрасывая во все стороны сломанные кости и раздробленных зомби и скелетов. Опустив голову, он устремился на Зака, который отозвал свой хлыст света, снова превратив Солардис в сияющий меч, когда он упал плашмя на пол, перекатываясь и поворачиваясь точно в нужный момент, чтобы это мощное оружие рассекло лодыжки гигантского скелета, и он был удивлен и поразился тому, как легко Солардис укусил немертвого монстра, отрубив ему обе лодыжки одним ударом.

Зака все равно сбили, но минотавру досталось больше всего, он тяжело ударился об пол и следующий сталагмит в очереди, а Зак вскочил и бросился прямо за ним, ударив его дюжину раз, прежде чем тот смог развернуться, чтобы дать отпор, и к тому моменту это уже мало походило на минотавра, скорее на груду сломанных костей.

Зак обошел его, на этот раз подальше от других монстров, стараясь держать всех перед собой, а также стараясь следить за Галатой. Он ахнул, когда увидел ее, потому что минотавр врезался в колонну, на которой стояла паладин. Он вздохнул с облегчением, когда увидел, как Блуцидер пробил заднюю часть черепа этого монстра, прекрасно выполненный апперкот.

Мастер оружия принялся за работу над минотавром, стоящим перед ним, ведя своим ледяным мечом и выжидая момента наилучшего раскрытия, чтобы послать Солардис в атаку, мощный клинок, его сияние жаждало поглотить нежить, с каждым ударом отрывая огромные куски от бьющегося монстра.

Они отлично вели бой, думал он.

Пока он не увидел гигантское глазное яблоко, висящее в воздухе на дальнем крае свечения Блуцидера.

– Галата! – позвал он.

Два сгустка черной энергии вылетели из глаза, один в Зака, другой в Галату, которая все еще была прижата к сталагмиту и не могла увернуться.

Зак действительно нырнул в сторону, но все равно получил ранение и почувствовал, как из него высасывают саму жизненную силу, как будто холодные челюсти самой смерти вошли в его тело и начали жевать.

Он вынырнул из этого ощущения, чтобы увидеть, как плавающее глазное яблоко мигнуло и исчезло, и с ревом бросился на своих врагов, полный решимости добраться до своего товарища, которая, по-видимому, получила некротический луч в полную силу.

Галата почувствовала, как холодная энергия впивается в нее. Она оттолкнула в сторону уничтоженного минотавра и взмахнула мечом, чтобы отогнать монстров, затем наложила на себя быстрое заклинание исцеления.

И ничего не почувствовала. Что-то, вероятно, тот луч темной энергии, мешало ей исцелиться.

Сбитая с толку, но не имея времени разобраться в этом, паладин начала бешено размахивать Блуцидером, а затем колотить щитом все, что подходило к ней слишком близко. Понимая, что с Заком все в порядке, и даже прикончив группу, которая шла за ним, она сражалась в обороне, нанесла несколько ударов, но ни разу не уступила.

Она кивнула, видя, как Зак снова превратил Солардис в хлыст, размахивая им взад-вперед горизонтально перед собой и разбивая лица у трех зомби, которые попадали один за другим, как срубленные деревья, наконец-то сдаваясь земле.

Она верила, что они победят.

А затем стена схватила ее, щупальца выросли со всех сторон сталагмита, обхватили ее руки, вытащили щит из-под нее, ослабив ее замах, так что Блуцидер почти не причинил вреда приближающимся к ней демонам!

Костлявый палец скелета провел по ее лицу. Зомби укусил ее за предплечье руки, не защищенной больше щитом, злобно ущипнув ее под кольчугой.

– Нет! – Святая Галата сказала это в чистом отрицании, и с ревом бросилась вперед, разрывая и дергая, освобождая руку с мечом, затем ударила своим святым клинком по плечу жующего зомби, почти обезглавив его и бросив уничтоженным на пол.

Она нанесла удар слева, сразив пару скелетов, а затем рядом оказался Зак, с такой же яростью прореживая ряды сзади.

– Нет! – Закричала Галата и, вырвавшись из цепких щупалец, шатаясь, двинулась вперед, ударив щитом следующего зомби с такой силой, что подбросила его в воздух и повалила на землю.

Она начала продвигаться вперед, затем остановилась, так внезапно осознав все это, логово этого адского зверя, когда из-за ближайшей колонны появился гигантский странный череп, его зубастая костяная пасть широко раскрылась, огромный единственный глаз уставился на нее с явной злобой.

Крошечные огоньки плавали вокруг его головы — огоньки, как она поняла, которые раньше были глазами на концах мясистых глазных стебельков, давно сгнивших дотла.

– Держись поближе, – сказала она Закнафейну. Она подбежала к зомби, которого атаковала щитом, и вырубила его, когда он попытался встать.

Один из огней, плавающих вокруг этого скелетообразного существа, выпустил пару пурпурных лучей, которые ударили по дроу.

Зак почувствовал, как твердеет его кожа, ему показалось, что он превращается в камень!

Но он почувствовал тепло присутствия Галаты и туман Блуцидера, мерцающий вокруг его кожи, побеждая атаку.

– Расчисти мне путь! – Закричала Галата, и Зак достал свой хлыст и начал прокладывать линии в плоскости огня, когда он полосовал по лицам зомби и черепам скелетов, разрывая их на части с дикой самозабвенностью.

Бесстрашно Галата атаковала парящего в воздухе монстра с глазами нежити, держа Блуцидер обеими руками, взывая к мечу, придавая мечу силу с каждым шагом.

Еще один луч вырвался из другого крошечного шара, плавающего вокруг черепа, на этот раз прочертив желтую линию.

Зак почувствовал, как его подняли и отбросили назад.

Галата тоже приняла удар, но прошла сквозь него, зарычав, решительно шагнув вперед.

– Я... – взревела она, – поражу... тебя!

Ее удар сверху встретил попытку укуса парящего монстра, сине-белое лезвие яростно загудело от мощи, и она обрушила его со всей своей силой и со всей святой мощью, на которую была способна.

Меч ударил, воздух вокруг нее и ее цели внезапно засветился синим. Плавающий череп был сбит, лезвие оставило большую трещину над огромным центральным глазом до самой макушки.

Но монстр был далек от смерти и сильно укусил паладина в живот, заставив ее изогнуться от боли.

Ворвался Зак с клинками в руках, кружась в яростной атаке, дико нанося удары, чтобы отбросить чудовище назад; затем, когда оно отплыло за пределы его досягаемости, Зак еще раз взмахнул хлыстом Солардиса и хлестко ударил им над черепом, по плавающим крошечным огонькам.

В ответ появился не один, а целых три луча, каждый из которых разделился, чтобы поразить Зака и Галату.

Первый заставил его почувствовать тяжесть, как будто его конечности были обернуты толстым металлом.

Второй заставил его понять, что он не может победить и должен спасаться бегством.

Третий показал ему правду о мире, что настоящим монстром здесь была Галата, и поэтому он должен нанести ей удар!

Но он смотрел на нее, купающуюся в святом свете, безмятежную и в то же время сосредоточенную на ее усилиях противостоять лучам, тем же лучам, которые поразили его. Ее красота - не физическая, а нравственная - утешила его, показала ему истинность попытки очарования, показала ему, что он не может бояться, и позволила ему сбросить магический груз, который теперь замедлял его движения.

Он оказался на звере в мгновение ока, убрав хлыст, Солардис вернулся к своей форме меча. Зак вонзил его прямо в центральный глаз, и пока он там застрял, Галата снова ударила Блуцидером по нему, расширяя трещину.

И затем снова, когда глаза снова выпустили три луча.

Первый заставил Зака и Галату отлететь назад, как будто огромная невидимая рука только что оторвала их от ног и отбросила прочь.

Вторая ударила их в полете, та же иссушающая энергия, которую Зак почувствовал вначале, пожирала его жизненную силу, призывая его в царство смерти.

Они приземлились и тяжело покатились по полу, примерно в двух десятках футов от черепа, когда вспыхнул третий луч, желтоватая молния, поразившая Зака и Галату, а также зомби, который упрямо поднимался с пола между ними и глазом.

Зак нырнул в сторону и почувствовал, как по его телу пробежала странная пульсация, и его глаза расширились от ужаса, когда вся фигура зомби внезапно затрепетала, как будто это был спальный мешок, подвешенный на веревке для стирки на сильном ветру.

Оно снова странно захлопало, а затем просто исчезло, превратившись в ничто.

Зак повернулся к Галате, которая все еще была там, тоже таращась на демонстрацию ужасной силы.

И затем все, что он увидел на ее лице, была решимость, и она попыталась подняться с пола и снова броситься на монстра.

Но ни она, ни Зак не могли, потому что тот первый луч остался, удерживая их, как магические цепи.

Зак боролся с притяжением, но приготовился к новым лучам, которые, несомненно, приближались к нему.

Но нет.

Они с Галатой действительно ранили этого монстра, и это явно не было глупостью. Он поплыл прочь от них, и связующий луч исчез, но вместо него внезапно появился живой пол, со щупальцами и глазными стебельками, растущими повсюду вокруг того места, где лежали Зак и Галата, сбивая их с толку и затрудняя передвижение.

Галата положила Блуцидер горизонтально перед собой и оглянулась на участок стены, где они с Заком упали в пещеру. Она прошептала что-то мечу, затем направила его, как какой-то гадальный жезл.

– Там, – сказала она Заку. – Дверь, волшебные врата. Вперед!

Зак направился к стене, на которую, казалось, можно было взобраться, но он остановился, когда добрался до ее основания, заметив, что Галата встала примерно в трех шагах от стены, повернулась и теперь повторяла несколько раз: «Даруй мне это, Темная Дева. Я пришла, чтобы вести твою битву рядом с тобой. Не дай мне умереть так далеко от моей судьбы».

– Давай! – позвал он ее.

Она проигнорировала его и продолжала молитву.

Зак направился к ней, но остановился. Она заслужила его доверие. Он не знал, что она задумала, но она явно не могла остановиться сейчас, чтобы объяснить.

Он начал подниматься по каменистой и неровной стене, тщательно выбирая путь. Примерно на трех четвертях пути к указанному месту, примерно в пятнадцати футах от пола, он оглянулся и шепотом позвал свою спутницу, потому что увидел, что массивный плавающий череп возвращается, и он был не один, ведя за собой еще одно войско немертвых монстров.

Галата медленно попятилась к стене, продолжая петь.

Ведущие зомби и скелеты рассыпались веером из стороны в сторону, окружая ее с флангов и предотвращая любые попытки к бегству. Группа с плавающим черепом-нежитью, включая три скелета минотавров, поспешила за паладином.

В тридцати футах от него глаз испустил еще один луч, но только в Галату, как будто он не заметил Зака на стене.

Женщина стояла совершенно неподвижно и перестала петь, и Зак испугался, что она была удержана магией и беспомощна.

Он медленно вытащил рукоять Солардиса из-за пояса. Он верил, что у него будет один шанс, один удар, чтобы покончить с этим, или он увидит, как его товарища жестоко убьют.

Глаз и его спутники были в двадцати футах от него.

– Давай, – прошептал Зак себе под нос, готовый к прыжку.

Монстры сбоку жадно набросились на нее. Глаз был ближе всего, всего в десяти футах от нее, его зубастая пасть широко раскрылась.

Зак задержался на один удар сердца дольше.

Галата этого не сделала, тыча пальцем вперед и в пол, создавая пятно света под парящим черепом, которое немедленно вырвалось наружу и вверх, создавая двадцатифутовый цилиндр как в диаметре, так и в высоту из мерцающей, светящейся магии, которая показалась Заку очень похожей на веселых танцоров ее родины и зимнее небо.

Плавающий череп и его ближайшее окружение были в нем, но нежить с боков и позади черепа подбежала и врезалась в него, как будто это был не просто свет, а осязаемый барьер. Они не могли проникнуть в область света!

Челюсть Зака отвисла, и на мгновение он почти совсем забыл о драке, осознав опасность только тогда, когда глаз продолжал приближаться. Он повернулся, чтобы прыгнуть, но снова вперед выступила Галата, крича: «Эйлистри! Блуцидер!» и выставила перед собой свое священное оружие.

И все вокруг залилось сияющим светом, немертвые монстры внезапно пошатнулись.

Все, кроме парящего черепа, который продолжал стрелять в нее лучами, жаля ее, лишая жизненной силы, ударяя ее спиной о стену.

Из стены выросли щупальца, чтобы схватить ее.

Пасть широко раскрылась и устремилась на нее, и, наконец, Зак обрушился сверху, крепко сжимая обеими руками рукоять Солардиса, вгоняя клинок прямо вниз со всей своей силой и всей своей инерцией в парящий череп.

Он тяжело отскочил на пол, шатающийся и ошеломленный, и был потрясен, увидев, что глаз все еще там, все еще плавает, все еще живой или немертвый, все еще одушевленный, что было главным, что его беспокоило. И как сильно раненный, он был вынужден вытащить свой второй клинок, потому что минотавр бросился на него, и ему некуда было бежать.

Галата вырвалась из щупалец, взывая к своей богине, и вонзила в глаз Блуцидер, наделенный божественной силой и потрескивающий энергией. Святой меч ударил и сверкнул, и череп отшатнулся от очевидной боли, струящиеся огни, похожие на светящийся ихор, хлынули из его огромного центрального глаза.

Галата потянула Блуцидер назад и освободила границы своего заклинания света, создав вокруг взрыв лучистой энергии, яркой и ослепляющей.

Зак вскрикнул и прикрыл глаза.

К нему все еще не вернулось зрение, когда он услышал крик Галаты: «Я... изгоняю тебя!»

Он действительно видел удар, действительно видел, как плавающий череп просто исчез под ним, а Солардис, который остался застрявшим в кости после удара Зака сверху, теперь свободно упал на пол. Когда его глаза привыкли, он также увидел тлеющие груды зомби и скелетов, меньшие из них были уничтожены, три минотавра все еще стояли, но дымились так, словно сами их существа таяли.

Тот, что надвигался на него, остановился как вкопанный, и поэтому Зак наносил удары снова и снова, отбрасывая его назад сокрушительными ударами по черепу. Он пробежал мимо него и подобрал Солардис, затем впал в неистовство, игнорируя боль от падения и пожирающие жизнь лучи негативной энергии. Оставшиеся два скелетообразных монстра, тяжело раненные ошеломляющей вспышкой сияния, продержались всего пару ударов сердца под шквалом Закнафейна.

Он прикончил последнего и, пошатываясь, вернулся к Галате, которая стояла, тяжело дыша, как будто отдала все, что могла, и даже больше.

– Что ты сделала?

– Кое-что, чего я никогда раньше не делала, – призналась она и покачала головой, словно выходя из транса. – Ты все еще не веришь?

– В богиню? Да! – сказал он. – Но я верю в Галату.

Улыбаясь, она снова покачала головой в ответ на его упрямство.

– Куда делась штука с черепом? – спросил он, оглядываясь по сторонам. – Немертвый бехолдер?

– Изгнан на свой родной план существования.

– Тогда нам нужно исследовать логово, – сказал Зак, проявляя некоторый энтузиазм. – Какие сокровища...

– Изгнан, если это не его родной план, – вмешалась Галата, резко остановив его.

– А если это его дом?

– То он скоро вернется. – Она жалобно посмотрела на Зака. – У меня осталось мало заклинаний на сегодня.

По правде говоря, у Зака тоже было немного. Он вытащил из-за пояса тонкий шнур и дал ей один, а затем со всей скорости полез вверх по стене. Галата начала карабкаться позади него, хотя и гораздо медленнее, находя опору для рук или ног, затем ей потребовалось некоторое время, чтобы удержаться на месте, и очень неуверенно, пока Зак натягивал веревку между ними.

Он немного пошарил вокруг, ища, где кончается камень и начинается иллюзия, и, наконец, постучал по месту, которого там не было.

Он нашел дверь и провалился сквозь магическое отверстие на пол коридора, по которому они шли. Он просунул голову обратно в логово немертвого бехолдера, поскольку именно им, по его мнению, был плавающий череп, и начал тянуть изо всех сил, чтобы помочь Галате подняться.

Она была почти рядом с ним, когда череп появился снова, прямо там, откуда она его изгнала.

Зак наклонился и схватил Галату за плечо, поднимая ее, дергая изо всех сил.

Глаз посмотрел на них с чистой злобой.

Он втащил Галату внутрь и толкнул ее плашмя на пол, затем откатился в сторону, и как раз вовремя, когда белый луч пронесся сквозь пространственное отверстие, под углом вверх, и там, где он ударил в потолок коридора, камень просто распался, оставив в камне наклонную шахту глубиной в десять футов.

– Мы должны убить его, – сказал Зак, но Галата покачала головой.

Зак подполз к невидимому порталу и просунул голову внутрь всего на мгновение, чтобы убедиться, что монстр все еще там.

Все еще на животе, он попятился. – Мы не можем оставить его здесь ради тех, кто идет за нами, или ради возвращения наших друзей.

Голос Галаты слабел с каждым словом, ее глаза закатывались в глазницах, когда сознание покидало ее.

– Зак, я не могу.

Он не просил ее об этом.

– Закнафейн! – слабо позвала она, когда мастер оружия поднялся на ноги и бросился в атаку, снова обеими руками берясь за рукоять Солардиса.

Он прыгнул через портал обратно в логово другого измерения, слепо надеясь, что монстр не пошевелился.

Часть 3

Встреча Героев

***И**з всех черт, которые я нахожу важными в тех, кем я себя окружаю, для меня важнее всего ценность слова этого человека. Без этого нет доверия. Без доверия нет шансов на какие-либо настоящие отношения. Люди, которые знают меня и видят, что я дружу с Джарлаксом, могут задаться вопросом об этом, но правда Джарлакса в том, что у него есть честь, что он не стал бы принуждать, лгать или жульничать по любому важному вопросу. Он игрок и чаще всего будет нарушать правила в своих интересах, но он не злонамеренный человек и не стал бы лгать своим друзьям, если бы знал, что это причинит вред.*

Возьмем его влияние на Артемиса Энтрери: его невозможно преуменьшить. Энтрери обладал многими из тех же качеств, хотя они были похоронены под сильной болью и неумолимым гневом, в основном ненавистью к самому себе. У него была честь, но только в том смысле, в котором она позволяла ему причинять боль другим.

Джарлакс уговорил его выйти из этого состояния.

Итак, когда эти двое, а также Киммуриэль - дали мне слово, я понял, что могу доверять этому слову.

Много раз я слышал, как кого-то называли блестящим тактиком в бою, в дебатах или в торговле, будь то армии, оружие, товары или слухи, только для того, чтобы увидеть этого человека вблизи, а затем покачать головой и смиренно вздохнуть - вздох, который когда-то вызвал бы отвращение, но теперь я знаю: это реакция на что-то настолько обычное, что я не могу сдержать этого глубокого разочарования. Ибо, когда я вижу действие их слов и тактики, то вижу не блеск, а на самом деле не что иное, как безнравственность. Ибо слишком часто у этих очень влиятельных личностей их истинный дар оказывается проклятием: они просто не ограничены порядочностью, а их безжалостность, которую так часто восхваляют, идет во вред им самим и, самое главное, тем, кто их окружает.

Они нечестны сверх ожиданий тех, кого они обманывают.

Заставить население встать у вас на пути, солгав им, не блестяще. Великие ораторы играют с аудиторией, основываясь на своих

предрасположенных убеждениях — или, что еще хуже, страхах, — давая обещания, которые, как они знают, они не смогут сдержать, - это не признак гениальности или интеллекта. Нет, это просто явный признак отсутствия этики и характера.

Жульничество в физическом соревновании, как я наиболее болезненно усвоил за годы учебы в академии, не делает тебя лучшим фехтовальщиком — на самом деле результат может оказаться совершенно противоположным.

Продажа кому-то чудодейственного средства или уговоры на сделку, целью которой является простое получение чужого золота, не делают вас титаном бизнеса ни в одной моральной вселенной. К сожалению, однако, говоря простыми практическими терминами, часто именно это и делает человек, который извлекает выгоду, жертвуя своим характером и причиняя боль другим в обмен, почти всегда, на излишества.

Это тоже битва за Мензоберранзан, война за содружество и душу моего народа. Ллос - это ложь, и Ллос - это ужас, ничего больше. Но эти непристойные черты характера привели ее к неоспоримой власти в домах Мензоберранзана, и лишить ее этой власти вполне может оказаться невозможным.

Тем не менее, это попытка, которую большинство из нас стало воспринимать как стоящую борьбы и, возможно, неизбежных жертв. Это битва за то, что правильно, война, которая найдет отклик у всех, кто ее переживет, и у их детей и потомков, которые придут после.

Нам не нужно побеждать и уничтожать Ллос, чтобы открыть больше глаз на правду. Потому что, если мы сможем это сделать, тогда они увидят.

Итак, посмотрим.

—Дзирт До'Урден

Глава 14
Два пути к ответственности

Выглянув из окна своего балкона, Кэтти-Бри не могла не быть очарована. После того, как выпал свежий снег, Пайкел и Айвен Валунноплечие приехали навестить Поместье Плюща, а точнее, они приехали к Бри. Сейчас они втроем были снаружи, на холме, где Айвен с помощью своих инструментов для кладки помогал Пайкелу рассчитать и вылепить подходящие бортики для длинной ледяной горки, которую они строили**.**

Кэтти-Бри улыбнулась шире, когда Пайкел взмахнул своей новой рукой, совершенно белой и, казалось, сделанной из прессованного льда, чтобы создать поток воды над трассой, а затем побежал рядом с ней, а Бри скакала позади и падала лицом в снег на каждом третьем шаге. Пайкел тянул эту новую руку, подарок Кадижа, на протяжении всего пути, замораживая воду внизу своей ледяной магией.

Все это было так просто, так великолепно сыграно, что это только и могло быть выражено словом «игра». Что бы ни представляла собой нынешняя тьма, Кэтти-Бри верила, что ее маленькую любовь будет окружать так много хороших людей.

Но тьма была там, витала вокруг нее. Прошлой ночью ее посещали сны, зловещие и предвещающие беду и, казалось, такие окончательные в своем ужасном исходе. Она боялась, что Дзирт снова столкнется с Ллос, и ее не будет рядом с ним.

Она чувствовала сердцем, что ей предстоит сыграть определенную роль в этой битве, и она не выполнит ее.

У Дзирта не было бы шанса.

«Это был всего лишь сон», прошептала она, пытаясь стряхнуть окутавшие ее черные крылья.

Она глубоко вздохнула, сосредоточившись на событиях снаружи и задаваясь вопросом, почему она просто стояла здесь и позволяла дворфам развлекаться с ее маленькой Бри.

Быстрое заклинание, защищающее от холода, и она прошла через балконные двери, перелезла через перила, применив еще одно заклинание,

которое позволило ей спуститься по склону холма, как перышку на осеннем ветру.

Она приземлилась как раз вовремя, чтобы увидеть, как Пайкел и Бри катятся вниз по ледяной горке.

– Эй, для вас двоих борта слишком малы! – Айвен предупреждающе закричал с противоположной стороны горки, и, конечно же, дворф и малышка взлетели высоко на следующем повороте - слишком высоко над бортиком - и полетели в сугроб.

Радостные вопли Бри превратились в крики страха.

– Пайкел! – крикнула Кэтти-Бри, сбегая вниз.

– Хе-хе-хе, – хихикнул дворф, глядя на ребенка, который был весь в снегу. «Снежная девочка, Бвиз». Дворф щелкнул пальцами своей волшебной белой руки, и порыв теплого ветра пронесся над Бри, сдув снег и превратив ее испуганные вопли в судорожный вздох, который, очевидно, успокоил ее настолько, что она поняла, что ей совсем не больно.

– Хе-хе-хе, – рассмеялся Пайкел.

– Хе-хе-хе, – эхом отозвалась Бри, и все ее лицо снова расплылось в улыбке.

– Тебе нужно добавить еще пару футов и выступающий изгиб, если вы собираетесь спускаться вместе, болван, – проревел Айвен, подходя.

– Не слишком ли дерзко, Пайкел? – спросила Кэтти-Бри, двигаясь рядом с ними. – Может быть, сделать не такой крутой склон?

– Хе-хе-хе, – хором сказали дворф и малыш, и Бри добавила, вызывающе глядя прямо на Кэтти-Бри: «Нет!»

– Бри, – сказала Кэтти-бри своим лучшим материнским голосом.

Малышка отвел взгляд.

– Бри, – повторила Кэтти-бри, не дождавшись ответа. – «Бри. Бри!»

– Нет! – сказала малышка.

– Бвиз, – позвал Пайкел, и маленькая девочка обернулась, широко улыбаясь.

– Бвиз? – Спросила Кэтти-бри.

– Бризи! – настаивала Бри.

– Бри?

– Нет, Бризи! Не Бри!

Кэтти-Бри начала отвечать, но остановилась на середине исправления, на середине объяснения. В чем был смысл? Некоторые сражения не стоили того, чтобы в них участвовать.

– Бризи, – сказала она вместо этого, и маленькая девочка просияла, а Пайкел издал еще одно «хе-хе-хе».

– Ты так и будешь стоять, пропуская все веселье, или пойдешь прокатишься? – спросил Айвен у Кэтти-бри.

Кэтти-бри задумалась всего на мгновение, прежде чем объявить: «Я собираюсь прокатиться».

Так она и сделала. А потом еще раз. И снова, с Бри. И еще один с Айвеном, ведущим всех четверых в цепочке, в которой Кэтти-Бри была последней, огибая повороты и почти, почти переваливая через насыпь на повороте.

Это были те самые моменты счастья, поняла Кэтти-Бри, и это было напоминанием, а не прозрением.

Эта простая маленькая игра была тем, что делало жизнь стоящей того. Не золото Бренора или сеть Джарлакса, и не какое-то приключение или война - это была счастливая роскошь и болезненная необходимость - но это, эта простая, детская, радостная игра, было тем, что действительно стоило того для Кэтти-Бри. Потому что это была любовь, это была дружба, это была семья.

Пусть не идеальные, потому что Дзирта здесь не было, но моменты, подобные этому, были совершенством, которого они надеялись достичь.

То, за что Дзирт буквально боролся, чтобы заполучить их - кульминация путешествия, которое последовало за ним из Мензоберранзана почти два столетия назад - и Кэтти-Бри не было с ним.

Она была окружена смехом, любовью и светом.

Но мрак не рассеялся.

– Это будет славное путешествие, – сказала Магистр Саван двум женщинам, которых она пришла навестить в Поместье Плюща в Длинной Седловине. – Ильнезара прибудет утром, и твоя дорогая Бри насладится миром, широко открывшимся перед ней, летая в сезон, который она еще не видела с такой высоты.

– Бризи, – сказала Кэтти-Бри.

– Да, верно. Сестры-драконицы действительно любят летать высоко, где дуют сильные ветры. Не бойся, у нас есть седла с привязями...

Она остановилась, заметив, что Кэтти-Бри улыбается.

– О чем ты? – спросила Саван. – Там, наверху, действительно дуют сильные ветры.

– Я думаю, она имеет в виду это имя, – заметила Пенелопа, хотя, казалось, она была не менее озадачена тем, что Кэтти-Бри нашла таким забавным.

– Имя?

– Моя дочь, – сказала Кэтти-Бри. – Она решила больше не отзываться на Бри. Мы должны называть ее Бризи. По крайней мере, в семейном кругу, хотя я подозреваю, что отказ не будет стоить вам - ни одному из вас - труда.

– Она упрямая, – согласилась Пенелопа.

– Упрямая? – Саванна немного помолчала, обдумывая это, затем одобрительно кивнула.

– То, что делает дядя Пайкел, только с ним и с ней, это потрясающе.

Все трое рассмеялись над этим.

– Ладно, – согласилась Саван. – Очень хорошо, тогда пусть будет Бризи, и твоя маленькая Бризи совершит славную поездку со мной обратно в монастырь Желтой розы, если ты согласна.

– Я не уверена, что понимаю, – сказала Кэтти-Бри, вызвав удивленные взгляды как Магистра Саван, так и Пенелопы.

– Она будет в полной безопасности, я уверяю...

– Конечно, она будет, – немедленно ответила Кэтти-Бри, ее тон и выражение лица ясно давали понять, что у нее нет ничего, кроме доверия к монахам. – Просто это сложно…

– Что ты скучаешь по Дзирту и чувствуешь вину за то, что позволила ему уйти во тьму без тебя, – вставила Пенелопа.

Кэтти-Бри бросила на нее сердитый взгляд, подтверждая, что волшебница Гарпелл была права.

– Потому что ты должна быть там с ним, – настаивала Пенелопа, и на лице Кэтти-Бри появилось удивление.

– Насколько я понимаю, причина, по которой ты вернулась к этой жизни несколько лет назад, заключалась именно в том, чтобы вести эту битву бок о бок с Дзиртом До'Урденом, – добавила Саван.

– Я вернулась, чтобы сразиться с аватарой Ллос на службе моей богини Миликки, – ответила Кэтти-Бри. – И я так и сделала.

– Это не часть той же битвы? – спросила Пенелопа.

– Я не знаю, но все изменилось.

– Из-за твоего ребенка, – сказала Саван.

– Конечно, и потому, что мои отношения с Миликки, и более того, отношения Дзирта с Миликки изменились.

– Из-за ребенка, – заявила Пенелопа.

– Бризи, – сказала Саван с обезоруживающей улыбкой, снижая напряжение в комнате.

– Конечно, это так, – признала Кэтти-бри.

– Но не из-за ее безопасности, – заявила Саван.

– И не для ее обучения, – добавила Пенелопа.

– Ты боишься, что она тебя не вспомнит, – сказала Саван. – У каждого родителя бывают такие моменты страха, и у каждого дедушки с бабушкой, конечно. Мысль о том, что вы станете просто отдаленным шепотом для ребенка, которого вы так нежно любите, не утешительна. Я уверена, что Дзирт с тяжелым сердцем отправился навстречу своей судьбе, потому что, несомненно, он чувствует то же самое, что и ты сейчас.

– И я здесь, чтобы убедиться, что Бризи узнает о нем, если он не вернется, – сказала Кэтти-Бри.

– Как будто король Бренор позволил бы этому случиться! – сказала Пенелопа. – Или Реджис и Доннола, или Вульфгар. Или любой из нас.

– Ты предлагаешь мне отправиться в Мензоберранзан?

– Вряд ли, – сказала Саван. – Но мы показываем тебе, что такая возможность есть, если ты решишь отправиться. Не бойся за Бризи, не больше, чем за Дзирта. У нее много тех, кто любит ее, многие видят в ней обещание, многие любят ее родителей. Если бы не Бризи, где бы сейчас была Кэтти-Бри?

– Изгоняла и уничтожала демонов в Мензоберранзане.

– И со всем, что мы только что обсуждали?

Кэтти-Бри пожала плечами и покачала головой. Ее сердце говорило ей идти и не идти одновременно.

– Если ты решишь пойти, у Громфа есть предмет, известный как маска Агатхи, – сказала Пенелопа. – Ее отдали Артемису Энтрери, но он отказался отправиться в Подземье с Джарлаксом.

– Я ценю все, что вы обе хотите сказать, но мне нужно о многом подумать. Не увозите пока мою дочь. Я не уверена в своем выборе, и еще меньше уверена в том, как мне следует попрощаться с ней, если я решу уехать.

– Не расстраивайся, подруга, – сказала Саван, но эти слова были не более чем далеким шепотом для Кэтти-Бри, которая была по-настоящему растеряна. Она нашла Бризи и удалилась в свою комнату со своим ребенком.

Размышляя.

Громф медленно закрыл крышку великолепного гроба в потайной боковой комнате особняка, который он построил в пространственном кармане, доступном из его покоев в Главной башне Тайн. Особняк теперь был постоянным сооружением, укрепляемым ежедневными обновлениями, которые Громф накладывал в течение года. Вход, защищенный множеством оберегов и заклинаний против обнаружения, был хитроумно спрятан за потайным книжным шкафом в отведенных ему комнатах.

Десятки тысяч золотых монет были потрачены на сооружение этого саркофага, не говоря уже о физической и эмоциональной боли, которую испытал Громф, создавая то, что лежало внутри него.

Снова зазвенели куранты, мелодия была чистой, ритм печальным.

Со вздохом Громф покинул комнату и двинулся по темному коридору, затем вверх по лестнице, чтобы пройти сквозь стену, которая только казалась стеной, и выйти через стеклянную витрину, заполненную иллюзорными безделушками, в столовую своего фантастического дома. Дюжина почти полупрозрачных, призрачных фигур двигалась вокруг, накрывая на стол для гостей, которые, как он ожидал, прибудут этой же ночью.

Один призрачный слуга медленно приблизился к нему. В то время как другие были одеты так, как можно было бы ожидать от официантов или поваров, на этом был строгий костюм, который можно увидеть при дворах знати в Глубоководье.

– Прибыл лорд Пэрайс Ульфбиндер? – спросил Громф.

Слуга кивнул, и Громф вздохнул с облегчением. Ему нужно было поговорить с этим человеком, лордом Шадовар и доверенным жителем реконструированной Главной башни, наедине, и он опасался, что вечно любопытная и проницательная леди Авельер может прибыть в особняк раньше Пэрайса.

Громф пришел к убеждению, что Авельер знала, что что-то происходит. Он чувствовал себя виноватым за то, что обманул ее, что удивило его, потому что, хотя он стал думать об Авельер как о друге, Громфа Бэнра никогда не беспокоила ложь.

В Мензоберранзане ложь означала выживание.

Эта мысль вызвала улыбку на его лице, когда он последовал за призрачным слугой через комнату и по коридору мимо гостиной в фойе.

Двое охранников стояли у дверного проема, окруженного мерцающим фиолетовым светом. В отличие от волшебных созданий, которые служили ему в этом месте - готовили ему еду, стелили постель, приносили ему любую одежду, предметы или книги, которые он желал - эти двое были чем-то другим, чем-то гораздо более осязаемым. Двенадцати футов ростом, с огромными шипастыми щитами и зазубренными клинками, на создание грозных конструкций Громфу потребовалось по четыре месяца, но какой волшебник, достойный статуса архимага, не должен иметь пару железных големов, охраняющих особняк, на создание которых у него ушел целый год усердного и настойчивого колдовства, чтобы сделать их постоянными?

Когда куранты зазвенели снова, Громф кивнул своему дворецкому, который потянул за веревку с золотыми нитями, свисающую сбоку от фиолетового входа.

Что-то невидимое за клубящимся фиолетовым оттенком сдвинулось, две железные стены отодвинулись, позволяя человеку пройти сквозь густой туман.

Он вошел, нервно оглядываясь по сторонам, как делал всегда, как делали почти все, кто не был Джарлаксом или Киммуриэлем, проходя между металлическими часовыми.

– Архимаг, рад вас видеть, – сказал лорд Пэрайс Ульфбиндер с поклоном.

«Неизменно вежлив», подумал Громф, видя лесть такой, какая она есть, но, тем не менее, ценя оказанное уважение.

– Я рад, что тебе удалось вернуться пораньше, – ответил Громф.

– Я вернулся в Лускан на облаке, – ответил лорд Пэрайс со смешком. – Только удача привела Цецилию на ту же дорогу, что и меня - ну, в небо над дорогой, если угодно, поскольку она тоже поспешила обратно на совет, который вы созвали этим вечером.

– И вы нашли Кривого?

– Действительно, верховный маг. Он был во Вратах Балдура, как вы и предсказывали.

– С?

– Опять, как вы и предсказывали, – ответил лорд Пэрайс.

Громф кивнул.

– Как ты объяснил это Цецилии? Я полагаю, ты сделал, как я велел, и привел их с собой.

– Как мне было велено. И великанша не задавала вопросов по этому поводу. Она, конечно, знает соратника Джарлакса и слышала слухи о том, почему он не рискнул отправиться в глубокое Подземье вместе с Дзиртом и Джарлаксом, и поэтому поняла или, по крайней мере, заподозрила, почему эти двое могут быть вместе и вместе со мной должны вернуться в Лускан.

– Друг Джарлакса ничего не знает об этом другом деле с Кривым?

– Конечно, нет. И ему было бы все равно.

– А Авельер?

– Она заинтригована задачами, которые я поставил перед ней, как вы меня просили, – признался лорд Пэрайс. – Но она не глупа и знает, что дело Верховного мага Главной башни принадлежит только тебе.

– Ты понимаешь свою роль в моих замыслах?

– Роль смотрителя, не более того, и я польщен тем, что вы выбрали меня для этой самой ответственной обязанности.

– Ты защищаешь нечто большее, чем мое имущество.

– Это честь, мой друг. Большая честь.

Громф кивнул на левую руку Пэрайса, и мужчина задрал свободный рукав своей просторной мантии почти до плеча, обнажив рану площадью более двух квадратных дюймов, которая была вырезана из его плоти сразу за бицепсом.

– Я старею, верховный маг, и становлюсь слабым, и мне это не очень нравится

– Разве нет распространенной поговорки об этом среди вас, людей?

– Стареть лучше, чем не стареть, – вспомнил Пэрайс со смехом, но тут же оборвал себя и серьезным тоном добавил:

– Но теперь я знаю лучше. И сейчас вы показали мне возможность, перед которой я не могу устоять.

– Поблагодарите Кривого. Эта школа тайных искусств - его специальность. Он насмехается над смертью и намеревается обмануть ее

– Я уже поблагодарил его. Я приведу его, когда последние из ваших гостей этим вечером уйдут, как вы велели.

Громф кивнул.

– Могу я взглянуть?

Громф на мгновение задумался над просьбой, особенно учитывая нетерпение и рвение, прозвучавшие в тоне, которым были произнесены эти слова. Не в первый раз могущественный дроу задумался, не следовало ли ему доверить эту обязанность кому-то менее... амбициозному и опытному.

Несколько мгновений спустя он отбросил эту мысль, напомнив себе, что это место, которое он создал всего лишь из магических нитей, и особенно для големов и сокровищ, которые он хранил в карманном измерении, нуждалось в уходе и защите. Его опекуны должны были быть могущественны сами по себе и оказывать влияние на иерархию Главной Башни Тайн. Возможности для него занять необходимые посты составляли очень короткий список, а учитывая темную природу плана, который нужно было скрывать и защищать, еще короче.

Киммуриэль был бы его первым выбором, но Киммуриэль отправился в Мензоберранзан вместе со своим вторым выбором, Джарлаксом.

Кэтти-Бри была бы его третьей, если бы ее сердце все еще не было привязано к Миликки, хотя узы были натянутыми. И эта богиня, называемая Лесной Королевой, несмотря на все ее недавнее вмешательство в царство смерти, вероятно, не одобрила бы маленькую игру Громфа здесь.

Оставался лорд Пэрайс Ульфбиндер, шадовар, о котором Громф стал думать, как о чрезвычайно благородном человеке, верном своему слову. Кроме того, Пэрайс был человеком, достаточно богатым деньгами, но недостаточно могущественным в колдовстве - хотя и достаточно

могущественным, чтобы понять концепцию - чтобы соблазниться обещанием, которое смог дать Громф.

Потому что, конечно, другие факторы, давившие на лорда Пэрайса Ульфбиндера, также имели значение, особенно его приближающаяся старость, а за ней смерть.

Пожив при настоящей и порочной тирании, преуспев там, убедив своих заклятых врагов, что им было бы лучше использовать другую тактику в борьбе с ним, Громф понял, что лучшим способом обеспечить преданность и выполнение обязанностей является концепция взаимной выгоды. У лорда Пэрайса были средства сделать то, что делал Громф, но у него не было способностей.

У Громфа были способности, и он пообещал помочь ему, как только разберется с этим текущим грязным делом, как бы оно ни обернулось. Громф знал, что Пэрайс не упустит этот единственный шанс, и, таким образом, его дом, его сокровища и его тщательные и дорогостоящие приготовления будут надежно защищены.

– Конечно, ты не будешь знать всего о самой важной комнате, – все равно бросил Громф. – От Киммуриэля и Коллективного разума я узнал способы скрывать определенные... двеомеры от любого вида обнаружения, ощущения или заклинания, которые может использовать вор.

Пэрайс немного напрягся при этих словах. Громф использовал такой тон, чтобы это прозвучало как предупреждение, а не угроза, но подразумеваемые ужасные последствия сделали и то, и другое.

– Ты останешься или вернешься на пир и совет? – Громф мягко спросил мужчину.

– Могу я остаться ненадолго? – спросил Пэрайс, явно ошеломленный очевидным приглашением. Лорд Пэрайс был важным человеком в Главной башне Тайн, но он не входил в число элитных волшебников, в состав которых входили Семь Ученых.

– Конечно. Тебе следует познакомиться с домом и персоналом, особенно с охранниками у дверей, которые не так снисходительны.

Пэрайс усмехнулся, но лишь слегка, и за этим скрывалась немалая нервозность.

Громф был рад такой реакции. Он приветствовал этого человека, обещал ему отличный подарок, выражал свое доверие к этому человеку. Но он знал, что Пэрайс немного боялся отклониться от намеченного курса, и это было хорошо.

Даже ясность взаимной выгоды пока была только ясностью.

– **Т**ы думаешь, она мертва, – спросил тифлинг-полуэльф скрипучим голосом, которому, казалось, не хватало воздуха.

Артемис Энтрери посмотрел на посох молодого человека, который был сделан из кости и увенчан крошечной гуманоидной головой, чтобы напомнить себе, что слабость этого голоса может быть очень обманчивой. Он видел разрушительную силу этого существа в действии в лесу Невервинтера давным-давно. Артемиса Энтрери мало что нервировало, но способ смерти, которому способствовали заклинания некромантии Эффрона Син'Далая, был не тем, что он когда-либо хотел бы испытать.

Эффрон пошевелил своими неровными плечами, чтобы выпутаться из складок своей темной мантии, затем сумел подняться со слишком низкого, слишком мягкого стула. Он схватил свой посох правой рукой для поддержки, его левая рука безвольно свисала позади него.

– Ты любишь ее, – сказал Эффрон.

Энтрери пожал плечами.

– Когда-то любил, – признался он. – Но теперь это больше похоже на мой долг перед ней.

– Долг, который, по-твоему, я должен разделить.

– Мы все сломлены. Она не исключение.

– И что?

– Итак, что у нее есть без нас? Он хотел решительно добавить, что она была матерью Эффрона, но он понимал, что правда об их отношениях, вероятно, была причиной того, что Эффрону было трудно смотреть на все это со своей точки зрения, и он сопротивлялся любой мысли о том, что он должен помочь Энтрери в его поисках Далии.

– Она мертва, – заявил Эффрон.

Энтрери только недавно встретился с этим человеком, и до этого момента у него был только один короткий разговор с ним о Далии и обнаружении ее фирменного оружия на месте крушения у побережья Мечей.

– Ты знаешь это? Ты сделал, как я просил, и использовал свою магию для поиска в нижних мирах?

– Я знаю только то, что ты мне сказал. Вывод кажется довольно очевидным.

– Но ты даже не смог заставить себя сделать попытку, как я просил.

– Это не такая простая задача, – огрызнулся Эффрон, которому явно не понравился самонадеянный тон Энтрери, – и на это может уйти много десятилетий. Эти царства мертвых огромны и населены часто озлобленными и несговорчивыми душами уже на протяжении многих тысячелетий.

Энтрери начал отвечать, но дверь в маленькую комнату распахнулась, и вошел лорд Пэрайс.

– Пойдем, Эффрон, нам с тобой нужно многое обсудить, прежде чем я верну тебя, – сказал он.

– Я вернусь во Врата Балдура этой же ночью, – настаивал тифлинг.

– Раньше, конечно, – сказал лорд Пэрайс. – Этим вечером у меня назначена встреча с другими мастерами этой башни, и мы закончим задолго до того, как я подготовлюсь к этому событию.

– Ты постараешься, как я просил? – сказал Энтрери Эффрону, когда скрюченный человек направился к двери.

– Я пользуюсь успехом, – ответил он, фыркнув. – У каждого есть просьба.

– Некоторые из нас платят очень хорошо, – сказал лорд Пэрайс.

Энтрери провел кончиками пальцев по ладоням. Не так давно он мог бы прикончить напыщенного осла на месте, забрать его богатство и, таким образом, очень хорошо заплатить Эффрону за хлопоты по поиску в нижних мирах.

Однако сейчас он просто бросил испепеляющий взгляд.

– После собрания этим вечером... – начал Пэрайс.

– Я приглашен? – спросил Энтрери.

– Конечно, нет.

– Хорошо.

– После, когда мы закончим, архимаг Громф хотел бы поговорить с вами.

Лорд Пэрайс провел Эффрона через дверь, затем закрыл ее за собой, оставив Энтрери одного в комнате. Он добровольно вернулся в Лускан с Эффроном и лордом Пэрайсом, думая, что все это связано с его поисками.

Теперь он начинал понимать, что это было простое совпадение, которое свело его с Кривым, или, возможно, что Громф и Пэрайс использовали его знание улиц и способности, чтобы найти Эффрона, который привел их к некроманту. Или, возможно, как раз наоборот, и Эффрон привел их к нему.

Что бы ни происходило, Энтрери в тот момент ничего не радовало. Комната была уютной, очаг теплым, еда вкусной и обильной.

Но Далия была там, возможно, одна и в ловушке.

Или, что более вероятно, она была мертва.

И вместо того, чтобы наслаждаться комфортом гостеприимства верховного мага, он должен был *знать*.

Глава 15
Огонь по своим

Аззудонна и Айида возглавляли процессию по туннелю, или, по крайней мере, они были ведущими участниками группы из Каллиды. В воздухе перед ними, примерно в двадцати футах впереди, парила призрачная рука, несущая пылающий факел: работа Алефаэро, который шел на несколько рядов позади, вместе с Нвизи и Авернилом.

Путешествие происходило без происшествий с тех пор, как Алефаэро под руководством Нвизи завел их в туннель под крепостью дворфов Гаунтлгрима, где нигде не было никаких признаков присутствия врагов или союзников.

Два волшебника непринужденно болтали, следя за своими шагами, но не были полностью настороже, и поэтому они были застигнуты врасплох, когда факел впереди просто исчез вместе с волшебной парящей рукой Алефаэро.

– Стоп! – Аззудонна, Айида и Алефаэро сказали это в один голос, волшебник протиснулся вперед, чтобы заглянуть в теперь уже темный коридор.

– Где твоя волшебная рука? – спросил Авернил, подходя сзади к Алефаэро.

– Заклинание исчезло. Я не знаю почему.

– И забрало с собой факел? – спросила обеспокоенная Аззудонна, потому что факел не был магической конструкцией, хотя Алефаэро использовал заклинание, чтобы зажечь его.

– Нет.

Алефаэро призвал вторую руку мага, затем сделал знак Айиде, которая протянула второй факел, чтобы та взяла его.

Волшебник зажег его заклинанием, затем приказал руке двигаться дальше по коридору. Он остановил ее примерно в десяти футах впереди, заметив веревку, лежащую среди камней и бугорков неровного пола, которая шла от левой стены под углом к середине коридора.

Алефаэро направил руку мага к левой стене, группа отметила, где была закреплена веревка. Затем факел вернулся к середине туннеля и медленно двинулся вперед. Дюжина футов, пятнадцать футов. . .

Они заметили, что веревка кончилась. Алефаэро передвинул факел к конечной точке и оставил его там, зависнув над веревкой на несколько мгновений, все они пристально вглядывались, пытаясь разгадать загадку.

Аззудонна и Айида выхватили оружие и двинулись вперед, волшебник и священник сразу за ними.

Когда они приблизились, Алефаэро отодвинул волшебную руку, совсем чуть-чуть, но достаточно, чтобы она исчезла, как это сделала предыдущая.

Не слишком удивленный, волшебник произнес заклинание света, заполнив пространство.

– Веревка натянута, – заметила Аззудонна. – Это еще не конец.

– Портал, – сказал Алефаэро.

– Не надо, – раздался голос сбоку, слабый, но мгновенно узнанный.

Аззудонна подбежала к зазубрине в стене, обнаружив, что за ней скрывается небольшая боковая ниша. И там она обнаружила Галату, пытающуюся сесть.

Он не был уверен, потерял ли он сознание или нет, не был уверен, ударил ли он парящий череп или нет, даже не был уверен, где может быть Солардис или его второй клинок.

Все, что Зак знал, была боль. Его ребра болели, а одна нога была ужасно согнута в сторону совершенно неестественным образом. По какой-то причине он мог открыть только один глаз.

Он предположил, что это запекшаяся кровь удерживала закрытым другой, но не был уверен.

«Я не мертв», подумал он, но у него не хватило сил произнести это вслух.

Пока что.

Он попытался перекатиться, но не смог, потому что это движение вызвало вспышку боли в его явно сломанной ноге. Он даже не мог повернуть голову без боли, но ему удалось поднять взгляд на стену, с которой он спрыгнул, стену, в которой находился секретный портал, а за ним - Галата. Это было выше его ног - или, по крайней мере, той части ноги, которая не была согнута в сторону, нависая над ним. Дразня его.

Он должен был вернуться к ней, но не был уверен, что это возможно.

Возможно, она придет в чувство и воспользуется своей целительной силой, чтобы поддержать себя и прийти за ним. Он вспомнил ее последние слова и задался вопросом, знала ли она вообще, что он здесь.

Он считал себя очень глупым, когда думал об этом - и изо всех сил старался не обращать внимания на то, что он практически сам молился богине Галаты - и начал размышлять о своем следующем шаге, когда высоко

в стене появился факел, вероятно, проникший через портал. На мгновение сердце Зака подпрыгнуло, когда он подумал, что это Галата. Но нет, его держала призрачная рука, которая, моргнув, исчезла.

Факел упал, отскакивая от выступов в камне, приземлившись прямо рядом с ногой Зака и немедленно поджег его штанину.

Он не мог дотянуться до него рукой, поэтому отвел неповрежденную ногу в сторону, не обращая внимания на боль от резкого движения и жалящий огонь, отталкивая пылающую головню подальше.

Ему пришлось наклониться и похлопать себя по ноге, что он и сделал, снова разжигая боль, пытаясь убедиться, что он на самом деле не начал гореть.

Ему потребовалось некоторое время, чтобы погасить все искры, и еще больше времени, чтобы откинуться назад и отдышаться, подавляя боль, которую приносили многочисленные движения.

Высоко над ним появился еще один факел, который держала другая призрачная рука.

– Что за черт? – беспомощно прошептал он.

Рука исчезла, и факел запрыгал по неровной стене, отскочив от стены и снова упав прямо на распростертого на полу пещеры дроу...

Исцеляющие заклинания дюжины жрецов затопили Галату, укрепляя ее и залечивая раны. Она встала, не дрожа, потянулась и потрясла головой, прогоняя остатки обморока. Она пришла в себя с улыбкой, которая тут же погасла, едва она посерьезнела и спросила: «Где Закнафейн?»

– Да, где? – Аззудонна снова обратилась к паладину.

У Галаты был смущенный вид, как будто до нее только сейчас дошло, что этих других каллидийцев не должно быть в этом месте.

– Мона позволила тебе уйти?

– Оставим рассказы для другого раза, – настаивала Аззудонна, теряя терпение. – Где Зак?

– Я... мы вышли...

– Портал, – вставил Алефаэро.

– Не ходите туда! – сказала Галата, когда некоторые из остальных двинулись обратно к веревке, лежащей в коридоре.

Множество взглядов повернулось в ее сторону.

– Это логово странного и могущественного монстра, – объяснила она. – Нежить... плавающий череп с необычным огромным глазом. Магические силы, лучи энергии...

– Тиран Смерти, – сказал Алефаэро, местный мудрец Каллиды, казалось, знал всех чудовищных врагов. – Немертвый созерцатель. Действительно, сильный враг, судя по всему, что я читал.

– Не ходите туда, – повторила Галата.

– Зак там? – потребовала ответа Аззудонна.

Галата запнулась в поисках ответа, ее голова поворачивалась то в одну, то в другую сторону, как будто она пыталась вспомнить все, что произошло. В конце концов, она смогла только пожать плечами.

Аззудонна бросилась за веревкой и потянула.

– Нвизи! – позвал Алефаэро. – Благо или горе?

Прорицатель начал бормотать и подбрасывать свои радужные драгоценные камни. Прежде чем они успели закончить свой танец в воздухе перед ним, Аззудонна наполовину исчезла, высунувшись из коридора в пространство за его пределами.

Крик Нвизи: «Благо!» был едва слышен, потому что голова Аззудонны снова появилась в поле зрения, женщина уже звала Авернила:

– Поторопись, священник!

Затем она ушла, развернувшись, в пещеру дополнительного измерения, спускаясь по стене с той же ловкостью и навыками, которые она отточила за годы патрулирования ледниковых стен, окружавших каньоны, образовавшие ее родину.

Она почувствовала, как веревка слегка дернулась, когда кто-то взялся за нее сзади, затем услышала вздох и, подняв глаза, увидела верхнюю половину верховного жреца Авернила, лежащего на животе, наполовину в коридоре наверху, а наполовину в этой волшебной пещере.

В камере далеко внизу виднелось несколько источников света: свет Солардиса, каким бы приглушенным он ни был, пробивался сквозь твердую кость гигантского черепа; несколько крошечных шариков красного свечения, плавающих вокруг чудовища; и два факела внизу, один сбоку от Зака, другой между его расставленных ног. Они обжигали его, когда он пытался уклонить свое явно переломанное тело, чтобы избавиться от пламени.

Аззудонна спрыгнула на пол и бросилась к своему возлюбленному.

Прежде чем она добралась до места, хлынул сильный дождь, внезапный, волшебный поток воды, который быстро приглушил и погасил огни, оставив ее только в свете волшебного меча и этих странных плавающих бусин. Она упала на колени и поползла к Заку, быстро присев рядом с ним.

– Мы здесь, – прошептала она, обхватив ладонями его лицо, ее глаза увлажнились от слез. – Мы здесь, любовь моя.

Волшебный свет заполнил пространство, показывая масштабы бойни: раздробленные скелеты и разрубленные зомби, уничтоженный тиран смерти.

Авернил спустился и оттолкнул ее, начав произносить свои исцеляющие заклинания.

Следующей была Галата. Она упала на колени рядом с этим дроу, который спас ей жизнь в предыдущем бою, и положила на него руку, призывая величайший дар своей богини, ее самое могущественное благословение исцеления.

Другие рассыпались вокруг них веером: Алефаэро направился прямиком к тирану смерти и достал свое перо и книгу, чтобы начать делать наброски и заметки. Ему даже удалось схватить пару плавающих красных шаров и поместить их в маленькую и надежную банку, которая была магически запечатана.

В комнате появилось еще больше магических огней, каллидийцы широкой линией заняли оборонительные позиции за сталагмитами, обнажив оружие и приготовив заклинания.

– Что это за место? – спросил кто-то.

– Логово, – ответил Алефаэро. – Логово тирана смерти. Кто-то, я бы предположил, наши враги из Мензоберранзана, разместил входной портал в коридоре, чтобы заманить в ловушку любого, кто придет сверху, чтобы сразиться с Ллос.

– Могут ли Джарлакс и Дзирт быть здесь? – спросила очень обеспокоенная Айида.

– Маловероятно, – сказал Закнафейн, садясь - его голос снова окреп. Он перенес ногу назад, лишь слегка поморщившись от боли, затем встал, принимая помощь Аззудонны. – Если бы Джарлакс и его банда попали в это место, тот монстр был бы давно уничтожен, а ловушка обозначена более четко.

– Мы провалились сюда еще до того, как поняли, что здесь проход, – сказала Галата.

– Тогда давайте уйдем, – предложил Авернил.

– Нет, пока нет, – сказал Зак. – Это логово. Ты знаешь, что есть в логовах?

– Что?

– Сокровища.

– У нас есть долг и нет времени, – запротестовал Авернил.

– И здесь вполне могут быть предметы, которые помогут в выполнении этого долга, даже если это всего лишь монета, которой можно подкупить дроу с Улиц Вони Мензоберранзана, которые еще не выбрали чью-то сторону, чтобы они сражались на нашей. Это практический вопрос,

верховный жрец, а не вопрос жадности. Логово вряд ли будет очень большим.

– Но монстров может быть больше, – предупредила Галата.

– Ненадолго, – сказал Зак, подошел, вытащил Солардис из черепа и повел в заднюю часть главного зала. – Поставьте охрану в коридоре наверху и сбросьте побольше веревок и носилок, если сможете их соорудить. Давайте быстро уберемся отсюда и продолжим наш путь.

Глава 16
Обманщик

– Стоило ли это того, Браелин Дженкуэй из Бреган Д'Эрт? – прошептала заключенному матрона Жиндия, когда они стояли на самых верхних этажах дома Меларн. Над ними были двери и лестница, ведущие в камеры, подземелья этого дома, построенного среди сталактитов на крыше пещеры Мензоберранзана.

– Что того стоило? – ответил избитый мужчина.

– Твои братания с еретиками. Принесло ли это тебе радость?

Браелин пожал плечами.

– Я ни на чьей стороне. Я всего лишь разведчик, информирующий своих начальников, которые, насколько мне известно, не принимали ничьей стороны в этом конфликте.

Голос Жиндии стал пронзительным:

– Ты убил жрицу Ханцрин и аристократа Дома Вандри!

– Я защищался. Разве любой дроу на службе Ллос не поступил бы так же? Поощряет ли Ллос подчинение тем, кто нападает?

Его предложение было прервано хлесткой пощечиной от матроны Жиндии, от которой у Браелина поплыли круги перед глазами.

– У меня есть свидетели, которые говорят, что драку начал ты, – сказала она ему.

Браелин пожал плечами и покачал головой.

– Если бы я начал драку, неужели ты думаешь, что я был бы настолько глуп, чтобы позволить жрице Ханцрин призвать глабрезу на свою сторону? Или, если бы рядом с ней уже был демон, ты думаешь, я был бы настолько глуп, чтобы...

Еще одна пощечина.

– Да, – сказала она, – Я думаю, что ты настолько глуп. Возможно, ты поймешь это, когда твои ноги будут четвертованы, а твое высохшее тело раздуется от гнили и зловония.

– Ты выбираешь сторону Джарлакса, – предупредил Браелин.

Жиндия рассмеялась над ним и кивнула стражникам.

– Джарлакс не простит тебя дважды, – съязвил Браелин, стерпев еще одну пощечину.

Ручка повернулась в комнату, и тяжелый люк над Браелином поднялся в камеру, встроенную в потолок. Двое охранников грубо схватили связанного мужчину за руки и применили магию эмблем своего дома, левитируя вверх и забирая заключенного с собой.

Они избили Браелина еще до того, как люк снова закрылся.

Раздетый до одной набедренной повязки, лежащий в грязи и собственных испражнениях, с гноящимися многочисленными открытыми ранами и с немногим большим, чем тараканы, которых он мог поймать, чтобы съесть, Дайнин До'Урден ничего так не хотел, как покончить с собой и лишить своих безжалостных похитителей удовольствия мучить его.

Они бы этого не допустили.

Он напрягся, услышав, как открылись наружные двери этого жалкого места, затем расслабился, когда в поле зрения появились охранники, которые тащили за лодыжки другого бедного заключенного, останавливаясь через каждые пару шагов, чтобы пнуть его.

– Хорошо, – подумал Дайнин, рассматривая вновь прибывшего. В этой тюрьме оставалась всего дюжина несчастных пленников, по крайней мере, в этом крыле (хотя захваченный Дайнин не удивился бы, узнав, что у Матроны Жиндии, которая с таким удовольствием применяла пытки, было гораздо больше тюремных коридоров). Три камеры в этой тюрьме были меньше и с двойной охраной, особенно та, в которой содержался Дайнин, в конце ряда и лицом к дверям. Похожие помещения примыкали к его камере с обеих сторон, их зарешеченные двери были обращены друг к другу прямо напротив его собственной. В маленькой камере справа от него содержались две женщины, в камере слева - одинокая женщина-воин, по слухам, принадлежавшая к Богохульству и захваченная в том же набеге, который стоил ему свободы. Однажды он попытался окликнуть ее, но за это получил взбучку, от которой у него распух рот и стало ясно, что такое общение недопустимо.

За этой камерой, дальше по коридору, слева от его двери, находилась игровая зона, куда охранники и некоторые случайные посетители отводили заключенных для самых изысканных игр с агонией и нанесением увечий.

Там остался один из пальцев Дайнина с руки и три с ног.

Напротив этой зоны находилась самая большая камера, общая клетка, полная негодяев с Улиц Вони, даже парочки *иблитов*, не-дроу. В какой-то момент их было по меньшей мере двадцать, но простое истощение из-за

рвения мучителей сократило это число, и не менее четырех дроу были схвачены ради обращения Проклятием Мерзости, поскольку матрона Жиндия продолжала создавать армию драуков.

Таким образом, Дайнин был рад видеть прибавление, и еще больше обрадовался, когда понял, что это был еще один дроу. Его шансы быть следующим, кто пострадает от проклятия, уменьшились, если, как он боялся, сделка Жиндии с ним была просто насмешкой, чтобы сделать его еще более несчастным, когда она отдаст его Ллос в качестве драука. В конце концов, как он мог этого не бояться, учитывая пытки и увечья, которым он теперь подвергался? Какое бы сочувствие он ни испытывал к новому заключенному, это не имело значения.

Все, что угодно, лишь бы отсрочить эту самую ужасную участь.

– Этот важный, – сказал мужчина слева, который втаскивал новоприбывшего. – Мать Жиндия сказала, что у него должна быть своя камера.

– Все три меньшие камеры заполнены, – ответил другой.

– Исправь это, – сказал первый, и его напарник отпустил ногу заключенного и направился в заднюю часть тюрьмы.

Дайнин снова затаил дыхание, потому что перемещение, несомненно, означало бы еще один раунд пыток, если не визит к жрицам, делающим драуков.

Но нет, охранник направился к женщине слева от Дайнина. Он отпер дверь камеры и вошел.

Ее крики боли начали раздаваться почти сразу же.

Охранник вытащил ее за волосы, и каждый раз, когда она протягивала руку, чтобы попытаться схватить его запястье и облегчить боль, он останавливался, поворачивался и бил ее по лицу. Он двинулся, как будто собираясь поместить ее в следующую камеру по очереди, в которой теперь содержался только еще один воин-богохульник, но передумал и вместо этого отвел ее в игровую зону - практически пожав плечами, как бы говоря, почему бы и нет? Она слышала звон цепей и кандалов и могла представить, как она свисает с потолка или прикреплена к одному из их гнусных приспособлений, прикованная за запястья и лодыжки.

Новоприбывшего бросили в теперь уже пустую камеру и избавили, по крайней мере временно, от побоев, когда двое охранников подошли к прикованной заключенной в игровой зоне.

Дайнин попытался волевым усилием заглушить ее крик.

У него не получилось.

Браелин попытался призвать на помощь свои многолетние тренировки, ища какой-нибудь способ нанести ответный удар прямо здесь и сейчас. Он знал, что его положение вряд ли улучшится и что любой шанс на побег, который у него может быть, должен быть использован сейчас, пока они не сковали одно из его запястий.

Он отработал хитроумный прием, который мог украсть меч у охранника, приковывающего его цепью, и быстрое движение заставило бы этого дроу споткнуться, дав ему свободный проход ко второму охраннику, который все еще был на игровой площадке и пытал заключенную.

Умный ход, но невозможный в его нынешнем состоянии. Его мучители отлично с ним справились, эти змееголовые бичи наполнили его ядом, из-за которого казалось, что его руки обернуты тяжелым металлом. Он не мог двигаться достаточно быстро.

Он все равно решил попробовать - возможно, быстрая смерть была бы лучшим, на что он мог надеяться.

Но нет, он не мог заставить себя сделать это, не мог заставить себя отказаться от всякой надежды, каким бы логичным ни казался этот курс. Ему нужно было жить, чтобы помочь Азли, которая попала в страшную беду.

Или, возможно, это было не так, и это заставляло его злиться и бояться совершенно по-другому.

Он не хотел умирать, не зная правды, как бы сильно он этого ни боялся.

– Я останусь жив ради нее, – услышал он свой шепот, когда браслет защелкнулся на его запястье.

– Ради кого? – спросил его охранник, затем ударил его, когда он не сразу ответил.

– Ради Ллос, – солгал Браелин. – Она знает правду и будет недовольна…

Он закончил сбивчивым стоном, когда охранник ударил его коленом в живот.

– Матрона Жиндия - голос Ллос в Мензоберранзане, еретик, – сказал он. – Тебе не мешало бы это запомнить.

– На то короткое время, что тебе осталось жить, – добавил мужчина за дверью камеры.

– Не беспокойся о твердости пола, – добавил первый, ударив его по лицу и отступив назад. – Ты достаточно скоро наполнишь его своими свежими, мягкими отходами.

Браелин рухнул на пол, вытянув руку над собой. Он наблюдал, как охранник закрыл дверь, и обратил внимание, как ключ вошел в замок. Он внимательно прислушался, пытаясь определить, сколько тумблеров в замке.

Он не мог даже начать расшифровывать его, а даже если бы и смог, то мог надеяться дотянуться до двери только одной рукой, да и то едва-едва. В таком положении он никогда не смог бы открыть ни один замок, кроме самого простого.

И он сомневался, что дом Меларн, так долго практикующийся в обращении с заключенными, будет использовать обычный замок. По крайней мере, на двери была замочная скважина. Тот браслет, что держал его за запястье, был магическим, настроенным на металлическую планку, которую охранник использовал, чтобы закрепить его - и, вероятно, его нужно было открыть. На этом гладком браслете не было ничего, за что можно было бы зацепиться.

Он был пойман и обречен, он знал, если только Джарлакс или кто-то другой, возможно, Азлия, он смел надеяться, потому что в тот мрачный момент для него было невыносимо думать, что эта женщина, которую он любил, предала его, не найдет какой-нибудь способ освободить его. Она, конечно, была зачарована магией, учитывая, что суккубов было трое. Трое! Он сам почти поддался их сверхъестественному обаянию.

Азлия была такой же хитрой, как и любой дроу, которого он знал, даже включая Джарлакса. Он поймет концепцию временной жертвы ради окончательной победы. Браелину оставалось надеяться, что любая победа, которую он задумал, будет включать его!

За углом он услышал, как открылась, затем закрылась тюремная камера, и мгновение спустя второй охранник присоединился к первому за дверью его камеры. Тогда Браелин заметил, что снаряжение этого человека было не таким хорошим, как у первого. Он понятия не имел, будет ли это иметь значение в дальнейшем, но лучшие в своем деле учили его, что не бывает мелочей, на которые нельзя обращать внимание.

– Мы делаем ставки или нет? – спросил второй охранник.

– Без шансов?

– Конечно, с коэффициентами! Было бы глупо делать ставку на то, что этот новичок будет отправлен на Проклятие Мерзости после этого. Матрона Жиндия не торопится и устроит спектакль по превращению брата Дзирта До'Урдена в драука.

Услышав это, Браелин навострил уши.

– Да, но это Бреган Д'Эрт, – сказал стражник, заковавший Браелина в цепи. – Неплохое послание он отправит, когда его превратят в драука, но, возможно, Матрона Жиндия еще не готова его казнить.

– Джарлакс объявил свою сторону? – спросил второй стражник.

– Этот пленник сделал это за него, убив пару союзных аристократов, включая жрицу. Итак, какие шансы предлагаешь?

– Три шанса против одного, что Дайнин До'Урден будет первым из двух, кого отдадут Ллос.

– Четыре.

– Три, и если тебе этого недостаточно, Преего, тогда ставь на этого еретика Бреган Д'Эрт, – сказал второй стражник.

– Тогда достаточно. Пятьдесят серебряных и выпивка в течение месяца на... – Первый мужчина сделал паузу и посмотрел на Браелина. – Еще раз, как тебя зовут?

Браелин заколебался.

– Говори сейчас, или я войду и заставлю тебя рассказать мне. – Он звякнул своей связкой ключей - двумя разными ключами, отметил Браелин, вместе с усиленным магическим стержнем, которым был запечатан браслет.

Браелин хотел солгать, но с какой целью? Жиндия знала его имя и произносила его при дворе. Это не было секретом.

– Браелин, – сказал он. – Браелин Дженкуэй из Бреган Д'Эрт.

– Ты слышал это, друг? – охранник по имени Преего спросил другого. – Он произносит это с гордостью, как будто это означает что-то важное.

– Это меняет шансы ставки?

– Нет.

– Тогда мои монеты на Браелина.

– Браелин Дженкуэй из Бреган Д'Эрт, – насмешливо поправил Преего, глядя прямо на пленника, пока говорил.

– Какие причудливые слова для человека, закованного в цепи и лежащего в чужой грязи, – сказал другой охранник.

– Мы должны объяснить ему, что на нас это не произвело впечатления...

Охранник снова достал ключ и вставил его в замок, и Браелин понял, что допустил ошибку, о чем ему неоднократно и довольно настойчиво напоминали в игровой зоне подземелья.

Он не помнил, как его вернули в камеру.

– Ты, должно быть, важная персона, – услышал Браелин отдаленный голос, возвращающий его в сознание. – Твоим тюремщиком является Преего Меларн, – продолжал голос - тот, кого они назвали Дайнином До'Урденом, подумал он. – Видишь ли, Преего - лучший из мучителей. Он причинит тебе невыносимую боль, как ты уже ощутил, но он не убьет. Только те, кого

Матрона Жиндия желает использовать в своих собственных целях, удостаиваются любезного внимания Преего Меларна.

– Как брат Дзирта? – спросил Браелин, прежде чем успел передумать. Он еще не совсем разобрался с этой информацией. Что на самом деле значило для Жиндии и сторонников Ллос и, что более важно, для Джарлака и Бреган Д'Эрт, что брат Дзирта оказался в ее лапах?

– Похоже на то.

– Значит, ты тот, о ком они говорят? Дайнин До'Урден, брат Дзирта До'Урдена?

– Это я. Вернулся после того, как служил Паучьей королеве в Абиссе столетие и более в качестве драука.

– Звучит как прекрасная жизнь.

– Я слишком измучен, чтобы смеяться, друг мой.

– Я слышал о тебе, – сказал Браелин. – Джарлакс говорил.

– Он спас меня, когда мой дом впал в немилость. Временная отсрочка, но я никогда ее не забуду. Как поживают Джарлакс и Бреган Д'Эрт?

– У некоторых из Бреган Д'Эрт дела идут не так хорошо, – заметил он, ирония чувствовалась даже в его тюремной камере. Шутка была скорее тактикой затягивания, чем чем-либо еще, поскольку вопрос Дайнина насторожил всегда осторожного Браелина. – Как и у любого другого, я полагаю. Эта война принесла дроу большое смятение.

– И большие надежды.

– Посмотрим. Я знаю, что Джарлакс, конечно, хотел бы сохранить нейтралитет, как это свойственно ему и Бреган Д'Эрт.

– Похоже, это работает не так хорошо, – ответил Дайнин. – с тобой в тюрьме Матроны Жиндии.

– Недоразумение.

– Как всегда, нет?

Они оба рассмеялись над этим, и оба немного застонали от боли и усилий.

– Расскажи мне об этом Преего.

– В нем есть все, чего можно ожидать от амбициозного родственника Жиндии Меларн. Он любит свою работу, но очень осторожен.

– Как я только что узнал.

– Сосчитай свои пальцы на руках и ногах, – сказал Дайнин. – По десять на каждом? Как насчет твоих ушей? Если все это останется, то нет, мой несчастный друг, ты пока ничего не узнал о Преего Меларне.

Браелин только вздохнул и прислонился спиной к стене, его правая рука, как и у Дайнина, была высоко поднята, когда он опустился на пол. Он всегда боялся, что для него все закончится именно так - как это было верно для

большинства дроу, особенно для дроу мужского пола, и еще более определенно для тех бездомных мужчин, у которых не было любящей Ллос матроны, которая могла бы защитить их.

– Если ты обнаружишь способ, которым мог бы покончить с собой с помощью этих хитроумных кандалов, которые у нас есть, пожалуйста, скажи, прежде чем пытаться это сделать, – сказал Дайнин, и настроение Браелина стало еще мрачнее.

Ему удалось погрузиться в дрему, ненадолго избежав суматохи и отчаяния, прежде чем резкий голос прорычал: «Отойди!»

Он открыл глаза, чтобы обнаружить наконечник копья прямо перед своим лицом, и рефлекторно прижался спиной к стене.

– И не высовывайся! – закричал на него охранник Преего. – Всякий раз, когда я иду с твоей едой, ты отходи назад и не высовывайся. В первый раз, когда ты этого не сделаешь, еда будет вывалена на пол, где ты сможешь вылизать ее из собственных отходов. Ты понял?

Браелин тупо уставился на него - он не сдвинулся ни на дюйм.

Это, казалось, не имело значения. Длинное копье вонзилось вперед, оцарапав ему щеку.

– Я понял, – сказал он со всей силой, на которую был способен. Ее было немного.

Преего убрал копье, затем снял с пояса связку ключей, выбрал тот, что подходил к камере Браелина, и отпер зарешеченный вход. Хитро поглядывая на Браелина, мучитель Меларн затем положил свое копье в коридоре за камерой и положил на него кольцо с ключами, прежде чем толкнуть дверь и войти в камеру, где он уронил миску с каким-то протухшим на вид рагу на пол, где оно подпрыгнуло и разлилось повсюду.

Браелин потянулся за ним, но Прейго ударил ногой по руке заключенного.

– Я разрешал тебе есть?

– Нет, – выдохнул Браелин, гадая, сколько костей было раздроблено, и зная, что это число больше единицы.

Мужчина пнул Браелина в лицо для пущей убедительности, затем плюнул в миску с едой и вышел обратно на улицу, закрыв и заперев дверь.

– Теперь ешь, – приказал он. – И спи. Я хочу, чтобы ты бодрствовал, когда у меня будет время поиграть.

Пару часов спустя Браелин узнал, что это была не пустая угроза.

Браелин девятипалый.

Он потерял всякое представление о времени, потому что не было периодов дремления и бодрствования, только часы, дни темноты, мерзости и

пыток. Они с Дайнином редко разговаривали, хотя оба находили утешение в разговорах, даже если ни у одного из них не было сил поддерживать дискуссию в течение сколь-нибудь продолжительного времени.

Что оказалось еще хуже для Браелина, так это то, что он не стал равнодушен ни к чему из этого: ни к отвратительной, гнилой пище, ни к рвоте, ни к запахам, ни к язвам, ни к гноящимся ранам. И уж точно не побоям, потому что Преего Меларн действительно был экспертом в причинении боли.

Он слабел час от часу и продолжал надеяться, что просто умрет, всегда сознавая, что они никогда не позволят этому случиться.

Он начинал дрожать каждый раз, когда слышал щелчок внешней двери подземелья - или, может быть, это был лязг закрываемого люка за пределами подземелья, ведущего в главный комплекс. Имело ли это вообще значение? Он почти задался вопросом, был ли у его похитителей в комнате магический глаз, потому что они, казалось, появлялись именно в тот момент, когда он находил небольшую передышку в своих мыслях.

В большинстве случаев, когда главная дверь комплекса с грохотом распахивалась, это был не Преего, а какой-нибудь младший охранник, пытающий какого-нибудь младшего заключенного, или, в двух случаях, уводящий заключенного.

Быть превращенным в драука.

Когда дело касалось Преего, а не просто доставки еды, Браелин понимал, что у него меньше шансов избежать пыток, потому что Дайнин отнимал у Преего половину времени, да, но не один раз, затем он отводил Браелина на игровую площадку, когда заканчивал с пленником До'Урден.

На этот раз он проснулся от лязга и услышал приближающиеся шаги.

Это был Преего.

– Пожалуйста, забери его, – прошептал Браелин себе под нос, и ему стало стыдно за то, что он пожелал Дайнину такого зла.

Однако на этот раз ему не повезло. Преего Меларн остановился у двери своей камеры, и в руках у него не было миски.

– К стене! – приказал он, и его голос звучал злее, чем обычно.

Браелин уже отпрянул назад, так плотно прижавшись к стене, что казалось, будто он пытается слиться с камнем. Больше некуда было идти, и он беспокоился, что Преего воспримет его отсутствие отступления как проявление неповиновения. Он с ужасом наблюдал за каждым движением охранника, как во сне, где он не мог достаточно быстро убежать от монстра.

Преего снял связку ключей с крючка на поясе и вставил ключ в замок, затем повернул его.

Щелчок болезненно отозвался в ушах Браелина, как и скрип металлических петель, когда дверь открылась, совсем чуть-чуть.

Совсем чуть-чуть.

И все же, несколько ударов сердца спустя, совсем чуть-чуть.

Браелин выглянул из-под руки, которой прикрывался, скептически, недоверчиво глядя на Преего Меларна, который просто стоял у приоткрытой двери, глядя на него в ответ.

Нет, не пялился на него, понял Браелин через некоторое время, а скорее просто пялился.

Безучастно.

Не моргая.

Негодяй выпрямился и придвинулся ближе к двери. Он тихо окликнул Преего и услышал, как человек, сидящий напротив по коридору, и обедающий в камере справа от него, оба издали удивленные звуки.

– А?

– Хмм?

Браелин еще больше разогнулся и встал - осознавая, что этими действиями он рискует жестоко поплатиться, если его инстинкты откажут, - затем медленно, дюйм за дюймом, отодвинулся от задней стены камеры, пока не достиг предела кандалов, удерживающих его запястье. Все так же медленно, очень медленно и осторожно, он вытянул свободную руку и развернул плечи, изо всех сил сопротивляясь тяге, потянувшись как можно дальше к двери камеры и неподвижному охраннику Меларн.

Который по-прежнему не моргал.

Браелин услышал тихий шепот слева, рядом с игровой площадкой, и откинулся назад, ожидая худшего.

Вместо этого он почувствовал волны тепла - чудесного, исцеляющего тепла! - проходящие сквозь него.

Он не знал, что и думать. Джарлакс? Или, возможно, это был какой-то поворот в методах пыток Меларнов, дающий надежду и облегчение боли, прежде чем снова забрать все это?

Тем не менее, Преего Меларн не двигался, и Браелин понял, что это не было его выбором, потому что никто не мог моргать так долго.

Он снова разогнулся, потягиваясь, потягиваясь, но дверь в его камеру, хоть и была слегка приоткрыта, все еще оставалась вне пределов его досягаемости.

– Что происходит? – он услышал шепот Дайнина, но проигнорировал его. В основном потому, что не был до конца уверен.

Он повернулся и снова отодвинулся от стены так далеко, как только мог, затем твердо уперся ногой в землю и наклонился в сторону, спиной к стене, поднимая другую ногу прямо к двери и медленно продвигаясь еще дальше.

Еще одна волна исцеляющей магии прошла сквозь него.

Он услышал, как Дайнин ахнул.

– Чего ты хочешь? – спросил До'Урден, и обращался он не к Браелину.

Однако мысль о том, что все это ловушка и поддразнивание, не отпугнула Браелина. Напротив, это подстегнуло его. Он вытянул ногу до предела и сумел зацепиться пальцами ног за крайнюю переднюю перекладину закрытой двери и потянул ее назад так сильно, как только мог, хотя при этом его нога соскользнула с двери.

Но он еще больше приоткрыл дверь и, таким образом, приблизил ее край, теперь рука Преего была полностью вытянута, охранник наклонился вперед и все еще был магически парализован, не имея возможности уравновесить внезапный наклон.

Палач навалился на дверь, распахнув ее, и повалился на пол камеры Браелина лицом вниз. Он был достаточно близко, чтобы Браелин схватил его за плечо и откатил в сторону, чтобы забрать кольцо с ключами, вырвав его из руки мужчины.

Он повозился всего мгновение, прежде чем дотянуться зачарованным стержнем до застежки на запястье.

Чей-то голос остановил его.

– Ты скажешь Джарлаксу, – сказала женщина.

Браелин замер и оглянулся, затем затаил дыхание, когда увидел говорящую, одетую в одеяние верховной жрицы Ллос, стоящую снаружи его камеры и смотрящую прямо на него.

– Ты скажешь Джарлаксу, – повторила она, и когда Браелин просто продолжал смотреть на нее в замешательстве, добавила: – Ты знаешь, кто я?

– Ты выглядишь знакомо... – начал он, но покачал головой.

– Я Къернилл.

– Первая жрица Къернилл Меларн, – выпалил Браелин.

– Нет, – сказала она. – Я Къернилл *Кенафин*. Ты скажешь Джарлаксу и ты скажешь Верховной жрице Ивоннель Бэнр и Верховной Матери, что я не собиралась их обманывать. Что я тоже была обманута.

– Что?

– Они поймут.

– Выпустите меня, – сказала женщина в камере напротив. – Я скажу им!

Къернилл проигнорировала ее.

– Выпустите меня, или я скажу стражникам, что вы... – в отчаянии повторила женщина, но Къернилл резко повернулась и заставила ее замолчать взглядом.

– И как ты сделаешь это сейчас? – сказала Первая жрица Дома Меларн.

– Я... я...

Къернилл вытянула руку перед собой ладонью вверх и произнесла заклинание, магическим образом вызвав красно-черного паука в свою ладонь. Она подула на него, и на нем уже появилась паутинная нить, потому что он слетел с ее ладони и перелетел через проход, мягко опустившись на пол перед дверью противоположной камеры.

Когда он приземлился, один паук превратился в двух, затем в четырех, затем в восьмерых, затем в два раза больше и снова в два раза больше, и все пауки начали метаться к решеткам, теперь Къернилл накладывала на них все новые заклинания, так что они продолжали увеличиваться, и к тому времени, когда они достигли клетки, они едва могли пролезть сквозь эти прутья.

Крики начались немедленно.

– Ты скажешь им, – в последний раз сказала Къернилл Браелину, и она описала рукой круг перед своим лицом, произнесла слово и исчезла.

Браелин постучал по застежке, которая немедленно открылась.

Он подошел к Преего, вытаскивая кинжал из ножен на поясе, затем споткнулся о мужчину, который не пошевелился и не застонал в ответ, и вышел в коридор.

– Убей его! – сказал Дайнин, бросаясь, насколько позволяла его собственная цепь, к передней части своей камеры. – Выпусти меня! – Каждая команда была столь же неистовой.

Браелин взглянул через дорогу и увидел, как две бедные женщины-пленницы отбиваются от пауков, которые теперь были размером с голову дроу.

Мысли Браелина закружились, пока он обдумывал свои варианты. Он прокрутил последовательность, которая ему больше всего подходила. Его силы в основном вернулись благодаря неожиданным заклинаниям исцеления, поэтому он прыгнул обратно в свою камеру и втащил Преего Меларна за собой, оттащив мужчину к задней стене, где намеревался раздеть его и посадить на цепь вместо него.

Все это время Дайнин требовал, чтобы его выпустили, а Браелин убил Меларна.

Но Браелин не обращал на него внимания и не обращал внимания на звуки: рыдания и визг с другого конца коридора, где пауки пировали на двух женщинах, шум других заключенных дальше, у главной двери, умоляющих

освободить их. Он заблокировал все это и методично приступил к своей задаче. Преего сидел, прислонившись к стене, когда мужчина издал тихий стон и начал выходить из-под действия заклинания.

Преего открыл глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как раскрытая ладонь Браелина быстро приближается, чтобы ударить его по лицу, сильно приложив головой о камень.

Затем второй раз, и третий, а затем колено врезалось с огромной силой, вызвав резкий звук трескающегося черепа, и голова Преего откинулась в сторону.

Браелин стянул с мужчины жилет и рубашку, обнажив его до пояса, прежде чем пристегнуть его запястье к настенным кандалам. Он полностью раздел его и быстро надел снаряжение, затем посмотрел на единственное оружие: нож, который был у Преего.

Преего не был мертв. Побег можно было оправдать простым желанием выжить, и если бы он оставил Преего Меларна в живых, возможно, это сохранило бы некоторую степень вежливости между Джарлаксом и Матроной Жиндией.

Но как же он хотел убить этого человека!

Он, спотыкаясь, вышел в коридор, закрыл дверь и запер ее на ключ.

Напротив, вызванные магией пауки, казалось, исчезли, оставив одну из женщин безвольно лежать на полу, другая прижалась к стене и тихо плакала.

У Браелина не было их ключа - он ничего не мог для них сделать.

Однако у него был ключ от камеры Дайнина, и это породило в его голове совершенно другой набор головоломок. Освобождение этого человека, брата Дзирта, несомненно, было бы поступком, выходящим за рамки прощения матроны Жиндии, и почти наверняка объявило бы Бреган Д'Эрт на стороне еретиков.

Но как он мог оставить его? Как он мог пойти к Джарлаксу - к Дзирту! - и сказать им, что он оставил Дайнина здесь страдать?

Он вошел в камеру Дайнина и освободил человека, который все еще был слаб от голода и побоев. Браелин начал пересматривать свой выбор, когда помогал Дайнину выбраться из камеры: как он мог надеяться сбежать, когда рядом с ним был такой избитый человек?

Дайнин внезапно отстранился, споткнулся и ударился о снова запертую дверь камеры Браелина.

– Иди в игровую зону, – приказал ему Дайнин. – Там есть мази и, возможно, другие предметы, которые нам помогут.

Браелин кивнул и бросился вниз, резко остановившись, когда услышал, как позади него открылась дверь камеры. Рефлекторно он потянулся к своему поясу, к поясу Преего, только чтобы обнаружить, что связка ключей исчезла.

Он развернулся, чтобы заглянуть обратно в темницу, и увидел, что Дайнина в коридоре нет. Дверь камеры Браелина захлопнулась.

Он бросился обратно к нему. «Нет, не надо!», крикнул он Дайнину, который бил Преего по лицу, приказывая ему проснуться.

Охранник Меларн кашлянул и покачал головой, подняв взгляд на Дайнина, как раз в тот момент, когда бывший пленник схватил его за волосы по бокам головы, дернул его голову вперед, а затем впечатал ее обратно в стену, снова, и снова, и снова.

Свободная рука Преего поднялась, чтобы схватить нападавшего и ударить его, но Дайнина было не остановить и даже не замедлить.

Затылок Преего ударился о камень дюжину раз и больше, пока при каждом ударе не начал раздаваться мягкий хрустящий звук.

Наконец, он отпустил ее и откинулся назад.

– Нет, слишком просто! – сказал Дайнин. Он пошарил в поисках связки ключей, которая лежала на земле рядом с ним, затем подобрал один ключ и крепко сжал его в кулаке концом наружу.

Он вонзил его в левый глаз Преего, крутя и выворачивая, затем потянул назад.

Браелин отвел взгляд. Преего не оказал сопротивления, но он не был уверен, был ли мужчина мертв или просто очень, очень глубоко без сознания.

Он надеялся, что мужчина уже мертв.

Окровавленный, Дайнин подошел к двери и отпер ее, присоединяясь к своему спасителю.

– Теперь мы можем уходить, – сообщил он Браелину, бросая ему связку ключей.

Браелин запер дверь камеры. Он взглянул через дорогу на двух женщин, бросив сочувственный, но беспомощный взгляд на ту, что все еще стояла на ногах, и пошел по коридору, чтобы присоединиться к Дайнину в пыточной, где До'Урден действительно нашел какие-то мази и втирал их в его многочисленные раны.

Он надеялся, что не совершил ошибки, помогая этому человеку.

Глава 17
Простить не значит забыть

– ***Я*** *поговорю с тобой после собрания,* – услышал Громф шепот в своих мыслях после того, как выразил приятное удивление, увидев Кэтти-Бри на собрании рядом с Пенелопой Гарпелл.

Они назывались Семью Учеными, но постоянных членов было всего пять, включая Громфа, Цецилию, Пенелопу Гарпелл, леди Авельер и Киммуриэля, который, хотя и не был волшебником в общепринятом смысле этого слова, мог дать ответы на вопросы, выходящие далеко за рамки возможностей других, из-за его знакомства с ульем разума иллитидов. Два других места были зарезервированы для Кэтти-Бри и Ивоннель Бэнр, которые были нечастыми посетителями.

Он посмотрел на Кэтти-Бри, поймав ее пристальный взгляд, и слегка подмигнул и кивнул в ответ на ее телепатическое сообщение.

Затем Громф поднял маленький колокольчик и позвонил в него, подавая сигнал призрачным официантам разносить угощение.

– Может быть, мы подождем окончания трапезы, чтобы начать нашу вечернюю беседу? – спросила леди Авельер, которая всегда была сторонницей этикета.

– Нам многое нужно обсудить? – спросила Цецилия, облачная великанша.

– Это будет зависеть от того, насколько каждый из нас продвинулся в своих соответствующих заданиях, – ответил Громф. – И да, я думаю, нам следует начать немедленно, потому что я ожидаю долгого и изысканного ужина этой ночью. – Он посмотрел на Кэтти-бри. – Пенелопа объяснила тебе тему этого разговора?

– Я не знала, что она придет, пока не обнаружила, что она ждет меня у огненного телепорта здесь, в подвале этой самой башни, – ответила Пенелопа. – Приятный сюрприз.

– И я не ожидала оказаться здесь незадолго до этого, – добавила Кэтти-Бри. – Я была с королем Бренором после того, как проводила свою дочь в монастырь вместе с Ильнезарой и Магистром Саван. Поскольку путь сюда, в Лускан, был легким, я решила принять приглашение и отведать хорошей еды и содержательной беседы.

– Я думаю, ты найдешь дискуссию очень интересной и весьма актуальной, – ответил Громф. – Мы пятеро, сегодня четверо с Киммуриэлем, отправившимся в Мензоберранзан, пытались создать новое заклинание огромной полезности и силы, в котором задействованы школы прорицания и колдовства и даже немного хроноэнергии.

Кэтти-Бри попыталась выглядеть заинтересованной. Она взяла бокал вина у одного из официантов и начала благодарить официанта, прежде чем вспомнила, что этот официант был не более чем вызванным волшебным призраком.

– Ты слышала о вихревом искажении? – спросил Громф.

Кэтти-бри покачала головой.

– Телепорт на короткое расстояние, – сказала Цецилия.

– Или дверь в другое измерение, – сказала Кэтти-Бри.

– Ну, нет, не совсем. Это для других целей, а не только для заклинателя. Союзников или врагов, даже монстров, можно перебросить, и им необязательно этого хотеть. Довольно удобный двеомер - я поделюсь им при нашей следующей встрече.

Кэтти-Бри подняла свой бокал в тосте за великаншу.

– Подумай обо всех существах, которых мы можем призвать, – сказал Громф, затем замолчал, когда официанты принесли тарелки и поставили их на стол.

– Начинайте, – сказал он своим гостям.

– Мы можем призывать демонов и порождения теней, дьяволов, животных для наших коллег-заклинателей, склонных к природе. Всевозможные звери и элементали...

– Не говоря уже о возможностях неживой природы, – добавила Цецилия. – Костры, слуги, свет, чтобы осветить комнату...

– Чего не хватает в этом списке? – Громф спросил Кэтти-Бри.

Она ответила пожатием плеч, не совсем уверенная, к чему все это ведет.

– Людей, – ответил Громф. – Мы можем телепортировать других людей к нам. Прямо сейчас мы можем отозвать наших спутников вместе с нами в наш дом. Но мы пока не можем призвать других к себе.

– Разве это не вопрос выражения свободной воли?

– Мы подчиняем волю демонов и бесов, чтобы заставить их выполнять наши приказы, – отметила Цецилия.

– Но да, – сказала Пенелопа Кэтти-Бри, – это вопрос этики и свободы воли. Вот почему такой двеомер сложнее. Если мы планируем использовать его как инструмент для сбора друзей или даже как способ спасения компаньонов, это потребует большего, чем простое заклинание.

Кэтти-Бри слегка криво усмехнулась Громфу, чтобы не так тонко напомнить ему о том, как сильно изменила его жизнь вдали от Мензоберранзана. То, что он даже допускал этические последствия создания нового заклинания за своим столом, было чем-то таким, о чем Громф Бэнр, которого она впервые встретила, никогда бы не подумал.

Он, конечно, нахмурился в ответ.

– Итак, – продолжила она, – требуется магия предсказания, чтобы сообщить намеченной цели о готовящемся заклинании и добиться ее готовности?

– Да, – ответила Авельер. – Как и в случае с большинством заклинаний, мы должны сначала рассмотреть все потенциальные проблемы…

– В конце концов, что может пойти не так с огненным шаром? – сухо сказал Громф, и когда Кэтти-Бри посмотрела на него, она увидела, что он смотрит в ее сторону.

Он пытался показать ей, что он все еще тот жестокосердный и беспощадный великий волшебник из Мензоберранзана, поняла она, и это показалось ей довольно...

Милым? Или жалким?

Неважно, поняла она. Самолюбие Громфа ощетинивалось при любой мысли об эмоциональной мягкости.

Она вернулась к насущному вопросу, к понятию заклинания и прорицания, которое могло бы вызвать определенных личностей. Как бы она хотела, чтобы такой двеомер существовал, когда Дзирт отбыл в Мензоберранзан!

Или даже сейчас, даже когда все это улажено, насколько проще было бы возить Бризи туда и обратно между монастырем Желтой Розы и Поместьем Плюща в Длинной Седловине!

«Почему это заклинание не было создано раньше?», удивилась она.

Но, поразмыслив, она начала понимать его потенциальную опасность. Проникший волшебник может привести с собой армию! Защитят ли какие-либо стены города или такие места, как Гаунтлгрим?

Она оглядела собравшихся и прислушалась к их дальнейшим замечаниям и дискуссиям, и, несмотря на все потенциальные выгоды, она не была уверена, что хочет, чтобы их усилия оказались плодотворными. Тем не менее, она оценила их вдумчивость и заботу.

Кэтти-Бри подумала, что, возможно, ей следует чаще посещать подобные собрания, хотя бы для того, чтобы понять, как далеко были готовы зайти эти волшебники - и какие моральные вопросы возникали при этом.

Если вообще возникали.

Затем она вспомнила, зачем пришла в это место, и это имело мало общего с магическими исследованиями. Она была здесь, чтобы увидеть Громфа

Бэнра, и задавалась вопросом, будет ли нынешняя встреча ее единственным шансом присутствовать на каком-либо из собраний.

Тогда она переключила свои мысли с разговора на стоящую перед ней мрачную задачу и на свою дочь - конечно, на свою дочь. Ранее в тот день она отослала Бризи с Саван, возможно, в последний раз.

Таким образом, слова других не могли подействовать на отвлеченную женщину, даже тревожные предупреждения, которые включали такие термины, как «ловушка души» и «волшебный сосуд», и другие комментарии относительно филактерий, где они могли бы хранить частичку духа намеченной цели.

Да, Кэтти-Бри была рада, что они все это продумали, но в тот момент это казалось скорее теоретическим упражнением, и ничто не было столь насущным, как очень реальный выбор и дилеммы, стоящие перед ней сейчас.

Какими бы вкусными ни были еда и напитки, она едва притронулась к ним за оставшееся время трапезы и обсуждения и лишь частично осознала, когда призрачные слуги начали убирать тарелки - она отмахнулась от того, кто пришел за ее едой, хотя опять же не знала, зачем она беспокоилась об этом - и когда Громф начал прощаться со своими коллегами-учеными.

– Похоже, еда заинтересовала тебя даже меньше, чем наша беседа, – сказал Громф, и он был очень близко к ней, что удивило ее и отвлекло от размышлений.

– У меня достаточно забот в животе и много забот на уме - боюсь, слишком много для таких серьезных разговоров об этике двеомера, который, возможно, никогда даже не станет реальностью.

– Ты пришла не ради моей вкусной еды и хорошей компании? – спросил Громф, и Кэтти-Бри начала отвечать, почти восприняла его всерьез, прежде чем осознала его сарказм.

Она была не собрана, не так проницательна и рассеянна, и она знала, что не сможет удержаться.

– Я пришла, потому что...

Она замолчала, когда Громф бросил что-то рядом с ее тарелкой на стол.

Это было похоже на простую белую сценическую маску, которую использовали артисты в бродячих труппах, которые пересекали Королевства.

Но Кэтти-Бри знала этот предмет, и знала, что он был каким угодно, только не простым.

Она называлась «Маска Агатхи», и, надев ее, кто-то мог выглядеть точно так же, как любой другой человек, даже представитель другого гуманоидного вида.

И эта маска не поддавалась обнаружению.

Это была идеальная маскировка, и, насколько она знала, уникальная.

– Я не могу повторить ее, как просил Джарлакс, – сказал Громф, словно прочитав ее мысли. Она вспомнила его работу с псиоником Киммуриэлем и пристально посмотрела на него, подозревая именно это.

– Что? – невинно спросил он - и он был невиновен в том, что читал ее мысли, поняла Кэтти-Бри, рассмотрев его более внимательно, и его комментарий был просто совпадением.

– Он просил меня много месяцев назад, возможно, предвидя те самые события, которые сейчас происходят, – объяснил Громф. – Но нет, это невозможно воспроизвести с помощью какой-либо магии, о которой я знаю.

– Возможно, такое начинание было бы лучшим использованием времени Семи Ученых.

Громф покачал головой.

– О нет, – сказал он. – Несмотря на все потенциальные неприятности, связанные с заклинанием, которое мы сейчас обсуждаем, эта маска таит в себе гораздо более гнусные обещания.

– Говоришь ты, давая ее мне.

– Я знаю, почему ты здесь, и я знаю, что тебе это нужно. Ты едешь в Мензоберранзан, чтобы сражаться бок о бок со своим мужем.

– И ты одобряешь мой выбор?

– Не мое дело одобрять или не одобрять. Я знаю, что ты уходишь, и поскольку ты уходишь, эта маска - твой лучший шанс выжить. Полагаю, я мог бы превратить тебя в дроу и наложить двеомер постоянства поверх, но я боюсь, что Дзирт предпочитает человеческий облик для своих удовольствий.

Кэтти-Бри ответила, нахмурившись:

– Каждое слово, которое ты произносишь, указывает на различия, а не на радость от их существования.

– Я просто сказал, что он…

Женщина нахмурилась еще сильнее, и Громф больше ничего не сказал.

– Ну, вот и все, как ты хочешь, – сказал он. – Ты собираешься идти по туннелям в Мензоберранзан в одиночку?

– Я делала это раньше, и это было до того, как я нашла свое призвание как жрица Миликки и как волшебница.

– Очень могущественная волшебница, – сказал Громф, казалось бы, искренний комплимент застал ее врасплох.

– Но нет, добрая леди, ты не пойдешь одна, – добавил он. – И пройдешь не так много, как могла бы думать.

Какие бы остатки хмурого выражения ни были на лице Кэтти-Бри, оно исчезло, когда она обдумала это заявление.

– Ты собрался в Мензоберранзан?

– Это мое место. При всей моей ненависти к этой войне, я, наконец, пришел к пониманию, что не могу избежать ее. Это и моя битва тоже.

Кэтти-Бри кивнула, подумав, что они действительно были бы грозной парой. Она сомневалась, что на всем Фаэруне было много волшебников, и уж точно в Мензоберранзане не было никого, кто мог бы приблизиться к его ужасной силе. И, как он отметил, она сама была отнюдь не слабачкой.

– И я надеюсь, что к нам присоединится еще кое-кто, – сказал Громф. – И ты, дорогая Кэтти-Бри, возможно, как раз тот человек, который сможет убедить его.

По его подсказке она последовала за Громфом через ряд коридоров и комнат, подходя к двери,

– Я скоро присоединюсь к вам, – сказал ей Громф. – Я обещал показать коллеге особняк, который я создал. Я уверен, ты поймешь.

Кэтти-Бри кивнула и больше не думала об этом. Она повернулась к двери и толкнула ее, оказавшись в роскошной гостиной с большими, удобными на вид диванами и кушетками, мягкими креслами, баром, уставленным причудливыми бутылками, полными жидкостей, рядом с хрустальными бокалами и призрачным барменом, ожидающим команд.

Она заметила босые ноги мужчины, свисающие с подлокотника дивана, и узнала пояс с мечом, или, точнее, скелетообразную рукоять меча, прислоненного к дивану.

Она обнаружила, что удивлена.

– Тебе, кажется, вполне комфортно, – сказала она Энтрери, подходя.

Он открыл сонный глаз: «Устал с дороги».

– Я должна была бы удивиться, увидев тебя здесь, так как я слышала, что ты путешествовал в Глубоководье, а затем на юг, но нет.

– Я здесь не по своей воле, или не по какому-либо выбору, который ты могла бы понять. А почему ты здесь?

Она подняла маску Агатхи.

– Я уже сказал Джарлаксу, что не хочу этого, – сказал Энтрери, фыркнув.

– Это не для тебя.

– Тогда кто… Ах, ты? Ты отправляешься в Мензоберранзан?

– Я, с верховным магом. Этот бой имеет значение.

– Не для меня.

– Я знаю тебя лучше чем ты думаешь, – сказала Кэтти-бри.

– Ты слишком много думаешь.

– Я очень невысокого мнения о тебе, – категорично заявила она. Это привлекло его внимание, и он принял сидячее положение, потянувшись за

ботинками, но ни разу не моргнув, с явным удивлением уставился на Кэтти-Бри.

Он не стал надевать ботинки, просто держал их наготове рядом и продолжал смотреть, его озадаченность явно не уменьшалась.

– За все то время, что обстоятельства свели нас вместе, тебе не приходило в голову, как мало мы разговаривали? – спросила Кэтти-бри.

– Мы сражались вместе, и хорошо, и за общее дело.

– И мы сражались друг против друга, за противоположные цели.

–Это было давно.

–Я до сих пор помню, как мы впервые встретились. А ты? – спросила Кэтти-бри.

– Как будто это было час назад.

–Я простила тебя, но я не забыла.

–Я все еще пытаюсь простить себя, но и я не забыл.

– Дворфы...

– Фендер Маллот и Гролло, – сказал Энтрери и, когда глаза Кэтти-Бри расширились от удивления, добавил:

– Я же говорил тебе. Я не забыл.

– Но ты простил себя?

Энтрери пожал плечами.

– Я понимаю, – тихо сказала Кэтти-бри.

– Мы все убивали, да?

– Сидния, – сказала Кэтти-Бри, опуская взгляд. – Ее звали Сидния.

– Волшебница?

– Помощница Дендибара Пестрого. Я все еще чувствую тепло ее крови на своей руке. Я все еще слышу ее последний вздох, последний воздух покидающий ее легкие. Я тогда едва стала взрослой.

– Я был еще совсем мальчишкой, когда совершил свое первое убийство, – ответил Энтрери и пожал плечами, когда Кэтти-Бри посмотрела на него.

– Я должна была, – сказала женщина.

– Я тоже так делал, снова и снова. Это становилось легче - слишком легко. Это стало больше, чем вопросом выживания, и скорее образом жизни.

– Ты помнишь их всех?

– Конечно, нет, – сказал он.

– Но ты помнишь двух дворфов - или тебе недавно об этом говорили?

– Я помню тот день ярко и всегда буду помнить, как ты помнишь помощницу Дендибара.

– Это было мое первое, и я ненавидела его. И я все еще помню.

Энтрери пожал плечами и кивнул.

– Так почему же ты помнишь их, Фендера и Гролло? Потому что это было убийство?

– Я только сказал, что помню тот день. Я узнал их имена намного позже. Столетие спустя.

– Почему?

– Я подумал, что это важно.

– Для них или для тебя?

Он снова пожал плечами.

– Ты пришла сюда, чтобы ругать меня?

– Я не ругаю.

– Тогда поговорим о старых временах? И если так, то зачем заострять внимание на таких мрачных моментах? Я думал, что мы все это пережили - прощены, да, если не забыты.

– Так и есть, – призналась Кэтти-бри. – Возможно, меня раздражает просто твое нежелание продолжать путешествие. Ты нужен своим друзьям, а ты их бросил.

– Старый друг нуждается во мне больше. – Это застало ее врасплох, она задумалась, кого он имел в виду. Он продолжил:

– А что насчет тебя? Ты позволила своему любимому уйти во тьму без тебя.

Кэтти-Бри закрыла глаза и поняла, что ее тактика в попытке пристыдить Артемиса Энтрери и заставить его уйти, возможно, была ошибкой. Видеть его развалившимся в таком комфорте, этот бесспорно грозный и еще менее бесспорно мерзкий меч, прислоненный к дивану, было таким противоречивым образом, что она пошла по этому пути, не обдумав его до конца.

– Вот почему я ухожу сейчас!

– И где Вульфгар и Реджис? Где знаменитые Компаньоны Халла, когда они нужны Дзирту? Или король Бренор, который мог бы собрать несколько армий дворфов и отправиться в Мензоберранзан…

– Хватит! – перебила она. – Пожалуйста? – Она похлопала руками в воздухе и подождала некоторое время, прежде чем открыть глаза. Энтрери сидел на диване, глядя на нее снизу вверх, но в его глазах не было осуждения, только сочувствие.

– Это сложный мир, – предложил Энтрери. – Вот почему Громф попросил тебя убедить меня пойти.

– Он попросил, но я не знаю почему.

– Потому что я знаю дом Меларн. Я был с Джарлаксом и Дзиртом, когда мы захватили это место. Я хорошо это знаю, и - он наклонился и достал свой украшенный драгоценными камнями кинжал - этот кинжал наводит ужас на Жиндию Меларн.

– Ты думаешь, он собирается использовать кинжал против нее? Чтобы запугать ее и заставить сдаться?

– Возможно. Я ожидаю, что у него мало желания ввязываться в длительную борьбу, и он намерен быстро обезглавить сторону Ллос. Возможно, это инструмент палача, который, по его мнению, выполнит задачу.

Кэтти-Бри обдумывала это несколько мгновений.

– Интересно, все же, зачем он пригласил нас обоих с собой. Если я собираюсь использовать маску...

– Мне она не нужна, – заверил ее Энтрери. – Значит, ты идешь?

– Я еще не решила. Я чувствую, что нужна в двух разных местах.

– Мензоберранзан и другое?

– Да, разумом и сердцем.

– Я знаю, что ты не друг Далии Син'Далай - или Далии Син'Фелл, какой ты, вероятно, ее знала. Но она нуждается во мне, нуждается в ком-то, и хотя мы расстались не как друзья, я не могу оставить этот призыв без ответа.

– Если она действительно все еще жива.

Энтрери кивнул.

– Ты что-нибудь узнал?

– Только то, что ее искалеченный сын все еще мерзкое создание.

Кэтти-Бри подняла брови при этих словах.

– Ему все равно, – объяснил Энтрери. – Но нет, у меня мало информации о пути Далии. Она была в Глубоководье больше года назад, и одна женщина сказала мне, что она ходила к Вратам Балдура, хотя я сомневаюсь в правдивости этого слуха.

– Врата Балдура имели бы смысл, если бы она попала к пиратам.

– Как и Лускан. Или половина городов на Побережье Мечей. Или на корабле в открытом море, если уж на то пошло.

Кэтти-Бри не могла не согласиться, хотя, если бы Далия прошла через Лускан, она сомневалась, что Джарлакс не обратил бы на это внимания.

– Я предлагаю сделку, – сказал Энтрери. – Я пойду с тобой и Громфом, и давайте отрубим голову этому чудовищному порождению Ллос, и если мы с тобой вернемся живыми, или даже если ты одна вернешься живой, охота на Далию возобновится. Ты поможешь мне, даю слово. Кроме того, ты

попытаешься найти ее и помочь, если она в этом нуждается, самостоятельно, если я буду... недоступен.

– Ты знаешь мою историю с Далией, – запротестовала Кэтти-бри. – Ты знаешь историю Далии с Дзиртом.

– Так что никогда не забывай этого. Но прости ее. Это то, что мы делаем, не так ли?

Кэтти-Бри действительно не знала, что на это ответить. Но это не имело значения.

– Мы заключили сделку, – сказала она Энтрери.

– Чудесно, – сказал Громф Бэнр, материализовавшись рядом с ними.

– Я знал, что ты там, – заметил Энтрери, и Кэтти-Бри не усомнилась в его словах.

– Отдохни, подготовься, – проинструктировал Громф. – Наш путь будет короче, чем у других, как только я смогу определить, с чего его начать.

– Разве ты не можешь доставить нас прямо в Дом Бэнр? – спросила Кэтти-бри.

– Я мог бы, но в таком случае наш путь оттуда может быть определен замыслами других. Мой план более... прямолинейный. И наше прибытие может быть замечено теми, кто тайно работает против нашего дела.

Кэтти-Бри отметила, что он смотрел на Энтрери, когда говорил это, и, учитывая то, что мужчина только что сказал ей, это имело смысл.

– Ты не доверяешь Верховной Матери? – спросила Кэтти-бри.

– Я дроу и мужчина, так что, конечно, я не доверяю. Более того, у меня есть несколько сестер и стайка племянниц, все они когда-то и, возможно, до сих пор присягают Паучьей Королеве. Мы все были бы дураками, если бы ожидали, что каждый в Доме Бэнр или каждый, кто утверждает, что стоит на стороне Дома Бэнр, на самом деле является союзником.

Глава 18
Радость неведения

С помощью ясновидения Нвизи каллидийцы в короткие сроки обыскали логово тирана смерти, пройдя по каждому извилистому коридору и многочисленным уровням нескольких пещер поменьше, обнаруживая каждый укромный уголок и нишу, и находя все, что намекало на магические свойства.

По мнению Закнафейна, добыча была в лучшем случае незначительной. Они не нашли никаких полезных предметов, кроме единственной магической безделушки: волшебной свечи, которую можно было зажечь и погасить простым усилием мысли ее владельца. Не такая уж незначительная находка в Подземье, но и не впечатляющая для тех, кто обладает темным зрением. Любые другие сокровища были в основном в останках тех многих бедных душ, которые стали немертвыми слугами похожего на лича бехолдера: изодранная одежда, ржавые доспехи и оружие; несколько небольших мешочков с монетами, в основном медными и серебряными; рюкзак с кое-каким исследовательским снаряжением и еще один с несколькими бутылочками с зельями, хотя только одна осталась целой и, казалось бы, пригодной для использования. Нвизи определил ее как целебное зелье самого низкого качества.

Тем не менее, у каллидийцев, казалось, пошла кругом голова, когда они поднимались по веревке обратно в коридор наверху. Они возбужденно болтали между собой об этом интересном попутном приключении и о том, что они видели то, чего, вероятно, никто из их города никогда раньше не видел.

Вернувшись в коридор, Алефаэро развеял магическую дверь в логово тирана смерти, запечатав его навсегда.

Они разделили обильную трапезу прямо в коридоре, жрецы приготовили изысканные блюда и напитки, подходящие для великой победы, к которой они не имели никакого отношения. Зак все это время сидел с Аззудонной и Галатой, а Айида и Адин Дуайн время от времени присоединялись к ним.

Недалеко от них группа жрецов Авернила сидела в кругу, сочиняя то, что казалось героическими стихами о «победе над глазом-тираном».

– Ты должен понимать, для них это уже было настоящим приключением, – сказала Галата Заку.

– Неужели мое удивление настолько очевидно?

Аззудонна рассмеялась:

– Ты должен признать, что там было могущественное существо, – сказала Галата.

– Довольно смертоносное, как сообщил мне Алефаэро, – добавила Аззудонна.

– И совершенно мертвое к тому времени, когда вы все прибыли сюда, - сказал Зак. – Да, потрясающий бой для меня и для Галаты, который испытал нас на пределе наших возможностей и, если бы не немного удачи, почти превзошел эти пределы. Но это Подземье, и поэтому вам всем следует привыкнуть к таким опасностям.

– Мы, Каллидийцы, все не новички в битвах, Закнафейн, – сказала Аззудонна.

– Конечно, нет. Но и вы не были участниками этой битвы.

– Но многие здесь молоды и нетерпеливы, – вставила Галата. – Они знали не так уж много сражений - некоторые вообще не сражались - и даже в тех случаях это были в основном сражения, хорошо продуманные их командирами, и с заранее распределенными ролями, как в пещерах Каттисолы в последнее время, когда некоторые спустились, чтобы сразиться с полярными червями, со жрецами, некоторые из которых сейчас здесь, ждут в пещере наверху, чтобы проявить свои целительские таланты.

– Верно. И для многих посещение логова тирана смерти, вероятно, была первым разом, когда они оказались в крепости врага, любого врага, – добавила Аззудонна. – Это захватывающе, согласись.

Зак вздохнул: «Посмотри на них». Он сделал это когда говорил, отметив широкие улыбки, явный восторг от того, что они вошли в логово монстра. Несмотря на то, что этот монстр был побежден до их прибытия, а его приспешники также уничтожены, это действительно был новый и захватывающий момент для каллидийцев.

Теперь Зак сидел рядом с этими двумя надежными подругами, одной из которых он очень восхищался, а другую нежно любил. Галата и Аззудонна, несомненно, были достойны его доверия, что бы ни натравил на них враг. Он знал, что Алефаэро тоже был грозен, как и некоторые другие, такие как Авернил и две воительницы: Адин Дуайн и Айида. Но все же, наблюдая за празднованием вокруг него и рассматривая существо, которое они даже не видели живым, у них промелькнули сомнения относительно мыслей Закнафейна, бесспорно, не без оснований.

– Я понимаю их волнение, но я сомневаюсь в их мужестве. Они действительно понимают, во что ввязываются? – спросил Зак у двух женщин.

– Я понимаю – ответила Галата. – А ты?

– Я знаю, да, – заверил ее Зак и перевел взгляд с Галаты на Аззудонну. – А ты?

Она могла только пожать плечами.

– Нужно ли мне напоминать вам, что мы, Каллидицы, не чувствуем себя в безопасности в теплых постелях, с набитыми животами, с теплыми и безопасными очагами? – сказала Галата.

– Мое путешествие в пещеру, чтобы спасти тебя и остальных, было не первым моим сражением, – сказала Аззудонна, и Зак понял, что женщины приняли его расспросы довольно близко к сердцу.

– Я знаю, – заверил он их. – Однако, чего вы не знаете, так это Ллос, а также силу и преданность ее ревностных жриц. Вы сталкивались с монстрами, даже с мыслящими воинами, но я не могу не сказать, что вы никогда не видели такой жестокости. Битва, которая нас ожидает будет беспощадной.

– Мы знаем, – сказала Галата. Она кивнула подбородком в сторону остальных, направив туда взгляд Зака. – Они тоже. Я обещаю тебе - они готовы. Позволь им насладиться своим приключением, прежде чем каждое празднование будет омрачено чувством утраты тех из нас, кто погибнет.

– Пусть тебя не обманывает их веселость, – сказала Аззудонна Заку и положила руку ему на предплечье. – Они понимают, что цена может быть высокой.

– Цена вполне может быть любой, – поправил он.

– И они готовы заплатить ее, служа своей богине.

– Тогда, возможно, мы все немного глупы, – пробормотал Зак себе под нос.

– У вас есть план как нам действовать, когда мы наконец придем? – спросила Аззудонна их обоих, игнорируя мрачный настрой своего возлюбленного.

– Нет, – ответил Зак. – Нет. Кроме как найти Джарлакса и присоединиться к нему, у меня не было реальной идеи о том, как я и Галата найдем свое место в битве.

– Теперь все по-другому, – сказала Аззудонна. – Авернил возглавляет эту группу.

– Тогда он сможет найти их место, в то время как ты, я и Галата найдем наше.

– Путь Галаты лежит с Авернилом, – заявила Аззудонна.

Зак приподнял бровь на это и искоса взглянул на паладина, которая кивнула, соглашаясь с этим заявлением.

– Теперь все изменилось, Закнафейн, – сказала Галата. – Мы - грозная сила, которую ты видишь перед собой, и в основном из-за их доверия и любви друг к другу, а также божественных сил, данных Темной Девой. Мы должны оставаться на стороне тех сил, которые объединились с нами в Мензоберранзане, не считая даже ваших друзей, теперь, с этими новыми дополнениями.

– На стороне?

– Да. Мы знаем, как сражаться, не сомневайся. В свою очередь, мы окажем неожиданную услугу нашим союзникам и позаботимся о том, чтобы наши методы не мешали их собственным боевым действиям. С тобой, ведущим нас через лабиринт Мензоберранзана, мы нанесем сильный и быстрый удар и заставим наших врагов дрогнуть.

– Ты недооцениваешь…

– Я - нет.

– Я всего лишь хочу сражаться рядом со своим сыном.

– Конечно, хочешь, – сказала Аззудонна. Она придвинулась ближе к Заку и поцеловала его в щеку.

– И, возможно, это произойдет, – сказала Галата. – Но я уверена, что Алефаэро привел Нвизи не просто так. Он эксцентричен, его пути неизвестны, но его способность ясно видеть дороги будущего не вызывает сомнений у тех, кто его знает. Мы найдем способ наилучшим образом послужить Эйлистри, и Аззудонна почти наверняка останется с нами. А ты, Зак?

Закнафейн вздохнул и обдумал это. Он указал подбородком назад, на толпу празднующих каллидийцев, осматривающих каждый предмет и каждую монету так, словно они забрали сокровища самой Тиамат.

– Они выглядят как дети, которых я веду на бойню, – посетовал он.

– Не ты ведешь их, – напомнила Галата.

– Они празднуют победу, как будто сама Паучья Королева пала в том логове. И они даже не участвовали в битве.

– Но я была прямо там, внизу, рядом с тобой. Я разочаровала тебя?

Он слегка усмехнулся, рассматривая могущественного паладина.

– Вряд ли.

– Они тоже не будут. Ты увидишь.

– Позволь им немного отпраздновать, – добавила Аззудонна. – И делай это с осознанием того, что они хорошо знают, что может произойти, и если их

ждет смерть, они охотно пожертвуют всем ради служения Эйлистри, сражаясь за свои убеждения.

Зак сдался, покачав головой.

– Я не собираюсь умирать здесь, внизу, и я, конечно, не хочу, чтобы ты умерла здесь. Не после того, что мы нашли, любовь моя. – Он протянул руку и нежно погладил ее бело-фиолетовые волосы. – Это то, о существовании чего я никогда не подозревал, чего я не видел за столетия своей жизни на моей родине. Чего я никогда не видел, пока не отступил от своих собственных ошибочных суждений о человеческой жене моего сына и честно не осознал их связь.

– У тебя были любовницы, – ответила Аззудонна с кривой усмешкой. – Так ведь?

– Это было утешением. Это было бегством от окружающей нас реальности. Она замечательная женщина, и я всегда буду заботиться о ней. Но все было не так. Такое чувство, что мы только что встретились, и в то же время, как будто мы были вместе целую вечность. Я не могу представить свою жизнь без Аззудонны. Я всегда рад тебя видеть, и все же, я ужасно боюсь, потому что ты здесь.

– Я не позволю тебе умереть, – прошептала она, придвигаясь ближе для поцелуя, а затем прошептала на ухо Заку:

– И я знаю, что ты не позволишь им убить меня.

Вскоре после этого труппа снова двинулась в путь, добиваясь хороших успехов, их шаги были легкими, когда они углублялись в Подземье. Во время каждого перерыва жрецы приносили еду и питье, а также заклинания исцеления для больных ног, в то время как Алефаэро устанавливал магическую тревогу, а Нвизи бросал свои цветные драгоценные камни, читая их танец, распознавая их путь, а таке проверяя, нет ли поблизости опасностей, которые могли бы скрываться поблизости.

И их было много, но все они были прирожденными хищниками, будь то животные или монстры, а не дроу-жрицы Ллос. Дальше по коридору спаривающаяся пара ускользающих зверей, крупных шестиногих кошек с парой похожих на хлыст щупалец, растущих из их плеч, построила свое логово, которое, как предупредил Нвизи, было заполнено квинтетом детенышей. Закнафейн знал об опасности ускользающих зверей, но ему не нужно было предупреждать каллидийцев, потому что они тоже были знакомы со странными монстрами, которых они называли дирлаграунами.

Искусные в приготовлении не только простого хлеба, жрецы волшебным образом создали толстые куски мяса, в то время как волшебник Алефаэро

сотворил плавающий волшебный диск. Они загрузили волшебную тележку и отправили ее по боковому проходу, нагруженную штабелями, которых хватило бы, чтобы дирлаграуны были сыты в течение многих десятидневок.

Заку пришло в голову, что истинный ужас Подземья всегда заключался в элементе неожиданности. В этих туннелях и пещерах никогда нельзя было терять бдительность, потому что это означало бы нарваться на засаду.

В Подземье всегда было какое-нибудь существо, что-то поистине чудовищное, готовящее засаду.

Но благодаря ясновидению Нвизи эта грань катастрофы притупилась, и труппа двигалась день за днем без особых проблем, делая много коротких привалов, а Алефаэро наколдовывал маленькие полусферические защитные купола для более длительных остановок.

Это оказалось самым легким путешествием, которое Закнафейн когда-либо совершал по извилистым путям Подземья, и хотя он не знал, как это может обернуться, когда их настигнет настоящая беда, что в конечном итоге и произойдет, его уверенность в своих товарищах только возросла. Он отбросил свои страхи, наблюдая за их, казалось бы, чрезмерной радостью от набега на логово монстра, которого они с Галатой убили, и начал понимать, что любая детская открытость или широко раскрытые глаза, которые он мог наблюдать среди них - это еще не вся история этих храбрых эвендроу.

Он подумал об их игре в Каллиде, где они танцевали, пели и глупо хихикали над небылицами и непристойными играми, а затем он подумал об их более серьезной игре, о своей драке с Адин Дуайн в бочке замороженного винограда и о Каззкальци, кровавом спорте.

Да, этих эвендроу было легко недооценить.

И все, кто это делал, были действительно глупцами.

Зак знал, что они были недалеко от Мензоберранзана, и некоторые туннели и многоярусные пещеры были ему очень знакомы. Они миновали грибной сад, страну гигантских миконидов, грибного народа. Зак бывал в этом месте много веков назад - вечно предприимчивый Джарлакс не раз имел дело с миконидами и торговал с ними грибами, которые составляли основной ингредиент некоторых из самых популярных напитков в его таверне в Браэрине. Казалось, мало что изменилось, поскольку весь этот мир Подземья был буквально высечен из камня.

Зак подумал о своей родине, Мензоберранзане, городе и пещере, которые простояли тысячелетия. Каждая семья дроу пыталась оставить на нем свой след, будь то винтовые лестницы, перетекающие от сталактита к сталактиту, подсвеченные волшебным огнем различных оттенков, но это были такие мелкие детали, подумал он. Он был уверен, что город выглядел почти так же, как вскоре после своего основания.

Высеченный в камне, как обычаи жестоких жриц. И вот они здесь, пытаются все это изменить.

Он старался не зацикливаться на этой, казалось бы, невыполнимой задаче, сидя в одиночестве на плоском камне и перекусывая во время перерыва в марше.

– Как близко мы к городу? – спросили его, и он обернулся, чтобы увидеть Галату, идущую к нему, с Аззудонной и Айидой позади.

– По извилистым туннелям или по прямой через каменные стены?

– По прямой, – сказала Галата.

– Вероятно, не больше мили. Но у нас впереди еще, по крайней мере, целый день марша по извилистым туннелям. А что?

– Нвизи кое-что нашел, – объяснила Галата. – Пойдем.

Они прошли мимо множества отдыхающих, кто-то ел, кто-то пребывал в дремлении, и миновали несколько боковых пещерок в неровном туннеле, ширина которого в некоторых местах едва достигала пяти футов, а в других - в пять или шесть раз больше.

Зак услышал взволнованный шепот - Алефаэро и Авернила, подумал он, - когда они подошли к одной из боковых ниш, разноцветное сияние разлилось по коридору перед ними. Завернув за угол, они обнаружили этих двоих вместе с Нвизи, который ползал по полу, его семь драгоценных камней плавали в воздухе перед ним, образуя различные формы, в то время как волшебник-улутиун создал скульптуру на полу комнаты, иллюзорное изображение другой пещеры.

– На что я смотрю? – спросил Зак.

– Пещера, – сказал Алефаэро. – Нвизи воспользовался своим дальним зрением, чтобы рассмотреть пещеру недалеко отсюда.

Зак придвинулся ближе к маленькому человечку, даже опустился на четвереньки рядом с Нвизи, который, казалось, не замечал его, а просто продолжал рисовать, или лепить, или что бы это ни было, чтобы воплотить свое видение в жизнь.

Да, пещера, не очень большая.

– Где это? – спросил Зак.

– Ты узнаешь это место? – откликнулся высший жрец Авернил.

– *В*озможно. – Зак присмотрелся повнимательнее, по-настоящему впечатленный работой Нвизи. Он посмотрел на маленького круглолицего мужчину и с удивлением понял, что глаза Нвизи даже не были открыты. Он создавал изображение только своим мысленным взором.

– Это не Мензоберранзан, – сказал Зак.

– Нет, конечно, нет, – согласился Авернил. – Это пещера неподалеку, так считает Нвизи, и в ней наши враги творят большие беды.

– Как это?

Нвизи сказал что-то неразборчивое, затем провел рукой по дальнему концу создаваемого им помещения, оставив там гореть небольшой иллюзорный огонь - хотя, возможно, не такой уж и маленький, понял Зак, если его масштабировать, и помещение было таким большим, каким казалось.

Он присмотрелся к огню повнимательнее, отметив, что он находился внутри жаровни.

– Они открыли врата на нижние уровни в этой внешней пещере,– объяснил Авернил.

– Нвизи говорит, что барьер между уровнями…

– Фаэрцресс, – вставил Зак.

– Мы называем это Мезонель, вьющаяся ткань Пиу.

– Пиу?

– Пиу... Авернил поднял взгляд и руку, оглядывая все вокруг, проводя при этом рукой.

– Всё. Всё, что есть и все, что когда-либо будет. Пиу.

Зак кивнул.

– Мультивселенная.

– Как бы мы это ни называли, – вмешался Алефаэро, возвращая их к теме, – в этом зале, по словам Нвизи, Мезонель, Фаэрцресс, слаб и тонок. Последователи Ллос нашли его, или, что более вероятно, их направила к нему сама Королева Демонов, и они используют его для эффективного привлечения орд союзников-демонов. Похоже, мы наткнулись на что-то вроде казарм для наших врагов.

– Откуда мы знаем, что это наши враги? – спросил Зак.

– Они призывают существ с нижних планов, – ответила Галата. – Демонов.

Это ничего не доказывало Заку, но он подумал, что лучше оставить эту мысль при себе.

Конечно, Матрона Зирит Ксорларрин или кто-то из Бэнров, не задумываясь, пригласил бы демонов сразиться с силами матроны Жиндии. Всего несколько лет назад Верховная Мать Квентл заполнила улицы Мензоберранзана демоническими монстрами. Эвендроу не нужно было это знать.

– Мы должны немедленно отправиться в Дом Бэнр с этой информацией, – сказал Зак.

– Возможно, отправьте двоих из нас. Меня и Алефаэро. Я могу показать ему дорогу, и его магия поможет нам добраться туда быстрее.

Он заметил смущенный взгляд, которым Авернил одаривал его на протяжении всего ответа, и усмешку на лице Галаты, когда она посмотрела на него, затем на священника.

– Если мы когда-нибудь и отправимся в этот Дом Бэнр, то только для того, чтобы сказать им, что мы закрыли эти врата, – объяснил Авернил.

– Нас едва ли больше шестидесяти человек, – напомнил Зак.

– Шестьдесят с благословением Эйлистри, – ответил Авернил.

Зак поморщился. Это звучало слишком похоже на обычный припев Мензоберранзана, за исключением замены Эйлистри на Ллос.

– Мы их предвидим, но у них нет такого преимущества перед нами, – объяснила Галата.

– Сколько демонов?

– Целая орда, да, но в основном мелкие демоны, – ответила паладин. – Они будут быстро уничтожены.

– Если силы матроны Жиндии призывают их, тогда знайте, что там есть удадроу, могущественные жрецы и волшебники.

– Вот почему внезапность - сейчас наше решающее преимущество, – сказал Авернил.

– Они недалеко от Мензоберранзана, – возразил Зак. – Ты думаешь, они ослабили бы бдительность, если бы известные враги были так близко?

– Я уверен, что у них много глаз, наблюдающих за передвижениями любых
значительных сил дроу из города. Но мы нападаем снаружи.

Зак не был убежден, но и не ожидал, что кто-то передумает. Он просто смиренно покачал головой.

– Мы скоро отправимся, – пообещал Авернил.

– Убедись, что это враги, – предупредил Зак, не вдаваясь в подробности.

Когда Авернил начал расспрашивать его, Закнафейн поднял руку и покачал головой, не предлагая дальнейших объяснений. Он глубоко вздохнул, когда священник ушел.

– Он не так уж плох, – сказала Галата, и Зак, оглянувшись, увидел, что она широко улыбается.

– Я давно научился не доверять священнослужителям, – беззаботно ответил Зак.

– Паладины еще хуже.

– Это точно. Я хочу, чтобы ты был со мной, когда начнутся бои, – сказала Галата более серьезно.

– Наши стили хорошо дополняют друг друга. Аззудонна тоже будет там с нами.

Зак кивнул.

– Мы будем на внешней стороне площади, скорее всего, впереди.

– Это именно то место, где я предпочитаю находиться, – заверил ее Зак.

– У большинства по периметру есть щит. Хочешь такой?

– Нет. Я с детства тренировался обращаться с двумя видами оружия. Щита не нужно.

– Я буду защищать тебя, – пообещала Галата. – Как я делала в логове тирана смерти.

– В логове монстра, которого я победил, пока ты лежала раненая в туннеле наверху?

– Защита близких иногда может быть болезненной, – сказала она без промедления.

Зак обнаружил, что это ему очень нравится.

Но не так, как ему нравилась приближающаяся женщина, которая плюхнулась рядом с ним и нежно поцеловала.

– Мое сердце жаждет битвы и того, что мы будем праздновать после, – прошептала Аззудонна Заку на ухо.

Он притянул ее ближе.

– Сначала подумай о том, как остаться в живых, – предупредил он. – Тогда мы сможем подумать о том, как это отпраздновать.

– Позаботьтесь о том, чтобы помнить о своих местах и о своей преданности всем тем, кто вас окружает, когда начнется бой, – сказала Галата им обоим.

– Твоя озабоченность принята к сведению, – сказал Зак, его голос был ровным и серьезным, как и подобало.

– Я знаю, – ответила Галата. – Но это всегда необходимое напоминание, когда любящие пары вступают в битву бок о бок.

– Я не позволю каллидийцу пасть, потому что я прикрываю Закнафейна, – также ответил Аззудонна.

– Тогда я оставлю вас, – сказала паладин, и поднялась, чтобы уйти.

– Я бы предпочел, чтобы ты осталась, – сказал Зак, и, взглянув на него, Галата снова села на камень.

– Я бы хотел услышать о наших боевых порядках и планах, пока мы ждем прорицателя, если нас застанет битва. Я никогда не видел, чтобы в группе было так много священников и так мало воинов и волшебников.

– Тогда для тебя это будет приятным сюрпризом, – сказала Галата и достала маленький нож, чтобы нацарапать на полу несколько планов сражений, чтобы Зак мог их увидеть.

Нвизи изучает тщательнее, – сообщил Алефаэро Галате, Заку, Аззудонне и нескольким другим, которые вскоре присоединились к ним на импровизированном стратегическом совещании.

Зак оглянулся мимо приближающегося волшебника, заметив, что Нвизи ползает по полу, снова создавая какие-то магические иллюзии. Он встал и вытер руки о штаны, затем последовал за Алефаэро и Галатой обратно к прорицателю, где его взгляд остановился на магическом образе, созданном Нвизи. Это была не картина, а скорее скульптура - казалось, полуконтрастная копия камеры, теперь детализированная сталагмитами и сталактитами, алтарем в конце замысловатого круга призыва и всеми входами - дополненными магическими заметками, написанными на песке, объясняющими, куда ведут эти туннели, и что означало бы их проникновение во вражескую комнату.

Зак видел великолепные планы жриц в те дни, когда был мастером оружия, с бассейнами для гадания и даже миниатюрными моделями вражеского дома, но ничего даже отдаленно не напоминало то, что создал Нвизи.

Если это вообще было реально, подумал Зак, но не сказал. Алефаэро, очевидно, считал этого странного человека большим преимуществом, но что, если на самом деле он был скорее иллюзионистом, чем прорицателем?

По мере того, как Алефаэро продолжал свои объяснения, стало ясно, что они собирались детально разработать свой план атаки в соответствии с предчувствиями и видениями Нвизи.

Зак участвовал во многих битвах. Редко они проходили так, как планировалось.

– Закнафейн?

Когда до него донесся звук его имени, он понял, что не обращал внимания на разговоры вокруг и что это был не первый звонок Галаты ему.

– Как вы думаете, было бы разумно с вашей стороны пойти и предложить понимание Нвизи, поскольку он погружается все глубже?” спросила она, очевидно, не в первый раз.

– Я не знаю, так как я не знаю эту пещеру.

– Но ты знаешь удадроу, – указал Алефаэро.

Зак пожал плечами.

– Возможно, но когда-то я знал их лучше, чем сейчас.

– Ты видел такое вызывание демонов, да? – спросила Галата.

– Каждый дроу в Мензоберранзане был свидетелем таких радостных моментов, – последовал ответ, и в нем Зак не смог удержаться от сарказма.

– Тогда любое понимание помогло бы, – сказал Алефаэро. – Круг призыва? Алтарь? Сильные и слабые стороны демонов?

– Ты не знаешь о демонах? – удивленно спросил Зак.

– Наш опыт общения с существами низших планов довольно ограничен, – ответила Галата. – Мы знаем о слаадах.

– Слаады - не демоны, – сказал Зак, только чтобы немного поразмыслить, прежде чем добавить:

– Или, может быть, они и есть. Их повелитель есть или был, как мне сказали.

– Силы Галаты и жрецов были более впечатляющими против слаадов, чем силы волшебников, – сказал Алефаэро, затем быстро добавил:

– Некоторых волшебников. Мы обнаруживаем, что существа других планов существования часто в меньшей степени подвержены типичным повреждениям от стихий огня, холода и молнии.

– Я думаю, это справедливо и для демонов.

Алефаэро кивнул и широко улыбнулся, глядя на Галату, что в тот момент показалось Заку любопытным.

– Пойдем, Закнафейн, – пригласил его волшебник, и он последовал за Нвизи, затем поделился своими соображениями относительно алтарей жриц Ллос и тех немногих подробностей, которые он знал о кругах призыва. Однако это была короткая беседа: события начали развиваться быстро, поскольку Нвизи внезапно осознал, что внезапная атака пойдет им на пользу, и чем быстрее они ударят, тем лучше.

Верховный жрец Авернил призвал свою паству собираться.

– Мы используем восьмиугольник, окруженный стенами из щитов, – сказал он. – Вторая шеренга, второй фланг защищает стену воинов. Все остальные посылают оружие и призываемых стражей вокруг нас. Нвизи прикажет Галате провести нас через поле боя.

– Что с Закнафейном? – спросил Алефаэро.

– Он справа от меня, Аззудонна слева, – ответила Галата.

– Возможно, Закнафейну, который не знает наших обычаев, следует стоять в арьергарде и больше наблюдать, чем сражаться, – сказал Авернил.

– Ты так говоришь только потому, что не видел, как сражается Закнафейн, – ответила Галата, глядя на Зака с восхищенной улыбкой. – Я видела. Он рядом со мной. Он понадобится нам в первую очередь, когда мы столкнемся с величайшим из наших врагов.

Авернил поклонился ей, затем Заку.

– Я полагаюсь на твое суждение по этому поводу, Святая Галата.

Зак встретился взглядом с паладином. Ему было хорошо с ней рядом и с Аззудонной рядом.

– Алефаэро будет сопровождать Нвизи и разъяснять его указания, – добавил Авернил. – Средняя группа, конечно. Я верю, что ты найдешь подходящее место для своих сил, волшебник, и я не претендую на то, чтобы указывать тебе, как и куда бросать твои разрушительные заклинания.

– Большая часть будет направлена на поддержку усилий жрецов, – ответил Алефаэро. – Чтобы противостоять усилиям тех, кто использует заклинания против нас - удадроу и демонов. Но да, я действительно верю, что у меня есть несколько полезных трюков.

С отработанной эффективностью, которая, по крайней мере, вернула немного надежды, отряд сформировал плотные ряды. Те, кто был в передней шеренге, несли по два вида оружия, но все воины на внешних флангах несли по короткому копью и большому щиту, сделанному из великолепного прессованного льда. У этих щитов были крючки на переднем крае и углубления на заднем, и эвендроу скрепляли их вместе, создавая настоящую стену защиты.

И снова Зак отметил точность. Очевидно, что это построение было отработано и предопределено заранее, поскольку воины на левом фланге несли щиты на левой руке, в отличие от тех, что были на правой - таким образом, даже щиты приходилось менять местами, ведь пазы для соединения были теперь с противоположной стороны.

Он никогда не сражался подобным образом и был заинтригован тем, что стал частью этой тактики.

– Пришло твое время, Святая Галата! – Крикнул Авернил с центральной части площади.

Более двух десятков жрецов в строю начали тихо петь.

– Нвизи! – Позвала Галата. – Веди меня.

Она начала двигаться немедленно и в быстром темпе, квадрат исказился лишь на мгновение, прежде чем эвендроу восстановили почти идеальный строй.

Они прошли по коридору, быстро, но тихо. Подошли к развилке, и Галата, не колеблясь, повернула направо и двинулась по прямому коридору, который заканчивался у каменной стены.

– Нвизи говорит, что они войдут за нами, – сказал Алефаэро.

– Свитки, – приказал Авернил, и жрецы нарушили строй, каждый на ходу доставая по трубочке со свитками, затем разворачивая содержимое внутри, которое было сделано из выделанной тюленьей кожи и поэтому лежало ровно. Они выложили ими коридор за площадью.

– Если нам придется отступать, повторяй название Каллиды несколько раз, когда будешь убегать из этого коридора, – предупредила Галата Закнафейна.

Воин чуть не рассмеялся вслух, осознав, что жрецы накладывали заранее приготовленные глифы и обереги. Авернил положил последний, посыпав линию сверкающей пыли, ближайшую к квадрату.

Это послужило бы спусковым крючком, если бы враг действительно зашел с тыла.

– Стойте, затем атакуйте! – Сказал им Авернил, когда коридор был подготовлен.

Зак услышал, как Алефаэро произносит заклинание, и догадался, что сейчас произойдет, поэтому он не удивился, когда стена перед ним просто исчезла, открыв пещеру, которую Нвизи так тщательно - и поразительно точно, как сразу понял Зак, - воспроизвел.

Как только стена исчезла, в воздухе перед ними появилось две дюжины и более светящихся видов оружия, указывающих путь, и к тому времени, когда боевое каре ворвалось в зал призыва, появились и духовные стражи, воздух вокруг кружился от маленьких небесных фигурок, летающих вокруг, как разъяренный рой стиргов. Полупрозрачные, ангельские стражи приняли цвета Веселых Танцоров - действительно, Зак не мог не думать о том зимнем небе Каллиды, когда смотрел на них. Он был почти ошеломлен яркостью этого зрелища, но окружающие его явно не были удивлены. Он и раньше видел духовных стражей у жрецов, но не так, не с более чем дюжиной священников, произносящих свои заклинания одновременно и накладывающихся друг на друга.

Отряд почти сразу же был встречен группой второсортных демонов, человекоподобных негодяев, которыми, как знал Зак, можно было управлять. Он поднял Солардис и его ледяной клинок и был готов встретить атаку, но чуть не задохнулся, когда эти демоны встретились с передним краем стражей и начали разлетаться на куски, когда вызванные духи волшебным образом ударили по ним божественным сиянием.

Гривастые, казалось, дымились, так много клочьев разлеталось в стороны.

Ни один ман, ни один дретч не подобрался к Заку достаточно близко, чтобы он мог ударить по ним.

Едва ли даже обдумав это движение, он усилием воли придал своему магическому клинку форму хлыста.

Они прошли вдоль стены относительно прямоугольной комнаты недалеко от алтаря и круга призыва. Там было около двух десятков дроу, включая нескольких жриц, с горсткой главных демонов и еще очень, очень много мелких демонов, дретчей и манов.

Алефаэро ударил следующим, наполнив воздух над алтарем бурей с мокрым снегом - но такой, какой Зак никогда не видел. Дождевые облака тоже были похожи на веселых танцоров северного неба, а падающие капли мокрого снега сияли.

Заку удалось быстро оглянуться на волшебника и увидеть, что на нем надето что-то похожее на корону из парящих звезд.

Он не знал, что это могло означать, и у него не было времени разобраться в этом. Ибо демоны появились и спустились вниз, несколько были сбиты с неба внезапной бурей волшебника.

Глабрезу, налфешни и вроки - так много вроков - бросились вперед, толкая вперед гривастых и дретчей, которые были обращены в ничто кружащимися магическими стражами.

Главные демоны тоже подверглись нападению роя наколдованных сияющих существ, нападавших на них, но их было бы не так легко уничтожить.

– Оружие удадроу! – скомандовал Авернил, его голос, усиленный магией, перекрыл шум внезапной битвы. В ответ эти парящие булавы, мечи и копья полетели вперед мимо демонов, чтобы атаковать вражеских дроу.

И так же появилась горошина пламени, зеленого пламени, пролетевшая над головой Зака и вперед, мимо шеренги демонов, чтобы взорваться гигантским огненным шаром, но таким, какого Зак никогда не видел, потому что его пламя было зеленым и фиолетовым, а не обычным цветом, который можно было бы ожидать. И они искрились, больше напоминая сияние Веселых Танцоров, чем огонь.

Что бы там ни принес Алефаэро, демонам это определенно не понравилось.

Еще несколько горящих обломков упали сверху, издавая ужасный скрежет и плавясь при падении.

Так же кричал удадроу, попавший в зону взрыва.

Появились ближайшие крупные демоны, но все до единого они шатались, их формы уменьшались, от них отлетали куски, а вокруг клубился дым. Десятки духовных стражей непрерывно атаковали - демоны попали в зону поражения, и каждый момент, пока они оставались в пределах действия двеомеров жрецов, они подвергались нападениям и уменьшались в размерах.

А затем с большой эффективностью атаковали Зак, Галата, Аззудонна и другие бойцы переднего ряда, причем большинство врагов перед ними были уничтожены еще до того, как они нанесли хотя бы один удар по квадрату каллидийской группы.

План сработал, это бесспорно. Благодаря ясновидению и прорицанию Нвизи, эвендроу застали врага врасплох.

Где-то позади раздалась серия взрывов, которые сначала встревожили Зака. Однако он понял, что в коридоре сразу за стеной прохода, созданной Алефаэро, вражеская поддержка подошла сзади.

Именно так, как предвидел Нвизи.

И именно там жрецы разместили множество глифов, которые они подготовили заранее.

Зак доверял этим заклинаниям, сосредоточившись на предстоящей битве. Похожий на стервятника демон-врок - зеленое сияющее пламя от огненного шара Алефаэро покрывало его, как плащ - устремился к нему, и он приготовился принять его...

...только для того, чтобы духовные стражи остановили его, как раз когда Зак занес свой кнут для удара.

– Теперь за мной! – Закричала Галата и бросилась вперед, Зак и Аззудонна по бокам от нее.

Паладин прокладывала себе путь прямо сквозь слабеющие ряды демонов, подальше от толпы и неразберихи, дыма и летающих духов-хранителей. Это мгновение ясности показало им оставшихся врагов, дроу у алтаря и нескольких крупных демонов, затаившихся в засаде - хотя все присутствующие, смертные и изверги, также почувствовали злобный укус зеленого огненного шара Алефаэро.

Но это были жрицы Ллос, и Зак понимал, что победа еще далека. Он должен был добраться до них быстро, прежде чем они смогут оправиться от первоначального шока.

Однако легче сказать, чем сделать, поскольку огромный и неповоротливый четырехрукий зверь прыгнул наперерез. Зак знал этого изверга, глабрезу, с его верхними конечностями, похожими на крабьи клешни, и гигантской гуманоидной формой, похожей на огромного рогатого гнолла. В отличие от многих демонов, сила этого заключалась не в его заклинаниях, а в его чистой физической выносливости и свирепости.

Он был уверен, что сможет победить его, потому что делал это раньше, но на это потребуется время.

Он не был уверен, что у них есть время. Поверх плеч демона он мог видеть, как жрицы произносят заклинания: уничтожают магическое оружие, исцеляют друг друга и своих демонических союзников, и, по крайней мере, две из них обрушивают столбы огня на эвендроу позади него.

Он должен был добраться до них.

Он должен был пройти через этого глабрезу - и быстро.

Он прыгнул и остановился, используя инерцию, чтобы взмахнуть хлыстом вперед и ударить им по морде глабрезу, который зарычал и двинулся на него, нетерпеливо щелкая массивными когтями.

И появился яркий свет, сине-белый, и появилась Галата, проносясь мимо него, высоко подпрыгивая с Блуцидером, поднятым выше для массивного демона, выкрикивая молитву, которую Зак слышал в последней битве.

– Я изгоняю тебя!

Ее меч опустился на бронированное предплечье одной из когтистых рук глабрезу, удар, который не должен был быть серьезным, поскольку существо прекрасно парировало, и ни один удар не пробил бы тяжелую, похожую на панцирь защиту на этой толстой руке. Но магия клинка, божественная магия, подаренная Эйлистри, все-таки проникла, перетекая из меча в монстра, нанося удар по самому его существованию на Материальном плане. Ослепительная вспышка, запах серы, и глабрезу попросту исчез.

Галата неловко приземлилась и потеряла равновесие, споткнувшись вперед, и Зак повернулся, чтобы последовать за ней и защитить ее, но передумал, когда Аззудонна пронесся мимо, преследуя паладина.

Свою спутницу, таким образом, прикрывала его возлюбленная, Зак вместо этого направился к алтарю и троице жриц, стоявших там.

Одна зарычала на него и подняла четырехглавый бич из живых, шипящих змей в его сторону. Вторая скрестила кисти своих вытянутых рук перед собой в символе паука, большие пальцы — как педипальпы, восемь пальцев — как ноги - типичная поза для жрицы Ллос, в то время как третья опустила шар тьмы на группу.

Зак чуть не рассмеялся, поскольку видел эту пьесу уже дюжину раз.

Его разум уже прояснил его курс. Змеям плети не нужно было зрение, чтобы найти свою цель.

Предстоящее заклинание от жрицы было таким, которое поразит область перед ней, поэтому ей не нужна была четкая цель.

При приближении другого врага этот шар тьмы немедленно изменил бы поле боя в пользу жриц, но в случае с Заком он только скрыл истинную силу напавшего на них. Ибо репутация Закнафейна До'Урдена была написана кровью таких противников, поэтому его ответ был столь же отрепетированным.

Его правая рука легла поперек груди, раздался размашистый щелчок хлыста, за которым последовали три коротких и внезапных щелчка. Он нырнул в перекат, все еще двигаясь вперед, но под углом влево.

Он почувствовал волны жара, веер пламени прямо над собой, вскрик боли слева от себя. Он снова превратил Солардис в световой клинок, когда развернулся и поднялся, поменял хватку и продолжил атаку, но нанес удар наотмашь, когда проходил мимо второй жрицы, испытывая мрачное удовлетворение от ее стона глубокой боли, когда нож колющего света пронзил ее бок.

Осталась та, что стояла чуть левее и немного позади алтаря: жрица, призвавшая тьму. Он вернулся вправо, соскользнув к основанию алтаря. Когда он наткнулся на него, используя его прочность, чтобы удержаться на ногах, он вытянул левую руку со своим ледяным клинком и сильно ударил им по камню, немедленно отступая и ныряя вперед, перекатываясь по прямоугольному камню.

Жрица сбросила свои чары тьмы и потянулась вперед за плетью, ее другая рука светилась болезненно-зеленой слизью, которая могла вызвать ужасную болезнь или проклятие.

За исключением того, что Зака не волновало ни то, ни другое, потому что он был позади нее, в то время как она атаковала то место, где он постучал по камню.

Ведомый яростью, с вырвавшимся у него рычанием, он рубанул своим легким клинком, Солардис легко пробил скудную магическую броню, которую носила жрица, проломив ее череп и пройдя сквозь мягкие ткани мозга.

Верхняя половина ее головы отлетела в сторону, и она упала прямо вниз, змеи ее живого бича извивались и яростно плевались.

Зак отодвинулся от них на шаг, зная, что некоторые из этих гадюк могут выплевывать свой яд с большой точностью. Ему потребовалось мгновение, чтобы переориентироваться и оценить силу атаки.

Жрица перед ним, очевидно, была мертва. Та, которую он ударил мечом, поднимаясь из своего броска, лежала так же неподвижно, но та, которую он хлестнул, все еще стояла и все еще держала свой бич, теперь только с двумя змеиными головами на щупальцах. Кровь хлынула из руки и запястья жрицы, как раз в тот момент, когда ее гримасничающее выражение лица вылилось на Зака. Он улыбнулся ей, и глаза жрицы расширились.

Ей следовало смотреть в другую сторону.

Аззудонна ударила сзади, бросив жрицу вперед и на землю. Воительница аэвендроу, казалось, едва коснулась пола, когда приземлилась, настолько быстрым был ее отскок на ноги и шаг, растоптавший одну из оставшихся гадюк плети, а ее меч опустился, чтобы сразить другую.

Она подбросила копье, которое держала в руке, и двинулась вперед, сильно ударив его рукоятью по затылку жрицы Ллос.

Взяв угрозу под контроль, Зак задумался, куда идти дальше, но только на мгновение, которое потребовалось ему, чтобы увидеть, что битва почти закончена. Каллидийский квадрат разбился на боевые группы, большинство вернулось в коридор, чтобы удерживать там оборону, или, точнее, преследовать немногих оставшихся удадроу из группы, которые попытались

зайти нападавшим в тыл и пересекли поле, испещренное глифами взрывающихся рун.

Вражеская жрица и пара охранников, оба мужчины, остались в комнате едва живые, но упали на колени, высоко подняв руки в знак капитуляции. Другие лежали на земле, мертвые или раненые, и у Зака отлегло от сердца, когда он увидел, как каллидийские жрецы идут к павшим - своим собственным и своих врагов (по крайней мере, дроу) - и взывают к божественным силам, чтобы принести исцеление и облегчение.

Другая группа последователей Паучьей королевы была вытянута из коридора прямо перед тем, как закончился двеомер прохода в стене Алефаэро, запечатав его. Все они были ранены, обожжены и взорваны различными глифами эвендроу. Они тоже больше не оказывали сопротивления.

Что, как понял Зак, создало еще одну проблему.

Он отошел к одному из выходов и сел, чтобы восстановить силы и посторожить, пока его товарищи занимались своими делами. Вскоре к нему присоединилась Аззудонна и обратила его внимание на Святую Галату.

– Она освящает алтарь, жаровню и магический круг, – объяснила Аззудонна.

– Жрицы Ллос больше не будут использовать эту комнату в своих мерзких целях.

Он кивнул.

– Скольких мы потеряли?

– Многие были ранены, но лишь немногие серьезно, – ответила Аззудонна. – Боюсь, один погиб, а еще двое борются за свои жизни. Тем не менее, это была великая победа.

– И что с ними? – спросил Зак, указывая на заключенных, которых согнали в небольшую группу у стены за алтарем.

– Верховный жрец Авернил и Галата допросят их - ты знаешь из своего первого путешествия в Каллиду, что мы очень опытны в этом.

“А потом? У нас нет сил охранять их, пока мы продолжаем.

“Нвизи уже работает над этим, выбирая наилучший вариант. Если есть место, куда мы можем их перевезти, мы, конечно, так и сделаем.

– А если нет?

Аззудонна пожал плечами.

– Это зависит от них. Мы узнаем, говорят ли они правду.

Если нельзя убедиться, что они выйдут из боя, по крайней мере, это их выбор.

– Вы казните их. Не так ли?

Зак долго и упорно размышлял над этим, удивленный тем, что это вообще был сложный вопрос. Двое жриц погибли от его собственной руки, в том числе одна лежала с наполовину отрубленной головой. И это, конечно, были не первые жрицы Паучьей Королевы, которые почувствовали ярость Закнафейна, и, вероятно, не последние.

– Да, – ответила она. – Когда это закончится, чем бы это ни закончилось … Мы, не принадлежащие Ллос, не будем продолжать наносить удары по ее пастве. Но они придут за нами через вечность. Любое милосердие, которое мы проявим сейчас к тем, кто честно не покинет пути Ллос, приведет позже только к еще большим страданиям. Война уродлива.

– Как и рабство, – ответил Зак. – Как и Ллос.

Он был рад, когда в этот момент Аззудонна наклонилась к нему и поцеловала в щеку.

Глава 19
Предложение, от которого она не сможет отказаться

– **М**атрона Жиндия зовет, – пальцы Браелина блеснули в сложной фигуре рук безмолвного языка дроу, обращаясь к охраннику, идущему в другую сторону по естественному коридору, который вел из собственно дома в камеры подземелья.

Охранник, вооруженный настоящими мечами, а не просто ножом, как у Преего, кивнул и продолжил движение в их сторону.

Уловка, похоже, сработала, когда охранник прошел прямо мимо них, при этом Браелин опустил голову и грубо маневрировал, чтобы удержать заключенного между собой и часовым. Он вздохнул с облегчением, когда часовой не заметил, что он не Преего Меларн или кто-либо другой из его товарищей по дому, и подумал, что это здорово, что так легко подражать «голосу» другого человека на языке жестов.

Путь был свободен вплоть до люка, который, однако, был заперт, и его нельзя было открыть никаким ключом, который был у Преего.

– Главный ключ у другого охранника, – сказал Дайнин, поворачиваясь обратно в коридор.

Браелин покачал головой и упал на пол рядом с люком, сломав пломбу на связке ключей. Он согнул кольцо, чтобы еще больше разъединить концы, затем просунул один конец в замок, приложив ухо к пластине, чтобы послушать.

– У нас нет времени, – предупредил Дайнин. – Было бы проще убить охранника и продолжить наш путь.

Браелин не хотел этого делать, если не будет необходимости. Он все еще не был уверен, чью сторону выберет Джарлакс, если вообще выберет. Он мог только надеяться, что еще не сделал выбор за своего друга и наставника.

Он повертел металл в руках, пока не нашел что-то вроде защелки, затем внимательно прислушался, орудуя своей импровизированной отмычкой, чтобы манипулировать тумблерами.

– Он возвращается, – предупредил Дайнин.

Браелин вскочил и толкнул Дайнина перед собой, когда охранник вошел в маленькое фойе.

– Извините за мою глупость, – сказал охранник, доставая кольцо со множеством ключей. – Вы не сможете выйти без этого. Я должен был подумать...

Там он остановился и склонил голову набок, очевидно, только тогда осознав, что Преего Меларн или любой другой стражник тоже знали бы об этом.

Прежде чем он смог полностью осознать это, Дайнин прыгнул на него и повалил на землю, борясь за свою жизнь.

Охранник потянулся за одним из своих мечей, но то же самое сделал Браелин, у которого были все ключи, а затем и оружие.

Он приставил острие к горлу мужчины, прекратив борьбу. Распростершись на спине, охранник отпустил Дайнина и поднял пустые руки по бокам головы. Дайнин взял свой второй меч, слезая с мужчины.

– Мы должны посадить его в камеру, – сказал Браелин.

Вместо этого Дайнин приставил к нему меч, вогнав лезвие в горло мужчины, затем повернул его так, чтобы достать до мозга, и протолкнул глубже.

Браелин схватил его и оттолкнул в сторону.

– Что ты делаешь?

– Даю им то, чего они заслуживают, – ответил сын Дома До'Урден сквозь стиснутые зубы. – Только часть того, чего они заслуживают.

– Джарлаксу это не понравится.

– Джарлакса здесь нет. Джарлакс не чувствовал ни укусов змей Жиндии, ни пыток, которым подвергал нас этот охранник и все остальные, ни выражения удовольствия на их лицах, когда они это делали.

Браелин отступил назад и отпустил ситуацию... потому что он чувствовал все.

– Возьми его одежду и побыстрее. – он покачал головой и вздохнул. – И вытри лезвие.

Вскоре после этого они прошли через люк в главный дом и направились по коридору. К счастью, у обоих охранников были эмблемы дома, которые позволили бы им левитировать вниз с балкона в главную пещеру Мензоберранзана, если бы только они смогли туда добраться.

– Мы разделимся, когда выйдем из этого дома, – проинструктировал Браелин. – Ты знаешь браэрин?

– Конечно.

– Тогда доберись до Сочащегося Миконида.

Браелин сказал это почти не осознавая. Сочащийся Миконид был, конечно, обычным местом встреч для всех, кто был связан с Бреган Д'Эрт здесь, в Мензоберранзане. Но это было до того, как Браелин оказался там в ловушке - возможно, в ловушке, устроенной самой Азлией с помощью этих несчастных суккубов.

Можно ли ей все еще доверять?

«Нет», подумал он, качая головой, его сердце упало. Он просто не мог быть уверен.

– Я знаю это место.

– Забудь о нем, – передумал Браелин. – Доберись до дома До'Урден - это неподалеку. Поговори с Матерью…

– Да, Зирит, – сказал Дайнин. – Я знаю.

– Но знают ли они тебя?

– Они знают меня как Дайниннэ из Богохульства. Жрица Сарибель знает меня.

– Тогда найди ее и оставайся с ней, пока я не приду к тебе и не придумаю лучший курс.

– Я когда-то служил Бреган Д'Эрт и хотел бы делать это снова, – сказал Дайнин.

– Это дело Джарлакса и Киммуриэля, и я не знаю, где их найти. Надо добраться до Дома До'Урден, а потом уже беспокоиться о таких вещах, если мы все еще будем живы.

– **В**идишь, как это просто? – сказала Мать Жиндия Къернилл, когда они вдвоем стояли в личных покоях Матроны, уставившись в небольшую лужицу воды, которая показывала им обмен репликами между Дайнином и Браелином. – Просто покажи им то, чего они больше всего хотят, и они попадутся на крючок. Как глупые рыбы.

Къернилл Кенафин кивнула и даже слегка рассмеялась в ответ, хотя любое веселье, которое она демонстрировала, было полностью наигранным. Она ненавидела эту пьесу, потому что она неизбежно еще глубже увязала в многочисленных сетях, разбросанных вокруг нее. Теперь она обманывала и безжалостную Жиндию, которая проявляла такую радость, причиняя самую ужасную агонию, и Ивоннель, которая, вероятно, была самым могущественной персоной в Мензоберранзане, обладая тайной магией, способной соперничать с магией архимага Мензоберранзана, или, что еще хуже, с магией предыдущего архимага! И с божественной магией, которая, казалось, была выше даже Верховной Матери Мензоберранзана.

Обмануть либо Жиндию, либо Ивоннель было тяжело и трудно, особенно учитывая ужасные последствия того, что ее поймают - любая из них! И теперь она, скорее всего, окажется связанной с Джарлаксом и, что еще хуже, с Киммуриэлем Облодрой, этим самым странным и опасным псиоником. Да, обманывать Жиндию и Ивоннель, безусловно, было опасно, но обмануть Бреган Д'Эрт, или, более конкретно, Киммуриэля Облодру, было просто невозможно.

Такая плотная паутина, так много нитей, за которыми ей нужно было уследить, так много узлов, завязанных нитками, которые легко разрезать, но гораздо труднее удержать в руках...

Двое мужчин, одетых в черно-красную униформу охранников подземелья Меларнов, прошли через самые южные комнаты самых верхних этажей дома, приближаясь к балкону.

– Теперь уже скоро, – заметила матрона Жиндия.

– Как ты можешь быть уверена, что на Браелине правильная эмблема?

– Глупец Преего пал перед Браелином, – ответила Жиндия.

Къернилл кивнула. Поистине ужасная Жиндия отправила своего племянника в ловушку, вероятно, сейчас уже раненного, возможно, убитого, просто для того, чтобы доставить эту проклятую эмблему дома Браелину Дженкуэю.

И шпион Бреган Д'Эрт повел себя именно так, как она предсказывала. План был прост, и Къернилл должна была признать, просто элегантен, даже если ее роль в нем была не такой простой.

– Карива и ее сестры на месте? – спросила Жиндия служанку Эскавидне, которая стояла по другую сторону магического бассейна, наблюдая за всем этим с явным весельем.

Браелину показалось странным, что они не встретили никакого сопротивления на всем пути к балкону, но он не собирался проклинать свою внезапную удачу.

– Прямо в дом До'Урден, – напомнил он Дайнину, когда они осторожно вышли на террасу. Оказавшись у перил, они отметили, что местность под ними казалась достаточно чистой - дом Меларн был полностью построен среди нависающих сталактитовых насыпей, без каких-либо сооружений или больших сторожевых постов на дне пещеры. – Ты идешь напрямик. Я отправлюсь на юг и встречусь с тобой там через некоторое время.

Дайнин кивнул и перелез через перила. Он отпрыгнул в сторону, коснувшись эмблемы дома, а затем медленно опустился на землю.

Браелин почти сразу последовал за ним, коснувшись эмблемы, когда сошел с уступа. Он тоже начал опускаться, но гораздо медленнее, чем Дайнин.

Дайнин коснулся земли и оглянулся, задержавшись всего на мгновение, прежде чем помчаться в сторону бульвара, называемого Променадом Ллос, нырнув в тень и вскоре скрывшись из виду.

Браелин все еще парил, едва достигнув половины высоты над землей.

Что-то было не так, что-то большее, чем медлительность его спуска. Доспехи Преего Меларна были типичной кольчугой, которую носило большинство воинов Мензоберранзана, но внезапно они стали неприятно теплыми. И неудобно тесными, становясь довольно сковывающими.

Браелин попытался снять кожаный жилет, надетый поверх кольчуги, но тот тоже стал тесен, настолько тесен, что пуговицы стало сложно расстегнуть. Хуже того, стягивающие рукава рубашки продолжали сковывать каждое его движение, и действительно, начали прижимать руки к бокам, напрягая, как будто он был скорее в оковах, чем в рубашке.

Он пытался брыкаться, потому что жар становился более чем неприятным, теперь обжигая его.

Земля была близко.

Но так же близко были и три знакомые фигуры, летящие вниз из тени под балконом, с которого он спрыгнул.

Три суккуба, смеясь над ним, приближались.

– Где другой? – спросила та, что с поразительно рыжими волосами, когда они приблизились.

– Он убежал, – сказала черноволосая демоница.

– Что ж, идите и приведите его, вы обе! – взвизгнула первая. – С этим я поиграю сама.

Мысли Браелина закружились, пытаясь найти в этом смысл. Неужели на балконе не было охраны, потому что матрона Жиндия посадила под ним в ожидании трех могущественных демонов? Это казалось нелепым. Зачем ей это делать?

Только из-за меня?

Смысл был потерян во вспышке сильной боли от нагревающейся брони.

Он приземлился и побежал, все еще прижимая руки к бокам, но успел сделать всего несколько шагов, прежде чем рыжеволосая суккуб поймала его сзади.

– О, ты такой теплый, – промурлыкала она, крепко прижимая его к себе.

Браелин быстро развернулся в этом захвате и попытался ударить злодейку головой, но она двигалась слишком быстро, и он, споткнувшись, пролетел

мимо, а затем сильно ударился о землю, когда она ударила его по лодыжке. Он не смог смягчить падение и приземлился жестко и неловко.

Она снова схватила его, когда он лежал лицом вниз, и он услышал, как ее огромные крылья широко раскрылись, а затем начали хлопать.

Он поднялся в воздух, вернулся на тот же балкон, затем его затащили обратно в дом Меларн, где несколько стражников окружили его и подняли на ноги.

По крайней мере, раскаленные доспехи остыли, а его одежда снова стала свободной. Прежде чем он смог достаточно свободно шевелить руками, чтобы оказать сопротивление, они были туго заведены за спину и закованы в кандалы.

Внезапно Браелину захотелось, чтобы доспехи все еще жгли его, чтобы они просто убили его и покончили с этим. Потому что он снова был пленником матроны Жиндии, и он не сомневался, что недолго пробудет в таком благословенном состоянии.

Она была Мал'а'воселль Амвас Тол из дома Амвас Тол из самых ранних дней Мензоберранзана, – сказала служанка Йеккардарья матроне Мез'Баррис Армго и собравшимся во Втором доме города. – Они не прислушались к слову нашей Госпожи Ллос, став одной из первых и величайших ересей ранней эпохи. Эта, их мастер оружия, была, возможно, величайшим воином Мензоберранзана, и она только улучшила свои навыки за столетия, что служила нам в качестве драука.

– И все же Малагдорл победил ее, – ответила Мез'Баррис, обратив восхищенный взгляд на могучего воина.

– Он победил, и его подвиг не остался незамеченным.

– Он величайший воин в городе, – похвасталась матрона.

– Возможно, – сказала Йеккардарья, и матрона Мез'Баррис ощетинилась, но все же знала, что лучше не бросать вызов служанке Ллос. – Но, без сомнения, придут и другие великие воины. Но да, нет ни мастера оружия, ни мастера Мили-Магтира, который мог бы сравниться в мастерстве с твоим Малагдорлом.

– Расскажи об этом леди Ллос, если хочешь, – сказала Мез'Баррис, все еще с ноткой обиды в голосе.

– Она знает. Вот почему я здесь, по ее просьбе, чтобы поздравить тебя и этого великого воина.

Мез'Баррис улыбнулась.

– И даровать Малагдорлу Армго титул мастера оружия Мензоберранзана, – продолжила йоклол. – Теперь он вне твоего Дома, Матрона Мез'Баррис.

Вспышка тревоги промелькнула на лице Мез'Баррис, и если у кого-то и были сомнения по поводу ее любовных свиданий с этим великим человеком, ее внуком, то они, несомненно, уменьшились после ее реакции.

– Малагдорл теперь оружейный мастер Мензоберранзана, – объявила Йеккардарья.

– Он служит Дому Баррисон Дель'Армго! – настаивала Мез'Баррис.

– Он знает, Мать, знает, – заверила ее йоклол.

Замешательство матроны было очевидно.

– Я никогда не слышала о таком титуле, как этот.

– В городе есть верховный маг Тсабрак, Первая Жрица храма Богини, и Верховная Мать, – напомнила Йеккардарья.

– И все трое на стороне еретиков!

– К их безумию. На данный момент Малагдорл Армго - мастер оружия города, истинное воплощение боевого духа Мензоберранзана. – Она прошла мимо трона Мез'Баррис и подошла к большому мужчине. – Более того, Малагдорл Армго теперь признан Воином Ллос.

Малагдорл улыбнулся и кивнул, казалось, вполне довольный титулом, а еще больше самим собой.

– Скольких ты убил на этой войне? – спросила его Йеккардарья.

– Двадцать три. – заговорив, он бросил хмурый взгляд на волшебника Кайтейна, словно предлагая мужчине поспорить с цифрой.

– Впечатляет, – промурлыкала Йеккардарья. – Даже без убийства Мал'а'воселль Амвас Тол.

– Если бы мне была предоставлена свобода, о которой я мечтаю на поле боя, их было бы в десять раз больше.

– Без сомнения. Но если наши враги найдут какой-нибудь способ победить Малагдорла, их радость будет даже больше, чем наша при падении Мал'а'воселль. Мы никак не можем дать им этого. Ты согласна, Мать Мез'Баррис?

Матрона сидела на своем троне, казалось, ошеломленная всем этим разговором, и просто кивнула. Малагдорл, однако, издал почти дикое рычание.

Йеккардарья захихикала, приподнялась на цыпочки, поцеловала его и прошептала: «Ллос сделает из тебя бога».

– Мы официально отметим это в доме Меларн, – сказала Йеккардарья Мез'Баррис. – В течение десяти дней. Вместе с этим придут великие дары, которые улучшат его броню, укрепят его тело, предоставят ему магическую защиту и проницательность. Ты только начал свой путь, Воин Ллос. Только что, – закончила она и снова поцеловала его.

Он обнял ее одной рукой и приподнял над полом.

Напротив сидела Мез'Баррис с улыбкой на лице. Честь, оказанную ее дому, нельзя было недооценивать.

Но, наблюдая, как Йеккардарья страстно целуется с Малагдорлом, в ней закипела убийственная ярость, ревность пронзила ее насквозь.

Хотя и бесполезная. Это была Йеккардарья, одна из любимых служанок Ллос. Чего бы она ни захотела, матрона Мез'Баррис должна была это отдать.

Они уложили его на пол, его проклятый наряд приковал его руки к месту. Он мог поворачивать голову и двигать ногами, но очень старался этого не делать, поскольку по обе стороны от него стояли жрицы, третья у его ног, четвертая у его головы, все держали плети и пристально наблюдали за ним, явно желая причинить немного боли.

– Мои сестры возвращаются, – сказала рыжеволосая суккуб Матроне Жиндии. – Другой сбежал.

– Куда?

– Возможно, он прыгнул в Западный разлом, – сказала дьяволица.

Жиндия подбежала и оттолкнула в сторону жрицу слева от Браелина. – Ты понимаешь, чего мне это стоило? – набросилась она на Браелина. – Ты понимаешь, что сейчас объявил о намерениях Бреган Д'Эрт? Мужайся, глупец, ибо ты останешься в живых достаточно долго, чтобы увидеть, как их всех - Джарлакса, Киммуриэля, Дзирта и Дайнина - предадут Проклятью Мерзости. И ты уже будешь там, в таком состоянии, как слуга Ллос.

Ее улыбка была совершенно порочной, и Браелин изо всех сил старался скрыть свое отвращение и ужас, не желая доставлять ей такого удовольствия.

Он подозревал, что у него ничего не получается.

– Но ты бывал здесь раньше, Браелин Дженкуэй, и в этом самом доме, не так ли? О, я помню. А ты? То, как ты плакал и визжал, когда твои ноги раздваивались? Как ты булькал и кричал, когда твой живот раздувался?

Браелин с трудом сглотнул.

– На этот раз мы сделаем это публично, чтобы все увидели твою слабость, чтобы все увидели, что ты стал настоящим символом дьяволов, которые относились к Паучьей Королеве с таким презрением.

Он сжал челюсти, борясь со страхом. Он подумал об Азлии - неужели она действительно сделала это с ним? Нет, он не мог в это поверить.

– Ты готов к своему выступлению? – поддразнила Жиндия. – Я переполнена силой Ллос, так хочу начать!

– Мы должны позволить этому стать другим, матрона Жиндия, – раздался голос из-за трона.

От этого двусмысленного заявления у Браелина закружилась голова. Он вытянул шею и сумел разглядеть говорившего, и даже позволил себе немного надежды, когда увидел, что это служанка, которую Жиндия назвала Эскавидне.

– У нас здесь игра на будущее, – объяснила Эскавидне.

– И я одержу победу в ней, – огрызнулась в ответ Жиндия.

– Я прошу тебя обдумать предложенный тебе более долгий сценарий игры, если ты отдашь этого агента Бреган Д'Эрт матроне Мез'Баррис для публичного исполнения Проклятия Мерзости, – сказала Эскавидне.

Браелин осекся. Он осмелился надеяться, что она имела в виду еще одну жертву, а не очередного мучителя.

– Мастер оружия Малагдорл был назван Воином Ллос - теперь он мастер оружия всего Мензоберранзана, чемпион самой Паучьей Королевы.

– Тогда Мез... Матроне Мез'Баррис уже досталось больше славы, чем она заслуживает, – выплюнула Жиндия. – Я - принцип этой войны. Я та, кто выступила вперед, чтобы защитить честь Паучьей Королевы, когда еретики…

– Мы играем в долгую, матрона Жиндия, – перебила Эскавидне. – Единственная ценность этого человека, который не Дайнин До'Урден...

Браелин ожидал, что Жиндия плюнет в него, или ударит ногой, или, по крайней мере, зарычит при напоминании о пропавшем пленнике, но она удивила его своим спокойствием, просто кивнув, когда Эскавидне продолжила. – Он друг Джарлакса и высокопоставленный агент в Бреган Д'Эрт, которые являются опасными врагами, особенно учитывая их связи с Дзиртом До'Урденом и его другом, королем дворфов.

– Они против нас, и мы не хотим их видеть здесь, – сказал Жиндия.

– Они - да, а насчет нас ты ошибаешься, – уточнила Эскавидне. – Однако подумай: Матрона Мез'Баррис дарует проклятие, тогда ваш союз будет полностью скреплен. Мы обе понимаем, насколько важен дом Баррисон Дель'Армго для нашего альянса во имя Ллос. Пусть она проклянет его и выставит напоказ, затем пусть Воин Ллос сразит его на дуэли, тогда ты сможешь вернуть его из мертвых в качестве драука-нежити перед ликующей толпой. Те, кто участвует в Богохульстве, помнят момент своего превращения в драуков, но еще лучше они помнят годы, десятилетия, столетия, которые они служили в Бездне в качестве нежити-игрушек для Ллос. И толпа запомнит заключительный акт, а не начальный.

Жиндия издала негромкий звук, и он не был радостным.

– Я должна убирать за Матроной Мез'Баррис?

– Подумай подольше. Это зрелище, которое я описала, очень тесно свяжет ваши дома.

– И Мез'Баррис захочет стать Верховной Матерью.

– Как и все матроны, конечно. Будь спокойна, зная, что Ллос этого не допустит, – заверила ее Эскавидне. – Но Матрона Мез'Баррис, напоминаю тебе, - будет удовлетворена, как и ты. Возможно, несколько другими способами.

– О чем ты говоришь? – потребовала ответа Жиндия, в ее тоне сквозили одновременно раздражение и заинтригованность.

– Ты действительно веришь, что Нарл'дорлтирр подходит на роль мастера оружия Первого дома Мензоберранзана?

Браелин увидел, как мужчина сердито и неловко заерзал на троне напротив служанки. Мужчина рядом с ним, которого Браелин знал, как патрона Сорнафейна, улыбнулся, но лишь на мгновение, когда Эскавидне прямо добавила:

– Или Сорнафейна как Отца твоего Дома?

Браелин посмотрел на Жиндию, ожидая реакции. Единственное, что он знал об этом доме, это то, что Жиндия на самом деле любила Сорнафейна, судя по всем отзывам и наблюдениям. Он был единственным, кого, как известно, она любила, кроме власти и Ллос.

– Следи за своими словами, – сказала она, а затем, чтобы свести к минимуму любую угрозу служанке Ллос, добавила:

– Я умоляю. Ты была там, когда смертельные раны Сорнафейна были исцелены силой Ллос. Он достоин и не заслуживает смерти или проклятия.

– Итак, если бы я сказала тебе сделать из него драука, ты бы сделала?

Жиндия прикусила губу, поколебалась, жалобно посмотрела на своего возлюбленного и послушно сказала: «Конечно».

– Ну, не бойся, – заверила ее Эскавидне. – Сорнафейн достаточно достоин, и ты сможешь играть с ним, когда захочешь. Ты даже можешь продолжать официально считать его покровителем Дома. Но тебе следует рассмотреть все возможности, матрона Жиндия.

Жиндия покачала головой, явно сбитая с толку.

– И укреплении твоего союза с матроной Мез'Баррис, которая примет твое восхождение к роли Верховной Матери, – объяснила Эскавидне и прямо добавила:

– Какая слава придет к тебе и Дому Меларн, когда ты родишь ребенка от Малагдорла Армго, мастера оружия Первого дома Меларн?

Часть 4
Бессмертие

Сколько часов я потратил на написание этих дневников, облекая свои мысли в строки слов, наматывая и сплетая, пока не узнаю то, что знаю?

И зная также, что то, что я знаю сейчас, — это не то, во что я мог бы поверить, поскольку история продолжится позже, поскольку мое путешествие научит меня новым истинам — и я молюсь, чтобы я никогда не закрывал свое сердце от таких прозрений.

Потому что это и есть история. Я думаю о своей жизни как об истории, которую я пишу. Это в моей власти. Я автор, потому что только я могу быть автором этой истории.

Как и для всех нас. Точно так же, как я являюсь автором своей истории, так и вы являетесь авторами своей собственной истории. И хотя я знаю, что самонадеянно думать, что кому-то захочется прочитать то, что я пишу, я могу надеяться, по крайней мере, что моя дочь однажды найдет эти слова. Итак, впервые я пишу тебе, мой воображаемый читатель — и какой абсурдной кажется мне эта мысль! — но я чувствую, что это помогает сформулировать то, что я всегда пытался сказать себе. А именно, какой бы поворот ни был, на какой станции, при каких обстоятельствах история остается вашей, такой, какой вы можете ее написать, какую вы можете прочувствовать, которую вы можете создать. Конечно, есть так много вещей, которые невозможно контролировать, но независимо от них, мировоззрение, эмоции, то, как вы справляетесь с предлагаемым путешествием — это книга жизни.

Путешествие. Для меня, с самых ранних дней, с самых ранних воспоминаний, путешествие всегда было важнее цели. Научиться сражаться и ориентироваться в академии дроу было важнее, чем стать великим воином, поскольку первое привело бы ко второму, до какого бы уровня я ни поднялся.

Я не могу определить, будет ли восход ярким или его затмят плотные облака, но я всегда могу контролировать свою реакцию на него. Я всегда могу найти надежду в этих ранних лучах или туманном сиянии. Я всегда

могу улыбнуться в ответ и напомнить себе, что я благословлен быть свидетелем всего, что показал мне рассвет. В конце концов, я знаю, это лучше, чем сетовать на облака.

Я тоже не могу контролировать облака. Как я не могу контролировать многое в отношении окружающих меня обстоятельств.

Но моя реакция на них и мой выбор из-за них... это мое собственное, и только мое. Это мое путешествие, и ничье больше.

Я редко, очень редко возвращаюсь назад и перечитываю написанные мной эссе. Или, возможно, мне следует назвать их "раскладывание", потому что это то, чем они являются: раскладывание, разматывание сложных и запутанных нитей, которые преграждают мне путь в моем путешествии. Кто-то может подумать — я мог бы подумать, — что, возможно, я стал бы тогда чаще обращаться к ним. Но нет. Такое желание во мне встречается редко и никогда не касается более чем одной записи за раз. Я знаю, что во время этих нечастых посещений прозрений моего прошлого меня приводит туда простое любопытство. Любопытство, а не какое-то переосмысление, поскольку я ищу ответы на любые узлы в жизненных нитях, которые в настоящее время находятся передо мной. Возможно, я мог бы измерить некоторый рост с помощью любых новых перспектив, которые я привношу в прочитанное, поскольку мой опыт стал более глубоким.

Но всегда в таких случаях я читаю с большим вниманием и решительной отстраненностью, потому что я не хочу, чтобы эта глава моей книги жизни определялась сознательно — или, что еще хуже, полностью — каким-либо прежним пониманием. Не таким образом. Переживания есть, они оседают в моем сердце и душе, но моим ориентиром должно быть то, что сейчас передо мной: настоящее. Поступить иначе означало бы погрязнуть в тех самых страхах перемен, которые, как я недавно отметил, являются одним из движущих мотивов наших врагов в Мензоберранзане.

Однако теперь, после драматических перемен, которые произошли со мной — открытие Каллиды, бушующая война в Мензоберранзане, рождение моей дочери и наблюдение за ее взрослением — я изменил решение. Я разрешил себе вернуться назад и прочитать все эти эссе.

Возможно, это из-за моих тренировок с Магистром Кейном.

Возможно, из-за того, что однажды я вышел за пределы этого смертного тела.

Возможно, это из-за Каллиды и эвендроу, потому что, узнав о них, мир изменился для меня так внезапно и во многих отношениях.

Возможно, именно из-за Бри эта возможность кажется наиболее правдоподобной. Я хочу, чтобы она прочитала их, и надеюсь, что мы поговорим о них, как для того, чтобы она могла лучше узнать меня, своего отца, так и потому, что любая помощь, которую они могли бы ей оказать в поиске способов размотать свои собственные нити, принесла бы мне огромную радость.

Учить тому, чему мы научились, делиться тем, во что мы поверили, передавать истории, которые научили нас...

Это и есть бессмертие.

Это хорошая и утешительная мысль, когда вокруг меня бушует война, когда я возлагаю свои надежды на, казалось бы, невозможную армию демонов и могущественных фанатиков.

В любом случае, это моя жизнь, моя история, мое путешествие... и только мое. И, возможно, это близится к концу — вокруг меня идет сражение, свирепое и грозное.

Но нет, я не могу так думать, иначе я перестану писать эту историю!

Столь многое изменилось, и все же, столь многое осталось прежним. Я остался верен тому, что было в моем сердце. Да, я неоднократно разъяснял свои чувства, но суть всего этого: надежды, желания, истины, прочно и неразрывно оставались частью сердца Дзирта До'Урдена.

Это моя история. Это мое путешествие.

Подошла ли она к концу?

Я думаю, что нет!

Остается слишком много возможностей, слишком много радости — радости, которую я один могу создать в этой жизни, которой я живу, в этой личной книге, в этом жизнеописании, моей истории и только моей, которую я пишу сам.

Я увижу следующий рассвет вновь...

—Дзирт До'Урден

Глава 20
Поворот колеса судьбы

– **Н**еожиданно, – заметила Эскавидне. Она и Йеккардарья стояли посреди бойни в зале призыва недалеко от Мензоберранзана.

– Ллос привела нас сюда, – напомнила ей Йеккардарья. – Действительно неожиданно. Внезапное вторжение в дела Города Пауков! Нежелательный поворот в пути камня, который мы пустили вниз по склону.

– Леди было все равно, какая сторона в нашей маленькой игре оказалась достойной победы, но теперь, похоже, она не собирается позволять ученикам этого человека играть с нашим катящимся камнем.

– Она даст отпор, сестра, и это будет великолепно!

– Но наше пари...

– Мы все еще не знаем, кто победит, Бэнры или Меларны, – сказала Йеккардарья.

– Мы знаем, кто этого не сделает, но Темная Дева и ее глупые последователи, возможно, не имеют значения для нашего пари, хотя, опять же, скорее всего, так оно и есть. И мы знаем, какая сторона больше всего пострадает от ответного удара Паучьей Королевы.

– Игровое поле против Жиндии было несбалансированным, – согласилась Йеккардарья. – И поэтому мы должны, по крайней мере, изменить наши шансы.

– Мы обе знаем, что шансы склонятся в пользу Бэнр, моей стороны в пари, – ответила Эскавидне. – Эйлистри, будь проклято ее имя, сочла нужным вмешаться, но теперь великая Королева Пауков будет сопротивляться сильнее. Выигрыш Бэнров здесь, в этом зале, на самом деле является их проигрышем.

Йеккардарья вздохнула.

– Если Жиндия победит, я проведу большую часть обучения Биртин Фей, – согласилась она. – Немного позабавлюсь.

– И если Бэнры все еще окажутся достаточно сильны, чтобы победить, я не доставлю тебе удовольствия, пока ты будешь наблюдать, как я тренирую Биртин Фей, – сказала Эскавидне.

– Согласна. – Обе улыбнулись и кивнули.

– Все равно будет очень весело, - сказала Йеккардарья. – Каков бы ни был исход.

– Особенно, когда Темная Дева проиграет, конечно!

– Может, нам пойти и пригласить нового игрока?

– Действительно. В Храм!

Дайнин почувствовал погоню, услышал хлопанье крыльев суккуба.

– Они не хотят меня ловить, – снова и снова повторял себе Дайнин, пытаясь сохранять спокойствие. Он внезапно переосмыслил свое отношение к аристократу Меларнов. Неужели они нашли Преего и решили расторгнуть сделку? Неужели эти изверги собирались доставить его обратно к Матроне Жиндии для пыток, а затем и казни?

Он опустил голову и побежал дальше, чуть не вскрикнув от ужаса, только в последний момент напомнив себе, что в этом районе, вероятно, есть и другие участники боевых действий, причем с обеих сторон. Он был одет в форму стражника Меларнов и поэтому, конечно же, не хотел быть застигнутым врасплох кем-либо из Богохульников или других союзников Бэнр, прежде чем он сможет должным образом объясниться!

Шум крыльев затих. Дайнин осмелился остановиться и оглянуться назад и вверх, вздохнув с облегчением. Как он и надеялся, погоня суккубов была зрелищем для Браелина Дженкууэя и для любых других шпионов в этом районе. Его побег должен был выглядеть совершенно достоверно.

Он снова устремился вперед, направляясь на северо-запад, вдоль Западного Разлома к выстроенному в нем дому, который когда-то принадлежал ему, пытаясь выбирать путь сквозь тени, которые позволили бы ему подобраться достаточно близко, чтобы сдаться, не будучи убитым молнией Ксорларрина или разрубленным пополам воином-богохульником, который мог бы принять его за Меларна.

Он резко затормозил и нырнул в нишу в нагромождении камней, окаймляющих Западный Разлом. Группа дроу быстро удалялась от дома До'Урден. Присоединиться к битве, полагал Дайнин, потому что одна бушевала неподалеку, на северо-востоке, возле Храма Богини.

Его сердце немного успокоилось, когда он узнал в них богохульников, включая, по крайней мере, двоих, рядом с которыми он сражался раньше.

Он медленно вышел, высоко подняв руки, крича:

– Дайниннэ! Я – Дайниннэ из Богохульства! Помогите мне!

Копья и мечи были подняты наизготовку. Перешептывания среди группы продолжались всего мгновение, прежде чем ему позволили приблизиться к

отряду воинов. Вопросы посыпались на него со всех сторон, но он только качал головой и продолжал повторять: «Отведите меня в дом».

Они быстро это сделали, и Дайнин обнаружил, что стоит перед Алеандрой, представленной ему как новый лидер сил богохульства, поддерживающих дом До'Урден.

Она поручилась за него перед Сарибель и Равелем, которые, в свою очередь, отвели его к матроне Зирит, где он полностью рассказал свою историю.

Его легенду, предоставленную ему Меларнами.

– Я бы скоро, если не уже, был проклят Мерзостью снова, если бы не Браелин Дженкуэй из Бреган Д'Эрт, – закончил он, рассказав много правдивых подробностей о своих пытках в руках Преего Меларна и последующей расплате, которую он дал своему мучителю. – Увы, один из демонов-суккубов матроны Жиндии снова захватил Браелина, когда мы убегали из дома Меларн.

Зирит долго смотрела на него, заставляя его неловко поежиться.

– Это правда? – наконец спросила она.

– Что? – ответил Дайнин, нервно поднимая глаза.

– Это правда, что ты был особым заключенным матроны Жиндии?

Мужчина был в растерянности, пытаясь оценить многие скрытые мотивы. Сомневалась ли она в какой-то части или во всей его истории прикрытия? Или было что-то еще, возможно. Он все еще не был уверен, хочет ли раскрывать свою личность так рано. Возможно, было бы лучше оставаться Дайниннэ, пока сражения не станут более решительными.

– Ходят слухи, что ты когда-то жил в этом доме, – сказала Зирит более многозначительно. – Ходят слухи, что твое значение в этой войне может быть намного больше, чем у простого драука, вернувшегося из Бездны.

Тогда Дайнин понял, что если он останется Дайниннэ, то, скорее всего, его сразу же отправят обратно в бой. Если его убьют или даже снова схватят, Жиндия и Ллос сильно разозлятся на него - и он боялся, что смерть на поле боя не спасет его от возмездия Ллос.

– Это правда, – признал он. – Я являюсь - или являлся - Дайнином До'Урденом, сыном матроны Мэлис и старшим сыном Дома До'Урден.

– Ты знал дорогу в коридорах внизу! – Неожиданно вмешалась Алеандра, ткнув пальцем в его сторону в своем прозрении, которое все присутствующие, включая Дайнина, сочли искренним.

Матрона Зирит подняла руку и пристально посмотрела на женщину, которая отшатнулась, за то, что осмелилась заговорить вне очереди. Зирит

сосредоточилась на Дайнине, от ее пристального взгляда он действительно почувствовал себя очень маленьким.

– Что ж, это... интересно.

– **Я** не ожидала такого антуража в этот день, – сказала матрона Мез'Баррис группе, входящей в помещение, служившее ее личным залом для аудиенций и семейной часовней, помещение средних размеров с куполообразным потолком, восемь длинных и два коротких стропила и выпуклая центральная часть которого очень напоминали силуэт паука. Статуи выстроились вдоль стен, начиная от входной двери и заканчивая стеной за слегка приподнятым помостом и троном. В отличие от любого другого дома в городе, на многих из них были изображены мужчины дома Баррисон Дель'Армго, включая, пожалуй, самого впечатляющего из них, на фоне стены справа от Мез'Баррис. Браелин Дженкуэй в основном не поднимал головы, но не мог не заметить, насколько статуя Утегентеля напоминала огромного человека, стоящего сразу за троном Мез'Баррис. Она сделала Малагдорла визуальным двойником Утегентеля, это точно.

– Приветствую тебя в Сети Ллос, – сказала матрона Жиндия.

Браелин понял, что она использовала название региона, в котором находился ее дом, как неуловимое напоминание Мез'Баррис о ее внезапно возросшем статусе.

– Мы пришли с дарами, – продолжила Жиндия.

– Вы пришли с ответами?

При этих словах Жиндия рядом с Браелином беспокойно заерзали, а по другую сторону от него Йеккардарья и Эскавидне издали негромкий булькающий смешок.

– Что именно тебя беспокоит? – ответила Жиндия. – Мы уже сейчас готовим почву для великой битвы и ожидаем, что все западные пределы Мензоберранзана будут окутаны дымом Бездны в течение нескольких часов.

– Что с домом Ханцрин? – немедленно откликнулась Мез'Баррис. Она щелкнула пальцами, когда Жиндия не ответилв сразу, и пораженный Браелин поднял глаза и увидел, как волшебник Кайтейн подбежал к своей Матроне, держа в руках большое зеркало и изо всех сил стараясь удержать его на месте.

Малагдорл взял тяжелую штуковину одной рукой и с легкостью поднял ее на вытянутой руке.

Кайтейн потер руки и произнес заклинание, и стекло почти мгновенно затуманилось, затем постепенно прояснилось, открывая образ матроны Шакти Ханцрин, женщины, которую Браелин хорошо знал.

– Матрона Мез'Баррис, – поприветствовала Шакти через портал и поклонилась. – Я использовала магию и услышала ваш ответ. Для меня большая честь, что ты продолжаешь размышлять о незаконной судьбе, постигшей меня и мою семью.

– Этот из Бреган Д'Эрт, предатель, убивший жрицу Барбар’ит? – спросила Шакти.

– И Челлита Вандри, да, – ответила Жиндия.

– Я думала, ты собираешься сделать из него драука, – сказала Мез'Баррис.

– Кажется уместным, что такая честь должна быть оказана Матроне Мез'Баррис, учитывая славу, принесенную тебе героическими подвигами Воина Ллос, – ответила Жиндия, и выражение лица Мез'Баррис показало, что это идеальное заявление в этом месте и в это время, несмотря на то, насколько плохо матрона Дома Баррисон Дель'Армго пытался это скрыть.

– *Вы* сделаете из предателя драука, матрона Мез'Баррис, – сказала Жиндия, – А затем позволите Воину Ллос отправить его в Бездну, служить для удовольствия Паучьей Королевы. И позвольте ему справиться с помощью этого.

Она вытащила меч: его острие светилось едва заметным красным светом. Рукоять и крестовина теперь были простыми, но Браелин хорошо знал клинок и понимал, что его владелец может изменить рукоять, придав ей любой вид, какой пожелает.

Матрона Жиндия положила меч горизонтально на раскрытые ладони и двинулась к Малагдорлу.

– Это Хазид'хи, «Резец», – сказала она великому воину. – Его лезвие такое же острое и крепкое, как у любого другого, и оно обладает силой воли и эгоизмом. Хазид'хи требует, чтобы его носил величайший воин. По словам Ллос, это ты, Малагдорл Армго.

– Этим мечом когда-то владели великие Дантраг и Бергинион Бэнры, – сказала Йеккардарья. – Дзирт До'Урден тоже владел им.

– И Закнафейн До'Урден, – сказала Эскавидне. – И человек, Артемис Энтрери.

Браелин увидел, как Жиндия остановилась и с трудом сдержалась, чтобы не задрожать от гнева при их рассказе. О, как она ненавидела Энтрери!

Мез'Баррис на троне хмыкнула и заерзала, язык ее тела стал холодным.

– И Тос'ун Армго, – сказала Йеккардарья, что, казалось, несколько успокоило Мез'Баррис.

В какую игру они играли, задавался вопросом Браелин, перечисляя всех этих воинов?

– Никто из них не был достоин его, – заявила затем Жиндия и, казалось, избавилась от своего огорчения при упоминании Артемиса Энтрери. – Никто, даже Тос'ун - при всех извинениях, Мать Мез'Баррис. Все они прекрасные воины, но Хазид'хи требует лучшего, по-настоящему исключительного. И это Малагдорл Армго. Только Утегентель Армго до него был достоин этого клинка. И теперь Мастеру Оружия Малагдорлу предстоит сразиться с этим великолепным трезубцем.

– Разрубить на части шпиона Бреган Д'Эрт, убийцу моей жрицы, – потребовала Шакти Ханцрин.

Браелин понимал, что он действительно обречен, причем со всех сторон. Матроне Шакти, вероятно, даже не было дела до этой младшей жрицы, но она знала, как и все здесь знали, что превращение его в драука, а затем разрезание на части, чтобы он мог служить Ллос, было задумано просто для того, чтобы лишить Бреган Д'Эрт любой возможности выжить после победы Ллос в Мензоберранзане. Шакти ХанцХанцрин не просто хотела освободиться от захвата Бэнр, охранявшего ее владения, нет. Она хотела управлять всей торговлей после победы Ллос здесь, в Мензоберранзане.

И он дал им повод сделать это.

Он попытался отогнать эту мысль. Он не мог просто сбежать из той драки на улице возле Сочащегося Миконида. Он сделал то, что должен был сделать.

Ну, может быть, не с Челлитом Вандри, но это не имело отношения к данному конкретному разговору.

Многое казалось неуместным, когда он наблюдал, как Малагдорл берет меч, жадно глядя на Браелина.

– Когда придет время, ты сможешь пойти и освободить дом Ханцрин, матрона Мез'Баррис, – сказала Жиндия.

Мез'Баррис посмотрела на служанок, чтобы спросить:

– Значит, мы должны открыто выступить против Бреган Д'Эрт?

– Браелин убил двух аристократов из числа наших союзников, – сказала Жиндия, получив в ответ лишь свирепый взгляд Мез'Баррис.

– Ну? – Мез'Баррис обратился к Йеккардарье и Эскавидне.

– Бреган Д'Эрт уже присоединилась к борьбе против нас в их битве в Браэрине, – сказала Йеккардарья. – сам Дзирт До'Урден был в их рядах.

Мез'Баррис кивнула, но по-прежнему ничего не предпринимала.

– Надвигается финальная битва, и когда она настанет, моя армия вступит в бой с основной массой Бэнров, их Богохульниками и союзниками - если таковые у них еще остались - оставляя ваш путь к Дому Ханцрин открытым, – объяснила Жиндия. – Если вы будете быстры и умны, возможно, вы

сможете присоединиться к более масштабной битве и отрезать неизбежное отступление немногочисленным выжившим, когда они будут карабкаться обратно к Ку'илларз'орль и их обреченному Дому.

Матроне Мез'Баррис не очень понравилось, что с ней так разговаривают, заметил Браелин, когда ее глаза сузились в жестком взгляде на выскочку Жиндию Меларн. Он не нашел утешения в том, что Матрона Жиндия даже не вздрогнула от пристального взгляда.

– Сначала я публично разберусь с этим... существом Браелином, – ответила Мез'Баррис. Она посмотрела прямо на Браелина, порочная улыбка исказила ее лицо. – В течение часа.

Жиндия начала отвечать, но Мез'Баррис прервала ее:

– А теперь уходи, Мать Жиндия. Займись своей ролью в этой грандиозной пьесе для Леди Ллос.

– Как ты относишься к своей? – спросила Жиндия, хотя это был не совсем вопрос.

– Именно.

Жиндия, служанки и остальная делегация Меларнов удалились, оставив Браелина коленопреклоненным перед троном Матроны Мез'Баррис.

– Могу я сделать это, Мать? – спросила женщина помоложе, в которой Браелин узнал Первую жрицу Таайрул, старшую дочь Мез'Баррис. – Я бы так хотела, чтобы он стал моей первой жертвой Проклятия Мерзости. Ллос даст мне силу! Я чувствую это!

– Замолчи, глупое дитя, – рявкнула на нее Мез'Баррис. – И отойди подальше от этой бездомной грязи. И ты тоже! – отругала она Малагдорла, который лишь слегка наклонился в сторону Браелина. Однако в руках у него был ужасный меч, и он подозвал пару стражников, чтобы те забрали зеркало. Все в комнате, кто знал о Хазид'хи, могли хорошо представить, что кровожадный меч внушал сейчас свирепому воину.

– Вы оба подумайте о нашей роли, здесь и сейчас, – потребовала Мез'Баррис. – Должны ли мы быть пешками Матроны Жиндии Меларн? Подумайте вот о чем: кто возьмет на себя роль Верховной Матери, когда Квентл Бэнр будет окончательно свергнута?

Они посмотрели друг на друга.

– Жиндия возьмет! – Мез'Баррис сказала им. – Или думает, что возьмет. Но нет, мы нанесем решающий удар, и не только этим... – пробормотала она и пренебрежительно махнула рукой в сторону Браелина. – Организуйте нападение на стражу Бэнр в Доме Ханцрин и будьте готовы выступить немедленно по моей команде, – сказала она Таайрул и Малагдорлу.

– Ты не будешь ждать известий о более масштабной битве? – осмелилась задать вопрос Первая жрица Таайрул.

– Мне не нужны слова другой матроны, чтобы действовать. У нас есть собственные шпионы, – ответила Мез'Баррис. – Пусть просочатся слухи о нашем новом пленнике и нашем намерении проклясть и зарезать этого убийцу Бреган Д'Эрт сегодня днем.

– И ты, волшебник, – сказала она Кайтейну. – Найди источник, используй источник - мне все равно, кого! - чтобы Джарлакс поверил, что я не настолько убеждена в том, что Бреган Д'Эрт были бы настолько глупы, чтобы встать на сторону еретиков.

– Ты приглашаешь Джарлакса войти, – сказала Таайрул.

Шакти Ханцрин ахнула и начала протестовать.

– Джарлакс вполне может пережить это, – сказала Мез'Баррис, перекрывая ворчание. – Но Дзирт До'Урден заплатит. Они вместе в городе, как мы только что узнали. Джарлакс - негодяй и еретик, но он верен своим последователям. Он придет за Браелином Дженкуэем, и мы будем готовы.

– Его союзники очень сильны, – напомнила Кайтейн.

– Но мы их знаем, – ответила Мез'Баррис. – Мы изучили их и знаем, как победить, не так ли?

– Даже того, у которого странная магия? – спросила Таайрул.

– Особенно этого, – уверенно сказал Кайтейн.

– **К**ак это возможно? – спросила матрона Зирит. – Никто не сбегает из тюрем дома Меларн.

– Нам помогли. Или, по крайней мере, Браелину. Он был в камере рядом с моей и сумел спасти меня, – объяснил Дайнин Зирит и другим аристократам Дома До'Урден, а также Алеандре и еще одной присутствующей: Ивоннель из Дома Бэнр.

Ни от кого из собравшихся не последовало никакого ответа, кроме недоверчивых взглядов.

– Это была женщина, жрица, верховная жрица, первая жрица Дома, я полагаю.

– Къернилл, – заметила Ивоннель.

– Да, Къернилл! – сказал Дайнин с большим волнением.

– Къернилл Меларн помогла тебе сбежать? – спросила явно скептически настроенная Зирит.

– Да, ну, нет... Браелину. И она поправила его, когда он назвал ее так.

– Къернилл Кенафин, – сказала Ивоннель.

Дайнин кивнул с большим энтузиазмом, отметила Ивоннель.

– Я слышал, как они разговаривали после того, как она парализовала охранника. Она сказала, что ее зовут Кирнилл Кенафин. Он сделал паузу, выражение его лица говорило о том, что ему только что пришло в голову что-то еще. – И она хотела, чтобы Браелин поговорил с тобой! – сказал он, указывая на Ивоннель. – Она сказала…

– Не здесь, – перебила Ивоннель. – Мы с тобой обсудим это позже.

Она чувствовала холодный взгляд Зирит, но на самом деле ей было все равно. Она не собиралась раскрывать отношения между домом Бэнр и двуличной Къернилл всему клану Зирит, особенно архимагу Тсабраку, которому было что терять, если бы он встал на сторону еретиков.

– Должны ли мы верить, что в Доме Меларн в это критическое время назревает война? – спросила Зирит Дайнина, но она все еще смотрела на Ивоннель.

– Возможно, небольшая борьба за власть, но если она и будет, то будет подавлена в кратчайшие сроки, – ответила Ивоннель. – Скорее всего, это бахвальство Къернилл. Она думала, что это, скорее всего, бахвальство Жиндии, чем Къернилл, но она не могла полностью разгадать игру отсюда, паутину извнутри паутины. Слишком много липких нитей, которые нужно было исследовать, особенно с учетом того, что Къернилл освободила Браелина.

По крайней мере, так утверждал этот Дайнин.

Несмотря ни на что, первая жрица определенно была замешана. Къернилл пыталась заручиться поддержкой Бреган Д'Эрт? Была ли это Жиндия?

Она посмотрела на матрону Зирит, на лице пожилой женщины было отчетливо видно беспокойство.

– Мы должны надеяться, что это правда и что подавить это будет нелегкой задачей для матроны Жиндии, – сказала Зирит. – Нам нужна помощь в лагере нашего врага, если мы хотим начать переговоры с любым разумным ожиданием каких-либо уступок.

Зирит отчаянно искала выход, подумала Ивоннель, и взгляд на остальных в комнате показал, что старшая сестра была в этом не одинока - хотя оба ее ребенка, Сарибель и Равель, казалось, не разделяли этого чувства.

Битва, казалось, была более вероятна в их собственном доме, чем в лагере сторонников Ллос.

– Отпустите Дайнина ко мне сейчас, чтобы он мог передать послание Къернилл, – резко сказала Ивоннель, решив, что лучше закончить переговоры, прежде чем они могут открыто ухудшиться, и пока она не сможет лучше понять, что на самом деле может происходить в Доме Меларн.

Зирит ахнула от этого и заколебалась, но Ивоннель не отступила ни в позе, ни в выражении лица, ее суровая поза напоминала, что на самом деле она здесь ни о чем не просила.

Не дожидаясь ответа, она ушла с Дайнином, направляясь в комнату с воротами в туннели, которые должны были привести обратно в Дом Бэнр - путь, который этот член Богохульства хорошо знал. Она нисколько не удивилась, когда он пересказал полную историю спасения Къернилл Браелина и слова женщины, которые должны были быть переданы ей, но она все еще не была уверена, что это может означать или сколько там может быть слоев.

Однако одно она знала точно: этот человек, Дайнин До'Урден, брат Дзирта, выбыл из боя.

В другой маленькой комнате дома До'Урден Сарибель и Равель кипели от злости.

– Мы должны присоединиться к Бреган Д'Эрт и быть подальше от Мензоберранзана, если это вообще возможно, – сказал Равель.

– Битва еще не началась по-настоящему, – возразила Сарибель.

– И матрона Зирит уже колеблется. Она не думает, что мы сможем победить. Ты слышала ее - она говорила о переговорах!

Сарибель на мгновение задумалась, затем вслух призналась в том, что уже некоторое время эхом отдавалось в ее мыслях. Нет, дело не только в этом. Она боится возможности того, что мы можем победить. Она видит правду о последствиях для себя и для образа жизни, который так много дал ей на протяжении веков.

– Она всегда считала, что многие правила Ллос неправильны, – возразил Равель. – Посмотри, как хорошо обращаются с мужчинами в этом доме. Сколько раз мы слышали, как она ворчала о более порочных аспектах Мензоберранзана и бесполезности междоусобиц? Она была против войны, начатой на поверхности Ханцринами, а затем обостренной Матроной Жиндией, считая это потерей великой возможности! Даже после того, как король Бренор изгнал нас из К'Ксорларрина и сделал его своим собственным королевством, Мать Зирит считала, что завоевания Бреган Д'Эрт на поверхности могут привести к новому уровню процветания, даже если большая часть будет проходить через короля Бренора.

Сарибель все это время качала головой. Она не собиралась спорить с тем, что Зирит была оппортунисткой и поэтому ставила практичность выше гордости - из всех матрон Мензоберранзана ни одна не была так озабочена результатом, как Зирит.

Но это было нечто большее.

– Она стала мрачнее с тех пор, как Тсабрак вернулся в дом, – заметил Равель.

– Тсабрак Ксорларрин, который с самого начала отказался принять имя До'Урден, – напомнила Сарибель. – И который, кажется, менее чем взволнован конфликтом в городе. Он осуществил свою мечту стать архимагом Мензоберранзана, и теперь его статус под угрозой, каков бы ни был исход.

– И все же он все еще просто дроу, – ответил Равель. – Его мечта, при всем его таланте и силе, никогда не смогла бы вознести его выше. Ты могла бы приказать что угодно, и ему пришлось бы подчиняться.

Сарибель бросила на него кислый взгляд.

– Я не пытаюсь принизить тебя, сестра, и не имею в виду...

– Прекрати, – перебила она. – Пожалуйста. Тебе не нужно извиняться передо мной, или пресмыкаться, или во что бы там тебя ни заставляли верить. Разве это не один из центральных пунктов этого восстания - Паучья Королева и ее требуемый порядок вещей?

– Я только имел в виду…

– Я знаю, что ты имел в виду, и не спорю, но ты не понимаешь, каким храбрым ты был большую часть своей жизни, осмеливаясь задавать вопросы, осмеливаясь иногда не подчиняться, осмеливаясь иногда встать на защиту. Ты не понимаешь Тсабрака, потому что ты не такой, как он.

– Я не понимаю, я согласен. Идея подчинения из-за чего? Потому что я родился мужчиной? – он покачал головой. – Почему я должен это поддерживать?

– Отчасти потому, что тебе посчастливилось быть благородного происхождения, и даже более того, родиться в доме матроны Зирит Ксорларрин.

– Как и Тсабраку.

– Да, как и многим, многим мужчинам Мензоберранзана, которые не встанут на нашу сторону, и не только потому, что боятся последствий поражения. Вот чего тебе здесь не хватает, брат. Многие мужчины Мензоберранзана, что бы ни было в их сердцах, встанут на сторону нынешней структуры, потому что они получают власть и роскошь благодаря своей привязанности к матриархату. Они нашли свой путь к уровням жизни, которые они считают приемлемыми.

– За счет тех мужчин, которые не столь удачливы, или привлекательны, или полезны для женщин, – выплюнул Равель.

Сарибель пожала плечами, хотя и кивнула.

– Это трогательно, – сказал Равель.

– Да. Да, это так.

Ивоннель нашла Бреган Д'Эрт в Браэрине, как и ожидала. На Улицах Вони было тихо - Джарлакс и его банда, похоже, усмирили его.

Джарлакс был в Сочащемся Миконидe, сидел за столом с несколькими другими, очевидно, планируя какие-то действия, учитывая карту, расстеленную на столе и удерживаемую в каждом углу напитком.

– Я рад, что ты здесь, – поприветствовал он Ивоннель. – Нам бы не помешала твоя помощь.

– Для Браелина? Ты знаешь?

Джарлакс кивнул, на его лице отразилось что-то похожее на разочарование.

Ивоннель осознала разочарование от того, что она сомневалась в нем.

– Он у Жиндии, – сказал Джарлакс.

– Где Дзирт?

– Дзирт? – Джарлакс, казалось, был удивлен вопросом. – Там же, где и всегда. Он на улицах, занимается разведкой. И сражается всякий раз, когда возникает необходимость. Демоны продолжают бродить по Браэрину. В основном, второстепенные, но также было несколько более сильных демонов. С ними быстро расправляются, и обычно одной из его сабель. А что?

Ивонна оглядела собравшихся.

– Я объясню позже, – сказала она и была рада, что убрала Дайнина с дороги в недра Дома До'Урден, а не взяла его с собой в Браэрин. – Киммуриэль?

Джарлакс кивнул в сторону лестницы на второй этаж.

Кивнув в ответ, Ивонна ушла, взбежав по лестнице к единственной закрытой двери. Внутри она обнаружила Киммуриэля.

С его помощью ее сознание вскоре вернулось в выбранную комнату в доме Меларн.

– *Я не могу сейчас говорить,* – немедленно телепатически сообщила ей Къернилл Кенафин.

– *Где Браелин Дженкуэй из Бреган Д'Эрт?*

– *Его здесь нет. Его подарили.*

– *Ллос?*

– *Нет. Я не могу говорить.*

Внезапность и явная сила ее неприятия психического вторжения Ивоннель намекали на отчаяние, и поэтому она позволила себе вернуться к своей смертной оболочке в комнате с Киммуриэлем.

– Я слышал, – сказал ей Киммуриэль, как только она моргнула и открыла глаза.

– Куда бы Жиндия отправила его? – спросила Ивоннель, хотя у нее уже были свои подозрения. Если его не отдали Ллос, то кто был следующим по значимости человеком после Жиндии Меларн? На ум пришли две возможности.

– Что мы скрываем от Дзирта До'Урдена? – раздался голос Джарлакса от двери, и разбойник вошел и закрыл ее за собой.

Ивоннель глубоко вздохнула.

– Браелин пытался сбежать из дома Меларн, и ему почти это удалось. Он взял с собой одного из Богохульников, захваченных Жиндией.

Джарлакс пожал плечами.

– Ты с ним знаком. А Дзирт знает его совершенно точно.

– У нас нет времени на загадки.

– Он называл себя Дайнином.

– И... – начал спрашивать Джарлакс, но остановился, его челюсть отвисла - зрелище, которое не часто увидишь. «Нет».

– Да.

– Дайнин До'Урден?

– Да.

– Мы не должны рассказывать об этом Дзирту, – предложил Киммуриэль. – Не сейчас. Пока мы не узнаем больше.

– Дайнин находится в доме До'Урден, недалеко от входа в туннели, ведущие к дому Бэнр, – объяснила Ивоннель. – Мы должны держать его подальше от битвы, иначе рискнем вернуть Жиндии большой приз.

Джарлакс кивал во время всего этого, явно переваривая и придумывая, как это было в его манере. – Мы должны немедленно поговорить с ним, чтобы узнать, как устроена тюрьма в доме Меларн.

– Браелина там нет, – сказала ему Ивоннель, снова явно застав его врасплох.

Джарлакс посмотрел на Киммуриэля, который кивнул в знак согласия с Ивоннель.

– Тогда где же он? – спросил Джарлакс.

– Выведи своих разведчиков на улицы, – сказала ему Ивоннель.

– В Мензоберранзане много улиц.

Ивоннель подняла два пальца. – Есть два места, на которых стоит сосредоточиться.

Менее чем через час Джарлакс вернулся с новостями от Алеандры Амвас Тол о том, что некий выдающийся мастер оружия из могущественного дома теперь носит очень примечательный меч в дополнение к своему адамантиновому трезубцу.

– Мы не можем надеяться напасть на Баррисон Дель'Армго, – сказал Киммуриэль.

– Тогда мы найдем другой способ, – ответил Джарлакс. – Я оказал много услуг матроне Мез'Баррис. Возможно, она поторгуется.

– Возможно, она убьет тебя, – сказал Киммуриэль.

Джарлакс покачал головой. – Если она попытается, то знай, что она недооценивает меня, – сказал он с усмешкой. – И мы оба знаем, чем это обернется.

Глава 21
Ударный отряд

Громф удивил Кэтти-Бри, когда встретил ее в своем кабинете Главной Башни. На нем была не та мантия его нынешнего положения, а старые одеяния, которые он получил как архимаг Мензоберранзана, украшенные изображениями пауков. Он держал посох, которого она раньше не видела, железный, исписанный символами и рунами по всей длине. Великолепные руны, конечно, но издалека это казалось скорее простым посохом, тонким и прямым, древко расщеплялось у вершины и расплеталось наружу, затем снова соединялось, раз и два до третьего разрыва, который закончился простым, но изысканным завитком.

Это был интригующий артефакт, и все же ее взгляд вернулся к одеянию верховного мага Мензоберранзана. Она уставилась на него, медленно качая головой в замешательстве.

– Ты попрощалась с королем Бренором и остальными?

Она кивнула, все еще не сводя с него глаз.

– Мантия? – спросил Громф.

– Твоя новая была действительно могущественной, не так ли? Мне сказали, что мантия верховного мага Главной Башни была почти уникальной вещью и о ней ходили легенды.

– Тебе правильно сказали, – ответил Громф. – Но эта одежда очень похожа, создана по рецепту, данному мне как архимагу Мензоберранзана. Мне потребовались годы, чтобы создать эти одежды, и их мощь ничуть не меньше, хотя и немного отличается по направленности.

– Лучше подходит для сражений в Городе Пауков, – рассудила Кэтти-Бри.

– Вероятно, нет, – небрежно ответил Громф.

– Значит, просто больше подходит для поставленной задачи?

Великий волшебник пожал плечами.

– Тогда зачем ее надевать? – в ее голосе было немного подозрения, как бы она ни пыталась это скрыть.

– Не бойся, друг мой. Я ношу это не в знак верности путям Ллос. Они будут уничтожены, я обещаю.

– Тогда зачем? Чтобы показать им свой окончательный выход из неповиновения?

– У меня есть свои причины. Давай оставим все как есть. – он помолчал мгновение, затем добавил:

– Я бы позволил тебе надеть другие мои одежды, но, увы, их магия и твое сердце никогда не будут соответствовать друг другу.

Предложение шокировало Кэтти-Бри больше, чем любопытный комментарий озадачил.

Он объяснил, снова удивив Кэтти-Бри, поскольку она не часто слышала подобные речи от Громфа:

– Мои одеяния Главной Башни серого цвета, отражают мое душевное состояние и мой взгляд на мир. Такие предметы, как эти - не простые орудия труда. Они являются продолжением существа, носящего их, усилением сердца и души волшебника. Ты больее. . . щедрая, чем я. Твои одежды были бы из белой ткани, а не из серой. Моя одежда была бы тебе мало полезна.

Кэтти-Бри слышала о таких вещах, поэтому приняла объяснение без вопросов - пока не осознала цвет мантии, которую теперь носил Громф.

– Если бы я была существом, замышляющим зло, какой цвет был бы подходящим тогда? Серый?

– Черный, – сказал Громф.

– Как мантия, которую ты сейчас носишь. Мантия, в которой, как ты уверяешь, нет злых намерений.

Громф пожал плечами, как будто это не имело значения. – Эта мантия больше не будет мне подходить. Для меня это просто мантия.

– Тогда зачем ты надел его в эту ужасную битву? Почему бы тебе не надеть мантию, которая, как ты утверждаешь, отражает твое сердце?

– Я же говорил тебе. У меня есть свои причины.

Кэтти-Бри пристально посмотрела на него.

– Ты думаешь, мне это нужно? – спросил Громф и усмехнулся. Он оттянул воротник своей черной мантии, обнажив ожерелье, полное рубинов.

– Это наименьшая из моих игрушек, – заверил ее Громф. – Я прожил столетия. Я был архимагом на протяжении веков. Я был соратником Джарлакса на протяжении веков. Он собирает так много интересных безделушек, в то время как я собрал или создал многие из самых могущественных магических предметов, известных на Фаэруне. Например таких.

Он поднял руку в воздух и произнес командное слово, и в его руке появился блестящий шлем из сияющего серебра, украшенный драгоценными камнями, так много драгоценных камней! Их было около сотни: опалы, синие

и оранжевые, сверкающие бриллианты и красные рубины. Шлем был открытым, но с полосками, закрывающими нос, и по одной с каждой стороны, чтобы плотно прижимать его к щекам. Два маленьких крылышка поднимались под углом от передней пластины, и все эти элементы одежды тоже были украшены драгоценными камнями.

– Я слышала об этом предмете, – сказала Кэтти-Бри, едва ли сумев понизить голос до шепота.

– Уверяю тебя, в нем скрыто больше сил, чем ты можешь себе представить. И это даже не самая моя ценная собственность. – Он усмехнулся и бросил ей свой посох.

Как только Кэтти-Бри поймала его, она почувствовала силу посоха. В нем пульсировала магия всех школ волшебников. Ее собственное кольцо, с помощью которого она могла разговаривать с огненным Предвечным в пропасти Гаунтлгрима, взывало к ней, прося призвать могучего элементаля огня, и с посохом, она знала, что сможет!

– Ты одна из немногих, кто когда-либо держал в руках посох такой силы, – сказал ей Громф. – Только с ним у меня есть целый арсенал заклинаний. Огонь и молния, обнаружение, невидимость, защита и чары, колдовство... его возможности огромны и разнообразны.

– Я чувствую их, – сказала Кэтти-Бри. – Казалось бы, с помощью этого можно использовать множество заклинаний каждый день. И все это без обычного предварительного изучения или заучивания.

– Очень много, верно. Но я не ожидаю, что мне они понадобятся. – Громф ткнул пальцем себе в висок. – Уверяю тебя, у меня достаточно силы, чтобы справиться с кем угодно, любым демоном, который, как я ожидаю, выступит против нас, и дюжина других предметов поменьше: волшебные палочки, оба этих кольца - чтобы предложить разнообразие заклинаний, которое мне может потребоваться.

– Тогда зачем брать его с собой?

– На всякий случай, хотя я уверен, что у меня хватит сил и без него.

– Признаю, твоя уверенность обнадеживает. Но давай не будем недооценивать наших врагов.

Громф усмехнулся на это.

– Отсюда и посох. И все же ты хочешь прочитать мне лекцию о силах Мензоберранзана? О могуществе демонов?

Кэтти-Бри почувствовала себя немного смущенной.

– Я отправляюсь в Мензоберранзан сражаться, – сказал ей Громф, когда она вернула великолепный посох. – Я отправляюсь в Мензоберранзан, чтобы уничтожить не только слуг Ллос, но и саму концепцию жизни с Ллос. Здесь

нет компромиссов, Кэтти-Бри. В моем сердце или разуме нет сомнений или отговорок. Я решил пойти на войну, а когда Громф Бэнр идет на войну, горе тем, кто попытается противостоять ему.

Она в этом не сомневалась. Даже без легендарных предметов силы, которые он сейчас продемонстрировал, она знала, что было мало, очень мало, если вообще были, тех, кто мог противостоять Громфу Бэнру.

Она снова удивилась, и Громф тоже, когда дверь открылась и в комнату вошел третий из группы.

Это, конечно, был Энтрери. Она поняла это сразу, но узнать его было совершенно другим делом, потому что он был очень похож на дроу.

– Это не волшебство, – сказал он ей и Громфу. – Это грим сценического артиста и парик проститутки. Я же говорил вам, что мне не нужна маска

– Мы скоро уезжаем?

Громф бросил ей маску Агатхи и сказал:

– Сейчас.

– **В**се жрицы и их охранники мертвы или захвачены в плен, – сообщила гонец из дома Вандри аристократам Дома Меларн и посетившим их служанкам. – Демоны уничтожены.

Жиндии захотелось протянуть руку и придушить женщину за то, что она принесла ей такие ужасные новости. Она ожидала, что алтарь, который ее союзники построили в пещере за пределами Мензоберранзана, позволит ей привлекать постоянный поток монстров, чтобы оказывать давление на еретиков, меньших демонов, чтобы постоянно дразнить и терроризировать Браэрин, и силы, достаточные, чтобы удерживать большие группы ее врагов занятыми вдали от ее главных целей. Но теперь пещера призыва исчезла.

– Что с алтарем и магическим кругом? – резко спросила она.

Посланница с трудом сглотнула.

– Ты - жрица Ллос, – сказала Йеккардарья дрожащей посетительнице. – Тебе здесь нечего бояться.

Йоклол сказала это скорее как предупреждение ей, чем принесшей мрачные новости женщине, поняла Жиндия.

– Это освященная святая земля, – сказала гостья.

– Конечно... – начала отвечать Жиндия, но выражение лица посетившей ее жрицы Вандри сказало ей, что это не очень хорошая новость.

– Не для Ллос, – подтвердила она. – Больше нет.

– Значит, оскверненная? – спросила она.

– Да, и освященная.

Жиндия не совсем понимала. Ее враги отвергли Ллос, но они не начали молиться ни одному из других других богов, о которых она слышала. Могли ли тогда это быть жрецы дворфов, пришедшие из Гаунтлгрима и молящиеся Морадину? Или Кэтти-Бри, жена Дзирта, о которой известно, что она была избрана Миликки?

– Кому, дитя? – спросила Йеккардарья.

Еще один тяжелый глоток.

– Темной деве Эйлистри.

Лицо Жиндии стало каменным. Стоявшие по бокам от нее служанки ахнули.

– Ты уверена в ссвоих опасениях? – спросила Жиндия после долгого и неловкого молчания.

Жрица опустила взгляд.

– Да, Мать Жиндия. Сила посвящения неоспорима, и оно поет голосом Темной Девы.

Жиндия посмотрела на служанок.

– Они нашли союзников?

– Вероятно, некоторые из жриц-еретичек слышали ее голос, – сказала Эскавидне. – Мы, конечно, знали, что Эйлистри попытается помочь тем, кто выступает против нас.

– Они одержали великую победу над могущественной силой, и ни одна из наших жриц или демонов не сбежала, чтобы предупредить нас, – напомнила Жиндия. – Это похоже на нечто большее, чем просто «помощь».

– И что ты намерена с этим делать, Мать Жиндия? – спросила Йеккардарья.

Жиндия едва слышала ее, погруженная в свои мысли, у нее кружилась голова.

– Вероятно, это были силы Бреган Д'Эрт, – решила она. – У них есть жрицы из нашего города, и у них есть союзники, которые, без сомнения, приветствовали бы голос Эйлистри в этой борьбе.

– И что ты собираешься с этим делать? – снова спросила йоклол.

– Есть ли у нас намек на то, кто сделал это освящение? – спросила Жиндия гонца.

– Нет.

– Армии в туннелях вокруг нас?

– Нет, Мать Жиндия. Король Бренор не пришел. Никаких сил любого размера, которые мы можем обнаружить, не прибыло.

– Но достаточно мощная сила, чтобы победить нескольких жриц, дюжину стражников, горстку главных демонов и орду дретчей и манов, – размышляла вслух Жиндия, затем снова заявила:

– Это была Бреган Д'Эрт, и, вероятно, с некоторой помощью Бэнров.

– И снова, в последний раз я спрашиваю, матрона Жиндия, что ты намерена с этим делать?

– Я не намерена ждать. – Она посмотрела на первую жрицу, Къернилл съежилась под ее пристальным взглядом.

– Ты сделала, как было приказано? – рявкнула на нее Жиндия.

– Да.

– Убедительно?

– Я верю…

– Ты *веришь*?

– Да, – без колебаний ответила Къернилл. – Да, убедительно.

– Тогда все уже в действии, – сказал Жиндия. – Все вы, идите сейчас и попросите каждую способную жрицу в каждом союзном доме обратиться к Бездне с призывом. Проинструктируйте каждого демона, способного призывать других демонов, сделать это, включая каждого приведенного ими демона, который способен открыть за ними новые врата по прибытии. Сейчас. Союз с Домом Баррисон Дель'Армго заключен. Борьба идет полным ходом, и мы достаточно скоро одержим победу.

– Куда? – спросил Къернилл.

– В Дом До'Урден для начала. Дом До'Урден снова становится Домом Ксорларрин и присоединится к нашему делу, или матрона Зирит станет второй матроной, проклятой на Мерзость. Объясни ей это.

– Что сказать Дому Баррисон Дель'Армго? – спросила Йеккардарья.

– Позвольте силам Мез'Баррис освободить дом Ханцрин - она хочет этого союза, и мы дадим ей его. И пусть они разбираются с Бреган Д'Эрт. Они знают свою роль. За работу, все вы! Собирайте бурю! Эта самая ночь знаменует окончание всей войны. Дом Бэнр потеряет своих союзников, и мы, наконец, избавимся от этой семьи предателей.

Все трое приземлились в глубокой пещере, небольшой, но освещенной светящимся лишайником по краям и множеством светлячков, ползающих по потолку и стенам. Кроме того, на полу был выгравирован круг, украшенный узорами и рунами, которые Кэтти-Бри понимала.

– У всех ли волшебников Подземья есть такие убежища для своих телепортов? – спросила она.

– Ты встречала многих жриц Ллос и сражалась с моей семьей. Ты бы на моем месте обеспечила себе побег?

– У меня был бы только один путь, и он был бы на поверхность, и я бы никогда не вернулся, – ответил Энтрери, когда Кэтти-Бри кивнула Громфу. – Что теперь? – спросил Энтрери, поскольку, казалось, выхода из комнаты не было.

– Мы находимся намного ниже Мензоберранзана, – объяснил Громф. Он подошел к стене, поискал взглядом определенное место, затем поднял свой посох перед собой и прошептал команду, приведя в действие заклинание, которое временно уничтожило часть камня, открыв путь в туннель. – У нас впереди поход и перелет, – сказал он и двинулся в путь.

– Странно, что такая пещера могла существовать, – отметила Кэтти-Бри, следуя за архимагом. – Никакой силы природы…

– Громф - это сила природы, – прервал ее Энтрери, и архимаг рассмеялся.

Кэтти-Бри пропустила это мимо ушей, вздохнув и пожав плечами. Она понятия не имела, как Громф или кто-либо другой мог выдолбить подобную пещеру в цельном камне, но она ни на секунду не сомневалась, что именно Громф сделал это, а затем построил в ней свой секретный телепорт.

Выйдя в коридор, они двинулись по извилистым тропинкам пешком. Это было тихое место, если не считать случайного капания воды вдалеке или порхания летучей мыши или какого-нибудь другого воздушного существа Подземья, и темное, хотя лишайников и светлячков было достаточно, чтобы давать немного света, и все трое, благодаря предметам, магии или врожденным способностям, могли хорошо видеть при достаточно слабом освещении.

Они много раз поворачивали, минуя развилки, боковые туннели и пещеры с мириадами выходов, но Громф ни разу не замедлил шага и не заколебался.

Кэтти-Бри почувствовала, что воздух стал свежее, хотя туннель оставался низким и узким. Она поняла, когда некоторые звуки начали отдаваться эхом - не естественные звуки, как раньше, а крики, визг, даже трескучий раскат магического грома. Она поняла, когда они вышли из туннеля в овраг, глубокий овраг, звуки и вспышки далеко-далеко вверху.

– Клорифта, – объяснил Громф. – Мы на дне.

Энтрери указал на отдаленную точку, выступ, который казался менее зазубренным, чем темнота других скал высоко вверху. – Бреган Д'Эрт когда-то базировались в этом районе, – сказал он.

– Очень хорошо, – ответил Громф. – Я бы не ожидал, что у человека может быть такое тонкое чувство направления в глубоком Подземье.

– И там тоже? – спросила Кэтти-Бри, указывая на нижнюю точку, выступ не намного выше дна разлома, где скопление гигантских сталагмитов лежало под странным углом, некоторые из них были сломаны, некоторые все еще показывали свои полные кончики, а один даже намекал на сияние волшебного огня.

– Это то, что осталось от дома Облодра, – сказал ей Громф. – Брошенный сюда Верховной Матерью Бэнр во время Смутного Времени почти два столетия назад. Они стремились использовать молчание Ллос в своих интересах с помощью врожденных псионических способностей. Ллос это не понравилось. Присмотрись хорошенько, когда мы будем приближаться к нему, и пусть это будет напоминанием о силе, с которой мы столкнулись.

Затем верховный маг вызвал волшебного скакуна, кошмарного коня с огненными копытами и гривой из пламени. Энтрери, обладавший похожим магическим предметом, сделал то же самое.

– Мне сделать тебе призрачного скакуна, чтобы ты не отставала, или ты поедешь с кем-нибудь из нас? – спросил Громф у Кэтти-Бри.

Она ответила кислым взглядом, затем подняла кулон с единорогом на цепочке, который носила, и подула в него. Мгновение спустя она уже сидела верхом на Андхаре.

Громф рассмеялся при виде такого существа в таком темном месте. – Нам предстоит преодолеть много миль, – сказал он им. – Там есть секретный туннель, прямой и свободный, который приведет нас к Западному Ущелью, недалеко от нашей цели, и пещерка, в которой мы сможем отдохнуть и должным образом подготовить наши заклинания. Сохрани в памяти то, что я сказал, Кэтти-Бри, прошу.

– Твоя забота обо мне просто трогательна, – съязвила она.

Громф покачал головой.

– Мне не хочется провести остаток своих лет, слушая, как Джарлакс, Дзирт или кто-либо из твоих надоедливых друзей ноет на меня за то, что я позволил тебе пойти с нами.

– *Позволил*?

– Надень маску и позволь нам убраться из этого места, – заявил Громф. – Мне не нравится находиться так близко к дому Облодра и его остаточной энергии. Я хочу закончить и вернуться в Главную Башню в течение дня.

И, не дожидаясь, чтобы узнать, чего желают двое других, он развернул своего коня и потрусил прочь через подножие когтистой скалы, тщательно выбирая путь среди множества разбитых камней и еще большего количества сломанных костей.

Глава 22
Главная башня

На ней было заклинание невидимости, и еще одно, позволяющее ей летать, но много раз Ивоннель хотела отбросить и то, и другое и напасть на шабаши жриц Ллос, которые заполняли улицы возле Западной Стены Мензоберранзана демонами.

Битва была неизбежна. Не стычка или пробная игра в нападки взад-вперед, нет.

Она неоднократно напоминала себе об ограниченных возможностях и силе здесь. Она была могущественной, это верно, превосходящей, возможно, любого другого дроу в Мензоберранзане, но, в конце концов, она была одной дроу против тысяч. Хотя она могла бы захватить одну из этих областей призыва в открытом бою, ее усилия в таком нападении мало что изменили бы в войне по сравнению с потенциалом отчаянного плана, которому она сейчас следовала.

Тем не менее, она пролетела мимо пункта назначения, просто чтобы взглянуть на сражение на улице перед Домом До'Урден.

Теперь это превратилось из стычки в более крупное сражение, в котором участвовали союзники с обеих сторон. Молнии и огненные шары, ливни с мокрым снегом и энергетические ленты, сбивающие с неба хазми и других летающих демонов, летели с балконов До'Урден.

Ивоннель воспряла духом, узнав, что дом хорошо защищен. Потери Жиндии при проникновении в это легко обороняемое место были бы значительными, если бы ей это вообще удалось.

Нет, Жиндия и ее союзники в конце концов справятся с этим, Ивоннель знала. На стороне Ивоннель было полно смертных дроу, в то время как ряды их врагов были полны демонов, привлеченных из почти неисчерпаемых запасов в дыму Бездны.

Война на истощение обернулась бы против союзников Ивоннель.

Что делало ее миссию еще более срочной. Она пролетела мимо Дома До'Урден, пересекла Западный Разлом, затем пролетела над домом Даскрин, приземлившись перед длинным павильоном, ведущим в Храм Богини, и стала видимой, как только коснулась земли. Затем она спокойно и

целенаправленно направилась к часовне, которой управляла ее тетя, почти желая, чтобы стражники, дроу и нефритовый паук, попытались остановить ее, когда она двинулась вперед.

Она слышала шепот, удивленный и призывающий кого-то действовать, но никто не двинулся против нее.

Огромные, богато украшенные двери распахнулись, когда Ивоннель поднялась к ним по лестнице, хотя часовые дроу их не закрывали - это Сос'Ампту, без сомнения, давала ей понять, что ее уже узнали и объявили о прибытии.

Она собралась с духом и прошла прямо через прихожую, лишь мельком взглянув на более крупные конструкции, на возвышающихся нефритовых пауков, стоящих на страже по обе стороны. Они пошевелились, когда она вошла, покачиваясь вверх и вниз, словно желая прыгнуть и разорвать ее на части.

Пройдя по относительно узкому входному коридору, она вошла в главную часовню, красивое большое помещение в форме тела паука с восемью ножками, ведущими к кольцу часовен поменьше. Несколько нефритовых паучьих конструкций стояли повсюду, казалось, беспорядочно и неподвижно, хотя Ивоннель знала, что их можно довольно легко вызвать к жизни.

Множество глаз повернулось в ее сторону, когда она вошла - не паучьих глаз, а жриц. Она попыталась прочесть выражения их лиц, но увидела там слишком много эмоций, от благоговения до кипящей ненависти, чтобы уловить хоть какие-то намерения.

– Где Первая жрица Храма? – спросила она ближайшую, которая просто продолжала смотреть на нее.

Ее ответом стали звуки возни из задней части комнаты, и она подняла глаза, чтобы увидеть Сос'Ампту, входящую из коридора в сопровождении больших драуков. Что-то еще, что-то похожее на облако тени, было позади них, но оно было окутано тьмой, и она не могла разглядеть его. Оно оставалось за пределами комнаты, когда Сос'Ампту подвела драуков к гостье.

– Смелость еретички войти в это священное место, – сказала Сос'Ампту, качая головой. – Или это просто глупость?

– Или я действительно еретичка? – ответила Ивоннель.

Сос'Ампту недоверчиво уставилась на нее. – Возможно, ты забыла, что сделала на поверхности. Я нет.

– Я ничего не забыла.

– Твоя кража драуков была святотатством, – сказала Сос'Ампту. – Твое непочтение к богине в той паутине, которую ты сплела, и, кроме того, нелепая история, которую ты сочинила, была в равной степени еретической и богохульной.

– Откуда взялась сила плести эту паутину? И идея сделать это была основана на рассказе, который вы осуждаете как ересь, рассказе, который был передан мне самой Ллос в воспоминаниях Верховной Матери Ивоннель Вечной. Как было дано Квентл.

– Ложная история Мензоберранзана!

– Воспоминания твоей матери, которая правила этим городом на протяжении тысячелетий и была там при основании, – возразила Ивоннель. – Воспоминания, данные нам по приказу Ллос.

– Именно Громф и это иллитидное существо Эльвидденвельп дали Верховной Матери Квентл воспоминания в надежде сделать ее более грозной, более приемлемой Верховной Матерью после кончины Верховной Матери Триль. Громф, а не Ллос, стоял за этим вливанием, так кто может подтвердить правдивость?

Пытаясь придумать свой ответ, Ивоннель обнадежила себя тем фактом, что Сос'Ампту использовала официальный титул Квентл, и в ее тоне не было заметно неуважения.

– Я могу, – ответила Ивоннель. – Это благодаря Ллос я была благословлена воспоминаниями. Сама аватара Ллос отправилась на Фестиваль Основания и позаботилась о том, чтобы я привлекла такое же внимание, не так ли?

– Не имеет значения. Мы разумные существа со свободной волей. Наш выбор не предопределен ни одним из богов.

– Так ли это? – спросила Ивоннель. – Тогда почему действия на поверхности такие...

– Богохульные? – вмешалась Сос'Ампту. – Тебе был дан великий дар, но ты использовал его, чтобы подорвать само существо, которое требовало твоего божественного вознесения. Ты, Ивоннель Бэнр, должна была занять место Верховной Матери и сделать это во славу Ллос. Ты, с того момента, как научилась управлять своим физическим существом, чтобы стать женщиной, полноценной женщиной, верховной жрицей более чем благородного происхождения - божественного происхождения. Трон Мензоберранзана был твоим! И опять же, в силу обстоятельств, это было твое право, Ивоннель Глупая. Когда ты проложила путь к уничтожению Демогоргона в этом самом городе, оказав такую великую услугу нашей возлюбленной Леди Ллос, никто, даже Верховная Мать Квентл, не устоял бы

против твоего восхождения к титулу Верховной Матери и первому месту в Правящем Совете.

– Я возглавила уничтожение Демогоргона чтобы спасти жизни дроу, а не на службе у Ллос.

– И это было твоей ошибкой, и это было твоей катастрофой!

Ивоннель никогда не видела Сос'Ампту такой оживленной, взволнованной и явно разъяренной. Даже в воспоминаниях Ивоннель Вечной нельзя было найти таких внешних эмоций и яда в отношении этой конкретной дочери Бэнр.

– Зачем ты пришла в это место? – потребовала Сос'Ампту.

– Чтобы найти лучший способ. Если мы не сможем предотвратить эту войну, улицы Мензоберранзана будут залиты кровью дроу.

– Улицы Гаунтлгрима, возможно, были бы залиты кровью наших врагов, если бы не ты.

– Мы можем найти лучший выход.

– Какой лучший выход?

– Ставка. Компромисс. Возможно, те, кто отвергает Ллос, могли бы уйти...

– Ты говоришь чепуху, потому что знаешь, что обречена.

Драуки, окружавшие Сос'Ампту, достали длинные копья. По всему залу жрицы укрылись и начали петь, в то время как нефритовые пауки начали окружать Ивоннель, Сос'Ампту и драуков - даже тех двух гигантских созданий из прихожей.

– Ты думаешь, я боюсь тебя, жрица? – спросила Ивоннель.

Все двери часовни захлопнулись, за исключением той, через которую вошли Сос'Ампту и ее свита.

– Они также магически запечатаны, Ивоннель Еретичка, – сказала ей Сос'Ампту. – Ты не можешь использовать свои заклинания, чтобы покинуть это место, и ты не можешь открыть двери. Я не смела надеяться, что ты будешь настолько глупа, чтобы забраться в мое логово, и все же ты здесь.

– Я не собираюсь уходить, – ответила Ивоннель. – Я снова спрашиваю, разве нет другого выхода?

Внезапно клубок дымчатой тьмы позади Первой Жрицы Храма растекся по обе стороны от Сос'Ампту, словно призрачные руки, стремящиеся обнять ее. Она не пошевелила ногами, но отступила, когда эти тени сомкнулись вокруг нее, отодвигаясь от Ивоннель, как будто призрачный шар притягивал ее в свои объятия.

А затем Сос'Ампту исчезла, затерявшись в клубящемся сером тумане.

Драуки подняли копья. Жрицы произнесли свои заклинания. Нефритовые пауки бросились в атаку.

Покачав головой в печали и разочаровании, поскольку она ожидала гораздо большего от умной и уравновешенной Сос'Ампту, Ивоннель протянула маленькую стеклянную бусинку, произнося свое заклинание и создавая вокруг себя сферу защитной магии.

Несколько огненных шаров появились в воздухе над ее головой и послали вниз огненные линии, но магия не смогла проникнуть в шар, пламя вспыхнуло и распространилось по нему, но не приблизилось к Ивоннель.

Одна Ивоннель стала четыремя, и три ее зеркальных отражения танцевали вокруг нее, действуя так, как она действовала, чтобы сбить с толку своих врагов. Могущественная женщина, сведущая в тайных и божественных искусствах, знала, что она должна атаковать, и сильно, потому что ее сфера неуязвимости продержится недолго, и это не остановит тех монстров, которые двигаются за ее пределами, чтобы напасть на нее не магией, а оружием.

С ее пальцев сорвалась молния, ударив в паучьи конструкции, затем в драуков. Она метнула огненный шар обратно ко входу, поглотив огромных нефритовых пауков и нескольких жриц, которые закричали в агонии.

Ивоннель превратилась в вихрь, разбрасывающий снаряды магической энергии. Враги набросились на нее, и с клубом дыма она исчезла, шагнув через пространственную дверь в дальний конец комнаты.

И там она применила свое самое разрушительное заклинание из всех, заполнив почти всю часовню роем падающих, пылающих метеоров, обрушивающихся вниз, разбивающих нефритовых пауков, избивающих драуков и дроу.

– Где ты, Сос'Ампту? – закричала она.

Метеориты остановились.

Пение жриц прекратилось.

Пауки, казалось, больше не шевелились.

Раненые драуки сложили оружие и поплелись в разные стороны зала.

Огни погасли.

Во всей комнате внезапно стало тихо.

Ивоннель растерянно огляделась по сторонам. Что случилось с ее заклинанием? Как кто-то мог украсть у нее этот мощный поток огня и камня?

Темное облако спустилось с потолка в центр часовни и там рассеялось, снова открыв СосАмпту.

– Ты хотя бы начинаешь понимать силу врага, которого ты нажила? – насмехалась она, и ее голос звучал по-другому, потусторонне, многоголосо и гулко.

– Ты собираешься драться со мной, Сос'Ампту? – обернулась Ивоннель. – Или послать еще кого-нибудь из этих приспешников вместо тебя.

– Я? – невинно спросила Сос'Ампту, откинула голову назад и рассмеялась, хотя казалось, что смеялась не одна женщина, казалось, что смеялись другие жрицы и драуки, нефритовые пауки и даже сама часовня насмехалась над ней.

Облако теней снова сформировалось вокруг Сос'Ампту, и женщина начала подниматься вверх.

Нет, поняла Ивоннель. Она не воспарила.

Она росла.

И тени исчезли, открыв Сос'Ампту в облике драука!

Но она продолжала расти, и нет, она не была драуком, потому что она осталась красивой, а не раздутой от мерзости. Слишком красивой, чтобы на нее смотреть. Прекрасная и ужасная одновременно, и огромная, затмевающая драуков вокруг нее, даже больше, чем нефритовые паучьи големы, сторожившие вход.

И Ивоннель поняла, что обречена.

– Узри! – потребовало существо, бывшее Сос'Ампту. – Я - аватара Ллос. Преклони передо мной колени. Моли меня о пощаде.

Ивоннель не могла отдышаться. Она не сомневалась в этом утверждении. Сос'Ампту, первая жрица Храма Куарвелшаресс, привела Паучью Королеву, отдала себя, свое смертное тело, Ллос.

– Встань на колени! – снова потребовала она, и когда Ивоннель не сделала этого, Сос'Ампту вытянула руки и выпустила нити паутины, которые опутали ступни Ивоннель, окутав ее до талии и крепко прижав к полу там, где она стояла.

Она попыталась возразить заклинанием, но слова в ее разуме оказались не более чем тарабарщиной, а голова раскалывалась от ошеломляющей боли и шума.

Восемь ног стучали по твердому полу, гигантское богоподобное существо приближалось.

– Что мне с тобой делать, Ивоннель Дважды Благословенная? – поддразнила она. – Все подарки, которые я тебе подарила. Такая растрата. Всю славу, которую я отдала тебе в твоей битве с Демогоргоном. Ты снова стала бы Ивоннель Вечной, возродилась, чтобы снова вести за собой. Но нет, ты отказалась от этого. И ради чего?

Ивоннель обнаружила, что снова может говорить.

– Ты дала мне многое, но ничего столь же ценного, как правда, – вызывающе прорычала она. – И в этой правде ты дала мне сострадание и надежду. Это была моя ошибка или твоя?

– Я не совершаю ошибок.

– Твои приспешники тысячами погибнут здесь, в этой войне.

Громадина пожала плечами.

– Смертные умирают. Это то, что они делают. И то, как они умирают - мое удовольствие и моя сила. Как ты умрешь, Ивоннель?

Женщина расправила плечи и сказала:

– Я не отправлюсь к Ллос после смерти.

– Кто может знать?

– Я только что сказала тебе.

Великанша рассмеялась.

– Убить тебя сейчас было бы так просто. Взять тебя на руки и вернуться в Бездну было бы так просто. Возможно, даже слишком просто. Ты, конечно, знаешь множество имен, которые мне даны. Произнеси их.

– Ллос, – сказала Ивоннель.

– Продолжай.

– Ллос, – сказала упрямая женщина, и великанша снова рассмеялась.

– Леди Ллос, – поправила аватара. – Паучья Королева. Королева Ям Паутины Демонов, Мать Похоти. Ты все это слышала?

Ивоннель не ответила.

– И самая настоящая, – продолжил аватар, – Ткачих Хаоса. Мне так нравится непредсказуемость мира. Скатывать камни с неровной горы и наблюдать за их отскоками и прыжками. Что бы Ивоннель сделала со знаниями, которые я ей дала? С возможностями, которые открылись перед ней? Волнение от наблюдения за твоим выбором! Радость!

Ивоннель покачала головой, не уверенная, было ли это существо перед ней дьявольским или рациональным в тот момент.

– Это не имело значения, – сказал ей аватар. – Ты не понимаешь? Твои действия? «Истины», которые ты узнала? Они не имели значения.

– Тогда что имеет значение?

– Мое удовольствие. Мой хаос. Моя сила. Я. Только я.

– Тогда какое будущее нас ждет?

– Кого это волнует? – Аватара рассмеялась над ней, и это было искренне, она знала.

– Ты достаточно заботишься о нас, чтобы благословлять матрон-матерей, – сказала она.

– И?

– Ты достаточно заботишься о нас, чтобы развязывать войны - в Серебряных Пределах, в Гаунтлгриме, в твоем собственном Городе Пауков!

– Абсолютный хаос. Война.

– Тогда почему ты злишься на меня? За мои действия на поверхности и кражу Богохульства? Что может вызвать в мире больший хаос, чем то, что я сделала?

Она рассмеялась еще громче, и этот ответ сказал Ивоннель правду. Ллос не сердилась на нее. Гнев означал бы, что Ллос небезразлична.

– Что мне с тобой делать? – спросила аватара.

– Ты никогда не получишь меня, мерзкое чудовище.

– Ты уже моя.

– Ты никогда не завладеешь моим сердцем.

– Но, тем не менее, я повеселюсь.

Она протянула руку, и на ней появился предмет. Сначала Ивоннель подумала, что это книга заклинаний, большая и украшенная, как ее собственная, или даже больше, как та, что была у Громфа. Но нет, аватара протянула другую руку и сняла с него крышку, потому что это была коробка, а не книга.

Аватара Ллос уронила крышку на пол и начала водить рукой взад-вперед над коробкой, и с каждым движением белая пластинка из какого-то неизвестного материала летела в Ивоннель и начинала вращаться, как какая-то метательная звезда.

Однако это были не снаряды, посланные, чтобы поразить ее, а прямоугольные пластинки, которые приблизились к ней и начали летать вокруг нее, вращаясь на ходу.

Снова и снова они летели вперед, дюжина и больше. Возможно, две дюжины, подумала Ивоннель, потому что они летали кругами вокруг нее слишком быстро, чтобы она могла правильно сосчитать.

– Двадцать две, – сказала аватара, словно читая ее мысли. – И у каждой своя судьба. Некоторые хорошие. Некоторые проклятые. Некоторые из них принесут тебе большую власть - возможно, достаточную, чтобы переломить ход этой войны.

– Ты лжешь!

– Я не лгу. Ты знаешь, что я этого не делаю. Ты можешь найти богатство в одной из этих карт. Ты можешь найти предметы великой магии. Ты можешь найти союзников великой силы или врагов, превосходящих тебя. Ты можешь найти проклятия или благословения, свои самые заветные желания, свои самые большие страхи.

– В какую игру ты играешь?

– В эту игру играю не я, а ты.

– А что это за игра?

– Та, которая меня развлекает.

– Дьяволица.

– Твое отсутствие благодарности разочаровывает меня, Ивоннель Бэнр. Я могла бы просто убить тебя. Ты знаешь это. Я могла бы забрать тебя в Бездну и заточить навечно, сделать из тебя драука и позволить моим служанкам мучить тебя вечно. Ты знаешь это. И все же, я предлагаю тебе этот шанс, и он реален, честное слово.

– Твое слово, – последовал саркастический ответ.

– Двадцать две карты хаотично кружатся вокруг тебя. Для существа твоей силы половина - возможно, больше половины - окажется полезной, возможно, очень полезной. И даже тех, кто проклят, если ты выживешь, я освобожу. Видишь ли, ты должна выбрать какую-то одну. Пока ты этого не сделаешь, нити моей паутины будут удерживать тебя прямо там, где ты стоишь, и внутри них ты знаешь, что у тебя нет возможности применить свою магию. Итак, ты будешь стоять там. Вечно, если я захочу, или пока я не решу просто взять тебя к себе домой и поиграть. Все, что тебе нужно сделать - это выбрать.

– Почему я должна тебе верить?

– Скажи мне, дорогая, а какие у тебя варианты? Одна карта цвета слоновой кости, только одна. Один шанс избежать дилеммы, которую ты не можешь решить иначе. Один.

Ивоннель попыталась разобраться во всем этом, порылась в своих воспоминаниях в поисках этой магии до нее - встречала ли Ивоннель Вечная когда-нибудь такой предмет, как эта колода карт?

– Сейчас или никогда! – потребовала аватара.

Ивоннель протянула руку, пытаясь выбрать, пока карты кружились вокруг нее, пытаясь найти какой-то узор, какую-то подсказку.

Но ничего не было.

Она взяла одну из пластинок из слоновой кости, и пока она держала ее в руках, на ней появилось изображение.

Она увидела дверь, зарешеченную дверь, похожую на тюремную камеру. И символ, похожий на карту из колоды Талис* одинокое черное перевернутое сердечко.

Аватара рассмеялась, и паутина распалась и упала на пол.

И каждая деталь одежды Ивоннель, каждое украшение, все, что было у нее в карманах, все, что на ней было, что ей не принадлежало, упало на пол.

Ибо Ивоннель исчезла, исчезла с этого плана существования.

Просто исчезла.

*карточная игра на Фаэруне. (Прим. Переводчика)

Глава 23
Мягкая защита

– Должны ли мы присоединиться к нашим союзникам там? – спросила Джарлакса Даб'Ней. Она была с ним на крыше здания недалеко от Ку'илларз'орль, вместе с Дзиртом, Киммуриэлем и несколькими другими солдатами Бреган Д'Эрт. С плато благородных домов потоком спускались всадники на ящерах, волшебники на призрачных конях, кобольды, орки, хобгоблины, даже несколько великанов и огров. Это армия Баррисон Дель'Армго, несомненно, и они идут за домом Ханцрин, чтобы освободить его от власти Бэнр.

К ужасу Даб'Ней, Джарлакс покачал головой.

Дзирт не был удивлен отказом Джарлакса. Возможно, шестьдесят воинов Бреган Д'Эрт могли бы что-то изменить в предстоящей битве в районе дома Ханцрин, а возможно, и нет. Но в ту сторону направлялись сотни солдат Баррисон Дель'Армго и их рабов различных рас, и Джарлакс не собирался ничего предпринимать, пока не вернутся его разведчики.

Или, по крайней мере, до тех пор, пока его самый информативный разведчик из всех, Киммуриэль, не закончил шпионаж в доме Баррисон Дель'Армго.

Это не заняло много времени.

– Армго действительно намерены напасть на тех, кто держит в заточении Дом Ханцрин, – сообщил им Киммуриэль. – Освобождение матроны Шакти Ханцрин занимает главное место в сознании Мез'Баррис, так считает ее дворцовый страж, который не смог устоять перед моим вторжением в свои мысли. Дом Баррисон Дель'Армго полностью присоединится к Ханцринам и без колебаний отвергнет Бреган Д'Эрт, наложив Проклятие Мерзости на Браелина Дженкуэя.

– Если я смогу добраться до нее, возможно, я смогу показать ей лучший курс, – сказал Джарлакс.

– Матрона Мез'Баррис достаточно умна, чтобы понять, что такая судьба Браелина навсегда отвратит от нее Бреган Д'Эрт, – высказалась Даб'Ней.

– Часовой все еще взволнованно обдумывал визит матроны Жиндии Меларн и пары служанок, – сказал Киммуриэль. – Именно Жиндия подарила

Браелина и... – Киммуриэль сделал паузу и издал легкий смешок. – И подарила Хазид'хи любимому внуку Мез'Баррис, Малагдорлу.

Тогда Джарлакс понял, что о переговорах не может быть и речи. Малагдорл был целым миром для Мез'Баррис. Она сделала бы для него все, что угодно, и такой подарок! Если раньше она шла по острию клинка в этой войне, и если была какая-то надежда привлечь ее на сторону Бэнров, то теперь эта надежда была утрачена.

– Разошлите помощников по четырем углам комплекса Баррисон Дель'Армго, – проинструктировал он Киммуриэля, который, конечно, мог распространять приказы быстрее, чем кто-либо другой. – Проинструктируйте их, чтобы они отвлекали внимание, но ничего слишком тревожного. Они не должны вступать в бой, не здесь. Они должны следить за оставшимися часовыми только снаружи. Затем они могут отправиться в дом Ханцрин и посмотреть, какой вред они могут причинить силам Армго, которые отправились туда.

– А что с Браелином? – спросила Даб'Ней.

– Это наша забота, – ответил Джарлакс. – Наша с Киммуриэлем и Дзиртом.

– Браелин, Матрона и другие, по-видимому, находились в семейной часовне Баррисон Дель'Армго, как раз за тем местом, где я оставил часового, – предупредил Киммуриэль. – Я не осмеливался войти, опасаясь быть обнаруженным - это место сильно защищено, а волшебник Мез'Баррис, Кайтейн, умен и не совсем невежествен в псионической силе. Кроме того, по дому бродят демоны, и не только дретчи и маны.

– Если Браелин в той часовне, то, возможно, церемония его проклятия уже началась, – предположил Дзирт.

– Отправь их, – повторил Джарлакс Киммуриэлю. – Сейчас, и как можно быстрее. Затем ты проводишь нас в личные покои Мез'Баррис. Если она послушает, мы поговорим. Если она этого не сделает, тогда мы уничтожим аристократов Второго Дома и заберем Браелина обратно, независимо от того, проводила она церемонию или нет. Браелин и раньше был драуком, и Ивоннель вернула его. Она сделает это снова, если это будет необходимо.

Киммуриэль закрыл глаза и мысленно отправился сообщить об этом лидерам группы.

Джарлакс повернулся к Дзирту.

– Мез'Баррис - грозный противник. По общему мнению, Кайтейн так же претендовал бы на титул архимага, как и Тсабрак, и мне нет необходимости рассказывать тебе о силе Малагдорла. Когда мы войдем туда, не может быть никаких колебаний, никаких попыток проявить милосердие.

– Кого бы ты попросил меня убить первым? – ответил Дзирт, и в его тоне не было ни тени колебания.

Сос'Ампту Бэнр почувствовала, как сила струится сквозь нее, великолепная и прекрасная. Ей казалось, что она может протянуть руку через весь город, схватить свою сестру-идиотку и разорвать ее на части.

Но нет, она остро почувствовала связь, силу самой Ллос, когда Паучья Королева вернула ей контроль над ее теперь гигантским и похожим на драука телом вскоре после того, как отправила Ивоннель в какую-то неизвестную и отдаленную пространственную тюрьму, но воплощение этой силы пришло именно тогда и началось уменьшается почти сразу.

Она чувствовала, что Ллос все еще с ней, все еще внутри нее.

Она никогда не хотела, чтобы Ллос уходила. Присутствие богини внутри ошеломляло Сос'Ампту, заставляло ее дрожать в экстазе, по ее лицу текли слезы.

Она почувствовала, как ее ноги срастаются, изменяя форму по мере того, как она физически сжималась, и внутри нее возникло движение, которое не было ее собственным, странное и сбивающее с толку ощущение, которое заставило ее подумать о беременности - что, конечно, навело на свои собственные размышления, особенно с учетом того, что она только что отправила на тот свет женщину, которая была благословена в утробе матери всего за несколько лет до этого!

Потрясающее ощущение, прилив крови внутри и воздуха в легких, и первая жрица снова оказалась в своем собственном теле, теле Сос'Ампту Бэнр, смертной дроу. И внутреннее беспокойство тоже улеглось, потому что в этой последней трансформации появилось второе существо, как будто материализовавшееся из суматохи внутри Сос'Ампту, вторая женщина-дроу, которая теперь стояла прямо рядом с ней.

Красивая женщина-дроу. Слишком красивая. Болезненно красивая.

Она знала, что это был не эмиссар Ллос, нет, нет.

Это был образ самой Ллос, тянущийся к ней из Бездны.

Сос'Ампту упала на колени, как и все остальные дроу в Храме Богини.

– Многие из моих служанок пришли в Мензоберранзан, мой город, – сказала Ллос.

Сос'Ампту хотела посмотреть на нее, но не осмеливалась поднять взгляд.

– Они привели меня сюда, к тебе, в полной уверенности, что ты будешь приемлемым вместилищем.

– Я молюсь, чтобы вы сочли меня достойной.

– Действительно, Сос'Ампту Бэнр. Действительно. Встань сейчас же, я приказываю. Посмотри на меня. Позволь мне увидеть любовь в твоих глазах.

Сос'Ампту медленно встала и еще медленнее подняла взгляд.

Фигура протянула руку и положила ее на лоб Сос'Ампту, и это было осязаемо и тепло. Жрица закрыла глаза и услышала шепот в своем сознании, два слова, которые повторялись.

Имя, поняла она, и ее глаза широко распахнулись.

– Призови, – приказала Ллос. – Призови великих демонов. Позволь им проложить путь в логово моих врагов. Растопчи их!

– Моя госпожа, – выдохнула Сос'Ампту.

– Мои служанки ждут меня в часовне дома Меларн.

Сос'Ампту не ответила, но поморщилась. Ллос выбрала *ее* в качестве сосуда. Матрона Жиндия Меларн была недостойна.

– Хаос сменится спокойствием, – заверила ее Ллос, как будто прочитав ее мысли - что, конечно, так и было, поняла Сос'Ампту. – Когда это произойдет, на все будут даны ответы.

– Конечно, моя Леди Ллос, моя королева, моя богиня, – сказала Сос'Ампту.

– Нет никого достойнее тебя, дитя, – сказала Ллос. – Теперь примись за свою работу и покончи с этой глупостью.

Прекрасная женщина закружилась, подняв одну руку над головой. Она закружилась, словно на льду, все быстрее и быстрее, ее руки поднимались и вращались вокруг нее, превращая ее в размытое пятно.

И она исчезла.

Под ней, на полу, в центре ее вращения остался выгравированный магический круг, сияющий на полу часовни. Круг силы, и Сос'Ампту понимала, что он подходит для привлечения великих демонов, чьи имена эхом отдавались в ее сознании.

– Это прекрасно, – прошептала Аззудонна Закнафейну, когда они наконец вошли в пещеру Мензоберранзана. Зак мог слышать, как остальные члены группы так же задыхались и перешептывались.

Они вошли через боковой туннель, едва ли щель в стене была достаточно широкой, чтобы пропустить их гуськом. Пространство в пещере перед входом было завалено валунами, обеспечивая им достаточное прикрытие - на данный момент.

Они были совсем рядом с Западным Разломом - глядя через него налево, Зак мог видеть разноцветные огни, очерчивающие Храм Богини, в котором сейчас было тихо. Но с другой стороны, на юго-запад вдоль стены и сразу за

Западными проходами, более обычными входами в эту часть Мензоберранзана, были отчетливо видны вспышки молний и огненные шары.

Он знал, что прямо перед домом До'Урден.

– Вы хотели драки, – сказал он ближайшему Авернилу и указал на регион. – Вы получите свою драку.

– Я не хочу сражения, Закнафейн, но мы призваны к битве, – ответил верховный жрец. – У нас нет выбора. Таково требование Эйлистри, и не сомневайся, что она будет там с нами.

– Вероятно, нам понадобится по крайней мере это, – сказал Зак.

– Я нахожу твое неверие тревожным, – сказал Авернил.

– А ты? Почему?

– Я знаю, почему я здесь. Я знаю, почему Святая Галата здесь. Я знаю, почему так много моих прихожан настаивали на присоединении, но ваши причины находиться в этом месте и участвовать в этой борьбе носят личный

характер.

– И не менее интуитивные, чем ваши собственные, уверяю тебя.

– Возможно, даже слишком.

– Не все, кто сопровождал нас из Каллиды, принадлежат к твоей церкви, Авернил.

Верховный жрец пожал плечами, как будто это не имело значения. “Мы уже показали силу Эйлистри, и ты все еще сомневаешься.

Зак пристально изучал этого человека, обдумывая последствия его хвастовства и понимая, что если Авернил чувствовал себя действительно непобедимым из-за своей богини, то они все были в беде.

– Это было на благоприятном поле боя, – напомнил он. – Мы застали наших врагов врасплох из-за Нвизи и Алефаэро, а не из-за вашей богини или вашей веры. То, что вы видите сейчас перед собой, - это битва объединившихся великих Домов.

– Мы войдем, как и прежде, в нашем неприступном квадрате, – сказал Авернил. – Я ожидаю, что внезапность снова будет нашим союзником, поскольку эти враги понятия не будут иметь о прибытии нашей группы.

Когда Зак начал спорить, Авернил крикнул: «Стройся!», и каллидийцы снова собрались в каре, выходя из-за скал. Зак снова оказался рядом с Галатой впереди, а Аззудонна напротив него.

– Это будет не так просто, – предупредил он.

– У нас есть богиня, – попыталась заверить его Галата.

– У них тоже есть богиня. И это ее дом. Помнишь?

Позади них Нвизи начал издавать какой-то неразборчивый звук, и Зак обернулся, чтобы увидеть человека с плавающими перед ним драгоценными

камнями. «Горе», одними губами произнес он Алефаэро, который, в свою очередь, позвал Авернила.

Но Авернил не внял призыву.

– На войну за Эйлистри! – прокричал верховный жрец. – Вперед! Вперед!

Галата не могла ослушаться, и поэтому она двинулась вперед, а каре двигалось в унисон позади и рядом с ней, сначала шагом, затем рысью. Они приблизились к Дому До'Урден, где волшебники, жрецы, лучники и копейщики обрушивали смерть на рой демонов и силы дроу, атаковавшие дом. Огонь и молнии разлетелись во все стороны, на балконы, на землю и в воздух, где пара обгоревших летающих демонов упала вниз, оставляя за собой шлейф дыма, прежде чем шлепнуться на землю.

Каллидийцы подошли ближе.

– По твоему приказу, Святая Галата! – Авернил выступил вперед.

Жрецы теперь пели, духовное оружие парило в воздухе рядом с движущимся квадратом, почти прозрачные духовные стражи кружились вокруг.

Недалеко впереди жрица-дроу повернулась в их сторону, окликая своих спутников и указывая пальцем, явно сбитая с толку.

«В атаку!», закричала Галата, и квадрат впереди взревел.

Передние ряды духовных стражей начали бить и кусать жрицу и ее союзников еще до того, как группа каллидийцев физически вступила в бой. Маны и дретчи рассыпались под натиском. Жрица вскинула руки, защищаясь, закричала и, спотыкаясь, отступила. Рядом с ней двое мужчин неловко выстрелили из ручных арбалетов и точно так же повернулись, чтобы бежать.

Удар молнии Алефаэро уложил всех троих на землю и прошел мимо них, чтобы также врезаться в группу демонов позади них. Те изверги, те, кто не был уничтожен, развернулись и бросились на боевой квадрат, а затем с боков появилось еще больше, и момент неожиданности пропал.

Но духовные хранители оставались в своем плотном танце, атакуя врагов прежде, чем те достигали линии соприкосновения. И духовное оружие устремилось навстречу атаке, парящие булавы и мечи, ярко светящиеся магической силой, нанося удары по демонам, которые наносили ответные безрезультатные удары - и в ту паузу, когда демоны атаковали оружие, сделанное из чистой божественной магии, стражи продолжали наносить им удары.

Наконец, некоторые достигли построения, сомкнутые щиты по бокам крепко держались, копья торчали наружу, и в переднем ряду, где не было стены из щитов, демонов встретили Блуцидер, Солардис и вращающиеся меч и копье Аззудонны.

Квадрат продолжал двигаться, оставляя за собой дымящийся след, рассеивающий демонов.

С балконов Дома До'Урден донеслись радостные возгласы, защитники, очевидно, поняли, что прибыло подкрепление, хотя и не знали, кем было это подкрепление - и теперь направляли свои удары перед движущимся блоком божественного разрушения или над ним, чтобы отразить воздушные угрозы со свода пещеры.

Зак не мог отрицать восторга, который он испытывал, товарищества, растущей силы…

Была ли это Эйлистри?

Смеет ли он надеяться на веру?

– Вперед, всегда вперед! – приказала Галата, и в этом не было необходимости, потому что позади нее пели каллидийцы, жрецы повторяли свои заклинания, Алефаэро наносил удары могучей магией – сильнейшими молниями энергии! - на приближающихся самых могущественных демонов.

Зак осмелился надеяться.

Но затем с балкона его старого дома начали трубить рога, и он взглянул в ту сторону, чтобы увидеть дроу, указывающего за пределы битвы, обратно на Западный Разлом.

– О нет, – пробормотал Зак, посмотрев в ту сторону, когда увидел приближающийся рок.

– Что это? – услышал он, как ахнула Аззудонна. – Что это за чудовища?

– Гористро, – одними губами произнес он, его голос был едва слышен.

Из-за края Западного Разлома, быстро разворачиваясь к полю битвы перед Домом До'Урден, появились они, три гигантских демона, выглядевших как массивные минотавры с оранжевой шерстью, двадцати футов ростом и более, и почти такой же ширины в своих могучих плечах.

Каждый нес по паланкину, широким носилкам, и на них были дроу, которые кричали вниз, приказывая своей армии двигаться вперед. Окружив неуклюжих гористро, появилось еще больше демонов, и не просто маленьких дретчей и маны, нет, а настоящих демонов: вроков и глабрезу, хезроу и налфешни. Марилит со змеиным телом скользила по бокам, шесть рук каждой размахивали мечами, сияющими мощью Бездны.

И балор, возможно, величайший из главных демонов, служащих повелителям Бездны, отметил Зак.

Балор.

Нет . . .

Два.

– **Н**ужен путь, настолько свободный от дроу, насколько ты сможешь найти, – проинструктировал Джарлакс Киммуриэля.

– Там коридоры, кишащие демонами, – ответил псионик. – В основном мелкими, но есть и свирепые, особенно глабрезу. Похоже, матрона Мез'Баррис благоволит глабрезу.

– Они, вероятно, напоминают ей о ее внуке, – заметил Джарлакс.

– Есть одна узкая тропинка, которая приведет нас поближе к дверям, зигзагообразный ход, без сомнения, построенный Армго в качестве пути отступления, если в этом когда-нибудь возникнет необходимость, – сказал Киммуриэль, игнорируя, как он обычно делал, шутку Джарлакса.

– Полон демонов?

– Полон демонов и, вероятно, хорошо заперт.

– Чем меньше Армго мы убьем, тем охотнее Мез'Баррис прислушается к моим словам, – сказал Джарлакс. – Таков наш курс.

– И я поведу, – сказал Киммуриэль. – Но держи свою гигантскую птицу наготове и не ввязывайся в бой. Она может мне понадобиться.

Это вызвало любопытные взгляды Дзирта и Даб'Ней.

– Вспомни свой бой с Демогоргоном, – напомнил Джарлакс Дзирту.

Дзирт кивнул, уловив суть. В той битве, которая на самом деле была не более чем одним ударом, Дзирт был защищен телекинетическим барьером, поглощавшим энергию, молнии, огонь и физические атаки большей части Мензоберранзана. Он чувствовал, как эта сила растет внутри него - нет, не внутри, а повсюду вокруг него, шипя и бурля вокруг магического щита, требуя разрушительного высвобождения и угрожая обрушить это высвобождение на него, если он не сможет удерживать щит достаточно долго или если он не сможет нацелить его на другого. Он сделал именно это, сразив Демогоргона одним могучим ударом, тысяча ударов слились в один.

Тогда он понял, зачем Киммуриэлю понадобилась гигантская птица. Если они проникнут в покои Мез'Баррис для переговоров, а Киммуриэль будет переполнен силой такого щита, ему понадобится освобождение.

Было бы трудно договориться с Мез'Баррис Армго, если бы это освобождение пришло в виде уничтоженного слуги дроу или одного из ее благородного клана. Волшебная птица, которая на самом деле не была бы уничтожена, была бы идеальным объектом его силы.

– Мы идем, –сказал Джарлакс, хватая Киммуриэля за плечо и беря за руку Даб'Ней, а она, в свою очередь, схватила Дзирта, воина с Мерцающим и Ледяной смертью наготове, за предплечье.

Они стали нематериальными, Киммуриэль перенес их в царство мысли и чистой силы воли. Четверка проплыла сквозь стену внутреннего двора дома

Баррисон Дель'Армго, незамеченная солдатами и демонами, наблюдавшими за действиями сил Бреган Д'Эрт.

Они направились в сторону главного строения, затем прошли сквозь стену в том месте, которое определил Киммуриэль. Все еще пребывая в одиночестве, они пересекли коридор, другую стену, маленькую комнату, еще одну стену и оказались в нише в другом коридоре, и там Киммуриэль показал им возвращение в материальное царство, их блуждающие умы вернули им их телесные формы.

Они появились как раз сбоку от мечущихся демонов, и Дзирт прыгнул вперед, вращая саблями. Он зарубил пару гривастых прежде, чем они успели повернуться, чтобы посмотреть на него, затем поднялся в воздух крутящимся ударом ноги, которая врезалась в другого мана, оба упали назад и дали Дзирту свободное место для приземления и восстановления равновесия, его клинки почти сразу же вернулись к работе над более мелкими монстрами глупо надвигавшимися на него.

В стороне шеренга демонов пала под градом летящих кинжалов Джарлакса.

Орда поредела, и Дзирт продолжал наступать, нанося удары руками и ногами, проскакивая мимо пары в уверенности, что Джарлакс держится близко и быстро расправится с теми, кого Дзирт оставил за спиной.

Первое настоящее препятствие лежало впереди: похожий на стервятника врок широко распахнул свои покрытые перьями крылья и закудахтал, как обезумевшая птица.

Мысли Дзирта закружились, оценивая поле боя, выбирая курс, который позволил бы ему преодолеть несколько стычек между ним и вроком наиболее благоприятным образом.

Однако он был прерван, застигнутый врасплох и шокированный, когда Киммуриэль небрежно прошел мимо него. Казавшийся безоружным псионик протолкался сквозь дретчей, даже не подняв рук в защитной позе, когда они царапали и кусали его.

Дзирт подошел вплотную сзади. Он вздрогнул, когда дретч прыгнул на Киммуриэля и сильно укусил его за горло.

Ни крови, ни отметины не появилось, и Киммуриэль даже не пошатнулся.

Воспоминание Дзирта о том, что он пережил под таким барьером - который тогда был создан всем разумом улья иллитидов - заставило его кивнуть.

Киммуриэль продолжал идти, спокойно, невозмутимо. Он налетел на врока, который с силой опустил свой гигантский клюв ему на макушку, и, несмотря на эти воспоминания, Дзирт не смог удержаться от гримасы.

Но клюв ничего не сделал Киммуриэлю, который в ответ ударил демона, высвободив часть энергии, которую он уже накопил.

Птицеподобная тварь закричала от боли, на его шее появилась кровавая дыра.

Дзирт сосредоточился, убивая дретчей, пока Киммуриэль проходил мимо, никто даже не обернулся на него.

Киммуриэль прошел мимо врока.

Ряд кинжалов вонзился в стервятника.

Очевидно, не такой глупый, как второстепенные демоны, врок переключил свое внимание с Киммуриэля и повернулся лицом к Дзирту.

Это не имело значения. Когда он попытался ударить следопыта, Дзирт пригнулся и блокировал удар, а когда он клюнул его, быстрый, как гадюка, Дзирт оказался быстрее, пригнувшись, когда удар пришелся на него, но с поднятыми Мерцающим и Ледяной Смертью, сцепив руки. Каждая из них скользила по краю ныряющего клюва, направляясь расширяющимися краями прямо в глаза демону.

Врок тут же развернулся, дико взвизгнув, а Дзирт отступил и быстро поднялся, вонзив Мерцающий клинок под клюв демона, вонзив Ледяную Смерть, клинок льда, который питался существами нижних планов, глубоко в брюхо монстра, проталкивая его по рукоять и стараясь избежать удара его отчаянно бьющихся крыльев.

Дзирт рванулся вперед. Он чувствовал, как сопротивление уменьшается с каждым шагом, врок уменьшается, умирает, возвращается в Бездну.

Еще больше кинжалов пролетело мимо него в обе стороны, сдерживая мелких демонов.

Дзирт швырнул врока на пол и двинулся дальше. Киммуриэль был потерян для него в толпе, так много мелких демонов было между ними.

– Догони Киммуриэля! – умолял Джарлакс сзади.

Дзирта не нужно было просить дважды - и лишь немногие из дретчей и манов хотя бы увидели его.

Он прошел сквозь них в полной ярости, разрезая их на части, самым большим препятствием стал пол, скользкий от ихора демонов и внутренностей.

С Даб'Ней и Джарлаксом, идущими следом, он расчистил путь, потому что, к удивлению, на последних десяти шагах коридора демонов не было. Он прорубил последние ряды как раз в тот момент, когда Киммуриэль повернул налево за острый угол в конце коридора.

Дзирт бросился было за ним, но отступил, низко пригибаясь и прикрываясь, когда из-за угла вырвался огненный шар, за которым последовала ослепительная вспышка молнии, которая пролетела прямо через

коридор, ударив в стену напротив и активировав еще одну ловушку, когда фасад стены рухнул, раздался отдаленный щелчок освобождающейся пружины квадратной доски с десятками шипов, которая пересекла коридор по направляющей проволоке, устремившись прямо за Киммуриэлем.

С отдаленным скрежетом противовеса доска с шипами медленно втянулась, возвращаясь на место.

Дзирт, Даб'Ней и Джарлакс затаили дыхание.

Из-за угла появился невредимый Киммуриэль.

– Что ж, – сказал он, – я думаю, они знают, что мы здесь.

Из-за угла донесся звук скользящего металла. Киммуриэль оглянулся через плечо и пожал плечами.

– Ты мог бы просто попросить аудиенции, Джарлакс, – раздался голос матроны Мез'Баррис.

– Именно это я и делаю! – крикнул в ответ Джарлакс. Он промчался мимо Дзирта и Киммуриэля, Даб'Ней следовала за ним по пятам. Псионик шел вплотную, Дзирт замыкал отряд.

Они прошли через дверь и оказались в длинной узкой часовне. Примерно в двадцати шагах от них за украшенным алтарем стояла матрона Мез'Баррис, позади и справа от нее - неповоротливый Малагдорл, позади и слева - волшебник Кайтейн. Шеренга жриц, в центре которой стояла Первая жрица Таайрул, стояла перед тремя ступенями, ведущими к алтарному возвышению, и как раз перед низкими перилами высотой до бедер, покрытыми толстой паутиной до пола.

Фигурой, которая привлекла внимание вновь прибывших, несомненно, был Браелин, висящий вниз головой прямо за Мез'Баррис на толстой шелковой нити, опутанный паутиной от ног до шеи - и на расстоянии легкого удара от могущественного Малагдорла, отметил Дзирт.

Каменные скамьи тянулись по обеим сторонам зала от перил до главных входных дверей, чуть левее того места, куда вошли четверо спутников. Джарлакс повел их к центральному проходу между рядами скамей, все четверо настороженно оглядывались на множество статуй, расставленных по комнате, Ллос и пауков, и даже на нескольких служанок в их естественном облике йоклол.

Мез'Баррис жестом приказала им приблизиться, затем подняла руку, останавливая их, все еще находясь примерно в десяти шагах.

– Даже для такого наглого, как ты, это абсурд, – сказала она Джарлаксу, который был в конце четверки слева.

– Я не ожидал, что ты поприветствуешь меня официально, поскольку это может скомпрометировать твою позицию по отношению к той стороне, которую ты считаешь союзниками, – ответил он.

– Какая сторона будет скомпрометирована? Те, кто верен Паучьей Королеве, или те, кто отвергает ее? На чьей стороне ваша маленькая банда воров и торговцев?

– Ни на чьей, – ответил Джарлакс. – Я всегда считал, что выгоднее оставаться сторонним наблюдателем за политикой Мензоберранзана.

– Он говорит это, когда рядом с ним стоит Дзирт До'Урден, – заметила Таайрул.

– Это не политика, – сказал Джарлакс.

– Это выходит за рамки политики и затрагивает самое сердце того, кто мы есть! – горячо возразила Таайрул.

– Достаточно, – прервала ее Мез'Баррис.

– Мы позаботились о том, чтобы пройти маршрутом, который не подвергнет опасности никого из твоей семьи или солдат. Просто демоны, которых можно легко заменить, хотя, к сожалению, в их рядах был и врок.

– Спасибо, что уничтожили только моих демонов, – фыркнула Мез'Баррис, как будто это что-то для нее значило. – Итак, ты здесь.

– Действительно, и, похоже, причина этой аудиенции прямо у тебя над головой, благородная Мать.

– Этот никчемный убийца? – Мез'Баррис усмехнулась. – Он здесь только для того, чтобы дать тебе знать, что у меня есть преимущество, конечно.

– Почему ты думаешь, что тебе оно нужно? Я пришел не как враг, а как тот, кто может гарантировать, что Верховная Мать Мез'Баррис, если это произойдет, будет иметь долгий доступ к поверхностному миру для прибыльной торговли.

– Почему ты думаешь, что я захочу этого?

Джарлакс пожал плечами.

– Богатство?

Мез'Баррис снова усмехнулась, но ее поза и голос внезапно изменились, женщина оперлась на алтарь, обеими руками сильно хлопая по полированной каменной поверхности, ее глаза сузились.

– Ты пришел, по своей глупости, и ты услышишь мои требования. Твой приспешник будет превращен в драука, отдан Ллос за его преступления, и я предлагаю тебе один шанс предотвратить это. Только один.

Дзирт поймал обеспокоенный взгляд, который Джарлакс бросил на него и остальных.

– Поклянись в верности мне и Ллос, – приказала матрона. – И отдай мне Дзирта До'Урдена, чья судьба будет определена судом Ллос.

– Ты недооцениваешь... – начал Джарлакс, но замолчал, когда Малагдорл стряхнул с алтаря маленькую черную бусинку, которая полетела вниз, в четверку.

Дзирт рефлекторно нырнул в сторону, перекатился, убирая свои сабли в ножны и высвобождая Тулмарил из футляра с пряжкой на поясе, и появился между несколькими скамейками со стрелой, уже наложенной на тетиву и выровненной, идеально нацеленной в Мез'Баррис.

С другой стороны, Джарлакс тоже отреагировал быстро, но не так быстро убрался с дороги, когда потянулся назад, чтобы схватить удивленную Даб'Ней. Что-то вылетело из этого маленького шарика, не совсем зацепив его, а вместо этого отбросив назад и отшвырнув к стене.

Киммуриэль, настолько уверенный в своем защитном кинетическом барьере, даже не попытался уклониться, а Даб'Ней едва пошевелилась.

И они оба оказались внутри шара, своего рода пузыря, хотя казались невредимыми.

Мез'Баррис, сидевшая напротив, радостно хихикнула, и остальные присоединились к насмешливому хору.

– О, стреляй же, еретик! – поддразнила Дзирта матрона. – Ты думаешь, я настолько глупа, чтобы сидеть здесь и выслушивать твои никчемные предложения?

– Что ты делаешь? – потребовал ответа Джарлакс. Он бросился обратно к Даб'Ней и Киммуриэлю, слегка надавив на окружающий их пузырь, который легко покатился, сбив обоих с ног.

Волшебник, стоявший рядом с Мез'Баррис, вытянул руку ладонью вверх и воздел пальцы к небу, и пузырь взмыл в воздух, увлекая за собой Киммуриэля и Даб'Ней.

– Я тут подсчитала, Джарлакс, – объявила Мез'Баррис. – Как долго, по-твоему, Киммуриэль сможет удерживать свой кинетический барьер в целости?

В ответ Дзирт развернулся и выстрелил Тулмарилом в шар, но стрела, столь же зачарованный снаряд, каким может выстрелить любой лук, наполненный энергией молнии, просто отскочила от края шара и устремилась прямо вверх, чтобы вонзиться в потолок часовни. Сила первоначального удара отправила шар в полет над головой Джарлакса, где он ударился о стену напротив Дзирта и отскочил, содрогаясь, плавно паря и двигаясь обратно к центру сооружения.

Мез'Баррис рассмеялась еще громче.

– Что ж, – сказала она, – похоже, судьба - или богиня - благословила нас. Посмотри на своего друга, Джарлакс, переполненного, кипящего, взрывающегося - вскоре в буквальном смысле - энергией, которую он собрал в коридоре. Как любовник, остановившийся перед моментом экстаза, он молит об освобождении, но, в отличие от влюбовника, он умрет ужасной смертью, если не сможет найти его. Возможно, Киммуриэлю даже повезло. Это было непредвиденно, я признаю, но так, так восхитительно. Уничтожит ли он жрицу?

– Чего ты хочешь? – потребовал Джарлакс снова, стараясь продолжать смотреть на нее, стараясь не смотреть на своего дорогого друга, оказавшегося в ловушке над ним.

Он вытащил из-под плаща жезл, внезапно направил его вверх и произнес команду рассеять шар.

Ничего не произошло, кроме усилившегося смеха с другого конца комнаты.

– Я сказала тебе, чего я хочу. У тебя есть одна попытка, и, судя по выражению лица твоего друга там, наверху, ты должен использовать ее в ближайшее время, – поддразнила Мез'Баррис. – Ты здесь ничего не контролируешь, Джарлакс. Все это было спланировано, и ты идеально сыграл свою роль.

Джарлакс был встревожен. Он не мог отрицать слов Мез'Баррис - Киммуриэль был там, наверху, с каждой минутой становясь все более безумным. Его лицо начало искажаться, когда он боролся, чтобы удержать кинетический барьер еще немного, потому что, если он не сможет, тогда все укусы и раздирающие когти от дретчей и гривастых манов, жестокие атаки врока, огненный шар и молния, удар шипастой пластины - все это, за исключением тех нескольких ранних ударов, которые он нанес по вроку - взорвались бы внутри него.

– Хватит! – закричала Матрона. – Поклянись мне в верности здесь и сейчас. Отдай мне Дзирта здесь и сейчас - возможно, его даже пощадят, если Ллос увидит в нем надежду. Ты поможешь мне победить эту идиотку Квентл и смыть пятно с дома Бэнр раз и навсегда.

– Освободи его, и мы сможем поговорить.

– Твой ответ! Сейчас!

– Ничего не делай! – крикнул Киммуриэль сверху.

– О, так он уничтожит жрицу, – заметила Мез'Баррис.

– Нет, – сказал ей Киммуриэль. – В те дни, когда Ллос правила всем вокруг меня, Даб'Ней действительно была бы уже мертва. – Он повернулся к

Даб'Ней и улыбнулся. – Тебе нечего бояться меня, мой друг. Даю слово чести.

– Он умрет, Джарлакс, – предупредила Мез'Баррис. – Ужасной смертью и у тебя на глазах. И тогда умрешь ты и твои оставшиеся друзья. Мы были готовы к твоему приходу, не сомневайся. Решай!

Джарлакс начал говорить, но Киммуриэль снова крикнул сверху: «Нет! Джарлакс, нет!»

Он успокоился и улыбнулся своему дорогому старому другу.

Дзирт снова выстрелил Тулмарилом в пузырь, потому что не мог вынести этого момента. На этот раз он целился прямо в него, рискуя, что стрела пройдет насквозь и ранит или убьет одного из двоих.

Но этого не произошло. Стрела ударилась о стенку магического пузыря и рассеялась дождем искр.

– Какая гарантия... – начал говорить Джарлакс.

– Нет, друзья мои, – услышал Дзирт в своем сознании и закрыл глаза. Все в порядке, больше, чем вы можете себе представить. Дзирт понял, что Киммуриэль телепатически общался и с Джарлаксом, учитывая то, как разбойник оборвал свои слова.

Он услышал, как Киммуриэль сказал: «Закрой глаза, добрая женщина».

Дзирт, наоборот, открыл глаза и посмотрел вверх, как раз вовремя, чтобы увидеть, как дрогнул кинетический барьер, увидеть, как глаза Киммуриэля странно выпучились, почти вылезая из орбит. И за ними, внутри них, было пламя! Белые волосы Киммуриэля начали дико плясать, с их кончиков срывались маленькие искры.

– Джарлакс, не надо, – сказал он искаженным, растянутым голосом. – Не надо.

Его глазные яблоки вылетели из орбит. Даб'Ней вскрикнула, когда одно из них отскочило от нее, сопровождаемое потоком мозга и крови.

Киммуриэлю все же удалось издать последний булькающий звук, прежде чем его разорвало на куски, превратив в запекшуюся кровь и дымящиеся кусочки костей, плоти и органов.

Даб'Ней снова закричала, от шока и боли, когда ее отбросило в сторону потоком запекшейся крови и сотрясением от взрыва Киммуриэля.

Дзирт потерял ее из виду, потому что пузырь больше не был прозрачным. Он был красным и черным, из него текли струйки крови и внутренностей.

Глава 24
Выбирая свободу

Натиск нападавших на Дом До'Урден был больше, чем Сарибель или Равель когда-либо видели.

– Они могут прорваться, – сказала Сарибель своему брату. – Мы должны начать размещать ловушки, глифы и защитные отряды в нижних коридорах. Если мы не сможем остановить их, мы заставим их заплатить кровью за каждый коридор. По мере того, как они продвигаются вперед, мы отступаем в туннели к дому Бэнр.

Равель кивнул в знак согласия. Если бы убегающие защитники рассеяли телепорт из нижних помещений дома в эти туннели, их враги не знали бы, как последовать за ними. Он бросился прочь, чтобы передать сообщение некоторым из своих коллег-волшебников, чтобы они начали устанавливать глифы.

На место происшествия прибыло еще больше войск Богохульников и Бэнр, сражение становилось все более ожесточенным. Но, тем не менее, вражеские силы, в основном демоны, продолжали вливаться на площадь, продолжали неумолимо продвигаться к дому.

С балконов посыпались новые магические атаки, но защитники, как жрецы, так и волшебники, истощали свои заклинания, Равель и Сарибель понимали, что на этот раз этого будет недостаточно, чтобы сдержать орду.

Но затем, с северо-востока, на поле появилась другая сила, квадрат из шестидесяти бойцов, марширующих в идеальном строю, воздух вокруг них кружился от духовных стражей, пространство перед ними кишело духовным оружием, парящим и наносящим удары.

– Кто они? – спросила ближайшая жрица, вопрос, который был у всех на уме.

– Очевидно, жрицы, – сказала другая. – Стражи, оружие...

Равель применил заклинание дальновидения, чтобы более четко увидеть новую силу. Он был ошеломлен тем, как уверенно они продвигались сквозь роящиеся на них демонические орды, младших и не очень сильных демонов заклинание разрывало на части еще до того, как они достигали рядов!

– Действительно, жрицы, – подумал он, а затем увидел правду.

– Нет, – сказал он окружающим. – Жрецы. Жрецы дроу и несколько жриц. Он увидел мужчину, отдающего приказы. – Ведомые мужчиной.

– Тогда Бреган Д'Эрт, – сказал кто-то, но Равель покачал головой. У Бреган Д'Эрт было несколько жрецов, но не так много, и почти все жрецы в отряде Джарлакса были женщинами.

Затем Равель увидел человека, которого он, несомненно, узнал в первых рядах.

– Закнафейн До'Урден, – прошептал он.

– Значит Бреган Д'Эрт, – сказала Сарибель, повторяя ранее сказанное, но Равель продолжал качать головой.

– Это последователи Эйлистри.

Вокруг них раздались вздохи.

– Могущественные союзники, – сказала Сарибель.

– Битва еще не проиграна, – ответил Равель почти самому себе. – Разбудите свою ярость! – крикнул он остальным на балконе. – Сдержите ихК нам пришли союзники!

– Мы должны рассказать Матери Зирит, – сказала ему Сарибель и направилась прочь, Равель следовал за ней по пятам.

– **П**аутина Ллос, – объявил Громф, глядя вверх из другого каньона, который поднимался в город, маленького узкого ответвления великой пропасти, известной как Туманный Разлом. Проход был таким узким, что троим пришлось отпустить своих волшебных скакунов. Над ними и чуть в стороне возвышалось скопление сталактитов, названное Громфом.

Кэтти-Бри видела его раньше, но издалека. С этого ракурса оно напомнило ей сосульки, свисающие с водосточных желобов на крыше Поместья Плюща, с десятками и дюжинами сталактитов, свисающих с потолка пещеры, как ряды зубов какого-то древнего дракона.

– Дом Меларн находится внутри этих сталактитов, – продолжил волшебник. – В основном, у потолка пещеры, а затем внутри толщи.

– Только простолюдины и заключенные находятся в камерах под потолком, – сказал Энтрери. – Тронный зал, часовни, военные помещения - все это находится внутри направленных вниз шпилей сталактитов.

Громф кивнул.

– Я никогда не был внутри, и никогда не хотел быть. Матрона Жиндия и ее предшественницы всегда были теми еще негодяйками.

– Ты здесь в качестве нашего гида, – заметила Кэтти-бри Энтрери.

– Более того, – поправил Громф. – Ты знаешь, почему я взял на себя труд привести тебя, – сказал он убийце.

Энтрери вытащил свой украшенный драгоценными камнями кинжал.

– Ничто не пугает матрону Жиндию Меларн больше, чем это оружие, – объяснил Громф. – Ее дочь была убита этим оружием, и то, что осталось от ее духа или разума, если вообще что-то осталось, было вне всякой надежды на воскрешение, было даже вне досягаемости Ллос. Возможно, она была просто уничтожена, стерта из мультивселенной - это не имеет значения. Важно то, что такой судьбы сильно боится матрона Жиндия.

– На то есть веская причина, конечно, – согласилась Кэтти-бри. Она посмотрела на Энтрери. – Но магии кинжала больше нет, так ты сказал. Когда ты бросил его через паутину, сплетенную Ивоннель и Квентл, это проклятие было разрушено.

– Так и было, – подтвердил Энтрери. – Иначе я бы скормил клинок Предвечному в Гаунтлгриме.

– Но Жиндия этого не знает, – сказал Громф. – Когда она почувствует этот кинжал у своего горла, вполне вероятно, что она будет торговаться, и эта сделка может спасти жизни тысяч дроу этого города. Именно поэтому, Кэтти-Бри, а не в качестве простого проводника, я взял с собой Артемиса Энтрери.

Женщина кивнула и с трудом сдержала дрожь.

– И ты понимаешь, почему я взял на себя труд привести тебя? – спросил Громф Кэтти-Бри.

– Я думала, тебе просто нравится моя компания, – ответила она, качая головой и пытаясь проигнорировать снисходительное оскорбление. В конце концов, почему Громф не хотел, чтобы она была здесь, ведь ее собственные силы, как божественные, так и тайные, были действительно значительными? Она была избранной Миликки.

– Ты здесь, чтобы убедиться, что я останусь в живых, – сказал ей Громф. – Несмотря на все, что ты могла бы сделать, твоя самая важная задача - залечить мои раны и сохранить меня в состоянии сражаться.

Кэтти-Бри хотела сказать что-нибудь резкое в ответ, но просто кивнула. Ей пришлось признать, что в этом был смысл. Это была родина Громфа, город, враг, которого он так хорошо знал, и, казалось, тот, кого он знал, как победить.

– Ты приготовила это жреческое заклинание телепортации, этот трюк, возвращающий тебя и других обратно домой?

– Во второй раз, да. Но поймите, что я пришла сюда, чтобы выполнить это задание вместе с вами, а затем присоединиться к моему мужу в его борьбе. У

меня нет намерения возвращаться в Поместье Плюща, не выполнив этих задач.

– И ты сможешь взять его с собой, если пойдешь?

– Пока он будет рядом со мной, конечно. И ты тоже.

– Я понимаю твое желание остаться, но послушай меня внимательно, Кэтти-Бри: если я скажу тебе уйти, тогда не задавай мне вопросов. Просто уходи. Вы оба. Я скажу вам только один раз, если того потребует ситуация, и любая задержка, безусловно, будет стоить вам жизни. Я никоим образом не преувеличиваю и не ввожу вас в заблуждение. Если я скажу вам уходить, уходите. – Он щелкнул пальцами в воздухе и повторил: «Уходите».

– А ты? – спросила она.

– Я же просил тебя не задавать мне вопросов. Если я скажу, чтобы ты уходила, вы оба убирайтесь со своим заклинанием. Мы договорились?

– Да, – без колебаний ответил Энтрери, но Кэтти-Бри промолчала.

– Есть только один ответ, – сказал Громф Кэтти-Бри.

Она пристально посмотрела на него, но кивнула.

– Я накрою нас невидимостью, – объяснил Громф и начал заклинание. – Я все еще буду видеть вас, но вы не увидите ни меня, ни друг друга.

А затем все трое исчезли.

Громф взял Энтрери за руку, затем потянулся к Кэтти-Бри, но она отдернула ее, когда он попытался схватить ее.

– Доказывая, что ты не всегда прав, я вижу тебя совершенно отчетливо, – сказала она ему. Небольшое напоминание о том, что она тоже могла бы выполнять эти волшебные двеомеры.

– А летать ты умеешь? – он отвернулся, и она ответила, отпрыгнув в сторону и поднявшись вдоль стены пропасти. С едва заметным намеком на улыбку, вызванную ее обидой, Громф подарил Энтрери и себе способности полета и поднял ассасина в воздух.

– Приземляйтесь на одной из платформ в южном конце, – посоветовал Энтрери. – Покои благородных находятся на севере, но юг охраняется гораздо меньше.

Они так и поступили, подойдя к балкону, где стоял на страже единственный часовой, прислонившись к стене и почти не обращая внимания.

Энтрери расправился с ним, став видимым, когда нанес удар.

Они вошли.

Мы держимся! – крикнула Сарибель, ворвавшись в частную часовню, где Зирит сидела с Тсабраком.

– Пришли последователи Темной Девы, – добавил Равель, врываясь следом за своей сестрой. – Они атакуют силы демонов, отправляя их обратно на нижние планы!

Эти двое резко остановились, все еще в нескольких шагах от сидений, когда матрона Зирит внезапно бросила на них хмурый взгляд.

– Это не все, кто прибыл в Мензоберранзан, – ответил архимаг Тсабрак. Он указал на зеркало, лежащее на столе между ним и Зирит, и подождал, пока двое аристократов поднимутся туда, где они могли бы взглянуть на изображения, которые открылись благодаря его силе предсказания. – Из Храма Богини вышла сила более могущественных демонов. Узрите гористро и балоров, и все виды кровавой бойни в Бездне.

– Как вы думаете, как детишки Темной Девы справятся с этим? – зашипела на них Зирит. – И эти великие демоны - не все, кто пришел. *Она* здесь.

– Она? – спросил Равель, но когда Сарибель внезапно затаила дыхание, он понял, что матрона Зирит имела в виду Ллос.

– Они наверняка проникнут в дом, – сказал им Тсабрак. – Никакая магия не защитит наши двери от атаки гористро.

Зирит кивнула.

– Тогда мы бежим, – сказал Равель. – Сейчас. Мы пойдем к туннелям и сбежим в Дом Бэнр.

– С какой целью? – выругался Тсабрак, махнув рукой в сторону магического зеркала. – Ты думаешь, даже Дом Бэнр сможет устоять против этого?

– Разве ты не слышала его? Ллос здесь, в городе, – сказала Зирит. – Она взывает к Матронам-Матерям. Я слышу ее шепот, как и другие, я уверена.

– Тогда мы будем сражаться с ними здесь столько, сколько сможем, а если не сможем удержаться, то побежим к туннелям - к озеру Донигартен, если не к Дому Бэнр, и за Мантию, в глубокое Подземье, – пробормотал Равель. – Мы не можем вернуться назад, Мать. Мы не можем!

– Боюсь, он может быть прав, – сказал Тсабрак, переводя беседу в совершенно другое русло. – Мы играли на проигравшей стороне, возможно, слишком долго.

И Равель, и Сарибель ожидали, что Зирит отругает волшебника за такую дерзость, но, к их удивлению и ужасу, она просто кивнула.

– Мы должны добиться прощения, а не просто умолять, – сказала надзирательница после короткой паузы. – Идите, вы двое, обратно к стене. Приведите приспешников Темной Девы в наше святилище, и когда они приблизятся, вы, все вы, все наши волшебники, жрицы и лучники,

уничтожьте их. Убейте их у наших ворот в знак раскаяния перед Паучьей Королевой. Идите, и побыстрее!

Сарибель снова ахнула, а Равель недоверчиво покачал головой.

– Мы видели их, – возразил он. – Бэнры. Ивоннель и Верховная Мать Квентл! Мы видели, что они сделали в верхнем мире. Мы услышали их рассказ о Мензоберранзане и истинных воспоминаниях...

Тсабрак хлопнул в ладоши, и вспышка молнии швырнула Равеля на землю, лишив его дара речи, пока он сидел там с дрожащей челюстью и дико развевающимися волосами.

– Ни слова больше от тебя, глупый мальчишка, – отругала его Зирит. – Все кончено. Это было заблуждение, глупость, великий обман, и мы попались на это, и теперь должны найти дорогу назад. Бэнры обречены. Порядок Мензоберранзана изменится навсегда, и мы можем только надеяться, что наши действия теперь повлекут за собой наказание - матрона Жиндия послала эту силу против нас, чтобы напомнить, а не уничтожить нас.

– Ты не можешь в это поверить, – осмелилась сказать Сарибель.

– Я сказала вам двоим идти, так идите! Сейчас, и побыстрее. Убейте приспешников Темной Девы. Убейте любого Богохульника и любых Бэнров, которые попытаются присоединиться к их рядам, спасаясь от разгрома, который последует за нашими стенами. И когда придет матрона Жиндия, а она наверняка придет, пригласи ее войти и сделай это должным образом, склонив голову. А теперь иди!

Сарибель повернулась и бросилась прочь, задержавшись, чтобы нагнуться и помочь брату подняться на ноги, а затем потащила его за собой из часовни.

– Это безумие, – сказал Равель, его зубы все еще стучали от удара молнии.

– Мы знали, что это может случиться, – сказала Сарибель.

– Я не собираюсь возвращаться к прошлому, – настаивал Равель. – Я не могу. Я не могу вернуться.

– И с Жиндией Меларн в качестве Верховной Матери Мензоберранзана, – сказала Сарибель, не возражая.

– Я не могу, – пробормотал Равель.

Сарибель наклонилась к нему поближе и прошептала:

– Скажи своим друзьям. Собери их, и я соберу своих, если они придут.

– Если они придут, то куда?

– В туннели. Взять Дайнина До'Урдена и уйти из этого места, как мы только что сказали - в Дом Бэнр, или к Донигартену, или в открытое Подземье, если потребуется.

– Если Бэнры проиграют, мы останемся в Подземье одни, – сказал Равель, как будто только что осознав истинность намерений.

– Разве мы уже не одни? Но нам не нужно оставаться там надолго. Мы отправимся в Гаунтлгрим и к королю Бренору, – решила Сарибель.

– Они будут охотиться на нас.

– Разве на нас уже не охотятся? – спросила она, снова переключая внимание на своего брата. – Разве мы сейчас не игрушки для тех, кто над нами? Итак, мы опускаемся ниже их... по крайней мере, они так думают.

– А если дворфы отвергнут наши просьбы?

– Нас получит Джарлакс, – настаивала Сарибель. – У него будет и Дайнин.

– Джарлакс вернется в лоно Ллос, или он и его банда идиотов не выживут, – раздался третий голос впереди, и архимаг Тсабрак свернул за угол коридора перед ними.

Равель и Сарибель обеспокоенно посмотрели друг на друга.

– Я знаю, что ты планируешь, – прямо заявил Тсабрак.

Эти двое просто уставились на него.

– Я мог бы остановить тебя, – сказал верховный маг Мензоберранзана, и ни один из них не сомневался в этом.

– Ты говоришь нам вернуться к тому, как было раньше? – спросил Равель.

– Мы не хотим этого, – добавила Сарибель.

– Ты предпочитаешь ужасную смерть? Или существование здесь или в Бездне в качестве драука Ллос?

– Обязательно ли до этого дойдет? Неужели у нас нет личной свободы, вообще нет выбора в этом вопросе? – сказала Сарибель, и в ее голосе зазвучали злобные нотки.

Тсабрак насмехался над ней.

– Как долго ты здесь живешь? Свободы? Ты вольна делать все, что в твоих силах, основываясь на твоей верности Ллос и твоих внутренних силах. От твоих физических, магических и интеллектуальных способностей. И, конечно, от твоего пола. Что ты, благородная жрица могущественного дома, дочь одной из правящих матрон Мензоберранзана, должна…

– Предположим, это не то, чего я хочу? – перебила Сарибель. – Возможно, мое сердце не одобряет то, что я вижу вокруг себя?

– Тогда я бы посоветовал тебе моргнуть несколько раз и посмотреть снова. Что это вопрос выживания, а не совести.

– Есть ли смысл в одном без другого? – вмешался Равель.

– Да! – Тсабрак огрызнулся в ответ. – Ах да, идеал сообщества и сопереживания, поднимающий всех остальных. Идиотизм, говорю я! С того момента, как вы покинули чрево Матери Зирит, вы были одиноки, вы оба. Вы

приходите в эту жизнь одни, вы выживаете в одиночку и умираете в одиночестве.

– Если только у тебя нет благословения Ллос, – ехидно добавила Сарибель и пристально посмотрела на волшебника.

– Благословения Ллос? – Тсабрак чуть не подавился этим, многое открыв и Сарибель, и Равелю. – Это вопрос загробной жизни и большой прирост власти в Городе Пауков. Но тебя не обнимают восемь ног. Она не ходит рядом с тобой и не охраняет твой сон. Ты одна. Ты делаешь все, что в твоих силах. Ты выживаешь.

– Может быть, это именно то, что мы пытаемся сделать, – ответил Равель.

– В доме Бэнр? Он обречен! Бежать из города? Ничего, кроме страданий и смерти там не ждет.

– Дзирт До'Урден был бы другим, – возразил Равель.

– Дзирт До'Урден еще жив только потому, что доставляет огромное удовольствие Ллос своими выходками. Он подстегивает ее игру. Я повторяю, дом Бэнр обречен, и вы оба тоже будете обречены, если я позволю вам продолжать идти по этому пути.

– Возможно, – ответила Сарибель. – Но пусть, по крайней мере, это будет наш выбор.

– Если это судьба, то да будет так, – согласился Равель. – Я бы очистил свое сердце ценой своей жизни.

– Вечная судьба? – сказал им Тсабрак.

– Я в это не верю, – сказал Равель.

– Я тоже, – согласилась Сарибель. – И если я тебя правильно расслышала, я не уверена, что ты тоже это понимаешь. Пожалуйста, позволь нам самим выбирать свой путь и страдать от последствий самим.

– Я не вернусь к тому, что было раньше, – твердо добавил Равель.

Тсабрак издал беспомощный смешок.

– Мать Зирит никогда бы мне этого не простила…

– Простила бы она тебе наше убийство? – перебил Равель. – Потому что это твой единственный способ остановить нас.

Тсабрак фыркнул и покачал головой.

– У нас никогда не было этого разговора, – предложила Сарибель.

– Ты понятия не имеешь о силе, против которой идешь, о богине, память о которой длиннее, чем у Ивоннель и Квентл, когда они творили великую ересь.

– Верховной Матери Квентл, – поправил Равель, как будто поймал Тсабрака на серьезном нарушении требований Ллос.

Но волшебник снова усмехнулся.

– На сколько? Еще на один день? Еще на один час?

Равель хотел ответить, но не нашел, чем возразить.

– И ты, – многозначительно сказал Тсабрак Сарибель, снова фыркнув с отвращением. – Ты в очереди возглавить эту семью. Мать Зирит уже старая... древняя. Ты - ее драгоценное дитя, первая жрица, которой суждено править Домом Ксорларрин - и именно такими мы снова станем.

– Если я возглавлю дом Ксорларрин, или До'Урден, или какое бы имя они в следующий раз ни присвоили нашей семье, тогда знай, что дом Ксорларрин никогда не обретет благословения Ллос. Ее больше нет в моем сердце, архимаг Тсабрак. Я увидела правду.

– Правду?

– Я верю, что это так, да. Я видела ее и приняла. Видишь ли, для меня это не вопрос удобства, не так, как это кажется Матери Зирит или тебе. Это вопрос совести, принципа. Выбора и свободы. Я сделала свой выбор от всего сердца. Я не могу изменить это ни ради своей личной выгоды, ни даже ради благополучия Дома Ксорларрин, и я не могу скрыть это от Ллос. Я отвергаю ее, и чтобы остановить нас, ты должен убить нас. Все просто.

Тсабрак тяжело вздохнул и долгое время молча смотрел на этих двоих. Затем он покачал головой.

– Вы, дети, думаете о том, чтобы остаться в живых, как об «удобстве».

– Мы думаем так, как думаем, а не так, как хотела бы, чтобы мы думали Ллос.

Волшебник фыркнул.

– У нас никогда не было этого разговора, – снова намекнула Сарибель.

Верховный маг пристально посмотрел на них, словно пытаясь преподать какой-то последний урок, затем щелкнул пальцами и исчез.

И Сарибель, и Равель вздохнули с облегчением. Тсабраку не составило бы труда убить их обоих, если бы он того захотел, или даже просто поймать их в какую-нибудь магическую сеть и притащить обратно, прежде чем Мать Зирит раскроет их предательство.

– Сообщи своим друзьям, и побыстрее, и я сделаю то же самое, – сказала Сарибель несколькими ударами сердца позже. – Мы бежим прямо в нижние комнаты, собираем Дайнина До'Урдена и используем врата в более глубокие туннели.

Равель просто стоял там, качая головой и уставившись на то место, где только что был Тсабрак.

– Давай же, – умоляла его Сарибель.

– Я не понимаю, – ответил Равель.

– Не понимаешь чего?

– Тсабрак ненавидит Ллос или, по крайней мере, определенно не почитает и не любит ее. Ты слышала его.

– Это тебя удивляет? Как он сказал, для него это просто вопрос выживания. Едва ли он единственный из могущественных людей, кто верит в это. Даже Мать Зир... даже наша мать. Как ты думаешь, ее решение здесь от сердца или от разума?

– Но она... это она! – ответил Равель. – Как и ты. Власть здесь твоя, ты можешь взять и удержать ее. Тсабрак достиг предела всего, на что он когда-либо мог надеяться, и все же он остается ниже каждой матроны каждого дома, даже каждой верховной жрицы. Зачем ему оставаться в обществе, которое навсегда делает из него дроу низшего класса просто потому, что он мужчина?

– Его власть и роскошь проистекают из порядка матриархата, – объяснила Сарибель.

– Только до этого уровня.

– Этого уровня он, возможно, не достиг бы без структур, существующих в городе сейчас.

– Я не вижу в этом смысла.

– И все же, в некоторой степени, это почти универсально в обществах Фаэруна. Это присутствует во многих королевствах людей, и, конечно, в королевствах дворфов. Всегда есть какая-то причина, приводимая теми, кто находится у власти, для подтверждения своей позиции, и всегда есть много тех, кто использует эту причину ради собственного продвижения, каким бы ограниченным оно ни было в рамках порядка, установленного теми, кто находится у власти. Боюсь, таков порядок вещей, и если мы каким-то образом выберемся из этого живыми и выплывем, ты увидишь это, брат мой. Влиятельные люди используют все, что в их силах, чтобы устранить конкуренцию в каждом учреждении, которое они контролируют. Никогда не забывай об этом.

– Иди и собери тех, кто решит сбежать. Отправляй свои сообщения и идите в нижний обеденный зал, где мы вскоре встретимся, а оттуда к Дайнину и к воротам в нижние туннели.

– А оттуда?

– Оттуда *мы* решим.

Глава 25
Ее драгоценный внук

– **Ч**то ты наделала? – Джарлакс закричал на Мез'Баррис. Лидер наемников заметно дрожал, странно качая головой, как будто в полном отрицании, поскольку его дорогой друг и соруководитель Бреган Д'Эрт превратился в брызги и ошметки, и больше ничего не было видно в пузыре, плавающем над ним. Смех Мез'Баррис почти заглушил вздохи и рыдания Даб'Ней, которая тоже была внутри этого заполненного кровью шара, хотя никто больше не мог ее ясно видеть.

– Что я наделала? – ответила Мез'Баррис. – Что ты наделал, Джарлакс? Примкнул к еретикам!

– Бреган Д'Эрт не выбирала…

– Прекрати этот нелепый фарс! Ты сделал! Ты выбрал! – Мез'Баррис закричала на него. – И теперь последний из этих глупцов Облодра мертв, и скоро ты тоже будешь мертв.

Дзирт нацелил свой лук на Мез'Баррис и позвал Даб'Ней.

– Бросьте свое оружие и встаньте на колени, – спокойно приказала Мез'Баррис. Она подняла скипетр над головой, и завеса черного дыма упала с потолка по всей комнате, покрывая каждую стену и каждую дверь. В его тени показались языки пламени и искры молний. – У вас нет выхода.

– Не сдаваться, – услышал Дзирт бормотание Джарлакса, и это было все, что ему нужно было услышать. Он мог чувствовать покалывающую энергию занавеса и жар пламени внутри, но он согласился с Джарлаксом.

До смерти.

Он выпустил стрелу прямо в Мез'Баррис, но она ударилась о невидимую стену магической силы прямо перед тем, как достигла алтаря, снова рассеявшись дождем безобидных искр.

Шеренга жриц, стоявших перед Мез'Баррис, начала заклинание.

Кайтейн поднял руки, чтобы применить свою магию.

Матрона Мез'Баррис начала петь и размахивать скипетром, и огромные статуи, пауки и изображения Ллос, выстроившиеся вдоль стен часовни, начали пробуждаться.

Их было слишком много. Его и Джарлакса было слишком мало. Они не смогли победить.

Тем не менее, Дзирт призвал на помощь свои сокровенные навыки, стал Охотником - нет, чем-то большим - стал сочетанием дикого воина и дисциплинированного монаха, как учил его Магистр Кейн.

Это не имело бы значения. Это не могло иметь значения. Не против этого.

Они не могли победить.

Тем не менее, они будут сражаться. Дзирт просто надеялся, что он умрет чистой смертью, и что, возможно, он сможет забрать с собой Малагдорла или Мез'Баррис. Он даже не взглянул бы на статуи, нет, потому что это были големы-хранители дома, и они не участвовали бы в более широком сражении. Теперь его обязанностью было нанести как можно больше урона их живым врагам.

Худшим было бы попасть в плен - это придало бы им огромную силу.

Он не позволил бы этому случиться.

Тогда до самой смерти, и пусть это будет с осознанием того, что Кэтти-Бри и Бри-Бри, и всем, кого он любил, будет лучше от его усилий.

– Дом находится в основном внутри стены, и его можно защитить, – сказал Зак Авернилу, который бросился к нему, как только орда могущественных демонов появилась в поле зрения. – Защитники на балконе видят нас и знают, что у нас общий враг.

Адин Дуайн подслушала разговор этих двоих.

– Я пойду! – сказала она, и по кивку Авернила, и прежде чем Зак успел возразить, молодая женщина побежала прочь, призывая Галату дать ей благословение.

Луч света полетел от Блуцидера к Адин Дуайн, и ее походка стала легче и быстрее. Следуя за ней, квадрат начал организованно и спокойно приближаться, и Зак был рад, что они, наконец, последовали его совету.

Оставаться здесь против быстро приближающейся силы означало быть уничтоженным.

Его надежды возросли, когда группа защитников Дома До'Урден начала использовать свою магию против стаи демонов, двигавшихся, чтобы блокировать Адин Дуайн, значительно сократив их численность с помощью разрядов магической энергии и полосующей молнии, за которыми последовал огненный шар, аккуратно размещенный так, чтобы его пламя не достигло бегущей женщины.

Паре мелких злодеев удалось избежать кровавой бойни, и они двинулись наперерез Адин Дуайн, чтобы схватить ее, но атлетичная эвендроу оттолкнулась от земли и перепрыгнула через них крутящимся сальто.

Несмотря на опасность, Зак восхищенно усмехнулся и вспомнил свой поединок в бочке замороженного винограда против этой грозной молодой воительницы.

– Она присоединится к Бьянкорсо, – прошептал ему Аззудонна. – Возможно, займет то место, которое я запланировала для тебя.

Зак улыбнулся еще шире.

Путь Адин Дуайн к вратам Дома До'Урден теперь был открыт; у нее была полная свобода действий, чтобы объявить о союзниках.

Пока что-то не изменилось.

На балконе появилось еще больше защитников. Зак заметил, что там наверху кто-то спорил, один мужчина вскинул руки в явном отвращении и отвернулся.

Вновь прибывшие вступили в бой.

Три молнии и рой магических снарядов обрушились с балкона...

Все целились в Адин Дуайн.

Она исчезла из виду, когда все больше врагов столпилось на пути, который она выбрала, но последнее, что Зак увидел о молодой женщине, было то, что она лежала плашмя на земле, безвольно подпрыгивая, в то время как шторм молний, который опалил ее и землю вокруг нее, продолжался.

– Они считают нас врагами! – прокричал один священник из-за линии фронта.

Аззудонна и Айида закричали в гневном отрицании.

Галата хмуро посмотрела на Зака, у которого не было ответов. Неужели он совершенно неправильно истолковал ход битвы здесь?

Нет, этого не могло быть.

– Куда теперь? – потребовала от него паладин.

Зак не сразу ответил, завороженный продолжающейся переменой в битве. Напротив, силы, которые он считал союзниками, несущие знамена Дома Бэнр, также перешли на сторону Дома До'Урден с прибытием новой и более могущественной демонической орды.

Только теперь на них тоже нападали сверху, с балконов дома, который они защищали.

– Что происходит? – спросил Авернил у Зака, у которого не было реальных ответов.

– Наши враги захватили дом До'Урден, – сказал он неубедительно.

– Тогда куда нам? – его спросили еще раз.

Зак чувствовал, что все взгляды устремлены на него, а враги приближаются. У них было мало времени и вариантов - они пришли, думая присоединиться к союзникам в Доме До'Урден, и у них не было запасного варианта. Он попытался вспомнить все, что Джарлакс рассказывал ему о битве: какие дома были союзниками, а какие врагами, и все, что он когда-то знал о Мензоберранзане.

– Ку'илларз'орль, – выпалил Зак, указывая на юго-восток. – Дом Бэнр. Назад к разлому и на восток вдоль него, до самого рынка.

– Дом Бэнр - наш союзник? – спросил Аззудонна.

– Если это не так, битва уже проиграна. Теперь поторопитесь!

Квадрат развернулся, двигаясь по открытой местности, во время отступления. У них было несколько мгновений передышки, вне досягаемости врагов на балконах Дома До'Урден, и всего с несколькими демонами, которых нужно было уничтожить, но это ненадолго, Зак знал. Прежде чем они достигнут конца Западного Разлома, им придется пробиться сквозь строй новых и более могущественных демонов, вышедших на поле боя.

Он оглянулся один раз, через дорогу, чтобы увидеть, как Бэнры и их союзники также убегают с земли перед Домом До'Урден.

Он понял, что совсем недавно там что-то произошло, и это не сулило ничего хорошего для их дела.

– **М**ы привели друзей, – объявила Йеккардарья матроне Жиндии.

Жиндия уставилась на служанку и на Эскавидне, стоявшую рядом с Йеккардарьей, но она едва ли обратила внимание на эти слова, как и на шестерых других йоклол, стоявших позади этой пары.

– Ах, сестра, она почувствовала присутствие, – сказала Эскавидне.

– Это была...? – затаив дыхание спросила Жиндия.

– Ты сомневаешься? – сказала Йеккардарья, и в ее тоне прозвучала угроза.

– Конечно, нет... Я имею в виду, я только сомневалась, что Ллос сочтет нас настолько достойными, чтобы посетить…

– Достаточно, – сказала Йеккардарья. – Леди пидет сюда, и тебе повезло быть хозяйкой приема. У нас много дел. Твои планы показать матроне Зирит правду о ее предательстве и обещание того, чем Дом Ксорларрин мог бы снова стать, сработали очень хорошо. Матрона Зирит теперь отвергает призыв еретиков. Она обратила своих волшебников и жриц против Бэнр и сил Богохульства за пределами ее дома, и они бегут через весь город, чтобы спрятаться в своей норе, а по пятам за ними следует неудержимая армия. Леди хотела бы поздравить тебя лично.

Пока она говорила, Эскавидне вернулась к другим йоклол, и они образовали круг, все семеро пели общий припев.

Жиндия почувствовала, что у нее подкашиваются ноги.

– Значит, победа близка, – сказала она.

– Ты когда-нибудь сомневалась в этом? – спросила Йеккардарья из круга, присоединяясь к призыву.

– **Б**ыстро, мы должны уходить, – сказал Равель Дайнину, когда он и Сарибель вошли в нижнюю комнату Дома До'Урден. Волшебник выбежал на середину комнаты, сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться, и начал открывать врата в туннели, которые вели к нижним комнатам.

– Мы уверены в этом? – спросила Сарибель, останавливая его. – Возврата не будет.

Равель сделал паузу в своем заклинании. – Ты казалась вполне уверенной в себе, когда мы столкнулись с Тсабраком, – ответил Равель.

– Но теперь это так реально.

– Это всегда было реально, – сказал Равель, но тоже кивнул - он чувствовал то же самое. – Если мы останемся, Дайнин обречен, и все, на что мы надеялись, потеряно, вероятно, навсегда.

Оба повернулись, чтобы посмотреть на бывшего старшего сына Дома До'Урден, который просто стоял там, не моргая, совсем не сдвинувшись с того места, где он был, когда они вошли в комнату.

– Дайнин? – спросила Сарибель, но ответа не последовало.

Они оба уставились на него в замешательстве, пока в комнату не вошел Тсабрак.

– Я думал, мы договорились, – сказал Равель.

– Я позволю тебе сделать твой собственный выбор, каким бы глупым он ни был, – ответил Тсабрак. – Я чувствую, что Ллос хочет, чтобы все было именно так, чтобы она могла узнать истинные сердца тех, кто следует за ней. Она не будет сердиться на меня за то, что я отпустил тебя, но него? – Он указал на Дайнина. – Он - это другое дело.

– У него есть выбор, – возразила Сарибель.

– Я сделаю из него прекрасный подарок, – сказал Тсабрак. – Если о том, что я позволил тебе уйти, узнают, то это будет моей сделкой.

– Нет, – сказала Сарибель. – Ты не можешь заполучить его.

– Ты не можешь остановить меня.

– Возможно, мы вдвоем не сможем, – сказал Равель.

– Но мы можем, – сказал другой волшебник, входя в комнату с несколькими своими сверстниками и тремя жрицами.

Тсабрак долго смотрел на новоприбывший отряд.

– Полный мятеж, когда матрона Зирит нуждается в вас больше всего?

– Судьбу матроны Зирит должны решить сторонники Ллос, – сказала Сарибель. – Она сдалась им и их путям.

– Но ее дом станет слабее!

– Почему ее должно волновать, есть ли у нее благословение Ллос? – последовал язвительный ответ Равеля. – Освободи Дайнина До'Урдена от своего заклинания и позволь нам продолжить наш путь.

Тсабрак снова огляделся по сторонам, словно взвешивая свои шансы. Он знал этих волшебников и жриц и даже небольшую группу воинов, которые прибыли только что.

– Скажи матроне Зирит, что ты пытался остановить нас, но не смог, – предложила Сарибель.

– Или пади сейчас в сиянии славы Ллос, – добавил Равель, вызвав полный ненависти взгляд архимага.

– Будь осторожен со своим языком, мальчик, – предупредил Тсабрак.

Равель улыбнулся, но был достаточно мудр, чтобы оставить все как есть. Он стремился однажды стать таким же сильным, как Тсабрак, и он не был готов принять это на себя.

– Иди и доложи о нас, если это поможет... – начала говорить Сарибель, но Тсабрак уже исчез, снова растворившись в клубах дыма.

Чары, наложенные на Дайнина, рассеялись, оставив его в замешательстве, но он не собирался спорить, когда Равель открыл врата в нижние пещеры за Домом До'Урден. Группа быстро двинулась по туннелям, обсуждая, куда им направиться - к Дому Бэнр или озеру Донигартен.

– Вы почувствовали это? – Верховная Мать Квентл Бэнр спросила Миринеил и Минолин Фей, которые шли рядом с ней по парапетам Великого Дома. Далеко на севере и западе они могли видеть вспышки и слышать раскаты грома.

– Вибрации грома? Да, конечно”, – ответила Минолин Фей, и Миринеил кивнула.

Квентл уставилась на них в замешательстве. Конечно, они слышали сообщения о битвах заклинаний, бушующих вблизи Дома До'Урден, но в свете этого другого ощущения, этого самого ужасного и ошеломляющего осознания того, что аватара Леди Ллос прибыла в Мензоберранзан, как они могли подумать, что эти громовые раскаты вообще имели значение?

Потому что они этого не почувствовали, поняла Квентл. Это было послание от Ллос, телепатическое сообщение Верховной Матери. Интересно, другим матронам тоже, или только ей? Возможно, это было предупреждением для нее, чтобы вернуть Город Пауков в лоно церкви?

Квентл не знала, что с этим делать или что думать - за исключением того, что она без колебаний знала, что не прислушается к любому призыву, который может послать Ллос.

– Где Ивоннель? – спросила она своих спутниц.

Они посмотрели друг на друга и пожали плечами.

– Я думала, с Джарлаксом, – ответила Минолин Фей.

– А где Джарлакс?

На этот раз двое других могли только покачать головами.

– Найдите его, – приказала Квентл. – Найдите Ивоннель. Я должна немедленно поговорить с ней.

– Я пойду, – предложила Миринеил и затрусила прочь.

– Назначь каждого волшебника и жрицу, которые не заняты другими делами, также на это задание, – крикнула Квентл ей вслед.

Квентл знала, что то, что она почувствовала, несомненно, было присутствием Ллос. То, что другие этого не почувствовали, возможно, было важно, возможно, нет, но в одном она была совершенно уверена: если Ллос посылала ей сообщение или решила запугать, она, вероятно, делала то же самое с Ивоннель.

– Передайте нашим силам охраны приказ привести весь дом Ханцрин сюда, через туннели, – добавила Квентл.

– Сюда? – спросила удивленная Минолин Фей.

– Заключенные, – объяснила Квентл. – Разошлите весть повсюду, чтобы забрать заключенных. Столько, сколько сможем.

Минолин Фей смотрела на нее всего несколько мгновений.

– Ты думаешь, нам нужно будет поторговаться, чтобы выпутаться из этого, – сказала она, и по ее тону было ясно, что это обвинение.

Квентл слегка улыбнулась, что должно было обнадежить, но хмурое выражение Минолин Фей не уменьшилось.

– Ты не почувствовала, – предположила Квентл.

– Битву?

– Ее, – объяснила Квентл озадаченному выражению лица. – *Ее*, – повторила она снова, более настойчиво.

– Я не...

Затем она поняла, ее глаза расширились.

– Заключенных, – сказала Квентл. – Столько, сколько мы сможем взять, и привезти их сюда, полностью под наш контроль.

На этот раз Минолин Фей не задавала вопросов.

Дзирт наносил удары вдоль стены, от одного конца к другому, непрерывным потоком, ища лазейку, какой-нибудь способ добраться до знати Дель'Армго. Голубые искры летели от каждого удара.

– Статуи, – предупредил Джарлакс, и у Дзирта не было выбора, кроме как бросить лук и обнажить клинки.

Джарлакс посмотрел на него и покачал головой - у него не было никаких трюков. Выхода не было.

Восседающая на своем троне за невидимой стеной матрона Мез'Баррис была похожа на довольную кошку, и Дзирт подумал, не мурлычет ли она.

– Утеген... – начала было она, но спохватилась и хихикнула, как показалось, немного смущенно. – Малагдорл, – поправила она, – сейчас убьет тебя, Дзирт До'Урден.

Он сомневался, что она допустит честный бой, но как бы он ни был убит, она, без сомнения, позаботится о том, чтобы вся слава досталась ее любимому Малагдорлу.

– Иди и убей его, мой герой, – сказала она крупному мужчине рядом с собой и оглянулась на волшебника Кайтейна, который кивнул.

Малагдорл высоко поднял руки и издал громкий боевой клич, держа Хазид'хи в одной руке и этот черный адамантиновый трезубец в другой.

Джарлакс выпустил в него сгусток слизи из своей палочки, но он ударился о магическую стену и даже не смог найти там опоры, соскользнув вниз.

– По крайней мере, убей его, – сказал Джарлакс Дзирту, у которого было твердое намерение сделать именно это.

Малагдорл опустил Хазид'хи на пол, просто выкинул. Если это действие удивило Дзирта, то еще более шокирующим было то, что, все еще держа руки над головой, он схватил трезубец обеими руками, затем крутанулся вниз и вокруг своей оси, вонзая зубцы прямо в лицо матроны Мез'Баррис!

Удар был настолько внезапным и смертельным, что она даже не вскрикнула, просто застыла на месте, один зубец вонзился ей в шею под подбородком, второй - в щеку у основания носа, а третий - в боковую часть лба.

С протяжным рычанием Малагдорл повернул древко оружия, зубцы разрывали плоть и ломали кости.

Макушка Мез'Баррис запрокинулась.

Затем жестокий воин развернулся, взмахнув своим оружием, и запустил снаряд, которым была мертвая Мез'Баррис, в ее дочь и ближайших жриц, выстроившихся перед троном. Он поднял скипетр с сиденья, куда тот упал, направил его на невидимую стену, затем метнул вперед - в Джарлакса, потому что больше не было стены магической силы, которая могла бы остановить его полет!

Затем Малагдорл снова схватил Хазид'хи и прыгнул к ошеломленным жрицам.

Таайрул исчезла во вспышке света, явно не желая в этом участвовать. За троном ошеломленный Кайтейн тоже не хотел иметь ничего общего с этим катастрофическим поворотом.

И те оставшиеся жрицы, у которых не было доступного магического выхода, карабкались и молили о пощаде, когда Малагдорл обрушился на них.

Те, кому удалось убежать от неистовствующего человека, были убиты Тулмарилом.

Дзирт не мог понять, что он видит, но он не собирался останавливаться и подвергать сомнению необъяснимый поворот судьбы. Он повернулся, чтобы выстрелить в ближайшую статую, но остановился, потому что она больше не двигалась. Он повернулся обратно к Джарлаксу, который держал скипетр над головой и широко улыбался.

– Это Киммуриэль, – объяснил Джарлакс с ноткой удивления в голосе.

Пузырь над ними лопнул, и Даб'Ней рухнула вниз, окруженная ливнем останков Киммуриэля.

Перед ними последняя из жриц попыталась бежать, но Малагдорл был там, разделавшись с ней с помощью Хазид'хи. И когда одна из них приблизилась к задней двери, она не смогла уйти, так как магический занавес возник снова.

Брошенный трезубец пронзил ее насквозь, сломав позвоночник. Стрела из Тулмарила добила ее, когда она упала.

Затем внезапно стало тихо, до жути тихо.

Даб'Ней начала всхлипывать. Она попыталась встать, но поскользнулась на останках Киммуриэля и тяжело упала.

Дзирт тут же оказался рядом с ней, помогая ей подняться, в то время как Джарлакс освобождал Браелина от его паутинных пут. Браелин не мог встать, но гигантский воин-дроу подошел и легко перекинул его через плечо.

– Я больше не могу это терпеть, – сказал Малагдорл, и было очевидно, что Киммуриэль выдавливал слова изо рта своей живой марионетки.

– Мы все еще в ловушке, – сказал Дзирт, но как только он это сделал, Джарлакс поднял скипетр и что-то прошептал, и магический занавес опустился.

И улыбка Джарлакса стала шире, когда он повернулся к статуям.

– У нас появились новые союзники.

Глава 26
Паутина стягивается

Когда они устремились обратно на восток, Каллидийский квадрат встретил лишь незначительное сопротивление - в основном, хазми и другие летающие демоны пикировали на них или сбрасывали сверху камни или даже тела дроу. Однако к тому времени, когда они вернулись к Западному Разлому, они привлекли внимание правого фланга еще одной демонической орды. Авернил призвал обновить щит из магических стражей и оружия и приказал укрепить ряды.

Группа демонов отделилась, бросаясь на них. Зак думал, что здесь у них будет шанс, за исключением того, что центром отряда демонов был гористро, огромный и могущественный, и полностью управлявший им. Он один мог бы разметать квадрат своими семью тоннами демонических мышц, плоти и костей. Стоя во весь рост, он был почти в пять раз выше Зака, но теперь он двигался вперед размашистыми шагами на четвереньках, похожий на какую-то помесь гигантского быка рофа и чудовищного пещерного медведя.

Носилки на его плечах повернулись на шарнирах, когда он встал на четвереньки, удерживая трех дроу в вертикальном положении. Жрицы Храма, понял Зак, и они уже произносили заклинания - без сомнения, защитные заклинания, гарантирующие, что гористро не замедлится и не отвлечется.

– Что за демон? – спросила его Галата, в то время как Авернил и другие призвали каллидийцев держаться стойко и замедлить темп, защищаясь.

– Гористро.

– Из Бездны?

– Да. О чем ты думаешь?

– Сомкните ряды позади меня, – проинструктировала Галата. – Когда я изгоню его, мне понадобится, чтобы вы не дали остальным раздавить меня.

– Жрицы... – начал предупреждать Зак, но паладин уже бросилась вперед.

– Заставь их двигаться! – крикнула она в ответ.

Зака охватило сильное сомнение. Он знал, что должен доверять Галате - она заслужила это и даже больше в их предыдущем совместном бою. Но он боялся, что она, как и другие, недооценила своих врагов, восприняла их

победу в засаде за пределами города как подтверждение того, что их богиня поможет им пройти через это.

Это был один из самых могущественных демонов, уступающий только самим повелителям Бездны. И он пришел из Храма Богини, сердца Ллос в Мензоберранзане, и, вероятно, был вызван могущественной Сос'Ампту Бэнр, которая правила Храмом - возможно, она даже была среди тех трех!

Однако его нерешительность стоила ему выбора в этом вопросе, потому что Галата помчалась со всех ног, Блуцидер подпрыгивал рядом с ней.

– Скорее! Скорее! К Галате! – закричал он.

– Святая Галата! – раздался припев позади него, и каллидийцы ускорили шаг, хотя они, конечно, не могли сравниться со скоростью Галаты, сохраняя строй, или, вероятно, нет, Зак видел, потому что она бежала, поднимая ноги на нетерпеливых крыльях своей веры.

– Держись, добрый друг, – шептал Зак себе под нос много раз в течение следующих нескольких мгновений, посылая безмолвные просьбы и молитвы храброму паладину, прокладывающему путь.

Он увидел, как вокруг нее образуется бело-голубой туман, за которым, как дым, тянулся ее бегущий след. Он знал, что она призывала к изгнанию, как она поступила с тираном смерти. За исключением того, что, как она объяснила ему, поскольку гористро не принадлежал к этому плану, изгнание не будет временным. Она бы отправила этого дьявола в Бездну на столетие, как и должно быть.

Чудовищный зверь набрал скорость, оставив других демонов позади и быстро приближаясь к Галате. Разряды энергии и огня устремились к ней от жриц в паланкине.

Галата пробежала сквозь них.

Паладин теперь громко пела, полностью погружаясь в транс Эйлистри, чему Зак был свидетелем раньше. Он приободрился, зная, что даже если эти заклинания наносили урон, Галата не чувствовала никакой боли.

Ее песня, обращенная к Темной Деве, звучала громко и ясно и, казалось, придавала сил ему и всем окружающим, подобно теплу, которое он почувствовал от одного ее присутствия, когда глаз-тиран бросил на него свои разрушительные лучи. Ее дисциплина, сила и вдохновение были просто поразительны для него, и на этот единственный момент Закнафейну показалось, что нет ничего, чего бы не смогла сделать эта искренняя последовательница Эйлистри. Она действительно была крошечной, врезаясь в громаду гористро, но почему-то казалась гораздо более грозной.

Они сошлись вместе, эта сильная женщина-эвендроу и гигантский демон, в огромной ослепительной вспышке бело-голубого света.

Первое, что увидел Зак, когда его глаза привыкли, было то, что гористро исчез, просто исчез, и сердце Зака воспарило.

Но точно так же парила и Галата, отлетая назад по воздуху, чтобы тяжело рухнуть на землю на полпути между полем атаки и точкой удара.

Зак и Аззудонна рванулись вперед, отчаянно зовя свою подругу, которая изо всех сил пыталась перевернуться на спину и дрожала, когда она медленно приподнимала Блуцидер и прижимала к груди. Затем она замерла, очень-очень неподвижно.

Демоны все еще наступали, но Зак опустился на колени рядом со сломанным паладином, и действительно, она была сломана, ее бедренные кости явно были раздроблены, осколки просвечивали сквозь одно бедро, кровь лилась из носа, рта и из дюжины других ран.

– Держись! – Зак умолял ее. – Произнеси свое исцеляющее заклинание. Галата!

Она уставилась на него немигающим взором. Медленно она подняла руки с мечом в сторону Закнафейна.

– Возьми его, – услышал он, хотя и не был уверен, действительно ли он услышал это своими ушами или это просто что-то отозвалось эхом в его голове.

– Галата, нет, жрецы идут.

– Возьми меч. – На этот раз ему говорила Аззудонна, и голос ее дрожал и прерывался всхлипами.

Зак уронил свой ледяной клинок и схватился за рукоять Блуцидера, но не для того, чтобы забрать его у Галаты, а просто чтобы поддержать его вес в ее дрожащих руках.

Однако ее руки тут же опустились, безвольно повиснув на изломанной груди.

– Авернил! – закричал Зак.

– Сзади тебя! – предупредил Аззудонна.

Зак вскочил и развернулся, держа Блуцидер в левой руке и призывая Солардис в правую, чтобы встретить атаку птицеподобного демона.

Ярость наполнила его, когда он подумал о своей подруге, неподвижно лежащей позади него. Он провел своими клинками быстрый и разрушительный двойной взмах, удар слева, Блуцидер пронесся поперек, а сразу за ним последовал удар справа от Солардиса.

Он протиснулся мимо израненного и спотыкающегося врока и бросился вперед, полный ярости - и чего-то еще, что он только что понял.

Он почувствовал что-то от меча Галаты, что-то успокаивающее и уверяющее, говорящее ему, что все в порядке. Едва ли даже задумываясь о

движении, Зак взмахнул клинками, вкладывая Блуцидер в свою ведущую руку, в правую.

Он не взывал ни к какой богине, но он тоже впал в транс, прыгая и кружась, нанося удары клинками, бегая, ориентируясь только на того врага, который был ближе всего.

Всякий раз, когда он наносил удар, он не останавливался, чтобы продолжить, а просто продолжал двигаться к следующей цели, собирая раненых демонов на своем пути.

Он мог чувствовать их ненависть, но также и их боль, когда Блуцидер сильно вгрызался в плоть демонов, а сияние Солардиса пожирало их. Солнце и лед. Противоположности, и все же с одинаковым эффектом.

Сосредоточенная на нем, эта преследующая толпа демонов, казалось, даже не замечала, что теперь они бежали в радиусе действия духовных стражей жрецов Авернила, что жалили их и били с каждым шагом.

Зак повернулся к ближайшему, похожему на лягушку существу, и разрубил его серией ударов, которые оторвали ему руку и почти снесли голову, хотя у него не было настоящей шеи, которую можно было бы отрубить.

Только тогда он полностью вернулся в настоящее, словно выйдя из транса, подаренного ему духом Галаты. Он бросил взгляд на нее, которую теперь поднимали несколько каллидийцев, и по неподвижности ее тела понял, что она действительно ушла.

Галата отдала свою жизнь, чтобы убрать гористро с поля боя, и теперь каллидийцы почтили это, добив этот отряд демонов, выступивших против них.

Когда их враги были уничтожены, Авернил приказал перестроить каре, а Закнафейну снова возглавить его спереди по центру.

Зак посмотрел вниз на Блуцидер, ошеломленный всем этим.

– Паладин подарила тебе свой меч в качестве предсмертного желания, – сказала ему Аззудонна, подбегая к основным силам эвендроу. – Владей им хорошо!

– Я не паладин!

– Блуцидер выбрал тебя, Галата выбрала тебя, иначе меч не позволил бы тебе сейчас держать его, – сказал Аззудонна. – Это священный клинок.

– Я не ученик Эйлистри!

– Кто может сказать? Кто может знать, что находится в сердце Закнафейна?

– Ты знаешь.

Аззудонна улыбнулась сквозь слезы.

– Ты заявляешь о своих убеждениях своими действиями, а не просто словами, любовь моя, – сказала она. – Блуцидер знает твое сердце, как и Галата, как и я. Теперь мы идем, сражаться и умирать, если этому суждено

случиться.

– Вперед! – крикнул сзади Авернил, и взгляд Зака вперед объяснил отчаяние в голосе священника.

На данный момент многие враги, демоны и дроу и даже рабы Мензоберранзана, устремлялись в их сторону, а над головой летали заклинания.

Зак побежал дальше, прокладывая путь, но вражеская линия была слишком далеко впереди, он знал, и он и каллидийцы не вырвутся на свободу.

Затем он воспрянул духом, потому что они больше не были одни.

Знамена Бэнр развевались над отступающими отрядами, которые пробивались сквозь ближайших врагов, чтобы присоединиться к каллидийцам.

– На Базар и на юг, к дому Бэнр! – крикнул им Зак, когда они приблизились.

– Закнафейн? – раздался возглас явного удивления, и Зак узнал в лидере союзных войск мастера оружия Энджрела Бэнра.

– Приятно познакомиться! – крикнул он.

– Посмотрим, – ответил Энджрел.

И так начался долгий и опасный путь объединенных сил - Бэнр, Богохульников и Каллидийцев - которым предстояло пройти больше мили по извилистым дорогам, прежде чем они достигли бы ворот Дома Бэнр.

Зак был ветераном многих сражений, но даже если бы он им не был, ответ перед ним был очевиден: многие не смогут это сделать.

Энтрери прокладывал путь через Дом Меларн, двигаясь достаточно далеко впереди Громфа и Кэтти-Бри, чтобы незаметно расправиться с любыми проходящими стражниками до того, как двое его спутников появятся в поле зрения, и передавая новости о больших силах Меларни в боковых коридорах и комнатах.

Громф стучал в каждую дверь, мимо которой они проходили, своим посохом, устанавливая на них магический замок.

– Произнеси имя великанши в Главной башне, и двери откроются тебе, – прошептал он Кэтти-Бри. – Не сделаешь этого, и тебе придется выбить дверь, чтобы пройти.

Волшебник и Кэтти-Бри завернули за угол и обнаружили женщину-меларн, лежащую на полу. Позади нее был открытый дверной проем, а за

ним стоял Энтрери, сигнализируя им, что боковая комната довольно велика и не пустует.

Громф произнес заклинание, создав бестелесное глазное яблоко, парящее в воздухе перед ним. Сначала оно казалось твердым, но затем исчезло, став полупрозрачным, и хотя они наблюдали за его первоначальными движениями, двое других едва могли уследить за ним, когда Громф послал его вперед, чтобы заглянуть в открытую дверь комнаты.

Волшебник на мгновение закрыл глаза, затем пожал плечами, что выглядело почти скучающим движением, как будто ничего внутри не было достойно даже его внимания, и приблизился к двери. Снова применив заклинание, он создал в своей руке маленький огненный шар. Он бросил его в комнату, применил простое заклинание, чтобы дверь захлопнулась, затем прошел мимо, постучав по двери своим посохом, чтобы запечатать ее, и совершенно не заметил ни дрожи изнутри, когда взорвался его огненный шар, ни язычков пламени, которые вырвались из-за щелей в раме и в отверстии внизу с такой силой, что они опалили его ботинки.

Изнутри донеслись мучительные крики, пламя пожирало дроу. Кэтти-Бри и Энтрери обменялись взглядами, даже ассасин явно был ошеломлен явной жестокостью и беспощадностью Громфа.

Но так и должно было быть, поняла Кэтти-Бри, кивнув Энтрери с мрачным выражением лица. Они были здесь не для того, чтобы вести переговоры - время для этого, казалось, давно прошло.

Явно невозмутимый, Громф жестом велел Энтрери поторопиться и проводить их к матроне Жиндии.

Энтрери еще раз показал Громфу свой кинжал.

– Я найду ее, – пообещал он. – И я смогу убедить ее, что ей следует поговорить с тобой. – Он кивнул в сторону запечатанной двери. – Откуда ты знаешь, что все там мерт... больше не представляют угрозы?

Громф фыркнул.

– Глупый вопрос, – отметила Кэтти-Бри.

– Очевидно, – сказал Энтрери. – Мы приближаемся к той стороне комплекса, где живут аристократы семьи. Будем надеяться, что Жиндия дома.

– Теперь твоя задача - она одна, – напомнил ему Громф, и волшебник снова накрыл Энтрери невидимостью. – Не обращай внимания на охранников, мимо которых ты можешь спокойно пройти. Оставайся настолько хорошо скрытым, насколько сможешь, даже с теми чарами, которые я наложил на тебя, – предупредил Громф. – Никакое простое

заклинание невидимости не поможет тебе пройти по коридорам вокруг покоев такой сильной и хитрой особы, как Жиндия Меларн

– Я в курсе, – сказал Энтрери и, покачав головой в сторону покровительствующего архимага, ушел в тень, двое его спутников двигались осторожно и довольно заметно отставали.

Крадучись, он думал о том, что Громф мог сделать их обоих невидимыми, как и Кэтти-Бри, если уж на то пошло, и на мгновение Энтрери был сбит с толку.

Затем он кивнул, когда понял. С этого момента его спутники не уклонялись ни от каких драк. Они привлекали внимание к себе, чтобы он мог добраться до Жиндии, пока ее приспешники были заняты. Имело ли это значение, было неясно - план Громфа все еще казался ему маловероятным. Стала бы такая ревностная особа, как Матрона Жиндия Меларн, просто отбросить эту верность Ллос и отказаться от своих амбиций?

Убийца нащупал рукоять своего кинжала и задумался, хватит ли простого обмана.

Да, Жиндия знала, что он сделал с ее дочерью. И имело смысл предположить, что ей не пойдет на пользу цепляться за свою верность Ллос, если ее отправят за пределы досягаемости Паучьей Королевы в пустоту абсолютного уничтожения.

За исключением, конечно, того, что это была пустая угроза, и это заставило Энтери задуматься.

Хотя, какой у них был выбор? И, возможно, уловка сработала бы. Сам факт, что Громф был так решительно настроен попробовать, вызвал еще тысячу вопросов в голове убийцы, но это были вопросы другого дня, потому что сейчас настоящее требовало всего его внимания.

Несмотря ни на что, думал он, он приставит нож к шее Матроны, и даже если он не уничтожит ее душу, он сможет пролить ее кровь.

Он обнаружил, что его память о планировке дома была верной, поскольку он быстро прошел мимо еще большего количества часовых, слишком бдительных и расположенных слишком близко друг к другу, чтобы он мог незаметно расчистить путь двум своим напарникам.

Впрочем, это не входило в его обязанности. И, кроме того, Громф и Кэтти-Бри вряд ли нуждались в нем, ради какой-то мелкой охраны дома.

Он наткнулся на знакомую дверь и понял, что за ней находится военная комната Жиндии. Он вспомнил драку, произошедшую там во время его последнего визита в Дом Меларн, и представил себе планировку и большой стол.

Он приоткрыл дверь и заглянул внутрь, затем сразу же отпрянул, обнаружив, что стол окружен не жрицами Меларн, а уродливыми демоническими существами. Йоклол, как он знал, служанками Ллос.

Он заглянул еще раз.

Жиндии там не было.

Он прислушивался к болтовне демонов, хотя недостаточно хорошо знал их язык, чтобы многое разобрать.

Он заглянул внутрь еще раз, когда услышал женский голос, обращающийся к йоклол, причем на обычном дроусском, языке, который Энтрери хорошо знал.

– Матрона Жиндия скоро присоединится к вам, – сказала им жрица. – Она сейчас в своих личных покоях, готовится.

Как удобно, подумал Энтрери, но он не собирался подвергать сомнению свою удачу. Если только планировка дома не была изменена, он знал дорогу.

Вскоре после этого он приблизился к двери Жиндии, но остановился и нырнул в сторону, когда двое охранников перед ним внезапно оживились. Однако они его не видели, понял он мгновение спустя, когда где-то позади него эхом отозвался резкий звук удара молнии.

Громф и Кэтти-Бри, он понял - так же, как он понял, что они не знали о служанках!

Одна из охранниц толкнула дверь Жиндии и позвала ее. Изнутри донесся резкий ответ, и стражница отступила, затем подняла своего товарища, и они оба побежали, чтобы присоединиться к драке, на ходу вытаскивая мечи.

Энтрери знал, что он должен доверять своим друзьям - даже с йоклол, если эти демоны вступят в бой, он должен был верить, что Громф и Кэтти-Бри справятся с ними.

Перед ним была его работа.

Он подошел к двери и заглянул внутрь.

Жиндия сидела за своим столом напротив, спиной к нему.

Безмолвный как смерть, Артемис Энтрери вошел в ее комнату.

Кэтти-Бри и Громф скорчились на противоположных сторонах пересечения двух коридоров. Позади них стражники Меларн рассеялись под ударом громфовой молнии, но там, внизу, по-прежнему царила суматоха, и они оба знали, что скоро на них снова нападут.

Кэтти-Бри усердно работала, углубляясь в свой репертуар заклинаний, чтобы наложить как можно больше оберегов и укреплений на себя и на своего партнера, поскольку он тоже работал.

До них сопротивление было сильнее, жрицы и пара волшебников наносили ответные магические разрушения. Огненный шар взорвался прямо над ними и между ними, заполнив коридоры вокруг них.

Кожа Кэтти-Бри покраснела от жара, но ее заклинания отразили основной удар взрыва. Она обновила их, когда Громф ответил огненным шаром, таким же, только во много раз более мощным.

Крики впереди в коридоре сказали Кэтти-Бри, что их враги защищены не так хорошо.

– Продолжай двигаться вперед, – приказал Громф, подкрепляя свои слова действием и выходя в главный коридор, приглашая ее следовать за ним.

Град арбалетных болтов и дротиков полетел в него, но он задействовал магический щит, и первый залп снарядов был полностью заблокирован.

За ними последовала молния, с шипением пронесшаяся по коридору, рой стрел магической энергии следовал за молнией по пятам.

Но Громф поднял свой посох, и молния ударила в его кончик и была поглощена. Снаряды тоже попали в этот мощный предмет, как будто он просто съел их - только для того, чтобы отрыгнуть, отбросив их обратно по коридору тем же путем, каким они пришли. Один несчастный стражник воспользовался этим моментом, чтобы встать и прицелиться из арбалета.

Рой сбил его с ног - в буквальном смысле. Кэтти-Бри постаралась не поморщиться при виде пары сапог, оставшихся стоять там, где когда-то был страж.

– Идем дальше, – сказал Громф.

Жиндия, казалось, не спешила присоединяться к йоклол, да и в этой комнате она не проявляла никакой спешки, хотя грохот ударов молнии был слышен довольно близко. Она сидела, казалось, в медитации, спиной к двери, сложив руки перед собой, за письменным столом перед зеркалом.

Энтрери искал какой-нибудь намек на то, что его видели, когда он вошел в комнату. Он был невидим, да, но знала ли о нем Жиндия? Могла ли она узнать?

На самом деле это не имело значения. Внизу его товарищи затеяли драку, которую он мог быстро прекратить, прибыв с этой конкретной пленницей.

Ее глаза были закрыты, заметил он по отражению в зеркале, медленно и бесшумно приближаясь.

Затем он внезапно оказался рядом с ней, вытащил свой кинжал и приставил его к ее горлу, став видимым, когда он слегка порезал ее.

Глаза Жиндии широко распахнулись, и она издала тихий шипящий звук.

– Ты осмеливаешься входить в мои покои? Угрожать мне, Избранной Ллос?

– Теперь ты моя избранная. И я буду делать с тобой все, что захочу.

– Ты веришь, что можешь сделать со мной все, что угодно?

– Я делаю. Похоже, ты меня не узнаешь, – прошептал ей Энтрери, шевеля губами прямо у ее уха. Он увидел себя в зеркале и восхитился проделанной работой по маскировке под дроу.

– Возможно, ты узнаешь это? – Он призвал магию украшенного драгоценными камнями кинжала, вытягивая немного ее жизненной силы через его вампирское лезвие. Клинок все еще мог сделать это, даже несмотря на то, что его разрушающее душу проклятие было снято.

Жиндия застыла на стуле. Она почувствовала первое и явно не знала о втором.

– Да, посмотри на это повнимательнее, Жиндия Меларн, – прошептал Энтрери. – Ты видела этот кинжал раньше. Он отнял у тебя твою дочь. Он забрал твою дочь у Ллос.

– Чего ты хочешь? Ты сошел с ума? Пытки, которые ждут…

– Заткнись, – сказал Энтрери и провел лезвием по ее коже. – Ты думаешь, что сможешь получить благословение богини, когда тебя даже не существует? Что хорошего в услугах, которые ты оказала Ллос, если ты навсегда отнята у нее? Ты ведь понимаешь это, не так ли?

– Я не знаю, много ли было людей-драуков.

– Ты можешь избежать такой судьбы, – сказал Энтрери, игнорируя ее угрозу, или, по крайней мере, делая вид, что игнорирует ее угрозу - он должен был признать, что был немного впечатлен бравадой дроу. – Мы хотим, чтобы эта война закончилась, и ты можешь это сделать. И если ты сделаешь это, я не заберу у тебя твою душу.

– Так вот почему ты пришел в этот дом с Громфом Бэнром и Кэтти-Бри До'Урден, Артемис Энтрери? – спокойно ответила она. – Чтобы угрожать моей вечной душе?

Он начал отвечать, но был пойман на мысли, что она знает не только его имя, но и имена его спутников. Он задал вопрос с выражением своего лица в зеркале.

– И с кинжалом, который даже больше не способен на такой подвиг.

И Жиндия, которая была гораздо больше, чем Жиндия Меларн, дала ему свой ответ. Она не изменила позу, но выросла, внезапно и яростно, отрастив восемь ног из своих двух, увеличившись в размерах, чтобы затмить мужчину, ее явное увеличение массы заставило его отлететь назад.

Энтрери вскочил на ноги и потянулся за своим мечом.

Но он знал...

Он знал бесполезность любого оружия - проклятого или нет - в этой комнате, и вместо этого потянулся к двери, выбегая из комнаты с аватарой Ллос за спиной.

Они вдвоем вошли в красивый и гармоничный ритм, Громф заполнял коридор позади огненным шаром за огненным шаром, зная, что все двери были магически запечатаны, и, таким образом, предоставляя нападавшим несколько мест, где можно спрятаться от жгучего пламени. Справа - поскольку он находился на правой стороне перекрестка - он предпочитал молнии, запуская разрушительную и ослепляющую вспышку при появлении врага.

А перед ним, где коридор значительно расширялся, переходя во внутренний двор перед секцией, где жили аристократы, и у защитников было прикрытие в виде стратегических баррикад и незапертых дверей, Громф преследовал их психическими атаками, от которых они не могли спрятаться.

Для Кэтти-Бри ход заклинаний больше зависел от действий врага. Всякий раз, когда происходила атака какой-либо стихийной магией, она отвечала защитой. Ее исцеляющие заклинания летали постоянно, незначительные, чтобы избавить и ее саму, и ее спутника от боли, чтобы они могли лучше сосредоточиться на текущей задаче.

Когда жрица выскочила в левый коридор, не слишком далеко от Кэтти-Бри, она вырвала заклинание прямо изо рта женщины с помощью ответного заклинания, а затем сильно ударила ее порывом ветра, который отбросил ее назад.

Она снова обратила свое внимание на исцеляющие и защитные заклинания, когда над перекрестком взорвался огненный шар, затем почувствовала, как ее волосы дико взметнулись от покалывания молнии, которая ударила прямо рядом с ней, одна из них была брошена Громфом дальше по коридору в жрицу, с которой она сражалась.

Когда пламя рассеялось, Кэтти-Бри посмотрела в ту сторону и увидела, что жрица рассыпалась и дымится перед обугленной дверью в конце коридора.

– *Я верю, что мы вдвоем могли бы сравнять с землей полгорода!* она услышала в своем сознании и, оглянувшись, увидела, как архимаг подмигнул.

Их координация была настолько инстинктивной, настолько слаженной, что Кэтти-Бри не была уверена, что сомневается в нем.

Она осмелилась надеяться.

И эта надежда только возросла, когда в коридорах вокруг них стало тихо.

– Энтрери? – прошептала она через зал Громфу, который стоял наготове, но не произносил заклинания.

Она посмотрела в конец коридора позади волшебника, затем назад, за спину им обоим, а затем снова вперед, в сторону области, где находились личные покои Матроны и ее детей. Их враги все еще были повсюду, отметила она, но не было слышно ни шепота.

Впереди и справа открылась дверь, и в нее вошла вереница йоклол.

– Громф? – Кэтти-Бри прошептала с некоторой настойчивостью и услышала в своей голове ответ:

– Подожди. . . Энтрери умеет убеждать. Йоклол не страшны в бою.

– Но где он? – спросила она, и волшебник покачал головой. Она хотела верить в способности Энтрери - она видела их лично на протяжении многих лет и знала, что нет никого лучше в искусстве убийства, чем Артемис Энтрери.

И все же волосы у нее на затылке встали дыбом. Нейтрализовал ли он дом Меларн?

В отличие от тихого входа служанок, дверь через двор слева от них внезапно распахнулась, и Артемис Энтрери вбежал внутрь, бросаясь влево и вправо и несколько раз ныряя, как будто ожидая дождя стрел в спину.

Он направился прямо к Громфу и Кэтти-Бри, крича: «Бегите!»

Но слово вытянулось, странно растянулось, как странно вытянулся Артемис Энтрери, пойманный какими-то призрачными руками, что смутило Кэтти-Бри всего на мгновение - пока она не увидела гигантского драука, который, очевидно, был гораздо большим, чем драук, входящего в ту же дверь, пробивая косяк и стену вокруг него, когда он просто пропахал насквозь с богоподобной силой.

Или с силой, подобной силе богини.

И ее надежда превратилась в ничто.

Глава 27
Воин Ллос

– Тогда быстрее, – сказал Дзирт. – Пока Киммуриэль не потерял контроль над Малагдорлом. – Он двинулся вперед, но Джарлакс поднял руку, останавливая его.

– Они поведут, – поправил разбойник и снова пустил в ход скипетр.

Теперь статуи пауков двинулись по его приказу, проталкиваясь через двери в передней части часовни в главный дом Баррисон Дель'Армго.

Дзирт услышал, как Джарлакс сказал Киммуриэлю: «Держись», когда они быстро скрылись за стеной из живого камня.

– Я... я держу его, – сказал Киммуриэль через Малагдорла, голос сначала дрожал, но становился тверже по мере того, как псионик усиливал свою ментальную власть над воином.

– Бросьте его в бой, – предложила все еще потрясенная, все еще подавленная Даб'Ней. – Пусть он убьет еще кого-нибудь из них, а потом пусть умрет от их рук!

– Оставь его! – быстро возразил Джарлакс.

– Просто... двигайтесь, – процедил Киммуриэль сквозь зубы.

Они выбежали из главного дома и помчались вниз по широкой лестнице во внутренний двор, ведущий к главным воротам комплекса. Каменные пауки окружали их с флангов и защищали тыл, в то время как статуя Ллос шла впереди, отгоняя любых охранников Армго, которые стояли перед ними.

Однако сопротивления не было, те, кто был снаружи, явно были слишком сбиты с толку, чтобы даже попытаться замедлить бег, и группа преодолела почти весь путь, прежде чем, наконец, раздался усиленный магией голос:

– Это еретик Дзирт! Убейте их!

Они поняли, что это был Кайтейн.

Джарлакс направил статую Ллос во всеоружии на стражу ворот. Он поднял волшебную палочку и послал шар липкой слизи вверх, чтобы запечатать дверь сторожевой башни с одной стороны, затем с другой.

Но теперь в них полетели арбалетные болты, раскалывая ожившие статуи пауков, которых Джарлакс держал тесно прижатыми друг к другу, словно какую-то чудовищную движущуюся зубчатую стену.

Дзирт снова достал Тулмарил и открыл ответный огонь, стрелы, искрящиеся магией, вспыхивали вокруг полосами молний.

– Идите, – сказал им Киммуриэль, когда они достигли ворот. – Я буду сражаться и позволю Малагдорлу почувствовать боль и холод подкрадывающейся смерти.

– Нет, – ответил Джарлакс, но не жалобной и отчаянной мольбой, а тоном человека, вынашивающего план. – Нет, он нам нужен. Подожди еще немного и позволь нам уйти.

Джарлакс направился к воротам, но быстро остановился и вошел обратно, глядя на скипетр, как будто его обманули.

– Клянусь Скиталицей Ллос! – выругался он.

– Что? – спросил Даб'Ней, спотыкаясь на выходе из комплекса.

– Скипетр Мез'Баррис не сработает за этими вратами.

Призрачные руки подняли Энтрери в воздух, затем швырнули его обратно на пол. Он попробовал ползти к своим друзьям, снова пытаясь сказать им бежать.

Однако ничего не вышло - трудно кричать, когда из тебя выбивают воздух, - и он снова поднялся, затем резко опустился обратно на пол, и на этот раз просто остался лежать на полу.

Призрачные руки начали тащить его назад. Гигант, наполовину дроу, наполовину паук уставился на Кэтти-Бри и Громфа, словно призывая их вмешаться.

Так они и сделали.

Кэтти-Бри протянула руку с заклинанием исцеления, возвращая Энтрери в сознание, и Громф сделал это лучше, бросив в Энтрери поток странной магической энергии, который превратился в извивающийся водоворот вокруг него, сгибая призрачные руки, сгибая человека, сгибая, казалось, саму природу Материального плана.

Энтрери крутился, извивался и заворачивался в себя, а затем исчез - или не исчез, появившись снова прямо рядом с Кэтти-Бри.

– Убей их, – услышала она или почувствовала в своей голове - она не была уверена - от огромного существа, и рука дроу вытянулась когтистой лапой, и из нее вырвался разряд темной энергии, с треском пронесшийся по комнате в Громфа.

Волшебник выставил перед собой свой посох, и, как и в случае с предыдущими заклинаниями, он поймал проклятую стрелу магической энергии в ловушку, поглощая силу.

Но теперь все остальные в зале тоже творили заклинания, и Кэтти-Бри поняла, что она и ее спутники, скорее всего, обречены. Она запустила свое собственное заклинание, игнорируя приближающуюся огневую мощь и надеясь, что ее обереги сдержат атаки в достаточной степени.

Даже стоя в паре шагов от верховного мага, она чувствовала, как посох Громфа вибрирует от силы!

Вспышка огня ударила в нее, в Громфа, в Энтрери, который корчился на земле рядом с ней.

Но она сохранила концентрацию и создала защитный шар, щит против всех, кроме самых мощных заклинаний. Даже темная энергия, направленная на Громфа, была остановлена им.

Затем она была удивлена, когда Громф бросил на нее сердитый взгляд.

Джарлакс воскликнул:

– Вперед, вы трое! Я буду удерживать бой так долго, как смогу.

– Мы сражаемся вместе, – возразил Дзирт, и Даб'Ней поддержала его.

Джарлакс начал протестовать, но Дзирт и слышать об этом не хотел. Он не хотел призывать Гвенвивар, так как он использовал силу пантеру во время его патрулирования Браэрина, и большая кошка нуждалась в отдыхе, но он не собирался позволять Джарлаксу пытаться удержать позиции в одиночку. Он достал статуэтку из оникса и позвал боевую подругу.

– Тогда прощай, мой старейший друг, – произнес голос Малагдорла духом Киммуриэля. – Мое время на исходе.

– Нет, подожди! – Джарлакс умолял его. – Мы найдем способ.

– Поторопись, Джарлакс, потому что я больше не могу удержаться, – пришел телепатический ответ Дзирту, Джарлаксу и Даб'Ней, которая в тот момент изо всех сил пытался вырваться из хватки огромного воина.

Неподалеку взорвался огненный шар, достаточно близко, чтобы сообщить им, что их передышка закончилась.

– Убирайтесь, – приказал Джарлакс.

– Все мы или никто! – потребовала Даб'Ней.

– Я не собираюсь умирать здесь, – сказал ей Джарлакс, сказал им всем.

Дзирт, с луком в руке и стрелами, летящими в приближающиеся силы Армго, посмотрел на своего друга.

– Я тронут тем, что ты думаешь, что я умру за тебя, – сказал ему Джарлакс. – Но убирайся сейчас же! – говоря это, он снимал шляпу. Дзирт знал, что там было, и подозревал, что Джарлакс заранее спланировал побег.

– Иди, – сказал он Даб'Ней, бросаясь мимо нее к воротам.

– Мы идем вместе или не пойдем вовсе! – продолжала протестовать Даб'Ней, но Малагдорл поднял ее, взял под мышку, как будто она была не более чем ребенком, и вышел из лагеря вслед за Дзиртом, неся ее и Браелина. Они с Дзиртом остановились и обернулись, чтобы посмотреть на Джарлакса.

Несмотря на ужасную ситуацию, несмотря на осознание того, что, возможно, это последний раз, когда он видит хорошего друга, Дзирт почти беспомощно рассмеялся, когда разобрал ходы Джарлакса.

«Доверься ему», сказал он себе, напомнил себе, сколько раз он видел, как Джарлакс спасался от того, что казалось неминуемой смертью?

Конечно, то же самое можно было сказать и о Киммуриэле.

Похожая на Ллос статуя закрывала ворота, которые открывались во внутренний двор, в то время как пауки, сбившись в кучу, следовали за ней по пятам. Джарлакс прижал бы их к этим воротам, затем деактивировал бы их и сбежал, оставив Армго выяснять, как они могли бы снова открыть свои ворота, не разрушая свои собственные стены.

Раздавшийся сверху выстрел из арбалета напомнил ему, что они не могут ждать. Он выровнял Тулмарил и открыл ответный огонь, выпустив серию молниеносных стрел, которые заставили защитников Армго отступить за парапет. Затем он повернулся и скрылся за Малагдорлом и Даб'Ней, спустился по короткой подъездной дорожке и вышел на главный бульвар возвышенности, заполненной благородными домами. Там, на улице, известной как За́мковая линия, бегущим товарищам снова дали передышку, потому что с севера приближались Бэнры и их союзники, спасаясь бегством к великому дому через дорогу, на восточном конце Ку'илларз'орль.

За разгромленными войсками последовала орда демонов и солдаты вражеских домов.

– Продолжай идти! – Дзирт услышал голос Джарлакса сзади и, обернувшись, увидел разбойника, входящего в ворота Баррисон Дель'Армго, хотя они наверняка были все еще закрыты. Джарлакс вытащил из барьера свою переносную нору и спрятал ее, подбегая к своему другу - и все еще держа в руках скипетр матроны Мез'Баррис, отметил Дзирт.

Дзирт открыл огонь из укрытия, когда Джарлакс догнал своего друга, и они как один повернули к Дому Бэнр, который был совсем рядом. Казалось, что они могли опередить приближающуюся орду у ворот этого, последнего убежища. И, возможно, даже предложить помощь тем, кто отступает под знаменами Дома Бэнр.

– Дзирт! – услышал следопыт в своей голове, и он знал, что это Киммуриэль. – Прощай!

Вздох Джарлакса сказал ему, что он был не единственным, кто слышал это ужасное заявление.

Он обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как Малагдорл - и это действительно снова был Малагдорл - бросает Даб'Ней на землю, перекидывает ослабевшего Браелина через плечо и вытаскивает Хазид'хи.

Молнии и огонь, ливень с мокрым снегом и шквал магических снарядов обрушились на купол, прикрывающий трех спутников. Атакующие Меларны появились во всех четырех коридорах, без сомнения, подкрепленные присутствием, подавляющим присутствием, которое появилось на поле боя.

Йоклол пели, аватара - Кэтти-Бри была уверена, что это действительно была аватара Ллос - стояла высокая и самодовольная, улыбаясь и насмехаясь над троицей.

– Уходите, – сказал Громф Кэтти-Бри. – Идите сейчас.

– Пойдем с нами.

Громф зарычал на нее, его дикое неодобрение и хмурый взгляд напомнили ей об их сделке, об обещании, которым он заставил ее поклясться.

Он повернулся обратно в широкий проход, к толпе, к аватару, к аристократам ДомаМеларн и йоклол. Подняв свой посох, он вышел из защитного шара.

– Тебе их не победить! – закричала Кэтти-бри.

– Я соглашусь на ничью, – последовал ответ.

Малагдорл повернулся к ошеломленному Браелину, поднимая смертоносный Хазид'хи, но Дзирт в мгновение ока оказался рядом, перехватив удар Ледяной Смертью и широким замахом отбив его, а затем отбросил Малагдорла назад, обрушив шквал ударов своих сабель одна за другой так быстро, что у Малагдорла не было шанса отразить каждый удар. поэтому был вынужден отступить, подальше от Браелина.

– Джарлакс! – позвал Дзирт. – отведи их в Дом Бэнр.

– Не убивай его, – ответил Джарлакс. – Он нам нужен.

Дзирт был не совсем уверен, что это подходящий вариант, но он хмыкнул в знак согласия, когда Джарлакс поднял Даб'Ней позади следопыта, и они вдвоем направились к Браелину. Дзирт услышал, как они отходят.

Малагдорл встал справа от Дзира, двигаясь, чтобы отрезать их, и Дзирт развернулся в ту же сторону, вращая клинками и нанося удары, пытаясь оттеснить жестокого дроу назад.

Но перехват был ложным, Малагдорл использовал сострадание Дзирта против него и изменил угол атаки, даже когда Дзирт перекатился перед ним,

и отступил назад тем же путем, каким пришел, всего на один шаг, но достаточно, чтобы дать Малагдорлу небольшую передышку.

Так он думал.

Действительно, клинки Дзирта были дальше, и дроу наклонился в ту сторону, но воспринимать это как признак того, что Дзирт потерял равновесие, оказалось глупостью, потому что, когда Малагдорл нанес удар своим трезубцем, Дзирт наклонился еще дальше вправо, согнулся прямо и поднял левую ногу, вогнав кончик лезвия в землю. его ботинок угодил Малагдорлу в левую подмышку.

Дзирт опустил ногу прежде, чем Хазид'хи нанес удар поперек, и он повернулся, теперь лицом к сопернику и, не теряя времени, бросился за ним, и снова поднял руку с трезубцем, когда оправился от шока и боли от удара ногой.

Воин помельче потерпел бы поражение от великолепно обученного и быстрого, как змея, Дзирта, но у Малагдорла было нечто большее, чем грубая сила.

Гораздо большее, понял Дзирт.

Он откинул назад левое плечо, трезубец оказался у него за спиной, когда он полуобернулся, Хазид'хи нанес сильный удар поперек, затем наотмашь в другую сторону. И теперь Малагдорл ударил высоко и сильно в грудь Дзирта, когда тот отклонился назад, чтобы избежать режущего что угодно меча.

Но удар не достиг цели, потому что Дзирт просто продолжал пятиться назад, сгибаясь в коленях, склоняясь так низко, что казалось, он непременно упадет на землю.

Малагдорл оправился от пропущенного удара, и прыгнул вперед, пытаясь растоптать распростертого рейнджера.

Вот только Дзирт не лежал. Его плечи слегка коснулись земли, и в этот момент соприкосновения с камнем он изменил движение, живот, икры и подколенные сухожилия напряглись, потянулись, и он снова выпрямился, пригибаясь, чтобы поднырнуть под прыгающего Малагдорла, поворачиваясь при этом и ударяя предплечьем и плечом в спину и ноги огромного дроу, переворачивая его с ног на голову.

Малагдорл тяжело рухнул, и Дзирт бросился на упавшего, сильно ударив Мерцающим по бедру здоровяка.

Черная пластинчатая кольчуга Малагдорла полностью отразила удар.

Теперь Дзирт был удивлен - не так уж много было такого, что его сабля не смогла бы разрубить - и в этот момент шока Малагдорл перекатился и сильно ударил его ногой, отчего тот споткнулся и отлетел назад.

Глаза Джарлакса действительно расширились, когда он узнал некоторых из убегающих союзников Бэнр.

– Закнафейн, – выдохнул он.

– Каллидийцы, – сказала Даб'Ней рядом с ним.

Группа была все еще далеко на севере и поворачивала на восток, к Дому Бэнр.

Но они тоже наблюдали за битвой титанов перед входом в дом Баррисон Дель'Армго.

– Еретик! – крикнул кто-то со спины одной из преследующих групп меларни.

– Воин Ллос! – закричали многие вместе.

И затем раздался голос Зака: «Дзирт!»

Бегство Дома Бэнр и преследование отступающих сил, казалось, прекратились, поскольку это столкновение Дзирта и Малагдорла могло решить все.

Но демонам было все равно. Разъяренные звери просто продолжали атаковать, заставляя группу Бэнр снова пуститься в бегство.

Джарлакс оглянулся на своего друга и мастера оружия.

– Заканчивайте бой быстро, – прошептал он.

Он задавался вопросом, какой эффект могло бы иметь поражение Малагдорла, Воина Ллос, перед силами ее последователей.

В таком исходе Джарлакс начал сомневаться, когда на стене крепости Баррисон Дель'Армго, недалеко от сражающихся воинов, появилась знакомая фигура.

Кайтейн, могущественный и смертоносный, целился в Дзирта.

Малагдорл атаковал с кажущейся самозабвенностью, Хазид'хи наносил дикие удары, трезубец следовал за ним, иногда рубя, иногда нанося колющие удары.

Дзирт продолжал двигаться влево, вправо и назад, выискивая лазейки, уверенный, что сможет опередить чисто прямые выпады. Он был удивлен грубой и бесхитростной тактикой, но понимал, что, в конце концов, абсолютная мощь Малагдорла сокрушила бы большинство бойцов.

Возможно, мастер оружия отказался от всякой утонченности в своей абсолютной уверенности.

Или, может быть, это был просто финт, приманка, чтобы вынудить Дзирта к более прозаичному ответу, чтобы подобраться к нему поближе. В конце концов, время было на стороне неуклюжего человека, поскольку орды демонов и приспешников Ллос быстро приближались к Ку'илларз'орль.

В любом случае, он размахивался, и даже с его огромной силой, позволявшей ему останавливать удар или резко отводить его вбок, он открывал возможности.

Дзирт отбивал их - всегда готовый к любым уловкам - заходя сзади, нанося удары своими саблями, раня живот Малагдорла, его грудь, применил даже двойной удар снизу, который чуть не сбил его противника с ног.

Но не причинили ему вреда. Ничто не причинило ему вреда!

Дикий шквал продолжался, Малагдорл вырывался вперед, преследовал сбоку, клинок и трезубец всегда были в движении, всегда кололи, резали, делали что угодно, чтобы нанести удар - и в ответ получали множество других.

Бесполезный обмен.

– Твое оружие не пробьется, – насмехался Малагдорл, резко останавливаясь. – Но спроси себя: как ты думаешь, твоя скудная броня выдержит это? – он показал трезубец и Хазид'хи и бросился в атаку, только чтобы резко остановиться, глядя вверх и мимо Дзирта.

Этот момент четко запечатлелся в мыслях Дзирта, и он отреагировал, просто бросившись в сторону - как раз в тот момент, когда молния ударила в землю там, где он стоял, с оглушительной силой, расколов сам камень.

Дзирт крутанулся и покатился, сильно ударившись ногой об землю, игнорируя ожог от близкого попадания и покалывающее онемение в конечностях. Он поднялся и увидел, что Малагдорл смеется и крадется сзади.

Но снова Малагдорл остановился и посмотрел в сторону, направив взгляд Дзирта на стену дома Баррисон Дель'Армго и одинокую фигуру там, волшебника Кайтейна, размахивающего руками для новой атаки.

– Ты знаком с моим защитником? Малагдорл насмехался и снова смеялся - или начал смеяться, пока позади волшебника не поднялся шар летящей черноты, врезался в волшебника, перелетел через стену и рухнул на землю: шестьсот фунтов кошачьей ярости приземлились на него сверху.

– Я видел, – сказал Дзирт. – Ты встречался с моим?

Малагдорл взвыл от ярости и прыгнул вперед, как и надеялся Дзирт. Его удары были тяжелыми, слишком мощными, чтобы их можно было блокировать, и противник, который попытался бы это сделать, почувствовал бы, как острые зубцы трезубца и острое лезвие Хазид'хи пронзают его насквозь и заканчивают бой.

Поэтому Дзирт не пытался блокировать. Его руки, скорость которых увеличивалась благодаря зачарованным наручам, достаточно умело двигали клинками, чтобы перенаправлять атаки, совсем чуть-чуть, вправо.

Совсем чуть-чуть - вот и все, что требовалось быстрому воину.

Чтобы еще больше дезориентировать Малагдорла, Дзирт подбросил Ледяную Смерть прямо вверх между трезубцем и мечом.

Глядя на клинок, отбрасывая его в сторону, Малагдорл не мог понять, что Дзирт сделал призрачный шаг, один внезапный шаг, чтобы оказаться позади него и чуть сбоку.

Дзирт быстро повернулся, думая нанести удар Мерцающим... И, возможно, он достаточно далеко развернул свой клинок левой рукой, чтобы нанести удар по открытой плоти задней части шеи Малагдорла.

Но он передумал и нанес удар голой рукой - своей пустой рукой - вместо этого: его открытая ладонь сильно хлопнула по зачарованным доспехам.

И удар был настолько силен, что Малагдорл, спотыкаясь, полетел вперед. Доспехи, конечно, предотвратили какие-либо серьезные физические травмы.

Но это означало, что он мог что-то сделать с неуклюжим воином.

Осознав это, Дзирт успокоился... и улыбнулся.

Кэтти-Бри придвинулась к Громфу так близко, как только могла, не покидая защитного шара, вглядываясь сквозь брызги пламени и разряды молний, которые враг обрушивал на них дождем.

Она несколько раз крикнула верховному магу, но он не обращал на нее внимания и, вероятно, едва мог расслышать ее сквозь грохот магических взрывов и песнопений, доносившихся со всех сторон. Тем не менее, она видела его, стоящего там, такого уязвимого, за его одеждой тянулись струйки дыма от искр огненных шаров, которые обходили защитные чары, которые он и Кэтти-Бри установили, его волосы дико плясали под ударами молний.

Но он стоял там, держа посох наготове, и не колдовал.

Когда один из потоков молний отлетел в сторону, Кэтти-Бри ясно увидела посох Громфа, теперь светящийся энергией, поглощающий все больше.

И тут ее осенило. Она знала о таких редких посохах, которые могли содержать огромную магическую силу. Перегруженные или сломанные иным образом, они высвобождали все это, все сразу, одним разрушительным взрывом.

Она подумала о других предметах Громфа, шлеме и ожерелье, которые также могли взорваться при подобном катаклизме.

«Нет», одними губами произнесла она.

– Прочь! – приказал Громф в последний раз, и его трясло, он горел, и вот он взял посох обеими руками, сверху и снизу, и поднял его горизонтально перед собой, опустившись на одно колено, выставив другую ногу перед собой, опуская посох поперек колена.

Без дальнейших колебаний Кэтти-Бри схватила Энтрери за плечо и произнесла свое слово отзыва, но она увидела, всего на мгновение, вспышку ломающегося посоха, почувствовала, всего на мгновение, внезапный выброс чистой магии.

В этот момент у нее отнялось зрение. Она почувствовала себя лишенной тела, всего на мгновение, когда ее отбросило взрывной волной, через мили камней и почвы, и она почувствовала, как какие-то кисточки щекочут ей нос, пока она лежала на полу.

На ковре в ее комнате в Поместье Плюща.

Выглядевший скорее встревоженным, чем обиженным, Малагдорл сделал несколько шагов вперед, выпрямился и медленно повернулся лицом к Дзирту.

– И теперь у тебя есть только один клинок, – сказал он, глядя в сторону и на упавшую саблю.

– И теперь... – начал он, поднимая свое оружие. Но он оборвал фразу и движение, на его лице появилось любопытное выражение.

– Ты чувствуешь их? – спросил Дзирт, протягивая свободную руку. – Вибрации?

– Что? – спросил Малагдорл, когда Дзирт резко сжал руку, выпуская жестокий удар монаха: дрожащую ладонь.

Следующая попытка Малагдорла выругаться вылилась в поток крови, и он пошатнулся, пытаясь скоординировать свое оружие, когда Дзирт бросился вперед.

Малагдорл замахнулся - слишком высоко! - когда Дзирт заскользил мимо него, затем поставил одну ногу, чтобы зафиксироваться на месте, и отправил его крутиться вокруг себя и вверх ударом по кругу, который подогнул его ногу и опустил его на одно колено. Малагдорл упрямо обошел Хазид'хи, но Дзирт не прекратил движение, продолжая вращаться, как разматывающаяся катушка, поднялся и снова ударил Малагдорла ногой прямо в лицо - одну из немногих незащищенных частей его тела - уложив его на землю.

Дзирт двинулся прочь, махнув Джарлаксу, но едва он сделал несколько шагов, как услышал рычание сзади. Он обернулся, удивленно моргая, и увидел, что Малагдорл упрямо поднимается и рычит. Дзирт обменялся такими ударами, дрожащими ладонями, с Магистром Кейном, ударами, которые оставили их обоих измотанными. Он выполнил это с ясностью и полной силой против Малагдорла, человека, который ничего не знал и не понимал в этом, и видеть, как он борется с изнуряющими последствиями, было поистине поразительно.

Дзирт уставился на него, недоверчиво качая головой и заставляя себя проявить новый, более высокий уровень уважения к абсолютной твердости этого неуклюжего мастера оружия.

Он наблюдал, не покачнется ли Малагдорл, когда выпрямится, и тот действительно, казалось, потерял равновесие всего на мгновение. Но затем он выпрямился и, что удивительно, бросился в атаку, ревя, нанося удары с необузданной свирепостью.

Дзирт не хотел участвовать в этом стремительном броске быка с оружием в руках, и он начал справа, затем метнулся влево, едва оказавшись вне досягаемости Хазид'хи, и нанес удар слева, чтобы ударить по мечу дальше впереди Малагдорла, чтобы заставить здоровяка двигаться вперед и, таким образом, дальше мимо него.

Дзирт не преследовал его, хотя, возможно, ему удалось бы нанести тот или иной удар. Он знал, что ничего такого, что могло бы прикончить Малагдорла, нет, и он решил, что такие несущественные удары в данный момент не годятся.

Тем не менее, он остался там, когда Малагдорл развернулся, встречая следующий выпад здоровяка ловкими и идеально направленными ударами Мерцающего.

Нападающий нанес удар адамантиновым трезубцем, и быстрый блок вниз-наружу без вреда откинул его в сторону.

Наперерез ему бросился Хазид'хи, грубо, прямо сзади, но Дзирт пригнулся, поднял клинок достаточно быстро, чтобы перехватить внезапную попытку Малагдорла изменить направление движения меча, затем снова опустил достаточно быстро, чтобы заблокировать трезубец, когда мастер оружия попытался нанести удар поперек.

Дзирт прыгнул назад, приземлившись дальше от здоровяка, нарушив поток.

Он кое-что понял, отразив удар Хазид'хи. Он почувствовал остаточную слабость Малагдорла от дрожащей ладони. Теперь его противник действовал решительно, осознал Дзирт, просто отрицая нанесенный урон.

Малагдорл бросился на него, нанося удар трезубцем, рубя мечом, раз за разом, затем развернулся и нанес удар Хазид'хи, зажав трезубец под мышкой, затем прыгнул вперед, чтобы сократить разрыв, и яростно размахнулся, посылая этого трехзубого убийцу в грудь Дзирта сбоку.

Однако Дзирт видел, как рука сомкнулась, готовясь к этому самому удару, и когда Малагдорл начал свой ход, Дзирт понял, что это было то, что он не мог повернуть вспять, не мог остановить.

Дзирт взлетел высоко в воздух, трезубец пронесся под ним, и когда он поднимался, Дзирт изогнулся, перевернулся, возвращаясь сверху, снова

изгибаясь и поворачиваясь, чтобы в полной мере использовать вес своего падения, падая почти плашмя, так что вся его сила собралась в этом единственном ударе. Удар сверху вниз по боковой части лица Малагдорла, с силой откидывающий голову мужчины в сторону.

Дзирт приземлился почти плашмя, но легко, тут же вскочив, готовый отступить или нанести новый удар.

Однако ему не нужно было делать ни того, ни другого. Голова Малагдорла повернулась так, что он оказался лицом к лицу с Дзиртом, хотя смотрел ли он недоверчиво на Дзирта или куда-то в пустоту, Дзирт не мог сказать.

– Я воин Ллос! – Малагдорл взревел, отрицая это.

Затем он просто повалился на бок.

– Расскажи об этом ей, – ответил Дзирт. Он вложил Мерцающий в ножны и сделал шаг к Ледяной Смерти.

Громф почувствовал, как сила выходит за пределы его мощного посоха. Покалывающая энергия прокатилась по его руке так же уверенно, как языки пламени от огненных шаров, которые не могли быть пойманы орудием.

Он знал, что если просто позволить ему проглотить еще несколько заклинаний, то оно лопнет, но в этот момент окончательного неповиновения это не казалось ему достаточно удовлетворительным.

Он не знал, ушли ли Кэтти-Бри и Энтрери, но если нет, то это была их собственная вина, и поэтому ему было все равно.

Его волновал только этот момент перед ним, когда он мог ударить Ллос - по крайней мере, ее аватару - по лицу.

Он опустил посох на колено, зная, что это будет концом его физического тела, что высвобожденная энергия ответного удара превратит его в пепел. Иногда такой участи можно избежать, так гласили старые тексты, которые он читал, исследуя этот вопрос, но Громф даже не пытался спастись.

Он увидел, как посох треснул об его колено, увидел ослепительную вспышку, почувствовал, как волна жара прокатилась по нему.

И затем он почувствовал себя вне тела, как будто само сознание и сущность удадроу, известного как Громф Бэнр, просто перестали существовать, и ничто не имело значения, ни прошлое, ни будущее, потому что не было настоящего - только эта мысль, его, казалось бы, последнее переживание и выражение... небытия.

Тьма. Такая глубокая, что он больше не понимал, что это тьма.

Тишина. Такая тишина, что он больше не понимал, что это тишина.

Он просто больше ничего не понимал.

Глава 28
Расплата

Дзирт начал двигаться к упавшему мастеру оружия, но затем раздался такой рев, такой громоподобный грохот, такой ослепительный белый свет, затем такая ошеломляющая волна сотрясения, что Дзирта сбило с ног - многие были сбиты с ног.

Дзирту удалось взять себя в руки и обернуться, чтобы увидеть источник, омывающий, расширяющийся круг силы на западе, в сталактитовом лабиринте, известном как Паутина Ллос, в доме Меларн. Словно тяжелая лопата, врезающаяся сбоку в сосульки на свесе крыши, сила удара расколола эти сталактиты.

Множество огненных шаров взорвалось среди падающих камней. Серия разноцветных лучей вспыхнула во все стороны, усиливая разрушения и саму мощь взрыва.

Вся пещера, в которой находился Мензоберранзан, застонала в знак протеста. Землетрясения продолжались, шпиль за шпилем Дом Меларн падал с высоты, огромные куски потолка пещеры над Паутиной Ллос откалывались и падали следом.

– Дзирт! – крикнула Даб'Ней, выводя рейнджера из шока, и, обернувшись, увидел, что Малагдорл снова стоит на ногах.

Его сабли взметнулись вверх, но огромный воин бросил оружие и поднял руки.

– Это я, Киммуриэль. Ты отослал его разум прочь, и поэтому я нашел здесь последнюю опору. Но быстро, бегите все вы в Дом Бэнр. Враг пришел!

Обрадованный тем, что его друг каким-то образом все еще был здесь, Дзирт наблюдал, как тело мастера оружия промчалось мимо него к Даб'Ней и Джарлаксу, легко выхватив у них Браелина и устремившись к Дому Бэнр.

Дзирт задержался ровно настолько, чтобы схватить трезубец и Хазид'хи.

– Владей мной! – разумный меч зазвенел в его голове. – О, истинный воин, я вернулся к тебе!

– О, заткнись, – ответил Дзирт и сунул глупую штуку в одни из своих ножен, нисколько не заботясь о неудобной посадке в ножнах, предназначенных для сабли.

Они побежали к дому, добравшись до ворот вместе с сотнями бегущих от битвы перед Домом До'Урден.

Стражники Бэнр выстроились вдоль стен и дорожки, ведущей во внутренний двор, с оружием наготове. Те, кто был на стене, посылали снаряды, физические и магические, в преследующую орду демонов, в то время как те, кто стоял у ворот, внимательно наблюдали за входящими - и им пришлось выждать довольно большую паузу, когда к дому Бэнр прибыл Малагдорл Дель'Армго.

– Он со мной, – сказал Джарлакс.

– И со мной, – добавил Дзирт.

– Прекрасный пленник! – сказал им Джарлакс.

Команда Бэнров немедленно подбежала к огромному мужчине, выпустив магические веревки, чтобы крепко связать его запястья и лодыжки. Они были неосторожны с ним и с силой повалили его на землю, чтобы окончательно вывести из строя.

– Ты чувствуешь эту боль? – спросил Джарлакс.

– Немного, – признал Киммуриэль. – Но он этого заслуживает.

– Я расскажу Ивоннель, кто ты на самом деле, и она освободит...

– Нет, – перебил Киммуриэль. – Он уже просыпается. Он вытолкнет меня.

– Тогда найди другого, послабее, и…

– Нет! – решительно сказал Киммуриэль. – Я могу придумать что-нибудь менее нравственное.

– Тогда тело, – предложил Джарлакс. – Только что убитое и физически исцеленное жрицами, когда ты войдешь и сможешь управлять им.

Здоровяк, поднявшийся на ноги, рассмеялся над абсурдной идеей.

– Тогда как? – потребовал ответа Джарлакс.

Дзирт подошел, чтобы поддержать своего друга.

– Куда ты пойдешь? – взмолился Джарлакс, когда Киммуриэль не ответил.

– Ты знаешь, – громко ответил огромный одержимый.

– Нет, – выдохнул Джарлакс. – Я не позволю тебе!

Дзирт увидел, что Джарлакс сдерживает слезы.

– Возьми другого, послабее, и держись, – приказал Джарлакс.

– Мое время подходит к концу, – повторил голос Малагдорла. – Ничего нельзя сделать.

– Кроме как попрощаться, – сказал Дзирт. – Я запомню наши беседы по дороге в монастырь, мой друг. Да обретешь ты единство с коллективным разумом и покой в вечности.

– И ты, воин. Выживи, прошу тебя.

– Здесь станет так пусто... Я буду скучать по тебе, Киммуриэль, – сказал Джарлакс так тихо, как Дзирт никогда не слышал от разбойника.

За этим последовало рычание, рев вызова, когда Малагдорл, беспомощно связанный, снова взял под контроль свой разум.

Момент боли был прерван криком Даб'Ней: «Закнафейн!»

Дзирт и Джарлакс обернулись и увидели бегущих к ним Зака и Аззудонну, квадрат каллидийцев и Даб'Ней, заключивших друг друга в столь необходимые объятия.

Кэтти-Бри попыталась встать с коврика, на котором лежала. У нее сильно болели все суставы. Она чувствовала себя так, словно ее бросили на само солнце.

Но она чувствовала.

Она была жива.

Во внезапной панике она приподнялась на локтях и развернулась.

Артемис Энтрери сидел на полу рядом с ее кроватью, тяжело прислонившись к ней.

– Боюсь, я запачкал кровью ваше постельное белье, – сказал он и издал беспомощный смешок.

Кэтти-Бри каталась по полу, зовя на помощь, поскольку боялась, что у нее не осталось магической энергии, чтобы исцелить тяжело раненного мужчину.

– Я показал ей кинжал, – сказал Энтрери приглушенным тоном. – Я имею в виду Жиндию. Или я думал, что это была Жиндия. Боюсь, она стала чем-то большим, чем матрона-мать.

– Дух Ллос вошел в ее тело, – сказала ему Кэтти-бри.

– Преобразил ее тело. – мужчина остановился и посмотрел на Кэтти-бри. – Громф?

Она покачала головой.

Дверь комнаты с грохотом распахнулась, и в комнату ворвалась Пенелопа Гарпелл, и, зная, что они в надежных руках, Кэтти-Бри снова закрыла глаза.

Мензоберранзан был полон дроу с долгой памятью, но никто, кроме Ивоннель Вечной, чьи воспоминания были перенесены в разум Квентл, не не помнил тех времен, когда вся оборонительная мощь Дома Бэнр была выставлена напоказ.

Вскоре после того, как отступающие войска вошли в резиденцию Бэнр, демоны напали на Великий Дом в восточной части Ку'илларз'орль, и в течение трех дней подряд эти изверги превращались в дымящуюся шелуху перед стенами, и единственными демонами, которые пробивали эти стены,

были умирающие бездны, падающие с неба после того, как они были уничтожены. быть застреленным баллистами или арбалетами, молниями или Тулмарилом, ибо Дзирт действительно убил многих.

Погибло всего несколько защитников, а тех, кто был тяжело ранен, быстро подняли на ноги ожидающие жрицы. Но среди уничтоженных нападавших лишь горстка была демонами, которых нелегко было заменить.

Когда битва, наконец, утихла, Джарлакс нашел возможность, наконец, посовещаться с силами Бэнр.

– Кто они? – Верховная Мать Квентл спросила его.

– Союзники, – ответил он. – последователи Темной Девы.

– Я знаю это, но откуда?

– На поверхности много таких анклавов, – ответил Джарлакс. Конечно, он не собирался отказываться от Каллиды, и каллидийцы остались среди своих, вместе с Даб'Ней, Джарлаксом и Дзиртом, и в районе, который им было поручено защищать во время первой волны демонов - и который они защищали довольно блестяще

Квентл пристально посмотрела на него. Она, очевидно, знала, что он что-то скрывает, но, к ее чести, не стала настаивать. У них были поважнее поводы для беспокойства.

– Матрона Зирит отвернулась от нас, – заметила Квентл. – Я обратилась к ней через свое прорицание, и она отвергла меня, нас. Она снова связалась с Ллос.

– Дом До'Урден был обречен, – вставил Энджрел Бэнр. – Если бы она этого не сделала, вся ее семья была бы поймана в ловушку внутри и убита. Демоны, которые вышли на поле боя... – Мастер оружия покачал головой.

– Слухи говорят, что аватара Ллос появилась в Храме и украсила Сос'Ампту великим магическим кругом для такого призыва, – сказала Минолин Фей. – Одна из жриц Храма была захвачена в бою, при отступлении в Дом Бэнр. Она довольно охотно хвасталась, что к ним пришла сама Ллос.

– Что еще? – спросил Джарлакс, но Минолин Фей лишь пожала плечами. На самом деле было не так много времени для допросов или произнесения магических заклинаний, не связанных со свирепой битвой.

– Ллос была здесь, – подтвердила Квентл. – Я ясно почувствовала ее.

– Была? – заметил Джарлакс.

Квентл внимательно оглядела их всех, облизывая губы, казалось, почти боясь высказать свои мысли вслух. – Она дала нам знать, по крайней мере, матронам. Она была здесь вместе с множеством служанок. Я остро это чувствовала. А потом перестала.

– В какой момент?

– В тот момент, когда Дом Меларн разлетелся на куски.

Это вызвало всеобщие вздохи.

– Смеем ли мы надеяться, что Ллос была там? – спросил Джарлакс. – Или, возможно, это Ллос создала тот катаклизм.

– Против Жиндии Меларн? – недоверчиво ответила Квентл.

– Возможно, это был способ Ллос сказать нам, что мы не прокляты, – нетерпеливо вставила Миринеил. – Возможно, мы были неправы, отвергая Ее, или что паутина на поверхности была ересью против Нее. Может быть, это была Ее воля с самого начала, и мы...

– Остановись! – сказала Квентл своей дочери. – Не будь дурой.

– Паучья Королева пришла сюда, как ты утверждаешь, и дом Меларн был уничтожен, – настаивала Миринеил.

Остальные в комнате просто уставились на нее, за исключением Энджрела, который сказал:

– Тогда давайте надеяться, что Ллос отвергла матрону Жиндию и снова признает Дом Бэнр истинным лидером.

– Надежда? – спросила его Квентл. – Ты бы оставил все, как было?

– Тысячи погибших, – ответил Энджрел. – Дом Фей-Бранч разрушен. Дом Ханцрин выпотрошен, дом Баррисон Дель'Армго обезглавлен! Даже если все вернется к дням, предшествовавшим событиям на поверхности, вряд ли все будет по-прежнему. Наших главных соперников больше нет. Жиндии больше нет, кажется. Бреган Д'Эрт, наши союзники, в одиночку удерживают сейчас земли за городом, их соперники - в наших подземельях. Если эта война закончится, положение Дома Бэнр будет безраздельным, больше, чем когда-либо в...

Он остановился, встретив хмурый взгляд Квентл.

– Ты действительно ничего из этого не понимаешь, не так ли?

– Кто бросит нам вызов? – ответил мастер оружия.

– Бросит нам вызов за что? – Ллосианцы будут сражаться с нами вечно, и, несмотря на все ваши претензии на превосходство, вся наша сила сосредоточена здесь, в этом комплексе.

– Здесь почти четыре тысячи дроу! – ответил Энджрел.

– И двадцать тысяч там, с десятками тысяч мелких злодеев и сотнями крупных демонов, – напомнил Джарлакс.

– И все же, они не могут прорваться! – закричал на него Анджрел.

– Не хотел бы ты возглавить атаку за ворота? – Джарлакс пригласил его. – Как ты думаешь, ты вообще смог бы выбраться с Ку'илларз'орль?

– У тебя есть план получше?

Джарлакс проигнорировал его, разве что с отвращением покачал головой и повернулся обратно к Квентл.

– У тебя есть разведчики в городе? – спросила его Квентл.

– Я бы предположил, что сейчас они собрались все вместе, – ответил Джарлакс. – Но да. Я так думаю. Больше всего их хотела уничтожить матрона Жиндия, и если ее действительно уберут с поля боя, что кажется вероятным, тогда моя сеть должна остаться.

– Мы можем подготовить магический бассейн…

– Мы так не работаем, – остановил ее Джарлакс.

– Потому что у тебя был Киммуриэль. Увы, у тебя его больше нет.

Но Джарлакс продолжал качать головой. – Браелин Джанки выздоровел. Мы с ним отправимся и узнаем все, что сможем.

– Но не Дзирт и не Закнафейн, – сказала ему Квентл, и он согласился, и не только по причинам, на которые намекала Квентл. Джарлак подробно поговорил с Браелином. Он знал историю о некоем дроу, вернувшемся с появлением Богохульника, о том, кто был в Доме Меларн, но, вероятно, не был там, когда он взорвался.

В другом здании на территории Бэнр Дзирт и Закнафейн обдумывали свой дальнейший путь.

– Тогда как долго мы будем здесь оставаться? – спросил Закнафейн.

– Можем ли мы вообще выбраться?

– Я поручил волшебнику Алефаэро поработать над этим. По крайней мере, они должны уйти, хотя жрец Авернил упрям. Джарлакс хорошо прикрыл их, но они многим рискуют, оставаясь здесь, и не только для себя.

– Я удивлен, что они вообще пришли сюда.

– Они сделали это без разрешения, фактически вопреки указам Временного Собрания, – сказал Зак. – Разрешение было дано только Галате и мне.

Дзирт не совсем понимал, как это воспринять, не знал, как относиться ко всему этому.

– Ты рад, что я пришел? – спросил Зак, и Дзирт понял, что его эмоции ясно читались на лице.

– Я рад, – решил он. – Хотя я буду чувствовать себя лучше, когда мы все отсюда выберемся.

– Значит, вы отказались от завоевания города?

– Речь никогда не шла о завоевании. Теперь мы увидели правду, и эта правда не такая, на какую я надеялся. Я не получаю удовольствия от этой борьбы. В уничтожении демонов, конечно, есть удовлетворение, но силы, стоящие за этими демонами - дроу, сражающиеся за Ллос, и их гораздо больше, чем я надеялся.

– Она правила этим городом на протяжении тысячелетий, – напомнил Зак. – Конечно, вы не сомневались в решимости ее жриц сохранить источник своей власти.

– Хотя вряд ли дело только в матронах и их жрицах. Судя по всему, против нашей революции гораздо больше дроу, чем за нее.

– Хотя, по многим причинам, – напомнил Зак. – Страх перед своими матронами и Ллос, конечно. Или просто страх перед этим неизвестным будущим, которое предложили Бэнр. Они знают, как это было на протяжении всей их жизни, даже для тех, чьи жизни растянулись на столетия. Они знают свое место в этой истине. Они знают границы, за которые нельзя переступать, действия, которые приносят им выгоду, и те, которые приносят только боль. Что они знают об этом обещанном мире за пределами Ллос, особенно когда он тоже, по крайней мере с их точки зрения, будет создан по проекту Дома Бэнр?

– Но этого не будет.

– Но они не могут этого знать. Меня долго не было, но я была здесь задолго до этого. Немногие, кто не Бэнр, питают любовь к этому дому и, конечно, не доверяют Верховной Матери и ее окружению.

– Итак, что же нам остается?

– Ты пришел сюда, думая об этом как о войне против Ллос и всего, за что она выступала, – предположил Зак. – Возможно, вместо этого мы думаем об этом как о спасательной миссии по освобождению тех, кто хотел бы покинуть Ллос, из этой тюрьмы, которую она построила в этой пещере.

Дзирт немного поразмыслил над этим и, наконец, смог кивнуть и улыбнуться. Этого следовало ожидать. И, по крайней мере, это было что-то, и он пришел к убеждению, что за это стоило бороться.

Раздался стук в дверь, и вошел Джарлакс, сопровождаемый выздоровеввшим Браелином Дженкуэем.

– Рад снова встретиться, Браелин, – сказал Дзирт.

– У Браелина есть новости, которые ты должен услышать, Дзирт, – сказал Джарлакс. – И ты тоже, – добавил он, обращаясь к Закнафейну. – Я думаю, это шокирует тебя, но, учитывая все, что мы видели за последние годы после Магической чумы, действительно ли что-нибудь сделает это?

– Нас нелегко шокировать, – заметил Зак.

– Вы, конечно, знаете о Богохульстве, о том, как они когда-то были живыми драуками в Мензоберранзане, а затем после смерти отправились служить в этом облике Ллос и ее служанкам. И теперь, конечно же, они были возвращены в свои живые тела дроу через паутину, сотканную Ивоннель и Квентл.

Дзирт и Зак посмотрели друг на друга. Конечно, они знали, поскольку именно из-за этого действия они были здесь в первую очередь.

Джарлакс повернулся к Браелину.

– Когда я сбежал из дома Меларн, я сделал это с другим дроу, который был заключен там в тюрьму, с тем, кого матрона Жиндия держала в качестве особого пленника. Она планировала превратить его в драука публично, перед всем городом, и в основном для того, чтобы дискредитировать вас и все, что вы сделали наверху. – говоря это, он посмотрел на Дзирта, и Дзирт пристально посмотрел в ответ, начиная понимать возможности предстоящего откровения.

– Это был... – начал Браелин.

– Дайнин, мой брат, – закончил за него Дзирт, и разведчик кивнул, смущенный и удивленный.

– Я был неправ, – сказал Зак. – Я все еще могу быть в шоке. – Он посмотрел на Дзирта. – Дайнин?

– Вирна прокляла его, превратив в мерзкого драука, – сказал Дзирт, и выражение лица Зака говорило о том, что он был расстроен этим больше, чем любыми новостями о Дайнине. – И убит королем Бренором почти сто пятьдесят лет назад.

– И теперь он вернулся? – спросил Зак Джарлакса.

– Возможно, он сбежал из дома Меларн и, как говорили, направлялся в Дом До'Урден, но мы не знаем его судьбы.

Дзирт и Зак снова посмотрели друг на друга, и было ясно, что ни один из них не знал, как относиться к этой информации. Их отношения с Дайнином были сложными и не очень семейными. Между Заком и Дайнином многое было как между учителем и учеником, и Дзирт рос в Доме вторым сыном после старшего, Дайнина (и только потому, что Дайнин убил их старшего брата), но, как и в случае с Заком и Дайнином, между ними никогда не было настоящей братской или семейной любви.

– Я подумал, тебе следует знать, – сказал Джарлакс.

Дзирт кивнул.

– Если я смогу узнать больше, я передам.

Дзирту хотелось думать, что ему все равно.

Но, как и Зак, он обнаружил, что может удивляться.

Потому что ему было не все равно.

Осада Дома Бэнр продолжалась. Демоны нападали на них каждый день - почти все были мелкими демонами, поскольку их враги, очевидно, пришли к пониманию, что истощение не пойдет на пользу их армии Бездны, учитывая малочисленность потерь в Доме Бэнр.

Теперь это был скорее вопрос того, чтобы еретики были слишком заняты, чтобы организовать какую-либо контратаку, очевидно, давая сторонникам Ллос время укрепить свою оборону по всему городу за пределами Великого Дома.

И, вероятно, убить любого, кто не встанет на их сторону.

– У нас есть только одна карта, которую мы можем разыграть, – сказал Джарлакс Квентл и другим лидерам на пятый день битвы. – Пленники, и многие из них ценные. Кто бы ни возглавил последователей Паучьей Королевы…

– Я думаю, мы знаем, кто теперь их возглавляет, – перебила Квентл.

– Не обязательно. Жиндия, возможно, все еще жива. Мы не знаем, была ли она в своем доме, когда он рухнул. Возможно, там находятся еще четыре Матроны Правящего совета. Известно, что мертва только Мез'Баррис, а Биртин Фей теперь проклята. Кто-то сыграет...

– Это Сос'Ампту, – решительно заявила Квентл. – Вы видели мощь орды, вышедшей из Храма. Я подозреваю, что это всегда будет Сос'Ампту - кто еще мог бы управлять городом от этого дома и восстановить то, что когда-то было.

– Жиндия была всего лишь пешкой Ллос, – добавила Минолин Фей. – Кем-то, кем она без проблем пожертвовала бы, если бы до этого дошло. Даже манера этой битвы у наших стен заставляет меня понять правду об этом. Сос'Ампту, с другой стороны, лучше всех остальных понимает важность того, чтобы мы оставались вовлеченными здесь, а не там, где мы могли бы вернуть некоторых, таких как Зирит, к нашему делу.

– Наша позиция несостоятельна, – заявил Джарлакс. – Как я уже сказал, у нас есть одна карта. Позволь мне пойти и сделать это.

– К Сос'Ампту?

– Похоже, так и должно быть, если только я не получу новую информацию у своих агентов в Браэрине.

– Она убьет тебя, – сказала Квентл.

– Ей придется действовать быстро, – ответил Джарлакс. – Многие пытались, ты, возможно, помнишь. И у меня есть способы мгновенно оказаться далеко-далеко от нее.

– Как ты сделал в часовне дома Баррисон Дель'Армго? – кисло напомнил Дзирт. – Если матрона Мез'Баррис так подготовила свой дом, почему ты думаешь, что Храм менее подготовлен?

– Я не вижу возможностей выбора в этом вопросе, – ответил Джарлакс и, казалось, был встревожен. – Я отправляюсь в Браэрин, чтобы узнать все, что смогу, как могу только я. У нас есть козыри - у нас есть Малагдорл, и это немаловажно! - и я должен узнать, чего они стоят для того, кто ведет этих демонов против нас. Мы не можем просто оставаться здесь и позволять им планировать свои нападения, пока их демоны держат нас в напряжении.

– Но в Храм? – с сомнением спросила Квентл.

– Если информация, которую я получу, сможет предотвратить визит, то так тому и быть, – пообещал Джарлакс. – Но мы оба сомневаемся, что это так. Браелин Дженкуэй пойдет со мной нашими тайными путями, и он вернется к вам со всем, что мы узнали от наших агентов, возможно, вместе со мной, возможно, нет - это не имеет значения.

– Это важно для меня, – сказал Дзирт.

– Я ценю это, но мы говорим о Джарлаксе, помнишь? – сказал он с улыбкой. – Со мной все будет в порядке. Теперь давайте обсудим наши требования. У нас есть Ханцрины, и это немаловажно для любого из наших врагов. Отрезанные от Бреган Д'Эрт, Ханцрины - их единственная реальная связь с чем-либо за пределами Мензоберранзана. И, как я уже сказал, у нас есть Малагдорл, Воин Ллос. Леди Ллос сама назвала его таковым, и каким призом это будет для следующей решительной Верховной Матери, или если не для нее, то для тех, кто возьмет под контроль дом Баррисон Дель'Армго. Таайрул, я полагаю. И у нас есть скипетр Баррисон Дель'Армго, чьи статуи все еще стоят во внутреннем дворе, блокируя их ворота, насколько мы можем видеть.

– У нас в тюрьмах более четырехсот сторонников Ллос, – добавила Минолин Фей.

– Итак, мы должны решить, чего все это стоит для них и для нас, – сказал Джарлакс. – Чего мы хотим?

Джарлакс мог видеть боль на лице Квентл, когда она изо всех сил пыталась примириться с их реальностью - той, которая была намного меньше того видения, которое она создала после отрицания Ллос и освобождения Богохульницы.

– Мы не можем завоевать город, – решительно сказал он ей.

– И, таким образом, мы не можем оставаться в городе, – сказала Минолин Фей, на что и Энджрел, и Миринеил рассмеялись, а дочь Квентл умчалась прочь.

– Иди, Джарлакс, – согласилась Квентл, и это было все подтверждение, в котором он нуждался. – Умоляю, поторопись.

Джарлакс и Браелин покинули Дом Бэнр в течение часа, путешествуя по туннелям и тайным путям обратно в Браэрин и Сочащемуся Миконидy.

Браелин заколебался, когда они приблизились. В последний раз, когда он видел Азлию, он видел четыре ее версии, три из них были суккубами.

– Меня предали, когда я был здесь в последний раз, – сказал он в ответ на пристальный взгляд Джарлакса, вызванный его колебаниями.

– Я знаю все об этом. Бедная Азлия была поймана в ловушку колдовства суккубов.

Браелин кивнул.

– Это трудно, – сказал ему Джарлакс. – Но сейчас не время разбираться с внутренними конфликтами. На карту поставлено не просто слишком многое - на карту поставлено все.

Он повел их в таверну, и, переступив порог, Браелин снова остановился, на этот раз полностью, его глаза расширились, когда он уставился на женщину, которую любил, один глаз посерел и был сильно изуродован шрамом.

– Азлия предала не только Браелина Дженкуэя”, – объяснил Джарлакс.

– Ты сказал, что это не ее вина, - пробормотал Браелин.

– Не против тебя.

Браелин покачал головой.

– Она прощена, – заверил его Джарлакс.

– Он находит меня отвратительной, – сказала Азлия из-за стойки, и слабость в ее голосе поразила Браелина в самое сердце.

Он больше не колебался, подбежав к ней через комнату, перекатился через стойку, приземлился рядом с ней и заключил ее в объятия для страстного поцелуя.

– Возможно, ты ошибаешься, – сказал женщине ухмыляющийся Джарлакс.

– Я бы никогда не смог, – сказал Браелин Азли, когда они разомкнули объятия. – Никогда, никогда я бы не смог. Я боялся, что ты умрешь.

– Как и я, что умрешь ты, – сказала Азлия, и Браелин снова поцеловал ее, прижимаясь к ней.

– Я надеюсь, суккубы были в Доме Меларн, когда он был уничтожен, - прошептал ей Браелин. – Я надеюсь, что они почувствовали всю боль от этого взрыва до самой своей бездушной сердцевины. Я надеюсь, что их больше нет, просто они ушли навсегда, эти изверги.

– За то, что они сделали с тобой, – добавила Азлия, но Браелин покачал головой.

– Меня поймали, но тебя украли, – сказал он и снова поцеловал ее, просто потому, что ничего не мог с собой поделать.

– Будем надеяться, что скоро наступит время, когда это прекрасное воссоединение пройдет должным образом, – сказал Джарлакс, оттаскивая Браелина от женщины. – Но пока...

Браелин нервно кивнул, подавленный своими эмоциями, но его лицо стало серьезным, когда он взял себя в руки.

– Если мы переживем это, мы найдем жрицу, которая сможет должным образом восстановить твой глаз, – пообещал им обоим Джарлакс. – Кэтти-бри сделает одолжение, я уверен.

– Для меня это не имеет значения, – сказал Браелин. – Она не стала менее красивой.

– Закрой свой рот, – сказала ему Азлия и хлопнула его по плечу. – Это важно для меня, и не сомневайся в этом!

Джарлакс рассмеялся над этим, но лишь на краткий миг, прежде чем повторить:

– Но сейчас...

Кивнув, Азлия отвела их в свою комнату за баром и в чулан, в котором находилась секретная комната в другом измерении, где она могла передавать шепот, который слышала с улиц.

Дом До'Урден не был разрушен в битве, сказала она им, гористро и другие могущественные демоны остановились у своих врат по приказу Сос'Ампту Бэнр, и по слухам, матрона Зирит, как они и подозревали, действительно изменила направление и воссоединилась с Ллос.

– Матрона Зирит Ксорларрин, – подчеркнула Азлия. – Она больше не будет использовать имя До'Урден и прокляла его со своих балконов, чтобы все слышали.

– Дзирт и Закнефейн будут так разочарованы, услышав это, – пошутил Джарлакс.

Далее она сообщила, что никто не видел и не слышал о Жиндии с момента взрыва в ее доме, и все перешептывались, что она была поглощена им, что затем было подтверждено другим дроу, которого Азлия впустила в комнату.

– Я вышла из дома незадолго до взрыва, – сказала Къернилл Кенафин Джарлаксу и Браелину, а Браелину добавила:

– Я рада, что вы нашли выход.

– И Жиндия была там и осталась там? – спросил Джарлакс.

– Она была там с целым ковеном йоклол.

– А сам взрыв?

Къернилл пожала плечами. – Меня не было дома, я направлялась в Дом До'Урден, чтобы подтвердить перемену в сердце матроны Зирит. По крайней мере, это то, что мне было поручено сделать. Я блуждала и задавалась вопросом, пытаясь понять, как мне поступить. Когда Паутина Ллос была разрушена, я пришла сюда вместо нее.

– Ты отрицаешь Ллос? – прямо спросил Джарлакс.

– Она знает, что жрицы Ллос не простят ее, если узнают правду о ее поступках, – поручился за нее Браелин. – Она спасла меня, или пыталась это сделать, прежде чем суккубы утащили меня обратно. Я буду вечно благодарен.

Джарлакс кивнул.

– Я тоже. И мы доставим тебя в Дом Бэнр, если пожелаешь, и, надеюсь, дальше. Еще один пленник сбежал с Браелином.

– Дайнин До'Урден, – ответила Къернилл. – Это было одной из причин, по которой меня послали поговорить с матроной Зирит, поскольку ходили слухи, что он вернулся в Дом До'Урден.

– И?

– Я не ходила к матроне Зирит. Я ничего об этом не знаю.

Джарлакс посмотрел на Азлию, которая покачала головой и пожала плечами.

– Что с Ивоннель Бэнр? – Джарлакс спросил их обоих, но, опять же, ни у кого не было ни слова о пропавшей женщине.

Затем Къернилл ушла, и Азлия продолжила объяснять, что на улицах города была некоторая немалая поддержка еретиков, особенно в Браэрине, но когда Джарлакс спросил, считает ли она, что этого достаточно, чтобы переломить ход битвы, она без колебаний покачала головой.

Таким образом, всего час спустя Джарлакс стоял со шляпой в руке, в прямом и переносном смысле, в нефе Храма Богини перед алтарем и троном Сос'Ампту Бэнр.

– Мы можем продержаться вечно, – беспечно ответил он на первый залп жрицы, когда она потребовала капитуляции и ворота ее дома широко распахнулись. – Сколько времени пройдет, пока ваши высшие демоны не будут обнаружены и уничтожены? Тогда, конечно, ваши ряды пополнятся.

Он ожидал, что Сос'Ампту набросится на него с этим, но она этого не сделала. Он внимательно изучал ее и делал это с тех пор, как ему разрешили вести с ней переговоры. Он думал, что она будет более уверенной, более напористой и требовательной.

Но она была ужалена, и сильно.

Падение Паутины Ллос, похоже, ранило многих за пределами Дома Меларн.

– Твоя мать... моя мать, Верховная Мать Ивоннель Вечная, мирилась со мной, принимала меня и мои пути, хотя они и не соответствовали замыслам Ллос - по крайней мере, ее требуемым ритуалам, – сказал Джарлакс.

– Ты всегда был еретиком.

– Но полезным. Верховная мать Бэнр ценила меня, потому что знала, что я действовала исходя из принципа взаимной выгоды. Она была сильнее со мной и Бреган Д'Эрт при ее дворе. Я пришел сюда с этой верой в практичность. Улицы Мензоберранзана залиты кровью дроу и воняют дымящимися оболочками демонов. Это заставляет меня задуматься, кто здесь правит: дроу или демоны.

– Здесь правит Ллос!

– В том, что правит хаос, да, я полагаю, это неоспоримо, но мы знаем, что ее фактическое присутствие здесь мимолетно, как показало нам разрушение дома Меларн. Итак, давай не будем зацикливаться на абстрактном, а скорее на том, что мы можем сделать друг для друга. Это вопрос, который мы оба должны обдумать.

– Твои слова оскорбляют меня, а твоя игра наводит на меня скуку, Джарлакс. Я получу трон дома Бэнр и буду править этим городом с благословения Ллос!

– Согласен, а взамен...

– Взамен? Я сделаю драуков из тебя и всех остальных. Эта сделка кажется тебе достаточно справедливой?

Джарлакс не смог сдержать улыбку.

– Дорогая сестра…

– Никогда не называй меня так.

Джарлакс надел шляпу на свою лысину и приподнял ее в ее сторону. – Дорогая Первая Жрица Храма Богини, – сказал он официально. – Ты ранена, и ослаблена. Она была там, не так ли? Ее служанки были там, и поэтому их материальные тела, несомненно, были уничтожены во время катаклизма и теперь изгнаны на сто лет.

– Ты не можешь изгонять богиню надолго! – Сос'Ампту огрызнулась в ответ.

Так оно и было, и Сос'Ампту мгновение спустя немного откинулась назад, зная, что она дала Джарлаксу все подтверждения, в которых он нуждался.

– Но ее больше нет - пока. И без нее, без ее служанок, ты уязвима, – сказал Джарлакс.

– Я могла бы уничтожить тебя здесь и сейчас.

– Возможно - я бы дал тебе на это шансы, может быть, два к одному. Но что это тебе даст? Дом Баррисон Дель'Армго сильно ослаблен, их мастер оружия под нашим контролем, я контролирую магических големов, защищающих их крепость, а Мез'Баррис мертва - но все это должно тебя немного утешить в данный момент. Чтобы выиграть эту битву, тебе нужно уничтожить тех, кто принадлежит к Дому Бэнр, и где в этом случае останется Сос'Ампту, особенно с матроной Вадалмой Фаэн Тлаббар, ее могущественный дом полностью цел, видя явный подъем, особенно с устранением ее ненавистного врага, Жиндии? А что насчет Матери Зирит? Мне сказали, что Зирит Ксорларрин снова следует путями Ллос. Могущественная Матрона с могущественными союзниками и Верховные Матери, такие как Вадалма Фэн Тлаббар, Миз'ри Миззрим и Аша Вандри, которые возмущались своим девятым местом за столом, рассчитанным на восьмерых. Они будут единственными оставшимися правящими матронами, если ты победишь Квентл, и кто тогда останется с тобой?

– У меня есть благословение Ллос. Они были свидетелями могущества силы, исходящей из Храма.

– И они были свидетелями ее изгнания, – поправил Джарлакс. – Даже на короткое время для нас, дроу, сто лет - все еще внушительный срок для политиков этого города. Сможешь ли ты противостоять им достаточно долго?

– Дом Баррисон Дель'Армго остается сильным, – заявила Сос'Ампту. – Кайтейн пережил атаку у стены, и способная жрица Таайрул займет их трон.

– Они это сделают, если когда-нибудь вернут скипетр. Хотя на самом деле это не так важно, потому что ты - Бэнр, а Армго ненавидят Бэнр больше, чем кого-либо другого!

– Нет, если я пообещаю ей Второй Дом и место рядом со мной.

– Ты не можешь обещать ей ничего из того, что предложат четыре оставшиеся Верховные Матери. Он хитро посмотрел на нее. – Или, возможно, ты можешь.

– Ты мне надоедаешь.

– Ты уже говорила. И нет, это не так. Я беспокою тебя, и тебе следует беспокоиться. Поверь мне, когда я говорю, по моим собственным эгоистичным причинам, что я бы предпочел, чтобы Сос'Ампту стала правящей Верховной Матерью превыше всех других возможностей - если ты даже выиграешь эту войну, я имею в виду, против нынешней Верховной Матери.

– А что с Ивоннель? – поддразнил Джарлакс. – Она могла занять трон раньше, а теперь кто мог устоять перед ней?

– Ивоннель ушла, – заявила Сос'Ампту.

– Ушла? – Он сделал все, что мог, чтобы скрыть шок в голосе и на лице.

– Ушла. Она совершила ошибку, бросив мне вызов здесь, в этом месте. Она проиграла. Она пропала, брошенная сквозь миры в вечную тюрьму, из которой она не сможет сбежать, и где ты никогда ее не найдешь. Она пропала.

Джарлакс подозрительно посмотрел на нее.

– Зачем мне лгать об этом? Она пропала.

Джарлакс облизнул губы.

– Ты думал, что это Ивоннель разрушила Паутину Ллос, – рассуждала Сос'Ампту, и на самом деле он думал именно так.

– Кто еще мог...

– Это был мой брат. Твой брат.

– Громф?

– Громф. Его заключительный акт. Я наблюдала за этим отсюда, из магического бассейна прорицания, поскольку я снова стала свидетелем красоты аватары Ллос, на этот раз принимаемой матроной Жиндией. Громф сделал это. Он взорвал все, и себя в том числе.

Джарлакс не был уверен, как это переварить. Киммуриэль ушел, Громф ушел.

Так много ушло.

– И, Джарлакс, – лукаво сказала она, - если я позволю тебе вернуться в Дом Бэнр, скажи Дзирту До'Урдену, что Кэтти-Бри была там с Громфом. И Артемис Энтрери тоже. Так что скажи мне еще раз, насколько сильно я ранена, будь добр?

Джарлакс проглотил все это и спрятал подальше. Ради тех, кто остался в живых, он должен был сделать это, должен был решить все здесь и сейчас. В конце концов, это была война, и потери - даже такие разрушительные, как те, что она озвучила, - были частью войны.

Но все же...

– Давай покончим с этим ради нас обоих, – сказал он Сос'Ампту. – У меня есть то, что нужно тебе, а у тебя есть то, что нужно мне. Вместе мы оба выживаем и будем процветать, в то время как порознь мы оба ничтожны.

– Я, должно быть, в замешательстве: что у тебя есть такого, что нужно мне?

– У меня есть дом Ханцрин.

– И?

– И ты не настолько наивен, чтобы не понимать, что это значит. То, что ты вытащил их из подземелий Дома Бэнр, придает тебе авторитет в глазах твоих

соперников, и матрона Шакти наверняка войдет в новый правящий совет и будет знать, что именно ты спасла ее и ее семью.

– Продолжай.

– У меня также есть Бреган Д'Эрт. Ты знаешь меня и мою ценность. Ваши взоры, без сомнения, сейчас будут обращены внутрь города. Но со временем этого будет недостаточно, и ты знаешь, что я могу предложить к твоему столу.

На это она ничего не сказала.

– У меня есть Малагдорл Армго, Воин Ллос, – объявил Джарлакс.

– У тебя есть Воин Ллос, все верно, но, осмелюсь сказать, это не Малагдорл. Она действительно любит того еретика, который победил его - как мне сказали, довольно неловко - и который вызывал столько хаоса в этом городе на протяжении почти двух столетий.

Это вывело Джарлакса из равновесия, но он быстро пришел в себя.

– Итак, ты не хочешь его уничтожать, – легкомысленно сказал он, и Сос'Ампту не стала спорить, только сказала:

– Кэтти-Бри была в доме Меларн. Он уже уничтожен.

– У нас более четырехсот пленников, твоих сторонников, – ответил Джарлакс, проигнорировав эту насмешку. – Много ценных. И у нас есть сам Дом Бэнр, которого ты так жаждешь.

– Я завоюю Дом Бэнр, – сказала она. – Четыре сотни - не такая уж большая потеря. Более трех тысяч дроу уже были убиты в этой войне, которую начала наша сестра.

– Что хорошего в Доме Бэнр, если в нем нет ничего ценного?

– Что вы имеете в виду?

– Мы уничтожим все, что ты желаешь в Доме Бэнр, я обещаю, если до этого дойдет. Но этого не должно быть! На твоей стороне будет матрона Шакти Ханцрин. И когда вы освободите Малагдорла, дом Баррисон Дель'Армго не выступит против вас. Сделайего своим патроном и мастером оружия в Доме Бэнр! Игра настолько очевидна, и с объединением домов Бэнр и Баррисон Дель'Армго, кто будет спорить? У вас будет мир, который вам нужен для восстановления.

– И что вы получите взамен? – Спросила Сос'Ампту.

– Мы уйдем.

– Уйдете?

Он скрыл улыбку, которую почувствовал при виде ее замешательства.

– Мы уйдем. Все, кто захочет. Мы покинем Мензоберранзан, Город Пауков, Город Ллос. Мы уйдем, чтобы никогда не возвращаться, и с твоим словом, что ты не будешь преследовать нас.

– Я не могу дать тебе этого слова. Я служу Ллос.

– Тогда просто позволь нам уйти, и мы сделаем то, что должны, если до этого дойдет

– Богохульство останется.

– Я не могу этого предложить.

Сос'Ампту немного откинулась на спинку стула и обдумала свой ответ, по крайней мере, казалось, что она согласна с первой частью.

– Квентл обречена. Она останется и расплатится за свою великую ересь.

– Нет.

– Нет?

– Нет. Как я уже сказал: всем, кто хочет, должно быть позволено уйти. Кроме того, я не могу принимать решения за нее. Неужели ты этого не понимаешь? Неужели ты не понимаешь, о чем все это, о чем это было с самого начала? Речь идет об индивидуальном выборе и свободе. Личное волеизъявление, определяющее жизнь, и вера - да, вера! В основном вера! Как ты можешь требовать верности богине от тех, кто ей не поклоняется? Зачем они ей вообще нужны? Почему ты хочешь, чтобы они вызывали только беспорядки в твоем городе? Это то, за что мы боролись, Сос'Ампту. Ллос была символом угнетения, не более того.

Сос'Ампту посмеялась над ним.

– Ты всегда был идиотом, Джарлакс, полагая, что другие питают такую же гордость, как у тебя в сердце. Ты никогда не считал Ллос своей великой матерью, и поэтому ты достаточно самонадеян, чтобы верить, что все остальные чувствуют то же, что и ты.

– Не все. Явно не ты.

– Вот уж верно, - сказала Сос'Ампту.

– Тогда докажи это. Я готов поспорить!

– Что это вообще значит?

– Как я уже сказал: пусть уходят те, кто хочет уйти. Очевидно, что это будут люди с сердцем, похожим на мое, а не на твое. Если ты так уверена, что так много других дроу видит красоту Паучьей Королевы, тогда позволь им доказать это. Или ты боишься?

Она с ненавистью уставилась на него.

– Чем больше тех, кто уйдет, тем сильнее будет твоя позиция, – лукаво ответил Джарлакс на этот взгляд. – Подумай об этом. Армго, безусловно, останутся, поскольку они приблизятся к тому, чего всегда желали, особенно когда вы присоединитесь к семьям с Малагдорлом в качестве патрона. И я буду честен с тобой в этом: согласно этому соглашению, вероятно, многие

останутся в Доме Бэнр. Искушение подняться по лестнице власти будет слишком велико для многих дворян Бэнр.

– Потому что что там есть для тебя, кто уйдет, – сказала она, казалось, наконец приняв его предположение.

– Свобода, – настаивал он, не желая, чтобы она теряла нить. – Только это, Сос'Ампту.

– Сила - это свобода.

Джарлакс пожал плечами.

Сос'Ампту долго сидела, уставившись на него, и каждая проходящая секунда вселяла в него надежду. Она была очень сильно ранена. С уходом Ллос, вполне вероятно, что жриц, которые видели такое усиление своей силы, теперь сильно поубавилось. Даже при том, что она знала, что Дом Бэнр не сможет победить объединенную мощь Мензоберранзана, она боялась этой битвы и ее последствий для нее, и да, для самого этого физического дома, которого она только сейчас осознала, насколько сильно она желала.

– Убирайтесь из моего города, все вы, – сказала она наконец. – Я войду в дом Бэнр с первыми лучами Нарбондель. Те из еретиков, кто пожелает отречься и молить о пощаде, будут спасены - и Джарлакс, даю тебе слово, ты скажешь Богохульникам, что они будут избавлены от любого наказания, если будут молить о пощаде Ллос.

– Даешь свое слово?

– Даю свое слово. Они будут служить дому Бэнр, а дом Бэнр будет служить леди Ллос, – убедительно сказала ему Сос'Ампту. – И когда ты уйдешь, да, ты всегда будешь оглядываться через плечо, потому что твои преступления не будут забыты или прощены. Никто не сможет вернуться. Никогда.

Джарлакс поклонился.

– За исключением, возможно, тех случаев, когда мы с Бреган Д'Эрт не придем в будущем к соглашению, которое принесет взаимную выгоду, брат.

Ответная улыбка Джарлакса идеально соответствовала моменту, но за ней стояло не предложение Сос'Ампту, а скорее его доказательство того, что даже с ней, даже с этим самым верным слугой Ллос, все было ради эгоистичной выгоды.

Это всегда было связано с эгоистичной выгодой, подумал он, но затем поправил себя и напомнил себе, почему он любил Дзирта и его друзей, и почему, самым глубоким образом, знакомство с ними дало ему гораздо больше, чем любые обещания Сос'Ампту или любой другой Верховной Матери Мензоберранзана.

Торжествующая Сос'Ампту действительно вошла в ворота Дома Бэнр на следующее утро, обнаружив, как и предсказывал Джарлакс, множество

аристократов Бэнр, пехотинцев и почти половину Богохульников, ожидающих, чтобы поприветствовать ее и прислуживать ей. Среди них был и Энджрел, который и понятия не имел, что вскоре его заменит Малагдорл Армго. И к ее удивлению - и к полному шоку Квентл и Минолин Фей - рядом с Энджрелом стояла дочь Квентл, Миринеил.

Они пришли с Улиц Вони. Они пришли из многих младших домов, приняв приглашение проложить свой собственный путь прочь от будущей Верховной Матери Сос'Ампту из Мензоберранзана. Вместе с беженцами из Дома Бэнр, отрядом Темной Девы и солдатами Бреган Д'Эрт, почти три тысячи удадроу покинули Мензоберранзан, миновав Донигартен и малоиспользуемые Пути Странствий.

Только когда они были далеко за пределами города, быстро двигаясь по тропам, которые должны были привести их к нижним воротам Гаунтлгрима, Джарлакс собрал своих самых близких друзей и рассказал им о потере Ивоннель.

И рассказал им о великой жертве Громфа.

И, посмотрев Дзирту прямо в глаза, он сказал:

– Кэтти-Бри и Артемис Энтрери были в Доме Меларн, когда Громф разрушил его. Они были с ним.

Малагдорл Армго не смог выбить ноги из-под Дзирта.

Магистр Кейн не смог выбить ноги из-под Дзирта.

Пара сестер-драконов не смогла выбить ноги из-под Дзирта.

Йгорл, бог слаадов, не смог выбить ноги из-под Дзирта.

Но теперь ноги не держали его, и он упал на землю, задыхаясь, затем всхлипывая. Он пытался сказать себе, что все это того стоило, что эта битва, которая стала своего рода спасательной миссией, спасла стольких людей от проклятия Ллос.

Но он не мог удержать эту мысль. Не тогда. Не с сердцем, разрывающимся на части в груди.

Зак был там с ним, плача. Джарлакс был там, оплакивая боль Дзирта и свою собственную. Трое тесно прижались друг к другу, двое шептали утешения, когда могли выдавить слова из своей собственной боли, третий потерялся в чистой эмоциональной агонии.

Только когда Зак упомянул Бри, Дзирт обрел некоторую степень спокойствия.

В тот момент он чувствовал себя опустошенным, но он не был пустым. У него было их наследие. На нем лежала ответственность.

Боль не ослабевала. Вопросы - почему она была там? - не умолкали. Чувство потери, беспомощности не ослабевало.

Он встал и молча пошел дальше, играя роль, которую он должен был играть в их походе.

На следующий день Алефаэро и Нвизи пришли к нему, Заку и Джарлаксу. Алефаэро сказал им, что Нвизи обнаружил небольшую группу дроу, двигавшуюся параллельно им.

– Сарибель? – спросил Алефаэро. – Равель? Эти имена вам о чем-нибудь говорят? Они бегут из города, и Нвизи говорит, что они ушли раньше нас.

– Ксорларрины, – сказал Джарлакс остальным. – Возможно, не все из них согласились с выбором Зирит. Мы должны пойти и найти их.

– Поторопись, – сказал ему Алефаэро. – Нвизи тоже видел других, быстро приближающихся из Мензоберранзана, и они не наши союзники.

– Тебе следует вернуться в Каллиду, – сказал ему Джарлакс. – Подготовь свои заклинания и улетай, как только сможешь.

– Со временем, – сказал Алефаэро. – Как ты думаешь, мы могли бы забрать у тебя Закнафейна сейчас? Мы пришли, чтобы довести это до конца, и так и сделаем. Джарлакс кивнул. Последняя информация его не удивила. Сос'Ампту, конечно, постаралась бы сильно навредить им, преследуя тех, кто выжил на их пути. Он организовал группу, чтобы найти Ксорларринов и привести их сюда, и не удивился, обнаружив определенного члена этой группы ренегатов, который не был Ксорларрином.

– **З**начит, это правда, – сказал ему Закнафейн, когда он подошел.

– Ты ошеломлен не больше, чем я, – ответил Дайнин.

Дзирт, сидевший рядом с Закнафейном, ничего не сказал.

– Я... мы, – сказал Дайнин, оглядываясь по сторонам и замечая, что некоторые из его товарищей, воинов-Богохульников поглощают свою трапезу. – Мы служили драуками в Бездне, каждый день испытывая мучения. Мы были освобождены от проклятия за пределами королевства дворфов, и теперь мы сражаемся с Ллос всем, что можем собрать.

– Не всем, – ответил Зак. – Почти половина осталась служить Верховной Матери Сос'Ампту Бэнр.

– Потому что они глубоко боятся Ллос. Ты не можешь понять боль, вечную и неумолимую. Если им было даровано прощение за то, что они остались, я понимаю.

– Если ты хочешь вернуться... – сказал Дзирт.

– Брат? – ответил Дайнин.

– Не надо, – предупредил Дзирт.

Дайнин действительно не знал, что делать с Дзиртом в тот момент. Он, конечно, не ожидал теплоты ни от того, ни от другого. Он даже не знал, что делать с тем, что Зак воскрес из мертвых, и по-прежнему прекрасно осознавал, что был отправлен в Бездну в драке с одним из друзей Дзирта.

Но даже при всем этом он не смог полностью разобрать заявление Дзирта. Наконец, он просто сказал:

– Страх перед Ллос заставляет нас всех совершать поступки, о которых мы сожалеем.

– Это то, что ты сказал нашему брату Нальфейну?

От слов Дзирта у Зака даже перехватило дыхание.

– Ты думаешь, я забыл все, что было раньше? – Дзирт продолжил.

– Нет, не думаю, и не ожидал бы этого от тебя, да и не могу, – ответил Дайнин. Он сделал паузу и опустил взгляд, желая, чтобы они увидели, что он борется с тем, как закончить свой ответ. – Я ничего не прошу у тебя, брат.

– Ты ничего не получишь от меня.

– Конечно, нет. Я понимаю. Возможно, со временем я смогу показать тебе то, что я узнал о себе, о Ллос. Нет большего мучения…

– Куда ты отправишься, если переживешь это путешествие? – спросил Дзирт.

Сам факт, что он спросил, дал Дайнину немного надежды, что его брату действительно не все равно, по крайней мере, немного.

– Они преследуют нас даже сейчас, – добавил Зак.

– Возможно, Джарлакс вернет меня в Бреган Д'Эрт, – сказал Дайнин через некоторое время.

– Я думаю, он так и сделает, – сказал Закнафейн. Он подмигнул бывшему драуку, затем встал, подошел и похлопал Дайнина по плечу. – Мы все прошли через многое, очень многое, на жизненном пути, который непредсказуемо поворачивает.

– Спасибо

– Добро пожаловать обратно, – сказал ему Зак.

Дзирт глубоко вздохнул и кивнул, совсем чуть-чуть, но больше ничего не сказал.

Дайнин действительно не знал, что и думать, когда он уходил от них. Ходили слухи, что Жиндия мертва, но, в конце концов, его договор был заключен не с ней, а только через нее.

Его договор был с Ллос.

Ллос была вечной.

Ллос была беспощадной.

У него было время, это многое прояснило, и поэтому он будет ждать этого времени, на протяжении месяцев и лет.

Но он не отступит от курса и кульминации, пока не получит какие-то осязаемые доказательства того, что Ллос забыла о нем.

Независимо от обстоятельств, единственной истиной, которой руководствовался Дайнин До'Урден в то время, было то, что он больше не станет драуком, чего бы это ни стоило кому-либо еще, включая Закнафейна и Дзирта.

Включая дочь Дзирта.

Преследующие их силы были значительными, как Нвизи и другие прорицатели поняли в течение следующих двух дней, и, похоже, им предстояла ужасная битва еще до того, как они доберутся до Гаунтлгрима, если только им каким-то образом не удастся оторваться от погони.

Они боялись, что битва надвигается на них - хотя Дзирт, все еще полный беспомощной ярости, был почти рад, что снова пустит в ход свои клинки - когда передовые разведчики сообщили Джарлаксу и остальным, что перед ними другая сила, преграждающая им путь. Они начали строить планы либо свернуть в боковой проход, либо пробиться с боем, но в разгар дебатов Авернил и Алефаэро попросили аудиенции у своих друзей из Бреган Д'Эрт.

– Хорошо, – сказал им Авернил, когда догнал Джарлакса

– Хорошо?

– Хорошо идти вперед, – объяснил Авернил.

– Нвизи видел их, – добавил Алефаэро. – Это не враги в туннелях между нами и пунктом назначения. Это большая армия, вышедшая нам навстречу во главе с королем дворфов.

– Пошли весточку Квентл и всем остальным, – сказал Джарлакс Браелину. – Действуй быстро и радуйся. Если король Бренор там, то наши преследователи быстро отступят!

Браелин позвал других гонцов, чтобы сообщить об этом, а затем убежал.

– Ты сказал к нашему месту назначения, а не к своему, – сказал Джарлакс, уловив тонкое различие, которое сделал волшебник.

– Мы пойдем и встретимся с этим королем дворфов, – сказал Авернил. – Возможно, немного дальше. Но нам пора вернуть наших мертвых домой.

– Я знаю, что Закнафейн может вернуться, – ответил Джарлакс. – И я знаю, что они будут рады телу Святой Галаты. Но разве ты не пришел сюда вопреки воле Временного собрания?

Авернил пожал плечами. – Они будут недовольны нами. Возможно, придется даже заплатить епитимью. Но это неважно. Мы верны Каллиде,

второй после Темной Девы, и мы вернемся в наш дом и должным образом похороним павших героев, которых смогли забрать с поля боя.

– Я полагаю, ты сможешь убедить Валриссу и остальных, – предложил Джарлакс.

– Сколько удадроу избежало тирании Ллос? – спросил Авернил. – Две тысячи? Две с половиной тысячи?

Джарлакс кивнул. Они не проводили точного подсчета, но число казалось близким.

– Что касается жизней тридцати каллидийцев, то более двух тысяч узников Ллос теперь свободны, – категорично заявил Авернил. – Цена немаловажна, но цена стоила выигрыша, как в глазах Эйлистри, конечно, так и в сердцах Моны Валриссы и остальной Каллиды. Нам будут рады.

Джарлакс оставил все как есть, дружески положив руку на плечо Авернила и искренне кивнув в знак признательности за все, что они потеряли. Затем он посмотрел на двух мужчин, стоящих рядом с ним, Дзирт и Зак нетерпеливо переминались с ноги на ногу.

– Бренор, – сказал Джарлакс. – Он скрывает свое сердце под маской грубияна, но будет там, когда...

– Я должен сказать ему, – торжественно произнес Дзирт и двинулся в путь.

Джарлакс посмотрел на Зака, но оба поняли намек Дзирта. Бренор потерял дочь, так они считали.

Двигаясь впереди основных сил, Дзирт, Джарлакс и Закнафейн быстро пробежали по туннелям и, наконец, оказались в большом зале, который был подготовлен к битве, с боевыми машинами и мрачнолицыми дворфами в металлических доспехах, несущими хаос.

Конечно, их узнали, и к тому времени, когда они миновали внешних часовых, они обнаружили короля Бренора в окружении Реджиса и Вульфгара с одной стороны, Тибблдорфа Пвента и Атрогейта с другой, спешащих им навстречу.

А также двоих других, и совершенно неожиданно, одна из которых, женщина с каштановыми волосами и глубокими голубыми глазами, которая так давно покорила его сердце, заставила Дзирта снова рухнуть на пол в слезах, но на этот раз от радости.

Эпилог

Это был момент радостного возбуждения, и самая чистая сила, которую он когда-либо ощущал, текла через него.

Всего лишь мгновение, вспышка, взрыв катастрофических масштабов.

Иногда подстрекатель к карательному удару мог избежать разрушений, мог превратить силу высвобождения в толчок к переходу на другой план существования, а затем вернуться.

Но Громф Бэнр даже не попытался избежать перелома посоха. Он приветствовал это. Он наслаждался этим всего мгновение, прежде чем его физическая оболочка превратилась в летящий пепел.

И теперь была тишина и чернота. Просто чернота.

Он протянул руку, нащупал осязаемую крышку и толкнул гроб в комнате своего внепространственного особняка.

И затем, в клоне, который он подготовил - и с помощью магии, которая была раскрыта в древних фолиантах и собранной мудрости Главной Башни Тайн, а также разъяснена и усовершенствована для него некромантом Итаном Син'Далаем - младший экземпляр Громфа Бэнра сел и сделал свой первый глубокий вдох.

Это сработало!

Громф победил смерть.

И он победил Ллос, хотя и знал, что это, скорее всего, временное явление.

Он решил вернуться к работе.

Если он сделал это однажды, он сможет сделать это снова.

Лорд Пэрайс Ульфбиндер вошел в комнату, очевидно, услышав шум, когда Громф выходил из гроба.

– Это так? – неуверенно спросил он. – Это... сработало?

Громф улыбнулся ему. “Ты можешь присоединиться ко мне за ужином - я на удивление голоден. Но тогда я прошу тебя покинуть мой дом на ночь. У меня много дел.

– Тогда мне следует продолжить приготовления?

Громф улыбнулся ему.

– Разве ты тоже не хочешь жить вечно?

– Сос'Ампту укрепила свою власть, – сказал Джарлакс Энтрери, Даб'Ней, Браелину и Заку однажды утром в «Одноглазом Джаксе», таверне Бреган Д'Эрт, когда они сидели за завтраком спустя десять дней после возвращения в Лускан.

– У вас уже есть шпионы, работающие в новом Мензоберранзане? Удивленно спросил Даб'Ней.

– У меня есть шпионы, которые охватывают мультивселенную, – было все, что Джарлакс мог ответить на это, но его ухмылка сказала им, что происходит что-то, о чем он еще не рассказывал.

– Консолидация какой власти? – спросил Браелин, хотя и смотрел на Азлию, которая пошла в бар, чтобы принести им чего-нибудь вкусного для утреннего возлияния. Он подмигнул своей возлюбленной и получил в ответ широкую улыбку. – Что осталось от этого города?

– Чего нет? – Ответил Джарлакс.

– Большая часть великих сил Мензоберранзана была убита.

Джарлакс высмеял это предположение, и Даб'Ней прекрасно ответила за него:

– Люди, которые обрели власть и богатство, всегда думают, что они особенные, что на них есть какое-то божественное благословение, когда на самом деле их неизбежно можно заменить, - сказала она. “Мензоберранзан выживет и, более чем вероятно, будет процветать”.

– Странное заявление для жрицы, – заметил Браелин.

– Не так уж и странно, – сказал Зак, который знал Даб'Ней на протяжении веков и даже за эти столетия до этого знал, что женщина действительно ненавидела Ллос и все же не могла понять свою собственную силу, которая предположительно пришла к ней через благословение Королевы Демонов Пауков.

– Ну, неважно, – сказал Джарлакс. – У нас много дел. – Он посмотрел на Зака. – Когда ты уезжаешь в Калл... к себе домой?

– Как только Аззудонна и Алефаэро вернутся со своей последней прогулки по Лускану.

– Они рассматривают мою идею? – Спросил Джарлакс. – Каттисолу восстанавливают, и там будет место.

– Они не собираются впускать тысячи беженцев, – ответил Зак, и Джарлакс, конечно, знал это.

Или, по крайней мере, он знал, что они не сделают это все сразу. Его предложение верховному жрецу Авернилу заключалось в постепенной иммиграции в Каллиду, позволяющей проводить полную проверку всех

принятых, и в том, чтобы каллидийцы присматривали за ними до тех пор, пока не будет полностью завоевано доверие.

Он знал правила каллидийцев и то, насколько серьезно они относились к своей безопасности, но он должен был попытаться, особенно ради таких, как его сестра Квентл, которая отказалась от столького и подвергла себя большому риску. По правде говоря, он даже не знал, сколько из тех, кто покинул Мензоберранзан, захотели бы уехать. Некоторые присоединились к Бреган Д'Эрт, включая Дайнина - хотя Джарлакс еще не сказал Дзирту - и Къернилл Кенафин, а также беженцев из дома Ксорларрин. Сарибель и Даб'Ней уже стали близкими друзьями, а Равель служил заместителем Громфа в Главной башне и связующим звеном между Громфом и Бреган Д'Эрт.

Другие разбрелись кто куда: одни отправились в Долину Ледяного Ветра, несмотря на время года, другие - к Вратам Бальдура, третьи - кто знает куда? Триста человек купили корабли на золото, которое они привезли из дома, и учились плавать в гавани Лускана, когда позволяла погода и зимние волны, намереваясь увидеть большой мир, когда наступит сезон.

Казалось, все они находили большее признание, чем ожидали, и Джарлакс очень гордился этим. Ибо он, Киммуриэль, Бениаго, Браелин и все остальные, кто принял командование Лусканом, правили хорошо, с опытом разрушили барьеры и стерли предрассудки.

То, что он нашел в Каллиде, было самой счастливой мечтой Джарлакса, и, возможно, когда-нибудь он отправится туда и воплотит это в жизнь, как это делал Зак.

Или, может быть, он смог бы воплотить эту мечту в реальность здесь.

Впрочем, он не обманывал себя. Королевства не стали внезапно более привлекательными для дроу или кого-либо еще.

Сила была единственным истинным мерилом безопасности в этом мире, а силой Джарлакса было знание.

– Мы встретимся снова, – сказал Джарлакс Заку, как он делал это несколько раз до этого, прощаясь со своим самым старым другом.

– Мы встретимся.

– Я надеюсь, что магический прицел Алефаэро хорош, – сказал Браелин. – Здесь холодно, я могу только представить...

На этом он остановился, и Джарлакс успокоил его. На Каллиду нельзя было даже намекать открыто.

Затем Джарлакс оставил их и направился в свою личную комнату. Он сел перед столом и стянул ткань с круглого предмета, лежащего на трехногой подставке на нем. Он закрыл глаза и протянул руку, надеясь.

Долгое время спустя в шаре появилось знакомое изображение, и Джарлакс вздохнул с облегчением.

– *Я рад, что ты витаешь в округе в этот день, – сказал Джарлакс. – Ты скучаешь по мне.*

В этот день он услышал в своем сознании очень знакомый голос.

– В*озможно, время от времени.*

Джарлакс понял недосказанное: Киммуриэль не пришел бы к нему по его зову.

– *Еще меньше,* – мелькнула мысль в его голове. – *Есть так много. Так много.*

– И так много мне все еще нужно от тебя.

– *Ты будешь разочарован.*

– Ивоннель, – взмолился Джарлакс. – Конечно, ты чувствовал связь с ней в жизни, дружбу с человеком, достойным твоего времени. Сос'Ампту намекнула, что она не была уничтожена, а скорее изгнана, выброшена... куда-то.

– *Тогда надейся.*

– Нет, я больше, чем надеюсь, – настаивал Джарлакс. – Мне нужна помощь. Сос'Ампту утверждала, что я никогда не смогу найти ее, но она не могла знать о тебе. Ты можешь найти ее, и должен, я умоляю.

Он почувствовал что-то от Киммуриэля. Возможно, некоторое сочувствие или согласие, но оно было слабым.

– Слова Сос'Ампту заставили меня подумать, что она жива, но заключена в тюрьму.

– *Что на самом деле она может быть еще жива?*

– Нет, не говори так, – приказал Джарлакс. – Возможно, теперь, когда ты видишь великолепную правду, для тебя все это бессмысленно, но для нас...

– *Главная Башня.* – Призрак Киммуриэля, образ, переданный через хрустальный шар сказал. – *Она вытащила из колоды.*

– Колоды?

– *Передай это Громфу, он будет знать.*

– Он будет знать, где ее найти?

– *Он может сообразить, с чего начать поиски.*

Джарлакс позволил этому всплыть в его мыслях на несколько мгновений, затем взмолился:

– Скажи что нибудь еще.

– *Больше ничего нет.*

Он не почувствовал возможности для обсуждения в этом ответе. И поэтому он закрыл глаза и глубоко вздохнул, благодарный за то, что, возможно, у него, по крайней мере, была отправная точка.

– Я ничтожен без тебя, мой друг, – сказал Джарлакс изображению. – Как физически, так и в моем сердце.

– Таков порядок вещей.

И это было все, и дух Киммуриэля снова покинул его. Возможно, в последний раз, знал Джарлакс, хотя отчаянно надеялся, что этого не произойдет.

Он испытывал глубокое чувство потери, как случалось после каждого из этих сеансов.

Но печаль отступила, сменившись воспоминаниями о великих приключениях, которые он пережил рядом с Киммуриэлем.

И была заменена более практичными делами. Киммуриэль был огромным благом для Бреган Д'Эрт и для Джарлакса в частности. Таланты этого человека были за пределами понимания как потенциальных врагов, так и деловых партнеров. Преимущество было неоценимым.

Теперь ему приходилось искать другие пути, подобные тому, который он осваивал в Главной башне Тайн. По его просьбе удивительно дружелюбный Громф согласился пригласить Нвизи из Улутиунов учиться и практиковаться там.

Джарлакс еще не совсем разобрался в Нвизи, но если бы это было так с ним, он знал, что все остальные были бы совершенно сбиты с толку магией странного маленького человечка.

Предсказание - это предвидение.

Сила - это знание.

Преимущество, Джарлакс.

Смех за пределами Поместья Плюща достиг оглушительных масштабов, когда король Бренор Боевой Топор, весивший больше, чем он признался, взлетел в воздух над насыпью, которую Пайкел вылепил вдоль ледяной горки.

Снег был глубоким, и поэтому приземление было достаточно мягким, и Бренор поднялся весь в снегу, его борода и волосы были скорее белыми, чем рыжими.

В стороне от трассы Айвен Валунноплечий спорил с Тибблдорфом Пвентом, снова и снова повторяя ему, что его броня разрушит лед, поэтому, если он хочет прокатиться, ему не следует этого делать, в то время как внизу, у подножия горки, Реджис ударил Вульфгара в спину. В голову ему попал

снежок, и нападающий был бы погребен под ним, если бы Пенелопа Гарпелл не бросила перед ним заклинание смазки, отправив его кувыркаться в сугроб прежде, чем он добрался до хафлинга.

Следующим с горки спустился Дзирт, за ним вдогонку мчались Кэтти-Бри и Бризи, и маленькая девочка едва могла видеть из-под края однорогого шлема, который она украла у своего деда.

Все это было так просто, так восхитительно играть, просто играть.

Тогда Дзирт понял, что это были те самые моменты, о которых Кэтти-Бри узнала в день, очень похожий на этот. И, как и в случае с его женой, для Дзирта это было напоминанием, а не прозрением. Эта простая маленькая игра была тем, что делало жизнь стоящей того. Не золото Бренора или сеть Джарлакса, и не какое-то приключение или война - это была счастливая радость и болезненная необходимость - но это, эта простая, детская, радостная игра, было тем, что действительно стоило всего для Дзирта До'Урдена. Потому что это была любовь, это была дружба, это была семья.

Зима сменилась весной, весна сменилась летом, и это представление о семье снова проявилось в одно прекрасное утро, когда Джарлакс пришел навестить Дзирта и Кэтти-Бри в Поместье Плюща, принеся захватывающие новости.

– Вы трое, – объяснил Джарлакс, его ухмылка почти доходила до ушей. – Вулфгар и Пенелопа, Реджис и Доннола, Бренор, конечно, и одна или обе его жены.

– А как же мы? – спросил Дзирт.

– И я, конечно, и еще несколько человек.

Дзирт посмотрел на Кэтти-Бри, обе непонимающе пожали плечами, затем снова повернулись к Джарлаксу.

– Конечно, – согласилась Кэтти-бри с ухмыляющимся разбойником, хотя она понятия не имела, о чем он говорит.

– Нас пригласили на грандиозную экскурсию, – наконец объяснил Джарлакс. – В день осеннего равноденствия Закнафейн будет сражаться бок о бок с Аззудонной за Бьянкорсо в Каззкальци. Нас приглашает в гости, посмотреть и спеть с каллидийцами сама Мона Валрисса.

– Деда Зак! – сказал Бризи, и Дзирт рассмеялся от радости.

– О, клянусь богами, – причитала Кэтти-Бри.

– Что? – спросили Дзирт и Джарлакс в унисон.

– Когда этот человечек увидит Каззкальци, – сказала она, многозначительно глядя на Дзирта, – Мы никогда не вернем ее домой.

– Может быть, она уже будет дома, – предположил Джарлакс.

– Я забираю свой дом с собой, – сказал Дзирт, заканчивая спор.

Кэтти-Бри обняла его, их дочь обняла их обоих, завершая круг.
Простые маленькие радости.

Персонажи романа

По улицам Мензоберранзана... дроу.

ВЕРХОВНАЯ МАТЬ ИВОННЕЛЬ БЭНР: ТАКЖЕ ИЗВЕСТНА КАК ИВОННЕЛЬ ВЕЧНАЯ. ПРАВИЛА ДОМОМ И ГОРОДОМ ДВЕ ТЫСЯЧИ ЛЕТ. УБИТА КОРОЛЕМ БРЕНОРОМ БОЕВЫМ ТОПОРОМ, КОГДА ВОЗГЛАВЛЯЛА ГОРОД ПРОТИВ МИФРИЛ ХАЛЛА БОЛЕЕ ВЕКА НАЗАД.

КВЕНТЛ БЭНР: ДОЧЬ ИВОННЕЛЬ, ВЕЧНОЙ И НЫНЕШНЯЯ ВЕРХОВНАЯ МАТЬ МЕНЗОБЕРРАНЗАНА, ПРАВЯЩАЯ ИЗ РЕЗИДЕНЦИИ ДОМА БЭНР. ИЛЛИТИДЫ НАДЕЛИЛИ ЕЕ ВОСПОМИНАНИЯМИ ИВОННЕЛЬ ВЕЧНОЙ НАСТОЛЬКО ГЛУБОКО, ЧТО ОНИ СТАЛИ ТАКОЙ ЖЕ ЧАСТЬЮ ЕЕ, КАК БЫЛИ ЧАСТЬЮ ЕЕ МАТЕРИ. БЛАГОДАРЯ ИМ ОНА РАСКРЫЛА ОБМАН ЛЛОС И ПОМОГЛА СОЗДАТЬ ВЕЛИКУЮ ЕРЕСЬ ПРОТИВ ПАУЧЬЕЙ КОРОЛЕВЫ.

СОС'АМПТУ БЭНР: ДОЧЬ ИВОННЕЛЬ ВЕЧНОЙ, ВЛАДЫЧИЦА АРАК-ТИНИЛИТА, БЫВШАЯ ПЕРВАЯ ЖРИЦА ДОМА БЭНР И НЫНЕШНЯЯ ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА ХРАМА БОГИНИ. ОСТАЕТСЯ ГОРЯЧО ПРЕДАННОЙ ЛЛОС, ЧТО ПРИВОДИТ ЕЕ К РАЗНОГЛАСИЯМ С ВЕРХОВНОЙ МАТЕРЬЮ КВЕНТЛ И ДОМОМ БЭНР.

ИВОННЕЛЬ БЭНР: ДОЧЬ ГРОМФА И МИНОЛИН ФЕЙ БРАНЧ. КАК И КВЕНТЛ, ЕЙ БЫЛИ ПОДАРЕНЫ ВОСПОМИНАНИЯ ЕЕ БАБУШКИ, ИВОННЕЛЬ ВЕЧНОЙ, ТОЛЬКО ДЛЯ НЕЕ ЭТО БЫЛО СДЕЛАНО ВНУТРИУТРОБНО. ЕЙ ВСЕГО НЕСКОЛЬКО ЛЕТ, НО ОНА РОДИЛАСЬ С ПОЛНЫМ СОЗНАНИЕМ И ПАМЯТЬЮ НА ДВЕ ТЫСЯЧИ ЛЕТ. ВОЗМОЖНО, САМАЯ МОГУЩЕСТВЕННАЯ ДРОУ В МЕНЗОБЕРРАНЗАНЕ, ОНА ИСПОЛЬЗОВАЛА МАГИЮ, ЧТОБЫ ВЫРАСТИ И ПРЕВРАТИТЬСЯ В МОЛОДУЮ ЖЕНЩИНУ-ДРОУ. ОНА ВОСХИЩАЕТСЯ ДЗИРТОМ, ТАЙНО ЛЮБИТ ЕГО И ВМЕСТЕ С ВЕРХОВНОЙ МАТЕРЬЮ КВЕНТЛ СПОСОБСТВОВАЛА РАСПРОСТРАНЕНИЮ ВЕЛИКОЙ ЕРЕСИ, ОСТАВИВ ГОРОД МЕНЗОБЕРРАНЗАН НА ГРАНИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

МАТРОНА ЖИНДИЯ МЕЛАРН: ФАНАТИЧКА ЛЛОС, ВОЗГЛАВЛЯЛА ШТУРМ ПОБЕРЕЖЬЯ МЕЧЕЙ ФАЭРУНА ПРОТИВ ЛУСКАНА, ГАУНТЛГРИМА И КРОВОТОЧАЩИХ ЛОЗ И, КАЗАЛОСЬ, БЫЛА НА ГРАНИ ПОБЕДЫ, ПОКА ВЕЛИКАЯ ЕРЕСЬ КВЕНТЛ И ИВОННЕЛЬ НЕ УВЕЛА АРМИЮ ДРАУКОВ ИЗ-ПОД ЕЕ КОНТРОЛЯ.

МАТРОНА ЗИРИТ КСОРЛАРРИН: МАТРОНА МОГУЩЕСТВЕННОГО ДОМА КСОРЛАРРИН, ИЗВЕСТНОГО СВОИМИ ПРАКТИКАМИ ТАЙНОЙ МАГИИ, ПОТЕРЯЛА БОЛЬШУЮ ЧАСТЬ СВОЕГО СТАТУСА, КОГДА ЕЕ ДОМ ПРЕДПРИНЯЛ ПОПЫТКУ СОЗДАТЬ ГОРОД-ПОБРАТИМ МЕНЗОБЕРРАНЗАНА, НО БЫЛА ГРУБО ИЗГНАНА КОРОЛЕМ БРЕНОРОМ И ЕГО АРМИЯМИ, КОГДА ОН ВЕРНУЛ ГАУНТЛГРИМ. ЕЕ ДРУЗЬЯ, БЭНР, ДАЛИ ЕЙ ЗАБРОШЕННЫЙ ДОМ ДО'УРДЕН, ИМЯ, КОТОРОЕ ОНА НИКОГДА НЕ НОСИЛА С КОМФОРТОМ. БУДУЧИ ДИПЛОМАТОМ, СТАРАЯ МАТРОНА ЖЕЛАЕТ ИЗБЕЖАТЬ ВОЙНЫ В МЕНЗОБЕРРАНЗАНЕ, А ТАКЖЕ ВОССТАНОВИТЬ СВОЕ НАСТОЯЩЕЕ СЕМЕЙНОЕ ИМЯ.

САРИБЕЛЬ КСОРЛАРРИН: САРИБЕЛЬ КОГДА-ТО НОСИЛА ФАМИЛИЮ БЭНР, ВЫЙДЯ ЗАМУЖ ЗА ДЕРЗКОГО МОЛОДОГО ОРУЖЕЙНИКА ТИАГО ИЗ ПЕРВОЙ СЕМЬИ. ПРАКТИЧНАЯ И УМНАЯ, САРИБЕЛЬ - ЕДИНСТВЕННАЯ ОСТАВШАЯСЯ ДОЧЬ МАТРОНЫ ЗИРИТ И СЛУЖИТ ПЕРВОЙ ЖРИЦЕЙ НОВОГО ДОМА ДО'УРДЕН.

РАВЕЛЬ КСОРЛАРРИН: СЫН ЗИРИТ, РАВЕЛЬ - МОЛОДОЙ ВОЛШЕБНИК В РАСЦВЕТЕ СИЛ. СОБЫТИЯ ЗАМЕДЛИЛИ ЕГО ИЗУЧЕНИЕ ТАЙНЫХ ИСКУССТВ, НО ПОКАЗАЛИ ЕГО ХИТРОСТЬ И ДИПЛОМАТИЧНОСТЬ. НИКОГДА НЕ ЛЮБИВШИЙ ЛЛОС, ОН ПРИВЕТСТВУЕТ ПЕРЕМЕНЫ, К КОТОРЫМ СТРЕМЯТСЯ БЭНР.

ТСАБРАК КСОРЛАРРИН: МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ВОЛШЕБНИК ИЗ ДОМА ЗИРИТ ПОДНЯЛСЯ ДО РАНГА АРХИМАГА МЕНЗОБЕРРАНЗАНА ПОСЛЕ ОТРЕЧЕНИЯ ОТ ДОЛЖНОСТИ ГРОМФА БЭНРА. ОН ПРОСЛАВИЛСЯ СРЕДИ УДАДРОУ В

ВОЙНЕ СЕРЕБРЯНЫХ ПРЕДЕЛОВ, КОГДА НАПРАВИЛ СИЛУ ЛЛОС, ЧТОБЫ ЗАТМИТЬ СОЛНЦЕ В СОБЫТИИ, НАЗВАННОМ ВЕЛИКИМ ЗАТЕМНЕНИЕМ.

БОГОХУЛЬСТВО: АРМИЯ ПРИМЕРНО ИЗ ВОСЬМИСОТ ДРАУКОВ ВЕРНУЛАСЬ К ЖИЗНИ НА МАТЕРИАЛЬНОМ ПЛАНЕ, ЧТОБЫ СЛУЖИТЬ МАТРОНЕ ЖИНДИИ МЕЛАРН В ЕЕ ВОЙНЕ НА ПОВЕРХНОСТИ. НО КОГДА ИВОННЕЛЬ И КВЕНТЛ СОТВОРИЛИ МАГИЧЕСКУЮ ПАУТИНУ, ЧТОБЫ СНЯТЬ ВСЕ ПРОКЛЯТИЯ, ДАЖЕ ПРОКЛЯТИЕ МЕРЗОСТИ, КОТОРОЕ ВЕЧНО МУЧИЛО ИХ В ИХ ПОЛУДРОУ-ПОЛУПАУЧЬЕЙ ФОРМЕ, ОНИ БРОСИЛИСЬ СКВОЗЬ НЕЕ, ЧТОБЫ СНОВА СТАТЬ НАСТОЯЩИМИ ДРОУ, ТЕПЕРЬ СЛЕДУЯ ЗА ДОМОМ БЭНР В ПРОТИВОСТОЯНИИ С ЛЛОС.

МАЛ'А'ВОСЕЛЛЬ "ВОСЕЛЛИ" АМВАС ТОЛ: МОГУЧАЯ ВОИТЕЛЬНИЦА ИЗ ДРУГОЙ ЭПОХИ, ДАВНО УМЕРШЕГО ДОМА АМВАС ТОЛ, ГДЕ ОНА СЧИТАЛАСЬ МАСТЕРОМ ОРУЖИЯ. МОЩНАЯ, ШИРОКОПЛЕЧАЯ ЖЕНЩИНА СЛУЖИТ ПОЛЕВЫМ КОМАНДИРОМ БОГОХУЛЬСТВА.

АЛЕАНДРА: ЕЩЕ ОДНА БОГОХУЛЬНИЦА И ПОДРУГА ВОСЕЛЛИ С ТЕХ ПОР, КАК ОНИ СРАЖАЛИСЬ БОК О БОК В ДОМЕ, О КОТОРОМ ВСЕГДА РАССКАЗЫВАЛИ В ДРЕВНЕМ МЕНЗОБЕРРАНЗАНЕ.

ДАЙНИННЭ: ЕЩЕ ОДИН ИЗ БОГОХУЛЬНИКОВ И ОДИН ИЗ НЕМНОГИХ, КТО ЖИЛ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ В МЕНЗОБЕРРАНЗАНЕ. ЕГО НАСТОЯЩАЯ ЛИЧНОСТЬ - ДАЙНИН ДО'УРДЕН, СТАРШИЙ БРАТ ДЗИРТА. ОН БЫЛ ПРЕВРАЩЕН В ДРАУКА СВОЕЙ СЕСТРОЙ ВИРНОЙ И ВСТРЕТИЛ СВОЙ КОНЕЦ ОТ ТОПОРА КОРОЛЯ БРЕНОРА БОЕВОГО ТОПОРА СО МНОЖЕСТВОМ ЗАЗУБРИН.

МАЛАГДОРЛ: МАСТЕР ОРУЖИЯ МОГУЩЕСТВЕННОГО ДОМА БАРРИСОН ДЕЛЬ'АРМГО, МАЛАГДОРЛ БЫЛ ПРЕВРАЩЕН В ОБРАЗ СВОЕГО ПРЕДКА, ВЕЛИКОГО УТЕГЕНТАЛЯ. СЧИТАЮЩИЙСЯ ВЕЛИЧАЙШИМ ВОИНОМ МЕНЗОБЕРРАНЗАНА, ОН ЦЕНИТСЯ И ЛЮБИМ СВОЕЙ БАБУШКОЙ, МАТРОНОЙ МЕЗ'БАРРИС. ОН НИЧЕГО ТАК НЕ ХОЧЕТ, КАК СРАЗИТЬСЯ И УБИТЬ ДЗИРТА ДО'УРДЕНА.

По улицам Каллиды . . . Эвендроу и другие.

НВИЗИ: ЧЕЛОВЕК КУЛЬТУРЫ УЛУТИУНОВ, НВИЗИ НЕВЫСОКИЙ И СГОРБЛЕННЫЙ, С ЛИЦОМ МОРЩИНИСТЫМ И РУМЯНЫМ, ЯРКИМ И КРУГЛЫМ, И С ОДНИМ ГЛАЗОМ, СВЕРКАЮЩИМ ЯНТАРЕМ, А ДРУГИМ КРИСТАЛЬНО-ГОЛУБЫМ. ОН ПРОВИДЕЦ, ВОЛШЕБНИК ШКОЛЫ ПРОРИЦАНИЯ... ВОЗМОЖНО. ДРУГИЕ ВОЛШЕБНИКИ КАЛЛИДЫ НЕ ПОНИМАЮТ ЕГО И НЕ ДОВЕРЯЮТ ЕГО ПУТЯМ, ЕГО МАГИИ ИЛИ ЕГО ВИДЕНИЯМ, ЗА ЗАМЕТНЫМ ИСКЛЮЧЕНИЕМ АЛЕФАЭРО, КОТОРЫЙ ПРИШЕЛ К ПОНИМАНИЮ ТОГО, ЧТО НВИЗИ, ВОЗМОЖНО, ЯВЛЯЕТСЯ ОДНИМ ИЗ ЛУЧШИХ ПРОВИДЦЕВ ГОРОДА. НВИЗИ ВСЕ РАВНО. ПОКА У НЕГО ЕСТЬ КАМНИ ПРОРИЦАНИЯ И ЕГО ВЕРНЫЙ ФАМИЛЬЯР - ЛЕДЯНОЙ ЛЕММИНГ КЛЯКСА, ВСЕ ХОРОШО.

АЗЗУДОННА: МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА-ЭВЕНДРОУ, ГОРДЫЙ ВОИН КОМАНДЫ БЬЯНКОРСО КАЗЗКАЛЬЦИ, ГЕРОИНЯ ПОСЛЕДНЕГО МАТЧА. ЯРОСТНЫЙ БОЕЦ, АЗЗУДОННА ОБРЕЛА ПРОЧНУЮ СВЯЗЬ С ЗАКНАФЕЙНОМ.

СВЯТАЯ ГАЛАТА: ПАЛАДИН ЭЙЛИСТРИ, ГАЛАТА ЯВЛЯЕТСЯ ЛИДЕРОМ ЗАЩИТНИКОВ КАЛЛИДЫ И СЫГРАЛА ВАЖНУЮ РОЛЬ В ПРИНЯТИИ ЧЕТЫРЕХ НЕЗНАКОМЦЕВ — ДЖАРЛАКСА, КЭТТИ-БРИ, АРТЕМИСА ЭНТРЕРИ И ЗАКНАФЕЙНА — КОТОРЫЕ СЛУЧАЙНО ПОЯВИЛИСЬ В ГОРОДЕ.

АИДА "АЙИДА" АМПТУ: ХОЗЯЙКА ГОСТИНИЦЫ ИБИЛСИТАТО В ГОРОДКЕ СКЕЛЛОБЕЛЬ. ОБЛАДАЯ НЕОБЫЧНЫМИ ГОЛУБЫМИ ГЛАЗАМИ, В ОСНОВНОМ ГОЛУБЫМИ ВОЛОСАМИ, ВЕЧНОЙ УЛЫБКОЙ И РАДОСТЬЮ ЖИЗНИ, ОНА ПОДРУЖИЛАСЬ С ЧЕТЫРЬМЯ НЕЗНАКОМЦАМИ, ОСОБЕННО С ДЖАРЛАКСОМ, КОТОРЫЙ ПРОВОДИЛИ НОЧИ В КАЛЛИДЕ В ЕЕ ЗАВЕДЕНИИ. ОНА ОЧЕНЬ БЛИЗКА С АЗЗУДОННОЙ, ИЛИНОЙ И ЭЛВИНЕССИ.

АЛЕФАЭРО: МОЛОДОЙ КНИЖНЫЙ ЧЕРВЬ И ВОЛШЕБНИК, ЭТОТ УЧЕНЫЙ-МАГ ЯВЛЯЕТСЯ ГОРОДСКИМ ЭКСПЕРТОМ ПО БОЛЬШЕЙ ЧАСТИ ФЛОРЫ И ФАУНЫ РЕГИОНА. ПРЕДПОЧИТАЯ ПРОВОДИТЬ СВОИ ДНИ В БИБЛИОТЕКЕ, АЛЕФАЭРО НЕРВНИЧАЕТ ИЗ-ЗА ТОГО, ЧТО ЕГО ПОНИМАНИЕ ОПАСНОГО ОКРУЖЕНИЯ ПОЧТИ НАВЕРНЯКА ПОСТАВИТ ЕГО НА ПЕРЕДОВУЮ ВЕЛИКОЙ БОРЬБЫ.

ИЛИНА: ЖРИЦА ИЛИНА БЫЛА ОДНОЙ ИЗ ПЕРВЫХ, КТО ПРИНЯЛ ЧЕТЫРЕХ НЕЗНАКОМЦЕВ, ПОСКОЛЬКУ ЕЕ БОГ ОЧЕНЬ ПОХОЖ НА БОГА КЭТТИ-БРИ, МИЛИККИ. ОБЛАДАЯ БЕССПОРНО ЧИСТОЙ РЕПУТАЦИЕЙ, ПОРУЧИТЕЛЬСТВО ИЛИНЫ ЗА ЧУЖАКОВ БЫЛО ВАЖНЫМ ФАКТОРОМ В ИХ ПРИНЯТИИ.

ЭЛВИНЕССИ "ВЕССИ": ЛУЧШИЙ ДРУГ АЗЗУДОННЫ, НЕВЫСОКИЙ ЖИЛИСТЫЙ МУЖЧИНА, ИГРАЕТ ДЭШЕРА В "БЬЯНКОРСО". КАК И АЗЗУДОННА, ОН МОЛОД И ПОЛОН ЖИЗНИ, НАДЕЖД И МЕЧТАНИЙ.

ДОУМ'ВИЛЛЬ АРМГО: ДОЧЬ МУЖЧИНЫ-ДРОУ И ЖЕНЩИНЫ-ЛУННОЙ ЭЛЬФИЙКИ, ДОУМ'ВИЛЛЬ НАШЛА СВОЙ ПУТЬ В МЕНЗОБЕРРАНЗАН И МЕСТО ДВОРЯНКИ В БАРРИСОН ДЕЛЬ'АРМГО, ВТОРОМ ДОМЕ ГОРОДА. ОНА СТОЛКНУЛАСЬ С ГРОМФОМ БЭНРОМ И БЫЛА ВЫБРОШЕНА ЧЕРЕЗ ПОРТАЛ ДАЛЕКО НА СЕВЕР. ДЖАРЛАКС УБЕДИЛ ТРЕХ СВОИХ СПУТНИКОВ ОТПРАВИТЬСЯ НА СЕВЕР В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ, ЧТОБЫ НАЙТИ ЕЕ, И УЗНАЛ, ЧТО ОНА ТОЖЕ НАТКНУЛАСЬ НА КАЛЛИДУ И БЫЛА ПРИНЯТА ЭВЕНДРОУ, НО ТЕПЕРЬ, УВЫ, КАЗАЛОСЬ, БЫЛА ПОТЕРЯНА НАВСЕГДА.

МОНА ВАЛРИССА ЖАМБОУЛЬ: НЫНЕШНЯЯ МОНА, ИЛИ ГУБЕРНАТОР КАЛЛИДЫ, ВАЛРИССА НЕСЕТ НА СВОИХ ПЛЕЧАХ ГРУЗ ОГРОМНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ. ОПЫТНЫЙ ПОЛИТИК И ПОРЯДОЧНАЯ ЖЕНЩИНА, ОНА УРАВНОВЕШИВАЕТ СЛУЖЕБНЫЕ ОБЯЗАННОСТИ ПО РУКОВОДСТВУ МИРСКИМ ВРЕМЕННЫМ СОБРАНИЕМ С ОБЯЗАННОСТЯМИ, КОТОРЫЕ ЛЕЖАТ У НЕЕ НА СЕРДЦЕ, И С ТЕМ, ЧТО, ПО ЕЕ МНЕНИЮ, ЯВЛЯЕТСЯ ПРАВИЛЬНЫМ.

По Побережью Мечей . . .

ГРОМФ БЭНР: СТАРШИЙ СЫН ИВОННЕЛЬ ВЕЧНОЙ, БЫВШИЙ ВЕРХОВНЫЙ МАГ МЕНЗОБЕРРАНЗАНА, А НЫНЕ ВЕРХОВНЫЙ МАГ ГЛАВНОЙ БАШНИ ТАЙН ЛУСКАНА. СЧИТАЕТСЯ ОДНИМ ИЗ САМЫХ МОГУЩЕСТВЕННЫХ ВОЛШЕБНИКОВ В МИРЕ.

КИММУРИЭЛЬ: СОРУКОВОДИТЕЛЬ БРЕГАН Д'ЭРТ ВМЕСТЕ С ДЖАРЛАКСОМ, КИММУРИЭЛЬ ВСЕГДА БЫЛ ЗАГАДКОЙ ДЛЯ СВОЕГО ПЛУТОВАТОГО КОЛЛЕГИ. ИБО КИММУРИЭЛЬ - МОГУЩЕСТВЕННЫЙ ПСИОНИК, МАСТЕР МАГИИ РАЗУМА, КОТОРЫЙ ПРОВОДИТ ДОВОЛЬНО МНОГО ВРЕМЕНИ СО СТРАННЫМИ ИЛЛИТИДАМИ В ИХ КОЛЛЕКТИВНОМ УЛЬЕ РАЗУМА. СЕЙЧАС ОН СТАРШЕ И БОЛЕЕ ИНТРОСПЕКТИВЕН, ЗАДАВАЯ БОЛЕЕ ВАЖНЫЕ ВОПРОСЫ СВОЕЙ ЖИЗНИ.

ДАБ'НЕЙ: ЖРИЦА ДРОУ СЛУЖИЛА ДЖАРЛАКСУ В БРЕГАН Д'ЭРТ НА ПРОТЯЖЕНИИ МНОГИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ. КОГДА-ТО ОНА БЫЛА ВОЗЛЮБЛЕННОЙ ЗАКНАФЕЙНА, ВСЕГДА БЫЛА ДРУГОМ ЕМУ И ДЖАРЛАКСУ, ОНА ЧАСТО ЗАДАВАЛАСЬ ВОПРОСОМ, ПОЧЕМУ ЛЛОС, ПО-ВИДИМОМУ, ДАРУЕТ ЕЙ БОЖЕСТВЕННЫЕ ЗАКЛИНАНИЯ, ПОСКОЛЬКУ ОНА НЕ ИСПЫТЫВАЕТ ЛЮБВИ К ЗЛОЙ ПАУЧЬЕЙ КОРОЛЕВЕ. ЕЕ ИЗВЕСТНОСТЬ В БРЕГАН Д'ЭРТ ВОЗРОСЛА В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ, ПОСКОЛЬКУ ОНА СТАЛА НЕОТЪЕМЛЕМОЙ ЧАСТЬЮ ИХ ПРАВЛЕНИЯ В ГОРОДЕ ЛУСКАН.

ДЖАРЛАКС: БЕЗДОМНЫЙ БРОДЯГА, ОСНОВАВШИЙ БРЕГАН Д'ЭРТ, БАНДУ НАЕМНИКОВ, ТИХО ОБСЛУЖИВАЮЩУЮ НУЖДЫ МНОГИХ ДОМОВ ДРОУ, НО В ОСНОВНОМ ОБСЛУЖИВАЮЩУЮ ИХ СОБСТВЕННЫЕ НУЖДЫ.

ДЗИРТ ДО'УРДЕН: РОДИЛСЯ В МЕНЗОБЕРРАНЗАНЕ И БЕЖАЛ ОТ ЗЛЫХ ОБЫЧАЕВ ГОРОДА. ВОИН-ДРОУ, ГЕРОЙ СЕВЕРА И ДРУГ ХАЛЛА, ВМЕСТЕ СО СВОИМИ ЧЕТЫРЬМЯ ДОРОГИМИ ДРУЗЬЯМИ.

КЭТТИ-БРИ: ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЖЕНА ДЗИРТА, ИЗБРАННИЦА БОГИНИ МИЛИККИ, ИСКУСНАЯ КАК В ТАЙНОЙ, ТАК И В БОЖЕСТВЕННОЙ МАГИИ. ДРУГ ХАЛЛА.

РЕДЖИС (ПАУК ПАРРАФИН): МУЖ-ХАЛФЛИНГ ДОННОЛЫ ТОПОЛИНО, ЛИДЕРА СООБЩЕСТВА ХАЛФЛИНГОВ КРОВОТОЧАЩИХ ЛОЗ. ДРУГ ХАЛЛА.

КОРОЛЬ БРЕНОР БОЕВОЙ МОЛОТ: ВОСЬМОЙ КОРОЛЬ МИФРИЛ ХАЛЛА, ДЕСЯТЫЙ КОРОЛЬ МИФРИЛ ХАЛЛА, НЫНЕ КОРОЛЬ ГАУНТЛГРИМА, ДРЕВНЕГО ГОРОДА ДВОРФОВ, КОТОРЫЙ ОН ОТВОЕВАЛ ВМЕСТЕ СО СВОИМИ СОРОДИЧАМИ-ДВОРФАМИ. ПРИЕМНЫЙ ОТЕЦ ВУЛЬФГАРА И КЭТТИ-БРИ. ДРУГ ХАЛЛА.

ВУЛФГАР: РОЖДЕННЫЙ В ПЛЕМЕНИ ЛОСЯ В ДОЛИНЕ ЛЕДЯНОГО ВЕТРА, ЧЕЛОВЕК-ГИГАНТ БЫЛ ЗАХВАЧЕН БРЕНОРОМ В БИТВЕ И СТАЛ ПРИЕМНЫМ СЫНОМ КОРОЛЯ ДВОРФОВ. ДРУГ ХАЛЛА.

АРТЕМИС ЭНТРЕРИ: БЫВШИЙ ЗАКЛЯТЫЙ ВРАГ ДЗИРТА, ЧЕЛОВЕК-УБИЙЦА, ПОЧТИ РАВНЫЙ ВОИНУ-ДРОУ В БОЮ. ТЕПЕРЬ ОН СЛУЖИТ В ОТРЯДЕ ДЖАРЛАКСА БРЕГАН Д'ЭРТ И СЧИТАЕТ ДЗИРТА И ДРУГИХ ДРУЗЕЙ ХАЛЛА ТОВАРИЩАМИ.

ГВЕНВИВАР: ВОЛШЕБНАЯ ПАНТЕРА, СПУТНИЦА ДЗИРТА, ПРИЗВАННАЯ К НЕМУ С АСТРАЛЬНОГО ПЛАНА.

АНДХАР: ПРИЗВАННЫЙ КОНЬ ДЗИРТА, ВОЛШЕБНЫЙ ЕДИНОРОГ. В ОТЛИЧИЕ ОТ ЖИВОЙ ГВЕНВИВАР, АНДХАР - ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО МАГИЧЕСКАЯ СУБСТАНЦИЯ.

ПЕНЕЛОПА ГАРПЕЛЛ: ЛИДЕР ЭКСЦЕНТРИЧНЫХ ВОЛШЕБНИКОВ, ИЗВЕСТНЫХ КАК ГАРПЕЛЛЫ, КОТОРЫЕ НАБЛЮДАЮТ ЗА ГОРОДОМ ДЛИННАЯ СЕДЛОВИНА ИЗ СВОЕГО ПОМЕСТЬЯ ПЛЮЩА. ПЕНЕЛОПА - МОГУЩЕСТВЕННАЯ ВОЛШЕБНИЦА, НАСТАВНИЦА КЭТТИ-БРИ, И ИНОГДА ВСТРЕЧАЛАСЬ С ВУЛЬФГАРОМ.

МАГИСТР КЕЙН: ЧЕЛОВЕК-МОНАХ, КОТОРЫЙ ВЫШЕЛ ЗА ПРЕДЕЛЫ СВОЕЙ СМЕРТНОЙ ОБОЛОЧКИ И СТАЛ СУЩЕСТВОМ ЗА ПРЕДЕЛАМИ МАТЕРИАЛЬНОГО ПЛАНА, КЕЙН БЫЛ МАГИСТРОМ ЦВЕТОВ МОНАСТЫРЯ ЖЕЛТОЙ РОЗЫ В ДАЛЕКОЙ ДАМАРЕ. ОН БЫЛ ДРУГОМ И НАСТАВНИКОМ ДЗИРТА, КОГДА ДРОУ НАУЧИЛСЯ НАКОНЕЦ ОБРЕТАТЬ ПОКОЙ НА БУРНОМ ПУТИ.

ТИББЛДОРФ ПВЕНТ: ХОДЯЧЕЕ ОРУЖИЕ В СВОИХ ШИПАСТЫХ ДОСПЕХАХ С ОСТРЫМИ РЕБРАМИ, ПВЕНТ - ЗАКАЛЕННЫЙ В БОЯХ ДВОРФ, ЧЬЯ ПРЕДАННОСТЬ ТАК ЖЕ СИЛЬНА, КАК ИСХОДЯЩИЙ ОТ НЕГО АРОМАТ. ОН ВОЗГЛАВЛЯЛ КАЖДУЮ, КАЗАЛОСЬ БЫ, САМОУБИЙСТВЕННУЮ АТАКУ С КРИКОМ “МОЙ КОРОЛЬ!” И ОТДАЛ СВОЮ ЖИЗНЬ, СПАСАЯ КОРОЛЯ БРЕНОРА В НЕДРАХ ГАУНТЛГРИМА. ОДНАКО ЕГО СМЕРТЬ НЕ СТАЛА КОНЦОМ ПВЕНТА, ПОСКОЛЬКУ ОН БЫЛ УБИТ ВАМПИРОМ И ТЕПЕРЬ ПРОДОЛЖАЕТ СУЩЕСТВОВАТЬ КАК ТАКОВОЙ — ПРОКЛЯТОЕ И НЕСЧАСТНОЕ СУЩЕСТВО, БРОДЯЩЕЕ ПО САМЫМ НИЖНИМ ТУННЕЛЯМ ГАУНТЛГРИМА И УДОВЛЕТВОРЯЮЩЕЕ СВОЙ НЕНАСЫТНЫЙ ГОЛОД, ПИТАЯСЬ ГОБЛИНАМИ ЗА ПРЕДЕЛАМИ КОРОЛЕВСТВА ДВОРФОВ.

БРАТЬЯ ВАЛУННОПЛЕЧИЕ, АЙВЕН И ПАЙКЕЛ: АЙВЕН ВАЛУННОПЛЕЧИЙ - СТАРЫЙ СЕДОЙ ВЕТЕРАН МНОГИХ СРАЖЕНИЙ, ОБЫЧНЫХ И МАГИЧЕСКИХ. ОН ПОДНЯЛСЯ ДО ПОЛОЖЕНИЯ, ПОЛЬЗУЮЩЕГОСЯ БОЛЬШИМ ДОВЕРИЕМ, В КАЧЕСТВЕ КОМАНДИРА ГВАРДИИ ГАУНТЛГРИМА БРЕНОРА. БОЛЕЕ ЭКСЦЕНТРИЧНЫЙ, ЧЕМ АЙВЕН, ЗЕЛЕНОВОЛОСЫЙ ПАЙКЕЛ ВООБРАЖАЕТ СЕБЯ ДРУИДОМ, ИЛИ “ДУ-РРИДОМ”, И ПОМОГ ДОННОЛЕ ТОПОЛИНО СОЗДАТЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ВИНОГРАДНИКИ В КРОВОТОЧАЩИХ ЛОЗАХ. ЕГО ОГРАНИЧЕННЫЙ И ВЫСОКОПАРНЫЙ СЛОВАРНЫЙ ЗАПАС ТОЛЬКО УСИЛИВАЕТ ОБМАНЧИВУЮ НЕВИННОСТЬ ЭТОГО ДОВОЛЬНО МОГУЩЕСТВЕННОГО ДВОРФА.

Бессмертные сущности

ЛЛОС, ВЛАДЫЧИЦА ХАОСА, КОРОЛЕВА ДЕМОНОВ-ПАУКОВ, КОРОЛЕВА ЯМ ПАУТИНЫ ДЕМОНОВ: МОГУЩЕСТВЕННАЯ ДЕМОНИЦА ЛЛОС ПРАВИТ КАК САМАЯ ВЛИЯТЕЛЬНАЯ БОГИНЯ ДРОУ, ОСОБЕННО В ВЕЛИЧАЙШЕМ ГОРОДЕ ДРОУ, МЕНЗОБЕРРАНЗАНЕ, ИЗВЕСТНОМ КАК ГОРОД ПАУКОВ ЗА ПРЕДАННОСТЬ ЕГО ЖИТЕЛЕЙ. ВЕРНАЯ СВОЕМУ ИМЕНИ, ВЛАДЫЧИЦА ХАОСА ПОСТОЯННО ШОКИРУЕТ СВОИХ ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ, СКРЫВАЯ СВОИ ИСТИННЫЕ ПЛАНЫ ПОД ПАУТИНОЙ ДРУГИХ, БОЛЕЕ ОЧЕВИДНЫХ И ПОНЯТНЫХ СХЕМ. ЕЕ КОНЕЧНАЯ ЦЕЛЬ, ПРЕЖДЕ ВСЕГО - ХАОС.

ЭСКАВИДНЕ И ЙЕККАРДАРЬЯ: НИЗШИЕ ДЕМОНЫ, ИЗВЕСТНЫЕ КАК ЙОКЛОЛ, ОНИ ЯВЛЯЮТСЯ ДВУМЯ СЛУЖАНКАМИ ЛЛОС. ЭТА ПАРА ОКАЗАЛАСЬ НАСТОЛЬКО НАХОДЧИВОЙ И УМЕЛОЙ, ЧТО ЛЛОС ДАЕТ ИМ

БОЛЬШУЮ СВОБОДУ ДЕЙСТВИЙ В ТОМ, ЧТОБЫ ИДТИ ПУТЯМИ ДРОУ И УСТРАИВАТЬ ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ БЕСПОРЯДОК ВО ВСЕМ.

ЭЙЛИСТРИ: ТЕМНАЯ ДЕВА - БОГИНЯ КРАСОТЫ, ПЕСНИ, ТАНЦА, СВОБОДЫ, ЛУННОГО СВЕТА, РАБОТЫ С МЕЧОМ И ОХОТЫ ДРОУ. ДЛЯ УДАДРОУ ОНА - АНТИ-ЛЛОС, ДАЮЩАЯ НАДЕЖДУ И ЦЕЛЬ ТЕМ, КТО ИЗБЕЖАЛ ОБМАНА ПАУЧЬЕЙ КОРОЛЕВЫ.

КАДИЖ: ОДИН ИЗ ВААТИ, ИЛИ ГЕРЦОГОВ ВЕТРА ААКИ, ГРУППЫ БОГОПОДОБНЫХ СУЩЕСТВ, ПРОТИВОСТОЯЩИХ ХАОСУ В КОСМОСЕ. ЛЕГЕНДА О КАДИДЖЕ УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО ОН ЛЕГ НА СЕВЕРНОМ ПОЛЮСЕ ТОРИЛА И ТАМ УМЕР, И ЧТО ВЕЛИКИЙ ЛЕДНИК, НА ОДНОМ КОНЦЕ КОТОРОГО СЕЙЧАС НАХОДИТСЯ КАЛЛИДА, А НА ДРУГОМ - ЛЕДЯНОЙ ВЕЛИКАН И ЗАМОК СЛААДОВ, ВОЗНИК ИЗ МАГИИ ЕГО ТЕЛА.

Благодарности:

Выражаю огромную благодарность моему агенту Полу Лукасу из Janklow&Nesbit, Полу Морисси и всем сотрудникам Wizards of the Coast за то, что помогли мне сохранить жизнь и развитие Дзирта, а также Дэвиду Померико и сотрудникам Harper Voyager за то, что заставили меня делать все, на что я способен.

Об авторе:

Более тридцати пяти лет назад Р.А. САЛЬВАТОРЕ создал персонажа Дзирта До'Урдена, темного эльфа, который выдержал испытание временем и сегодня является иконой жанра фэнтези. Благодаря своим работам в «Забытых Королевствах», «Багровой тени», саге «Войны демонов» и других сериях Сальваторе продал более тридцати миллионов книг по всему миру и более двух десятков раз попадал в список бестселлеров New York Times. Он считает писательство своим личным путешествием, но, тем не менее, он очень рад, что так много людей идут по этому пути рядом с ним! Р. А. живет в Массачусетсе со своей женой Дианой и двумя их собаками, Декстером и Пайкелом. Он по-прежнему играет в софтбол за свою команду «Клан Боевого Топора» и наслаждается еженедельными RPG DemonWars: Reformation и играми Dungeons & Dragons 5e. Сальваторе можно найти на rasalvatore.com.

Откройте для себя замечательных авторов, эксклюзивные предложения и многое другое на hc.com.

О переводе:

Переводчик: Энори Найтингейл

Редактор: Энори Найтингейл

Наши спонсоры: pretorianec, Wolfgear, Sharp, Nadin, и еще 10 человек, пожелавшие остаться анонимными.

В этой серии

Звездный анклав

Край ледника

Воин Ллос

Книги из цикла Легенда о Дзирте

Отступник
Изгнанник
Воин
Магический кристалл
Серебряные стрелы
Проклятье рубина
Наследие
Беззвездная ночь
Нашествие тьмы
Путь к рассвету
Незримый клинок
Хребет Мира
Море Мечей
Служитель кристалла
Заклятье Короля-Колдуна
Дорога Патриарха
Тысяча орков
Одинокий эльф
Два меча
Король орков
Король пиратов
Король призраков
Гаунтлгрим
Невервинтер
Коготь Шарона
Последний оплот
Компаньоны
Ночь охотника
Возрождение короля
Месть железного дворфа
Архимаг
Маэстро
Герой
Без времени
Без границ
Без пощады

Авторское право

Wizards of the Coast, ее логотип, Легенда о Дзирте, Забытые королевства и дракон амперсанд являются торговыми марками Wizards of the Coast LLC.

Это художественное произведение. Имена, персонажи, места и происшествия являются плодом воображения автора или используются вымышленно и не должны восприниматься как реальные. Любое сходство с реальными событиями, местами, организациями или людьми, живыми или умершими, является полностью случайным.

воин ллос. Все права защищены © 2023 авторские права принадлежат Wizards of the Coast LLC. Все права защищены в соответствии с Международными и Панамериканскими конвенциями об авторском праве. Оплатив необходимые сборы, вы получили неисключительное, непередаваемое право на доступ к тексту этой электронной книги и его чтение на экране. Никакая часть этого текста не может быть воспроизведена, передана, загружена, декомпилирована, реконструирована или сохранена в какой-либо системе хранения и поиска информации в любой форме или любыми средствами, будь то электронными или механическими, известными в настоящее время или изобретенными в будущем, без явного письменного разрешения HarperCollins.

Harper Voyager и design являются торговыми марками HarperCollins Publishers LLC.first edition

Фронтиспис © Aleks Melnik / Shutterstock

Художественное пространство принадлежит Wizards of the Coast

Дизайн обложки AJ Hanneld и Carina Tous

Иллюстрация обложки David Palumbo

Дополнительные иллюстрации Alix Branwyn

Художественное направление иллюстрации обложки Daniel Ketchum
Для каталогизации данных, содержащихся в публикациях Библиотеки Конгресса, была применена

Digital Edition AUGUST 2023 ISBN: 978-0-06-302989-7

Print ISBN: 978-0-06-302987-3